



ВОЙНА ЗА ПАМЯТЬ ПОЛЕ БИТВЫ - МУЗЕЙ 1945 - 2025

XXII ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3-6 ДЕКАБРЯ 2025
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ГАТЧИНА»

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
культуры «Государственный музей-заповедник «Гатчина»

Война за память
Поле битвы – музей
1945–2025

Материалы XXII Всероссийской
научно-практической конференции

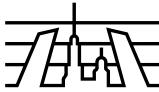
3.12.2025 – 6.12.2025

Санкт-Петербург
Папирус
2025

УДК (082)(470)
ББК 75-(2)63.3я431
Б65



ГАТЧИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК



КОМИТЕТ
ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-
ПЕТЕРБУРГА

Б 65 Война за память. Поле битвы – музей. 1945–2025. Материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Папирус, 2025. – 420 с. : илл.

ISBN 978-5-6051165-6-1

УДК (470)(082)
ББК 63.3(2)-75я431

Руководитель проекта: В. Ю. Панкратов
Научный руководитель: А. Н. Фарафонова
Организационная группа:
М. В. Кирпичникова, А. Л. Калиновская

ISBN 978-5-6051165-6-1

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей-заповедник «Гатчина», 2025

Содержание

<i>Н. В. Александрова.</i> Выставка «Подвиг музея». Государственный музей изобразительных искусств им А. С. Пушкина. 24 апреля – 7 сентября 2025	7
<i>В. М. Ардашев.</i> Ленинградские пожарные в борьбе за сохранность дворцовых комплексов в годы войны и блокады.....	17
<i>А. В. Бабенко.</i> Историческая амнезия на примере отражения событий Великой Отечественной войны в украинских учебниках по истории	26
<i>Н. Ю. Бабкина, М. В. Кирпичникова.</i> Первая юношеская конференция «Гатчинский дворец: от войны к миру» в ГМЗ «Гатчина». Организация и проведение.....	37
<i>А. С. Алейников.</i> Гобелен «Церера», или о чем может поведать экспонат музея	41
<i>С. Д. Демкович.</i> Голос из прошлого: история Амура из коллекции Гатчинского дворца.....	44
<i>Д. И. Жигулин.</i> Я – хранитель Гатчинского дворца. Какие предметы я бы спас в первую очередь	48

<i>Т. С. Балабан.</i> Тыловые потери Челябинской областной картинной галереи в 1940-е годы и методы поисков утраченных экспонатов	50
<i>Н. В. Бекжанова.</i> Великая Отечественная война и блокада Ленинграда глазами сотрудников Библиотеки Российской академии наук.	59
<i>И. П. Беляева, А. В. Круглов.</i> Мраморный портрет Антиноя из Нижней Тронной Павла I – прошлое и настоящее.	68
<i>С. В. Бондарев.</i> «Петергоф сияет». Историко-просветительский проект «Подвиг возрождения»	79
<i>К. О. Валегина, А. Н. Соловьёва.</i> Повседневная жизнь музеиных некрополей в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям А. П. Остроумовой-Лебедевой и А. А. Бартошевича)	86
<i>М. В. Васинская.</i> Книги, опаленные войной: книжные фонды Петергофского и Оранienбаумского дворцов-музеев и парков в годы Великой Отечественной войны	99
<i>Л. Н. Гармаш.</i> Музей и война: Донецкий республиканский краеведческий музей в условиях военного конфликта 2014–2024 гг.	110
<i>Ю. П. Гордеева.</i> Выставочный проект Музея-заповедника «Абрамцево» «Традиции милосердия»	115
<i>Е. В. Денис.</i> Еврейское гетто в Мирском замке 1942 года: создание экспозиции	124
<i>М. А. Дохневская, Е. Ф. Трачук.</i> «Код Z: от партии до героя». Опыт работы школьного музейного пространства	130
<i>Е. В. Исаева.</i> Спасенные сокровища Московского Кремля. О выставке к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	138

<i>М. В. Кирпичникова.</i> Подготовка выставочного проекта «К 80-летию освобождения Гатчины от нацистской оккупации» в 2024–2025 гг.	146
<i>Н. П. Копанева, К. А. Носовская.</i> Ленинградский дневник Кунсткамеры. 1941–1945.	156
<i>О. А. Королькова.</i> Живописные полотна Картинного зала Екатерининского дворца, заменившие утраченные в годы войны. Источник поступления. Атрибуция	164
<i>В. В. Кошелев.</i> Музыкальные инструменты – ветераны Великой Отечественной войны: принципы коллекционирования, хранения, реставрации и музицирования	175
<i>Д. Е. Леонов.</i> Краеведческие музеи Ярославской области накануне и на первом этапе Великой Отечественной войны	180
<i>Н. В. Малашина.</i> Бытование исторических зданий и мемориального парка на территории Музея-заповедника «Абрамцево» в период дислокации там военных госпиталей (ППГ 670, ЭГ 2898) в годы Великой Отечественной войны	190
<i>Д. Ю. Медвинский.</i> Николай Владимирович Федорович: музейные и фронтовые страницы биографии	200
<i>А. Л. Никифоров, И. П. Горелов.</i> Операция «Гауляйтер Ленинграда» как одна из памятных страниц битвы за Ленинград	207
<i>О. В. Новицкая.</i> Документальные материалы по Великой Отечественной войне и гетто в Мирском замке: проблемы изучения и интерпретации	216
<i>П. В. Петров.</i> Голоса из оккупации: показания музейных сотрудников и мирных жителей о немецкой оккупации Петергофа в 1941–1943 годах	225

<i>И. В. Романенко. Сохраняя память. О «Блокадной комнате семьи Агте»</i>	239
<i>С. О. Семенова. Память о духовно-патриотических аспектах Великой Отечественной войны на выставке «Дни победы нашей. К 80-летию Великой Победы» в Музее истории религии</i>	244
<i>Г. И. Сергеева. Летний сад и Дворец Петра I в годы Отечественной войны: спасение сокровищ (эвакуация, возвращение)</i>	254
<i>А. Н. Синило. Музейные предметы из Гатчины в Картотеке собственности художественных объектов (1945–1952) Мюнхенского центрального сборного пункта</i>	268
<i>Л. М. Слюсаренко. Выставочная, исследовательская и культурно- просветительская деятельность Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон», связанная с военным периодом жизни и творчества М. А. Шолохова (на примере мероприятий 2025 г.)</i>	274
<i>Е. Ю. Соломаха. Эрмитаж, начало войны. Июнь – декабрь 1941 года. По материалам архива Эрмитажа</i>	282
<i>О. А. Ходякова. «Как ходили деды в бой». Выставочный проект «Музыка Победы» в Шереметевском дворце к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: опыт коммеморации</i>	293
<i>О. А. Холоднова. Утраченные и возрожденные. О мастихных люстрах Екатерининского корпуса дворца Монплезир в Петергофе</i>	304
<i>Т. Г. Яковлева. «Партизанские тропы Горного института»: сохранение памяти о Великой Отечественной войне в Горном музее</i>	314
<i>Иллюстрации</i>	325

**Выставка «Подвиг музея».
Государственный музей
изобразительных искусств
им А. С. Пушкина.
24 апреля – 7 сентября 2025**

Н. В. Александрова¹



Аннотация. В статье анализируется опыт подготовки и проведения выставки Государственного музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина «Подвиг музея» к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне – масштабного проекта, рассказывающего о жизни и деятельности музея в 1941–1945 годах. Выставка посвящена хранителям, спасающим культурное наследие.

Ключевые слова: Государственный музей изобразительных искусств им А. С. Пушкина, Великая Отечественная война 1941–1945, выставка, хранители, подвиг, культурное наследие.

**Exhibition “The Feat of the Museum”.
The Pushkin State Museum of Fine Arts. April 24 – September 7, 2025**

Summary. The article analyzes the exhibition «The Feat of the Museum» by The Pushkin State Museum of Fine Arts. Celebrating the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, this large-scale project tells about the life and activities of the museum in 1941–1945. The exhibition is dedicated to the curators who saved cultural heritage.

Keywords: the Pushkin State Museum of Fine Arts, the Great Patriotic War 1941–1945, exhibition, curators, feat, cultural heritage.

¹ Александрова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом рукописей Государственного музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина, Россия, 119019, Москва, Волхонка, 12.

Natalia Aleksandrova, PhD in History, Head of the Manuscripts Department, The Pushkin State Museum of Fine Arts, Russia, 119019, Moscow, Volkhonka, 12.

Выставочный проект «Подвиг музея. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» состоялся в ГМИИ им. А. С. Пушкина с 24 апреля по 7 сентября 2025 года. Выставка рассказывала о жизни и деятельности музея в 1941–1945 годах. ГМИИ прошел типичный путь музеев неоккупированных территорий страны: спешная эвакуация основных фондов, защита поврежденных бомбеками зданий и сохранение оставшихся коллекций. Поэтому «Подвиг музея» был посвящен всем защитникам культуры прошлых лет и современности. В ГМИИ всегда уважительно относились к памяти военных лет, но подобный масштабный проект, обращающийся к истории музея в годы войны, организовали впервые. На выставке было представлено 163 экспоната – живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, архивные материалы: документы и фотографии. Проекту была предоставлена главная «выставочная ось» музея – Белый зал, колоннада, 19-й и 20-й залы. Локация почетная, но очень непростая с точки зрения построения экспозиции.

Проект был подготовлен по инициативе директора музея Ольги Николаевны Галактионовой при поддержке и помощи заместителя директора по научной работе Ильи Аскольдовича Доронченкова. Быстрое (в течение 2,5 месяцев) и удачное исполнение задания состоялось благодаря ряду факторов. Во-первых, разработанности темы – опыт предыдущих выставок, публикации М. А. Александровского [1], И. А. Кузнецовой [2], Н. В. Александровой [3–7], в том числе книга «Мы были немного папанинцами на льдине... ГМИИ им. А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны», вышедшая в 2020 году (тираж допечатан к выставке 2025 года) [8]. В марте 2025-го Александровой была выпущена книга – «Он был масштабный и свободный...» о директоре ГМИИ, знаменитом скульпторе С. Д. Меркурове, который не только восстановил музей, пострадавший в годы войны, но и значительно реформировал все направления работы [9].

Во-вторых, значительную роль сыграло оформительское решение талантливого художника Анны Александровны Каменских, руководителя службы по организации выставок музея. Очень сложно сделать историческую выставку в художественном музее. Куратор знает, что рассказать, что показать. Но как сделать так, чтобы сложившийся образ получился выразительным, чтобы он эмоционально и в то же время информативно воздействовал на зрителя? Здесь на себя ответственность принимает дизайнер – и Анна Александровна блестательно справилась.

Современная выставка – это не только экспозиция с традиционными экспонатами. Проект включает в себя мультимедиа, образовательные и инклюзивные программы, издания, сувениры и рекламу. И дела-

ется большим количеством людей. Значительную нагрузку по решению административно-организационных вопросов взяли на себя Елизавета Макеева – начальник отдела образовательно-просветительных проектов и специалист этого же отдела Анастасия Грищенко, координаторы выставки Наталья Петрова и Дарья Тишкова. Образовательная программа выставки состояла из авторских экскурсий и цикла лекций, в котором, наряду с куратором, приняли участие коллеги из других музеев страны: генеральный директор Новгородского музея-заповедника Сергей Брюн «Великий Новгород и его наследие. От города-руины к городу-музею», Елена Соломаха «Эрмитаж во время Великой Отечественной войны», Елена Бортникова «Эвакуация культурных ценностей и ее роль в возрождении Петергофа», а также глава Общества любителей железных дорог Алексей Вульфов «Между фронтом и тылом: как железные дороги спасали людей и культуру».

Ответственная за мультимедийный контент выставки Мария Сысоева часами стояла в Белом зале, отслеживая установку проекции в апсиду. Документальный фильм «Хранители» (автор Н. В. Александрова), созданный в 2012 году к 100-летию ГМИИ, к выставке «Подвиг музея» был отредактирован, дополнен и его озвучил актер Анатолий Кот. Наряду с виртуальным туром по выставке, в пространстве «Виртуальный Пушкинский» был подготовлен проект, в котором совместили сохранившиеся изображения залов музея в 1941–1944 годах и их современные виды. На сайте также был размещен аудиогид, разработанный куратором вместе со специалистом по информационному наполнению сайта Оксаной Турской.

Отдел междисциплинарных проектов под руководством Алексея Дебабова, работающий с посетителями с ограниченными возможностями, подготовил тактильные макеты (натюрморт Шардена «Атрибуты искусства»), в наушниках монофонах звучали отрывки из писем, дневников и воспоминания сотрудников, которые зачитали известные актеры Евгений Миронов и Кристина Бабушкина.

Редакционно-издательский отдел во главе с Ксенией Велиховской в напряженно сжатые сроки не только вычитал все тексты выставки – этикетки, экспликации, пресс-релизы, а также выпустил путеводитель по выставке (редакторы Евгения Андреева, Рената Мусина) и отпечатал репринт каталога выставки работ ленинградских художников, которая прошла в ГМИИ в октябре 1942 года.

Служба маркетинга (Диана Аблёзгова) подготовила сувенирную продукцию: наборы открыток «Подвиг реставраторов» и «Израненный музей» и четыре отдельных сюжета открыток.

Значительную работу проделали коллеги, отвечающие за продвижение выставки в СМИ и соцсетях – Ольга Ситникова, Виктория Мусина-Пушкина, Анна Малыгина, Дарья Артемьева, Ольга Зычкова. Наружная реклама выставки была выпущена в печатном виде и цифровом формате, размещена на разных носителях: ситибордах, рекламных баннерах, щитах, афишных тумбах и в метрополитене. За 4,5 месяца выставку посетили 101 806 человек, включая экскурсантов и слушателей лекций.

Экспозиция выставки состояла из трех разделов. Первый раздел «Жизнь музея 1941–1945» воссоздает образ музея в 1941–1944 годах. С первых дней войны в музее были разработаны меры по сохранению фондов. Экспонаты разделили на категории – «поддающиеся переноске собственными силами», «поддающиеся передвижке собственными силами» и «требующие привлечения дополнительной рабочей силы». Все, что можно было убрать из-под стеклянных световых плафонов, отодвинули к стенам. Инсталляция из 21 слепка в левом нефе Белого зала символически восстанавливала импровизированные хранилища военных лет (илл. 1). Композиция эта – отчаянно сложная по монтажу. Хотелось бы выразить большую благодарность хранителям Татьяне Ильиной, Павлу Никулину и Тамаре Мининой, проявившим выдержку и терпение при многочисленных переносках слепков. В 1941–1942 годах в три очереди в эвакуацию было отправлено 108,5 тысяч экспонатов. В музее оставалось свыше 267 000 памятников, наблюдение за состоянием которых стало основной работой хранителей. Наряду с постоянной заботой об оставшихся коллекциях старались возродить нормальную музейную жизнь – был разработан проект постоянной экспозиции в залах первого этажа, возобновилось чтение лекций, проводились выставки.

На экспозиции «Подвиг музея» была частично восстановлена выставка 1941 года – «Героическое прошлое русского народа». В истории музея военных лет – это очень значимое событие. Выставка была подготовлена в течение трех недель с середины августа 1941 года, после отправки 2-й очереди эвакуации. Открылась 10 сентября, проработала чуть больше месяца и была вынужденно закрыта 14 октября в связи с сильным повреждением здания музея в результате бомбёжек. Выставку организовали сотрудники отдела гравюры и рисунка ГМИИ Е. И. Смирнова и Н. Н. Водо. Каталога не издавали, состав выставки восстанавливался по спискам, сохранившимся в отделе рукописей. Всего было представлено 258 листов – в основном материалы ГМИИ, два плаката из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург) и семь плакатов из коллекции Государственной Третьяковской галереи. Экспозиция выставки состояла из одиннадцати разделов от «Вооружение русской армии в XVI–XVII вв.»

до «Военно-революционных событий 1914–1918 гг.». Олег Антонов, заведующий отделом графики, принял решение показать на проекте «Подвиг музея» изображения походов петровского времени – именно тогда в России впервые стали фиксировать военные события в художественных произведениях и гравюры стали средством информации и пропаганды. Также был восстановлен раздел, посвященный Отечественной войне 1812 года, как символ патриотического единения перед лицом общей опасности – всего 44 листа. В этой части экспозиции была размещена подлинная афиша 1941 года (илл. 2). Во время работы над проектом «Подвиг музея» в марте 2025-го был обнаружен документ, ранее не попавший в поле зрения исследователей. В досье выставки «Героическое прошлое русского народа» сохранилась служебная записка Е. И. Смирновой от 21 мая 1946 года, направленная в архив ГМИИ (организован как отдел в августе 1945-го), в которой Елена Ивановна пишет, что передает две афиши и обращает внимание, что по распоряжению директора музея И. И. Короткова адрес музея не указан, так как продолжаются фашистские авианалеты на Москву, здание музея замаскировано [10].

В 1942 году в ГМИИ были показаны две выставки – произведения московских и ленинградских художников. Выставка «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», посвященная героической обороне Ленинграда, была организована Всесоюзным комитетом по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР и Ленинградским отделением Союза советских художников (ЛОССХ) при участии ГМИИ им. А. С. Пушкина. Израненный музей принял в своих стенах произведения работавших в тяжелейших условиях холода и голода художников, которые запечатлели облик сражающегося города (илл. 3). Выставка была открыта 4 октября 1942 года в четырех залах первого этажа музея. Участвовали 83 художника, экспонировалось 368 произведений (живопись, графика, скульптура, плакаты). К выставке издали каталог и отпечатали пригласительные билеты. Художественный критик Осип Мартынович Бескин в предисловии к изданию отметил, что профессиональная критика художественного несовершенства ряда работ отступает «перед главным – перед сердечной, страстной, взволнованной, но без вычур и аффектации переданной, великой правдой титанического сопротивления коллектива рядовых людей, дух которых возвышен и просветлен великой целью защиты...» [11, с.17–18].

В подготовке выставки приняли участие сотрудники ГМИИ им. А. С. Пушкина – Н. Н. Водо, Е. И. Смирнова, А. Н. Замятин, Д. С. Либман, Н. Н. Погребова. Из письма Елены Смирновой: «Москва, 13 ноября 1942... Мне очень жаль, что вы не видели выставки ленинградцев. Они работали в нечеловеческих условиях и дали образ чудесного города в его печали

и разрушениях. К сожалению, ряды ленинградских художников очень по-редели. Уже нет в живых Шиллинговского, Билибина и ряда других...» [12].

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров РСФСР № 742 от 23 октября 1942 года работы ленинградских художников, представленные на выставке, были приобретены для Государственного Русского музея как историко-художественный документ обороны Ленинграда.

24 октября 1942 года 151 экспонат передали на Всесоюзную выставку живописи, графики, скульптуры и архитектуры «Великая Отечественная война», проходившую в Государственной Третьяковской галерее (7 ноября 1942 – декабрь 1943). По окончании выставки работы находились в ГМИИ им. А. С. Пушкина на временном хранении. Весной 1943 года произведения ленинградских художников были переданы Государственному Русскому музею, ЛОССХ, авторам и их наследникам. Историю создания выставки и ее дальнейшей судьбы углубленно изучает хранитель, старший научный сотрудник отдела живописи второй половины XIX – начала XXI века Государственного Русского музея Ольга Глушкива. Мы очень благодарны коллегам из Санкт-Петербурга, которые предоставили 23 живописные работы, побывавшие на выставке в ГМИИ в 1942 году. Эта часть экспозиции имела очень важное историческое и мемориальное значение, а также несла пронзительное эмоциональное звучание.

Символом второго раздела, который мы назвали «Хранительский подвиг», стала эвакуация коллекций. Это тяжелое испытание для хранителей – отправить неизвестно куда, неизвестно на сколько – «укладывали, как в гроб». С 4 по 15 июля 1941 года под руководством реставраторов М. А. Александровского и П. Д. Корина было подготовлено к отправке почти 102 тысячи экспонатов самых разных форм, размеров и материалов. На ходу изобретались особые приемы крепления и упаковки. Одновременно проводилась работа по составлению учетных документов, требующая предельного внимания. Чтобы показать современным зрителям напряженность этого процесса, А. А. Каменских придумала витрины-стеллажи как образ эвакуационных ящиков (илл. 4). В них разместили экспонаты, отправленные в первую очередь эвакуации. Сотрудники ГМИИ с большим вниманием и ответственностью отнеслись к подбору предметов: античный отдел (хранители Ольга Тугушева, Людмила Акимова, Дмитрий Калиничев) – амфоры, сосуды, мраморное надгробие, отдел Древнего Востока (хранители Ольга Васильева, Ольга Дюжева, Галина Колганова) – восковые фаюмские портреты и цилиндрическая печать из халцедона Ахенемидского периода, скульптура (хранитель Василий Растворгусев). Для наибольшей выразительности старались подобрать экспонаты с «эвакуационной историей». Натюрморт Шарде-

на «Атрибуты искусства» (хранитель Анна Сулимова) промок под сильным ливнем, когда ящики с экспонатами, прибывшие в Новосибирск, перевозили с вокзала в здание Театра оперы и балета. Два уникальных предмета мебели (хранитель Ирина Скопцова) – дарохранительница с изображением сцен Ветхого завета XV века и итальянский свадебный сундук (кассоне) XVI века, отправленные во вторую очередь эвакуации в середине августа 1941-го, плывли на барже сначала по Волге, а потом по Каме, и только через два месяца прибыли в Соликамск.

Личные документы сотрудников музея – дневники, воспоминания, письма, продуктевые карточки, помещенные в витрину зала № 19, рассказывают от первого лица, какие испытания пришлось преодолеть. И за что, и с чем приходилось буквально сражаться. С холодом – музей без крыши не отапливался, добывали дрова для временных печей: валили лес на лесозаготовках, сторожили, отбиваясь от расхитителей. С голодом – снабжение по карточкам служащих скучное, зарплата мизерная – организовали коллективное подсобное хозяйство. В годы Великой Отечественной войны сотрудники музея выиграли еще одну битву – за сохранение человеческого достоинства. Они оставались верными не только профессиональному долгу. Дружески поддерживали друг друга в сложных ситуациях, изо всех сил старались вести нормальную жизнь – проводили научные сессии, отмечали юбилей музея и дни рождения коллег, организовывали детские утренники, вели кружок изучения иностранных языков.

Третий раздел выставки – «Израненный музей» (зал № 20) – представил документы и фотографии, иллюстрировавшие состояние разрушенного музея и процесс его восстановления (илл. 5).

Первые повреждения музей получил в первый массированный авианалет на Москву. В ночь на 22 июля 1941 года в него попало восемь зажигательных бомб. Наибольшее количество – 150 зажигательных бомб – было потушено на территории музея в ночь с 6 на 7 августа. Пожарные расчеты приезжали с большим опозданием, длины шлангов не хватало на высоту музейных залов, ведра с водой на второй этаж передавали по цепочке. Не удалось спасти декоративное панно «Афинское кладбище», выполненное художником Александром Яковлевичем Головиным специально для зала древнегреческих надгробий (ныне – зал 20) и установленное в апреле 1912 года. Акт, составленный 7 августа 1941 года, зафиксировал гибель ценного художественного произведения.

Катастрофа, наступившая 14 октября 1941 года, определила жизнь музея на несколько лет. Огромной силы взрывная волна от фугасной бомбы, упавшей во двор соседнего дома по улице Волхонке, разрушила стеклянную

крышу музея, сорвала железную кровлю, металлические переплеты окон вдавила внутрь. Утром 14 октября 1941 года оставшийся немногочисленный коллектив прибыл, по распоряжению директора музея, с вещами для отправки на строительство оборонных рубежей, здание им предстало в плачевном состоянии. Акт, составленный на следующий день, зафиксировал, что крыша стеклянная, подфонарники и плафоны световых фонарей уничтожены на 85 % (свыше 7 500 м² стекла). При малейшем сотрясении сыпались осколки. Полы залов были усыпаны битым стеклом, кирпичами, кусками потолочной штукатурки и прочим мусором.

По распоряжению председателя Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко, аварийные работы в музее официально получили статус трудового фронта и продолжались до 25 января 1942 года.

Зима наступила рано и была очень суровой. Лопнули трубы отопительной системы и погасло электричество. В залы хлынули потоки дождевой воды, а затем повалил снег. Лишь в середине декабря, после разгрома фашистских войск под Москвой, удалось установить временную крышу из досок и толя, забить окна фанерой. Самоотверженные и слаженные действия сотрудников позволили сохранить здание до начала масштабных восстановительных работ весной 1944 года.

28 февраля 1944 года на пост директора ГМИИ им. А. С. Пушкина был назначен известный скульптор, орденоносец, лауреат Сталинской премии – Сергей Дмитриевич Меркуров. Собирая свою команду, он приглашал в музей лучших специалистов в разных областях.

Новый директор задумал запечатлеть процесс восстановления музея. Но прежде всего он хотел зафиксировать разрушения, показать масштаб работ. В военное время фотографировать можно было только по специальному разрешению. Меркурову, обладавшему организаторским талантом и обширными связями, не составило труда добиться разрешения на фотосъемку. Выполнить фотофиксацию он пригласил известного мастера пикториализма Николая Ивановича Свищова-Паолы (1874–1964).

Свищов-Паола начал фотографировать музей предположительно с марта 1944 года, когда в залах еще лежал снег. Перед ним была поставлена задача запечатлеть не только общий образ разрушений, но и зафиксировать конкретные проблемы – поврежденные потолки и стеклянные фонари, разошедшиеся швы рельефов Ассирийского зала, отсыревшие слепки. Документально точно отсняты виды помещений, импровизированные хранилища, реэвакуация коллекций. Уважительно запечатлена работа реставраторов. Весной 1944 года залы были темными – толь слабо пропускал свет. Но крышу постепенно чинили, снимали дощатое покрытие, и фотограф использо-

вал эту игру света, оставаясь верным принципам своего стиля. Даже простая констатация факта выглядит возвыщенно благодаря мастерству фотографа, умело выбиравшему ракурс съемки.

Сохранилось почти двести сюжетов: помещенные в альбомы, наклеенные на плотную бумагу контактные отпечатки с негативов. На выставке представлены 55 авторских снимков, оформленных на паспарту. Для нас очень важным было представить этот уникальный документально-художественный комплекс. Сохранившиеся фотографии не имеют подписи. Долгое время авторство Свищова-Паолы ставилось в квадратные скобки. Но ярко выраженное единство стиля и документы, подтверждающие работу фотографа в ГМИИ в 1944–1945 годах, стали весомыми аргументами и позволили представить эту коллекцию специалистам на конференции «Фотография как искусство. Русский пикториализм» в Государственной Третьяковской галерее в 2023-м [13]. Во время выставки зрители высказывали пожелания опубликовать все фотографии уникального художника светописи, которые он выполнил в музее.

В апсиде торжественного Белого зала были выставлены два слепка скульптур Микеланджело Буонарроти, мученические образы – Умирающий раб и Скованный раб, на стену выполнена проекция одной из фотографий Свищова-Паолы, когда сквозь расчищенные от досок и мусора разбитые световые плафоны врывается солнце. Этот свет стал символом победы над мраком, победы добра над злом. Вверх восходят имена сотрудников музея, награжденных медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945». Это дань памяти нашим коллегам старшего поколения.

Книга отзывов выставки полна искренними эмоциями посетителей. Зрители выражают восхищение трудом, отвагой и преданностью сотрудников музея. В первую очередь благодарят хранителей военного времени за спасенное культурное наследие, а потом уже говорят спасибо организаторам выставки за сохранение памяти и желают «здравья и сил тем, кто и сегодня продолжает дело этих сильных людей» [14]. Содержание выставки «Подвиг музея» и ее подготовка продемонстрировали хранительскую ответственность и музейное братство, которое во все времена проявляется в условиях нелегких испытаний (илл. 6–13).

Библиографический список

1. Александровский М. А. Из воспоминаний // Музей 3: 70 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – М. : Советский художник, 1982. – С. 231–232.

2. Кузнецова И. А. Музей в годы Великой Отечественной войны // Музей 3: 70 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – М. : Советский художник, 1982. – С 226–230.

3. Александрова Н. В. «Война состояние противоестественное»: Музей в 1941–1945 годах // Юбилейный альбом: 100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – М. : Гамма-Пресс, 2012. – Т. 1. – С. 61–79.

4. Александрова Н. В. Музейное возрождение: организация работы ГМИИ в 1944–1949 годах // Юбилейный альбом: 100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – М. : Гамма-Пресс, 2012. – Т. 1. – С. 81–91.

5. Александрова Н. В. «Другая» война // Музейный фронт Великой Отечественной / вступ. ст. Е. В. Герасимова. – М. : Гелиос АРВ, 2014. – С. 236–244.

6. Александрова Н. В. Эвакуация коллекций Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Новосибирск 1941–1944. Эвакуация коллекций Государственного музея нового западного искусства в Новосибирск 1941–1944 // Сохраняя наследие: История эвакуации музеиных ценностей в г. Новосибирск 1941–1945 гг.: сборник статей. – Красноярск : Ситалл, 2020. – 296 с. : ил. – С. 106–113, 124–129.

7. Александрова Н. В. Эвакуация коллекций ГМИИ в Соликамск. 1941–1944 // Каталог выставки «Спасибо, Пермь. 1941–1944. Сохраненное наследие». – Пермь, 2020. – С. 80–87.

8. Александрова Н. В. ГМИИ им. А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны. «Мы были немного папанинцами на льдине...». Воспоминания, дневники и письма сотрудников / ГМИИ им. А. С. Пушкина. – М., 2020. – 48 с. – Ил. 34.

9. Александрова Н. В. «Он был масштабный и свободный... Скульптор С. Д. Меркуров – директор ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1944–1950 годах» / ГМИИ им. А. С. Пушкина. – М., 2025. – 71 с. – Ил. 40.

10. ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. III. Разд. I. Ед. хр. 194. Л. 61.

11. Бескин О. М. Образы славы и геройства // Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны. Каталог выставки. – М. : Государственное издательство «Искусство», 1942. – С. 3–18

12. ОР ГМИИ. Ф. 9. Оп. III. Ед. хр. 29. Л. 1.

13. Александрова Н. В. Серия фотографий «Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны» Установление авторства Н. И. Свищева-Паолы // Фотография как искусство. Русский пикториализм: материалы научной конференции / Гос. Третьяковская галерея. – М., 2023. – С. 149–155.

14. ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. III. Разд. I. Ед. хр. 1478, книга отзывов.

Ленинградские пожарные в борьбе за сохранность дворцовых комплексов в годы войны и блокады

В. М. Ардашев¹



Аннотация. В статье рассказывается об организации противопожарной обороны дворцовых комплексов и памятников архитектуры в годы войны и блокады в Ленинграде и пригородах подразделениями пожарной охраны НКВД и группами самозащиты МПВО и ликвидации пожаров во дворцах, возникших после освобождения территории от врага, бойцами огненного фронта. В статью также включены воспоминания пожарных об этих событиях.

Ключевые слова: война, блокада, дворцовые комплексы, пожарная охрана, защитники.

Leningrad firefighters in the fight for the safety of the palace complexes during the war and the blockade

Summary. The article describes the organization of fire protection of palace complexes and architectural monuments during the war and the blockade in Leningrad and the suburbs by NKVD fire protection units and

¹ Ардашев Валерий Михайлович, заслуженный работник пожарной охраны Российской Федерации, председатель Санкт-Петербургского регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов органов управления по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и пожарной охраны, Россия, 1900000, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 85.

Ardashev, Valery. Honored Worker of the Fire Protection of the Russian Federation, Chairman of the St. Petersburg Regional Branch of the All-Russian Public Organization of Veterans of the Civil Defense, Emergency Situations and Fire Protection Authorities, Russia, 1900000, Saint Petersburg Moika River Embankment, 85.

self-defense groups of the Moscow Military District as well elimination of fires in palaces by fire front fighters which arose after the liberation of territories from the enemy. In addition, the article includes memories of firefighters about these events.

Keywords: *war, blockade, palace complexes, fire protection, defenders.*

Сообщение о вражеском нападении на страну, поступившее утром 22 июня, не вызвало растерянности в рядах личного состава пожарной охраны города. К 16 часам 30 минутам силы и средства Управления пожарной охраны Народного комиссариата внутренних дел (далее УПО НКВД) Ленинграда были приведены в полную боевую готовность. Вечером текущего дня вышла газета «На страже Ленинграда», в которой писалось: «Пожарная охрана Ленинграда в полной боевой готовности» [1].

В тот же день к 18.00 часам в городе была полностью развернута и начала функционировать в условиях военного времени система местной противовоздушной обороны. Участковые команды и формирования МПВО переводились на казарменное и полуказарменное положение. 27 июня 1941 года был опубликован Приказ № 1 начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина, который устанавливал в городе правила противовоздушной обороны для населения.

В первых числах июля Совет народных комиссаров РСФСР подписал постановление «О подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне и порядке организации групп самозащиты». С принятием постановления в Ленинграде увеличилось массовое обучение населения и работников предприятий правилам поведения при воздушных тревогах, действиям по обезвреживанию зажигательных средств, оказанию первой медицинской помощи. Осуществлялись регулярные занятия в группах самозащиты объектов и домохозяйствах, а с 23 июля на городских крышах и чердаках было установлено обязательное круглосуточное дежурство.

Основным руководящим органом пожарной охраны города с началом войны стал сформированный штаб пожарной службы. В состав штаба входили: начальник службы М. К. Сериков, начальник штаба Б. И. Кончев, комиссар Г. П. Петров, заместители начальника штаба В. И. Румянцев и Г. Г. Тарвид, начальник тыла М. Н. Демьяненко. Кроме руководящего органа, работал оперативный штаб пожаротушения, подчиненный штабу пожарной службы, состоящий из наиболее подготовленных сотрудников пожаротушения (илл. 1).

В это непростое для страны и города время при подготовке к противопожарной обороне инспекторами госпожнадзора и личным составом пожарных команд были организованы работы по сносу деревянных строений, обработке огнезащитной обмазкой сгораемых конструкций, заготовке первичных средств пожаротушения. В этой работе также участвовали команды самозащиты городских объектов и домохозяйств. Кроме того, созданные Постановлением СНК СССР в 1938 году добровольные пожарные дружины на промышленных и других объектах, имеющие опыт в проведении данной работы во время Советско-финляндской войны, также были задействованы в этих мероприятиях.

Особое внимание уделили обработке чердачных помещений жилых домов, различных зданий и сооружений огнезащитными составами. Организацией разработки составов было поручено заниматься заместителю начальника УПО НКВД Б. И. Кончеву. В кратчайший срок Институт прикладной химии при участии пожарных разработал раствор суперфосфата на водной основе, которым дважды обработали 90 % чердачных конструкций в городе до начала массированных воздушных налетов.

Проделанная работа на первом этапе противопожарной обороны города дала хорошие результаты по подготовке населения и объектов в условиях военного времени. Кроме того, проводилась массово-разъяснительная работа среди ленинградцев о соблюдении правил пожарной безопасности. Инспектора Государственного пожарного надзора день за днем кропотливо проводили различные виды инструктажей населения, работников предприятий и групп самозащиты по вопросам противопожарной безопасности и борьбы с зажигательными авиабомбами. Дополнительно создавались и обучались в домохозяйствах и на объектах противопожарные звенья, способные тушить пожар в начальной стадии его развития и многое другое. К началу блокады в городе функционировало более восьми тысяч пожарных звеньев.

В августе 1941-го приказом начальника УНКВД СССР по Ленинградской области был сформирован Комсомольский полк противопожарной обороны с дислокацией по одной роте в каждом районе города. Комплектование полка личным составом происходило на добровольной основе из городской молодежи – студентов высших учебных заведений, учащихся профтехобразования, рабочей молодежи и старшеклассников средних школ. Личный состав полка подключили к проведению работы с населением, тушению блокадных пожаров и охране наиболее значимых городских объектов (илл. 2).

Особо важные номерные и городские объекты, в том числе Государственный Эрмитаж и библиотека Салтыкова-Щедрина, охранялись военизованными пожарными командами. На объектах культуры не было выездной

пожарной техники, личный состав нес постовую службу на отведенных участках. На вооружении пожарных были первичные средства пожаротушения и пожарно-техническое шанцевое оборудование. Для тушения загораний использовали внутренние пожарные краны и гидропульты. Кроме этого, для тушения зажигательных авиабомб, как и на всех городских объектах, был заготовлен песок в чердачных помещениях, лестничных клетках и дополнительный запас во дворах. Помимо пожарных команд, существовали команды МПВО, созданные из работников музеев, концертных залов и библиотек, в составе которых находились пожарные звенья. С осени 1941-го на крышах особо важных объектов начали дежурить группы бойцов Комсомольского противопожарного полка, назначенные по указанию УПО НКВД Ленинграда. Дежурство осуществлялось вплоть до расформирования полка в середине 1943 года.

В Государственном Эрмитаже ответственным за помочь команде МПВО был Б. Б. Пиотровский, который вспоминал о тех суровых годах ленинградской блокады: «Каждый имел свой определенный пост и охранял отведенный ему участок. Осенью и зимой 1941 года бывало по десять-двенадцать тревог в сутки. Ночью к нашим постам приходилось добираться по совершенно темным залам Эрмитажа и Зимнего дворца, но маршруты, иногда очень дальние, до 3–4 км, были настолько привычны, что мы могли бы их пробегать с завязанными глазами...» [2].

В Ленинградской консерватории также создали добровольную пожарную команду МПВО, в работе которой в июле – сентябре 1941-го был задействован Д. Д. Шостакович. Сохранились снимки его участия в проводимых учебных тревогах. Один из них был опубликован 10 сентября 1941 года в газете «На страже Ленинграда». В середине сентября 1941-го Дмитрий Дмитриевич, выступая на радио перед ленинградцами, произнес: «... Все мы несем сейчас свою боевую вахту. ... Помните, что нашей Родине, нашей жизни, нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу Родину, нашу жизнь, нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать!» [3, с. 17].

Пригороды Ленинграда: Пушкин, Петергоф (Петродворец), Слуцк (Павловск), Красногвардейск (Гатчина), Ораниенбаум и их дворцово-парковые ансамбли в то время охранялись городскими военизированными пожарными командами, а пожарно-профилактические мероприятия на этих объектах осуществлял Государственный пожарный надзор. С началом войны на дворцовых объектах с участием пожарной охраны районов был проведен комплекс мероприятий, аналогичных тем, что были применены по отношению к другим городским зданиям и сооружениям. Во дворцах

дежурили группы самозащиты МПВО и противопожарные звенья. К сожалению, враг очень быстро продвигался вглубь территории страны. Пожарные команды до последних дней до начала оккупации пригородов прикрывали дворцы от пожаров и покидали города вместе с отходящими воинскими соединениями.

Из воспоминаний начальника Гатчинской городской пожарной команды Н. Н. Кулешова: «Некоторое время вражеская авиация пролетала мимо нашего города, направляясь в сторону Ленинграда. ... Мы ждали со дня на день бомбёжек города и по мере сил готовились к боевой работе, одновременно готовили население и объекты. ... С приближением врага к городу стали прибывать пожарные команды из других городов Ленинградской, Псковской областей и Эстонии. Нам приказали их принимать и использовать на охране гатчинских объектов. ... Одна из команд расположилась у Павловского дворца-музея² ... Начались налеты вражеской авиации...» [4]. В своих воспоминаниях он писал о пожарах, происходивших в городе в различных местах, в том числе о сгоревшем ангаре с уникальным экспонатом – самолетом «Илья Муромец». Гатчинские пожарные покидали город одними из последних, вместе с отходящими частями Красной армии. Город горел.

В годы ленинградской блокады подразделения пожарной охраны совместно с МПВО, Комсомольским полком и многочисленными группами самозащиты охраняли город от огня. Блокадные пожары... Их тушение под артобстрелами и бомбёжками. Истощенные голодом бойцы работали на пожарах даже тогда, когда в городе замерз водопровод, работали на лютой стуже, ходили на пожары пешком из-за нехватки топлива для пожарных машин, но тушили пожары. Каждую секунду были готовы взять в руки оружие и выступить на защиту города на ближних подступах. Это был коллективный подвиг. Приобретенный опыт выживания помогал им решать сложнейшие задачи, а сплоченность, взаимопомощь и выручка товарищей только укрепляли веру в победу.

Во время блокады остро стоял вопрос эксплуатации печей-времянок в домохозяйствах и на объектах. С началом холода в городе возрастило значительное количество пожаров от неправильной эксплуатации печей. Основной задачей Государственного пожарного надзора стала массовая проверка правильности установки временных печей с выдачей специальных разрешений на их эксплуатацию, в том числе был наложен промышленный

² Гатчинский дворец-музей часто называли «Павловским» по имени его венценосного владельца Павла I.

выпуск этих устройств в блокированном городе. В то время было проверено 125 тысяч приборов отопления. Этот вопрос коснулся, конечно, и дворцовых комплексов, находившихся на территории города.

Отгремели залпы орудий, возвещавшие о начале наступления войск Ленинградского фронта по полному освобождению города от вражеской блокады. Войска все дальше с боями продвигались по ленинградской земле на запад. Были освобождены Петродворец, Пушкин и Павловск. Бои шли за освобождение Гатчины. 24 января 1944-го, после тяжелых боев 213-й стрелковый полк А. К. Рябушева первым вошел в город Пушкин, освобождая его от фашистов. Город и дворцово-парковый ансамбль лежали в руинах.

В эти дни на командный пункт штаба противопожарной службы поступило сообщение из штаба Ленинградского фронта о пожарах в Павловском³, затем Екатерининском дворцах с просьбой оказать возможную помощь по тушению пожаров в дворцовых комплексах. Отчетливо понимая важность поставленной задачи, командование Противопожарной службы сформировало сводные оперативные отряды на пожарных автомобилях с боевыми расчетами, определив каждой группе конкретные задачи по организации тушения пожаров. Подразделения пожарных возглавили опытные руководители пожаротушения – Г. М. Кулаков, Г. Г. Тарвид, В. Я. Мялло, М. В. Данилов.

Одна группа на восьми пожарных автомобилях пробивалась к городу Павловску, где горел дворец. Проезжая городские Чугунные ворота, пожарные увидели силуэт пылающего здания. Сводный отряд приблизился к мосту через реку Славянку, но дальше проехать к дворцовым сооружениям не смог. Мост взорвали отступавшие немецкие войска. Дворец догорал. Огромный столб пламени поднимался к небу. Ветер разносил по территории искры и головни. Рушились конструкции здания. Пожарные за саперами перебрались через рухнувшие конструкции моста, но помочь горящему открытым факелом дворцу было невозможно. Прогорели и обрушились перекрытия всех трех этажей. «Ужасное зрелище представлял собой догорающий остов когда-то великолепного дворца, сейчас на наших глазах он превращался в руины. Страшно было смотреть, как на глазах погибал бесценный памятник русского зодчества» [5], – вспоминал один из пожарных (илл. 3).

Другая группа на десяти пожарных автомобилях была направлена в Пушкин. Дорога, идущая к Пушкину и Павловску, была испахана воронками от снарядов, пришлось ехать в объезд через поселок Александровская. Как вспоминал Г. Г. Тарвид: «Уже на подъезде к Екатерининскому парку мы

³ Гатчинский дворец часто называли Павловским, по имени владельца императора Павла I.

увидели полыхающий дворец. Сердце сжалось при виде горящего остова здания. В огромных залах бушевал огонь. Подходы к дворцу были заминированы, и мы сразу не смогли начать работы по тушению. Ждали, когда саперы сделают проходы в минных полях» [3, с. 44] (илл. 4).

Началась работа по спасению уцелевших частей здания. Стоял сильный мороз, пруды парка вымерзли, водопровод был взорван отступающими немцами. С трудом спустили автоносы на лед озера и нашли воду. Троє суток в тяжелейших условиях сводный отряд работал на тушении пожара. К вечеру третьих суток удалось остановить огонь, распространявшийся по чердакам у стен Тронного зала. Пожарные не допустили перехода огня на Камеронову галерею и другие уцелевшие части дворца. В руководстве тушением пожара во дворце участвовал Б. И. Кончаков – заместитель начальника УПО НКВД Ленинграда.

В февральские дни 1944-го директор Павловского дворца и парка А. И. Зеленова в письме коллеге А. М. Кучумову описала свои удручающие впечатления от увиденного Екатерининского дворца с оставшимися фасадными стенами и чудом уцелевшей Камероновой галереей с Агатовыми комнатами и сообщала, что все взорвано и погибло от огня.

Третья оперативная пожарная группа, возглавляемая В. Я. Мялло, в составе нескольких отделений была направлена в район Гатчины вслед отступающему врагу. По пути следования пожарные увидели сгоревшие и разрушенные поселки и разбитую вражескую технику. Подъезжая к Гатчине, уже издали они увидели отсветы и дым пожаров. По ходу движения пожарные отделения распределялись для тушения городских пожаров, а часть устремилась к Гатчинскому дворцу.

Из воспоминаний В. Я. Мялло: «...Огромный дворцовый корпус был окутан дымом. В большинстве помещений огонь уже уничтожил прекрасную отделку, убранство, художественную роспись. Однако некоторая часть помещений еще сохранилась, но огонь уже подбирался к отделке из мореного дуба...» [6].

Отделения оперативно развернулись и приступили к тушению пожара, чтобы спасти, что еще уцелело. Локализовав распространение огня на уцелевшие помещения, пожарные приступили к ликвидации всех очагов горения (илл. 5).

Из личного дневника С. Г. Голубева, в годы блокады заместителя начальника УПО НКВД Ленинграда: «22 января 1944 года. Сегодня ездил на автомашине в Стрельну и Петергоф, которые очищены от вражеских войск. И что же я там увидел? Это не города, а лишь географическое понятие.

Буквально нет ни одного целого здания. Вся левая сторона построек от шоссе по пути в Петергоф сожжена <...> Петергоф произвел удручающее впечатление. <...> И вот теперь не стало этого чудесного уголка нашей страны, гордости русского искусства. Сожженные дворцы будут служить вечным проклятием гитлеровским изуверам!».

«29 января 1944 года. Вчера ездил тушить пожары в Гатчину. Подлецы сожгли Гатчинский дворец. Кое-что отстояли, но большинство помещений сгорели. Немцы на колонне памятников воздвигли свастику. Сегодня посыпаем туда механическую лестницу, чтобы снять свастику...» [7].

Из воспоминаний Н. Г. Лукашевича, в годы блокады начальника пожарной команды № 17: «Январским морозным утром 44-го раздался звонок из УПО. Звонил начальник отдела техники М. Н. Демьяненко. Приказ был необычным – убрать свастику с обелиска на площади Коннетабля. <...> Выехали вчетвером на 45-метровой межлестнице «Магирус». <...> У обелиска развернули лестницу, поднявшись, осмотрел конструкцию, затем с инструментом к вершине поднялся А. Маслюков, который размонтировал конструкцию. <...> Обвязали свастику веревкой, рванули. <...> Сразу не получилось, затем громадина рухнула...» [8, с. 6–9].

В исторической литературе, посвященной освобождению пригородов, указываются различные даты пожаров, произошедших в то время: с конца января до первого февраля. Некоторые воспоминания сотрудников штаба пожаротушения о пожаре дворца в Павловске датированы 15 января. Тогда по звонку дежурного по штабу Ленфронта был собран сводный отряд пожарных и направлен в Павловск, хотя до освобождения города оставалось еще девять дней. К сожалению, описания пожаров дворцов и спецдонесения УПО НКВД по каким-то причинам не сохранились, и сегодня можно только ориентироваться на отдельные материалы и воспоминания, написанные со слов участников тушения в 60-е годы прошлого столетия. Однако это ни в коем случае не умаляет героической работы ленинградских пожарных по спасению от огня уцелевших дворцовых помещений в тех условиях, которые трудно представить сегодня.

После освобождения ленинградских пригородов в города прибыли пожарные команды, ранее их охранявшие. Наступала будничная обстановка по недопущению пожаров. К своей повседневной деятельности приступил Государственный пожарный надзор, обеспечивавший пожаробезопасное проведение восстановительных работ на дворцовых зданиях и соблюдение работниками противопожарного режима.

Библиографический список

1. На страже Ленинграда // УПО НКВД Ленинграда. – 1941. – 22.06. – № 22.
2. Блокадные воспоминания Б. Б. Пиотровского // Российская газета. – 2024. – 24.01.
3. Ардашев В. М. В едином строю защитников Ленинграда. – СПб. : Галарт, 2023.
4. Рукопись воспоминаний Н. Н. Кулешова (1968). Архив пожарно-технической выставки им. Б. И. Кончаева / УИСО ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу. – Б/н, 6/ук. страниц.
5. Воспоминания о блокаде // Архив пожарно-технической выставки им. Б. И. Кончева / УИСО ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу. – Б/н, 6/ук. страниц.
6. По следам врага // На страже Ленинграда. УПО УВД Исполкомов Ленинградского областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1969. – 30.01. – № 4 (1379).
7. Дневник С. Г. Голубева (22.06.1941 – 13.05.1944 г.) // Архив пожарно-технической выставки им. Б. И. Кончева УИСО ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу. – Б/н, 6/ук. страниц.
8. Борисова Г. Штрихи к портрету // Пожарное дело МВД СССР. – 1990 – № 5.05.

Историческая амнезия на примере отражения событий Великой Отечественной войны в украинских учебниках по истории

А. В. Бабенко¹



Аннотация. Статья посвящена изучению исторической амнезии на примере отражения событий Великой Отечественной войны в украинских учебниках по истории для 10 класса, изданных в 2018 году и рекомендованных Министерством образования и науки Украины. Учебники были получены в результате служебной командировки сотрудников музея в Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику осенью 2023 года.

В результате изучения разделов, посвященных событиям 1941–1945 годов, было выявлено, что со страниц учебника стерт термин «Великая Отечественная война», вместо него употребляется термин «советско-германская война». Термины «советизация», «советский» употребляются в негативном контексте. Значительное место в учебнике по истории Украины военного периода отведено описанию нелегального формирования ОУН-УПА².

Ключевые слова: историческая амнезия, учебник по истории, идентичность, Великая Отечественная война, ОУН-УПА (запрещена на территории Российской Федерации).

¹ Бабенко Анастасия Викторовна, магистр исторических наук, научный сотрудник Государственного центрального музея современной истории России, Россия, 125375, Москва, Тверская ул., 21, стр. 1.

Babenko Anastasiya Viktorovna, master in the field of study 46.04.01 History, Researcher of the State central museum of contemporary history of Russia, Russia, 125375, Moscow, 21 Tverskaya street, bldg 1.

² Признана Верховным судом Российской Федерации экстремистской организацией, запрещена на территории Российской Федерации.

Historical amnesia on the example of the reflection of the events of the Great Patriotic War in Ukrainian history textbooks

Summary. The article is devoted to the study of historical amnesia based on the example of the reflection of the events of the Great Patriotic War in Ukrainian history textbooks for 10th grade, published in 2018 and recommended by the Ministry of Education and Science of Ukraine. The textbooks were obtained as a result of official trip of the museum staff to the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic in the fall of 2023.

As a result of studying the sections devoted to the events of 1941–1945, it was revealed that the term “Great Patriotic War” was deleted from the textbook pages, the term “Soviet–German War” is used instead. The terms “Sovietization” and “Soviet” are used in a negative context. The considerable place in the textbook on the history of Ukraine during the war period is given to the description of the illegal organization OUN-UPA³.

Keywords: Historical amnesia, history textbook, identity, Great Patriotic War, OUN-UPA UPA (banned on the territory of the Russian Federation).

Историческая память народа связана с событиями, оказавшими влияние на его формирование. Победа в Великой Отечественной войне стала важнейшим событием XX века для России как для государства – преемника Советского союза: целью врага было не только физическое уничтожение части народа, но и стирание его культурного наследия. Множество произведений искусства посвящены теме войны, и красной нитью в них проходит мысль о недопустимости ее забвения. Потому что память – одна из основ коллективной идентичности [1, с. 132].

Тем не менее, в настоящее время мы вынуждены констатировать, что картина тех испепеленных войной лет воспроизводится частично не только в странах Запада, но и в ряде постсоветских стран. Термин «историческая амнезия» – «ослабление исторической памяти как когнитивной способности социальных акторов – индивидов и групп» [2, с. 4081], используемый и в публицистической литературе, достаточно хорошо фиксирует современные тенденции. Историческая амнезия наряду с культурной, коллективной, национальной и др. может рассматриваться как вид социальной амнезии [3, с. 84], но часто их считают тождественными [4, с. 191]. Может быть инструментом разрушения прошлой идентичности и создания новой.

³ Recognized by the Supreme Court of the Russian Federation as an extremist organization and banned on the territory of the Russian Federation.

Некоторые исследователи среди прочих причин связывают появление исторической амнезии с современными методами преподавания истории в школе. М. Ферро, исследовавший школьные программы по преподаванию истории в разных странах, пришел к выводу, что от того, как учили в детстве истории, зависит образ других народов и собственного [5, с. 13]. Впоследствии новые знания будут накладываться на знания, полученные из школьной программы, впечатления от которой останутся на всю жизнь. Так, ученик по истории оказывает значительное влияние на историческую память общества, знакомясь с ним, ученик получает совокупность понятий, фактов, «героев» и «антигероев».

В собрание ГЦМСИР в результате служебной командировки в сентябре 2023 года на территории Луганской и Донецкой Народных Республик среди других предметов поступили учебники по истории (на украинском языке), по которым учились в украинских школах до начала специальной военной операции. На примере двух учебников по всемирной истории под редакцией П. Б. Полянского и по истории Украины В. С. Власова и С. В. Кульчицкого для десятого класса, рекомендованных Министерством образования и науки Украины, изучим, что будет знать о Великой Отечественной войне украинский школьник 15–16 лет. Оба учебника были изданы в 2018 году в Киеве, учебник по всемирной истории – издательством «Грамота», учебник по истории Украины – издательством «Буква ЛТД». На титульном листе и семнадцатой странице книги поставлен библиотечный штамп: «Василівський професійний ліцей / бібліотека / код 02544129» – «Васильевский профессиональный лицей / библиотека / код 02544129⁴». То есть, по данным учебникам учились в профессиональном колледже г. Васильевка Запорожской области Украины (илл. 1, 2).

При изучении глав, посвященных Второй мировой войне, первое, что обращает на себя внимание, – отсутствие термина «Великая Отечественная война», основополагающего термина при анализе события. Подобное «забывание» характерно не только для рассматриваемых учебников, но и для других, изданных на территории Украины [6, с. 156]. Вместо него используется термин «советско-немецкая война», который подчеркивает один из тезисов учебника, что война происходила между двумя внешними, по отношению к украинскому народу, силами.

Тогда какие силы, политические формирования представляли интересы украинского народа, по мнению авторов? В учебнике по истории Украины на

⁴ Каждой зарегистрированной частной или государственной организации на территории Украины присваивается уникальный идентификационный номер юридической организации (код) в «Едином государственном реестре предприятий и организаций Украины» (ЕГРПОУ).

роль такой «третьей силы» в «советско-немецкой войне» ставят «бандеровцев». Приводится следующее определение – это «члены крыла организации украинских националистов (ОУН)⁵, которые подчинялись Степану Бандере» [7, с. 205]. Организация украинских националистов была создана в 1929 году в Вене. В тексте указано, что ОУН не была политической партией парламентского типа: с одной стороны, это было политическое движение, с другой стороны – законспирированная организация военного типа [7, с. 188]. Цель организации – достижение Украиной независимости, для чего допускались методы по расшатыванию и уничтожению оккупационных структур (до 1939 года – польских).

Методы, используемые оуновцами, могли быть и террористическими, сторонником подобных мер был руководитель организации, полковник Евгений Коновалец (1891–1938). Становится понятно, почему «советская пропаганда придавала деятельности данной организации негативное значение, как синоним бандитизма» [7, с. 205], включая в данное формирование «также и украинских националистов за границей и тех, кто пребывал в оппозиции советской власти, находясь на территории Советского Союза» [7, с. 205]. Нельзя не отметить, что в учебнике по истории Украины прослеживается положительное отношение к ОУН. В учебнике по всемирной истории оуновцы рассматриваются как часть движения сопротивления «новому порядку», репрессивному режиму, установленному нацистской Германией на оккупированных территориях [8, с. 215–216]. Рассекреченные Федеральной службой безопасности Российской Федерации документы, содержащие материалы допросов оуновцев, не позволяют согласиться с подобной оценкой: преступления, в которых они участвовали, носили системный характер [9, 10, 11]. В 1940 году в ОУН произошел раскол, организация разделилась на группы «мельниковцев» (руководитель А. Мельник) и «бандеровцев» (ОУН(б), руководитель С. Бандера). «Бандеровцы» утверждали, что они борются за независимость Украины без помощи немцев, обвинив «мельниковцев» в «прогерманской позиции» [12].

Характерна рубрика «Личность», представленная в виде фотографий и краткой биографической справки, которая, как указано в предисловии, призвана знакомить школьников «с самыми яркими фигурами отечественной истории» [7, с. 8]. Всего в данной рубрике раздела о войне шесть личностей, большинство из которых являлись представителями ОУН: Андрей Мельник (1890–1964), Степан Бандера (1909–1959), Тарас Боровец

⁵ Признана экстремистской организацией, запрещена на территории Российской Федерации.

(псевдоним Тарас Бульба), Роман Шухевич (1907–1950), Кирилл Осьмак (1890–1960). В данной рубрике приведен только один представитель советского партизанского движения, дважды Герой Советского Союза, Сидор Ковпак (1887–1967), (илл. 3).

При этом преданы забвению имена командного состава Красной армии (за редким исключением). Вероятно, советские военачальники не рассматриваются как положительные герои, так как согласно авторской концепции советский строй представлял угрозу. Так, в главе, посвященной началу Второй мировой войны, школьника знакомят с следующим определением «советизации», которой «подверглись» территории Западной Украины, по договору о ненападении между Германией и СССР оказавшиеся в сфере влияния Советского Союза – «это силовое насижение норм политической, экономической, культурной жизни, характерных для тоталитарного строя в Советском Союзе» [7, с. 204]. В параграфе под названием «Какие преступления совершила советская власть на Западной Украине» [7, с. 206–207] перечислены следующие: тотальные аресты и подготовка к депортации «неблагонадежных элементов» среди населения западных областей Украины и Белоруссии. Учитывая, что на данных территориях действовали ячейки ОУН, логика действий советской власти объяснима.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Советского Союза И. В. Сталин связывается в учебниках с понятиями «геноцид» [7, с. 6] и «диктаторство», с тем, что он «создал фильтрационные лагеря» [7, с. 223]. В учебнике по всемирной истории в главе, посвященной культуре в межвоенный период, среди наиболее жестоких тиранов указаны А. Гитлер, Б. Муссолини и И. В. Сталин [8, с. 249]. Происходит уравнивание агрессора и объекта агрессии – «тоталитарного режима» СССР и нацистской Германии.

Ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается на нацистскую Германию и Советский Союз. Прямыми следствием заключенного 23 августа 1939 года договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакта Молотова-Риббентропа) авторы учебника указывают нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Авторы утверждают, что СССР вступил во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии: «17 сентября 1939 г. советские войска зашли на территорию Западной Украины. Переход Красной армии государственной границы Польши означал вступление СССР в войну на стороне нацистской Германии» [7, с. 197]. Характерно, что в учебнике по истории Украины игнорируется значимый факт, что в 1930-е годы была серия договоренностей европейских лидеров с нацистской Германией. Подписание договора имело противоположное значение: война была отсрочена на два года, появилась возможность подготов-

виться. Только с июня 1941 года, согласно учебнику по всемирной истории, СССР стал членом антигитлеровской коалиции.

При описании начала «советско-немецкой войны» сделан акцент на том, что А. Гитлер «буквально затолкнул» Сталина в коалицию воевавших с ним государств, которая благодаря преимуществу в ресурсах имела шансы на победу [7, с. 208]. Однако победа не была предопределена: здесь не приводится для сравнения военно-экономический потенциал нацистской Германии, на которую работали экономики завоеванных европейских стран, как не приводятся проблемы при осуществлении поставок по ленд-лизу. Заметна тенденция к снижению вклада СССР в победу по сравнению с силами коалиции.

Авторы не скрывают связь националистических организаций с нацистской Германией в довоенный период и в начальный период войны: «имея информацию о подготовке Германии к войне, члены ОУН(б) в Кракове в марте 1941 года наладили контакты с вермахтом и абвером, надеясь, что Германия окажет им помочь в создании украинской армии» [7, с. 215]. Более того, приводится и такой факт, что немецкие спецслужбы сформировали из добровольцев-беженцев, большинство из которых было оуновцами, объединение «Легион украинских националистов», который был разделен на два батальона – «Нахтигаль» и «Роланд» [7, с. 215]. Командование вермахта на-меревалось привлекать их для осуществления карательных действий против поляков и евреев. Несмотря на то, что благодаря наступлению немцев была частично осуществлена цель организации, – во Львове был подписан акт о создании Украинского государства 30 июня 1941 года – лидеры ОУН (б) поняли, что Германия рассматривает Украину как колонию.

Первый этап войны, сопровождаемый, с одной стороны, отступлением войск, с другой стороны, уникальными примерами обороны отдельных объектов, рассматривается исключительно в негативном свете, примеры героического сопротивления на разных участках фронта стерты. Подчеркивается, что бои на территории Украины в 1941 году превратились для советских войск в катастрофу: и при численном превосходстве советские войска легко поддавались панике и попадали в «котлы». В параграфе с говорящим названием «Почему в очередной раз власть прибегла к репрессивным мерам для мобилизации общества на борьбу с нацизмом» [7, с. 213] указано, что Сталин в августе 1941 года издал секретный указ о создании в прифронтовом тылу заградительных отрядов из числа войск НКВД, о чем упоминается и в учебнике по всемирной истории. В результате гибли целые подразделения. Бывшие военнопленные и оstarбайтеры (вывезенные на принудительные работы жители Восточной Европы) после прохождения фильтрационных лагерей попадали в «советские концлагеря» [7, с. 223].

Эвакуация промышленности и культурных, научных учреждений на восток страны, вынужденная, но великая и уникальная по своим масштабам, пример героической работы тыла, рассматривается вне общегосударственного контекста: проигнорировано, что эвакуация происходила не только с территории Украинской ССР, но и из других республик, в том числе и из столицы.

Авторы не анализируют подробно агрессивную идеологию Третьего Рейха, определяющую его работу с мирным населением на оккупированных территориях, основанную на идее национального неравенства, в чем состояло одно из главных отличий от советской идеологии. По показаниям фельдмаршала Фердинанда Шернера от 24 августа 1945 года, «национал-социализм был «движением за войну» [13, с. 45]. Не раскрыт масштаб страшных преступлений нацистов с разветвленной сетью пособников в отношении мирных граждан Украины, в том числе украинской и русской национальности. Как пример расистской политики оккупационного режима приводится трагедия в Бабьем Яру, однако проигнорировано, что участниками в этом и в других злодействиях были члены украинского националистического подполья.

Вероятно, в целях более правдоподобного стирания памяти об этом взаимодействии, приводится пример «львовской монахини» Елены Ветер (1904–1988, в монашестве – Иосифы), сотрудничавшей с ОУН (в докладной записке министру государственной безопасности СССР В. С. Абакумову от 1950 года о связи представителей униатской церкви с разведорганами нацистской Германии и оуновцами, Елена Ветер упоминается как осужденная, «игуменья монастыря студентов» [14, с. 14–15]) и при этом первой из украинцев получившей звание «Праведник народов мира» за спасение еврейских детей.

Члены организации украинских националистов представлены частью Движения Сопротивления, которое возникло в ответ на террор оккупационных властей. По версии авторов учебника по истории Украины, данное движение складывалось из трех сил: советского подполья и партизанского движения, причем одной из задач партизанских рейдов, которыми руководила Москва, была борьба с УПА (Украинская повстанческая армия, являлась боевым подразделением ОУН); украинского националистического подполья и польского движения сопротивления (Армия Крайова). При этом сообщается, что в 1943 году УПА вело борьбу на два фронта – против нацистских оккупантов и против партизанских отрядов, подчинявшихся Москве. Характерны приводимые цифры: так, в октябре и ноябре против советских партизан было проведено 54 боя, а против нацистов – 47 боев [7, с. 231]. Возникает вопрос: против кого выступали оуновцы? То, что Советский Союз рассматривается как большая угроза, враг по сравнению с нацистской Гер-

манией, можно заключить, ознакомившись с одним из упражнений после главы, для выполнения которого учащимся необходимо прокомментировать тезис «в то время, когда на Востоке стоят еще миллионные большевистские армии, всякая наша вооруженная акция против немцев была бы помощью Сталину» [7, с. 236].

Подчеркивается жертвенность борьбы националистического подполья. Авторы романтизируют, придают героический ореол членам ОУН-УПА, например, в целях обеления приведена на страницах учебника фотография бойцов УПА на богослужении под открытым небом (илл. 4).

Можно было предположить, что будет стерто упоминание о «Волынской резне» – массовых акциях по уничтожению польского мирного населения и представителей ряда других национальностей на территории Западной Украины силами украинских националистов в марте – июле 1943 года. В Польше эти события официально признаны геноцидом [15]. Материалы допросов украинских националистов, участвовавших в «Волынской резне», в настоящее время есть в открытом доступе [9, 10]. В учебнике термин «Волынская резня» заменен термином «Волынская трагедия». Здесь стоит обратить внимание на постановку вопроса в конце главы с готовым ответом: «Считаете ли вы, что Волынскую трагедию можно назвать геноцидом? На наш взгляд нет, так как у жителей была возможность обороняться» [7, с. 235].

Так как авторы концентрируются только на тех событиях, которые происходят на украинских территориях или связанных с ними, не считая их органичной частью Советского союза, то битва под Сталинградом, битва на Курской дуге упомянуты только в контексте подготовки к освобождению Украины. В учебнике по всемирной истории более подробно представлены основные события Второй мировой войны. Тем не менее, заметно снижение роли СССР в Победе, в то время как роль стран-союзников подчеркивается и преувеличивается: ключевыми, например, переломными событиями указаны битва у атолла Мидуэй (Тихий океан, США), битва при Эль-Аламейне (Египет, Великобритания), Сталинградская битва и битва на Курской дуге («на советско-немецком фронте») [8, с. 214].

Односторонне, в негативном ключе авторы трактуют изгнание фашистов с территории Украины: авторы утверждают, что в Киевской наступательной операции, кульминационной битве за Украину, использовалась «черная пехота», то есть, победили, забрасывая врага живой силой. В доказательство процитирован писатель-фронтовик Виктор Астафьев (1924–2001), в постсоветское время занявший антисоветские позиции.

Авторы, стерев духовное культурное наследие военных лет, – великие, священные песни, которые пели представители всех народов СССР,

книги и т. д. – отделили украинскую культуру военных лет от общесоветской. В описании культурной жизни на Украине упоминаются лица, связанные с националистическими организациями – военный корреспондент Улас Самчук (1905–1987), поэтесса Елена Телига (1906–1942).

Оценивая результаты войны, справедливо отмечается, что «советско-германский театр военных действий» был самым тяжелым на протяжении всей Второй мировой войны, но это необходимо авторам для того, чтобы подчеркнуть значимость потерь Украины: «соотношение этих цифр выдвигает Украину на печальное первое место среди стран, которые материально пострадали от войны» [7, с. 247]. Фактически из текста стерты основания для будущей победы советского народа – экономические (плановая система), централизация системы государственного управления, героизм советских солдат, офицеров и тыла и многие другие.

День подписания акта о безоговорочной капитуляции нацистской Германии 9 мая 1945 года стало всенародным советским праздником. Ведь центрой Победы стало выживание в битве на уничтожение. Тем не менее, в учебниках отсутствует упоминание советской традиции празднования именно 9 мая как Дня Победы (в учебнике по всемирной истории – 8 мая [8, с. 232]). Вместо этого, с 2014 года Украина последовала европейской традиции праздновать 8 и 9 мая как День памяти и примирения [7, с. 246]. Как акцентируется в упражнении к главе, «... не следует праздновать гибель людей и коллапс мирной, нормальной жизни. Мы должны иметь День победы [с маленькой буквы] и памяти» [7, с. 247].

В целом же, для авторской концепции характерно изолирование украинского народа от советского народа, вытеснение советской идентичности через забвение фактов в совокупности с их искажением. При этом игнорируется тот факт, что центральная и особенно восточная части Украины были включены в политическую и экономическую жизнь государства в отличие от присоединенной перед войной западной части Украины. То есть учебник воспроизводит возможный взгляд на историю изучаемого периода со стороны жителей западных областей Украины. С этой точки зрения, вероятно, что в основе данной избирательной исторической амнезии, которая «составляет необходимое условие разрушения прошлых идентичностей и формирования новых сообществ» [3, с. 89] лежит стремление построить новую идентичность для центральных и восточных областей Украины: ориентированную на западноевропейские ценности и искусственно конструируемую идентичность вместо советской или советско-украинской [16].

Исторически несправедливым является подход к отождествлению интересов украинского народа с ОУН-УПА. Прямых потомков героев войны

отстраняют от памяти о Священной войне. Несравнима численность ОУН-УПА и украинцев, воевавших в составе Красной армии. Оценки численности оуновцев разнятся: до 20 тыс., 40 тыс., современная украинская сторона еще более увеличивает эту цифру. При этом, даже в учебнике приведены следующие цифры: более 2,5 млн украинцев были награждены советскими медалями и орденами, более двух тысяч стали Героями Советского Союза [7, с. 247]. Согласно исследованиям национального состава Красной армии, в июле 1942 года доля украинцев среди рядовых составляла 10,7 %, среди офицерского состава – 15,9 %, в январе 1945 года – доля среди рядовых составила 21,7 %, среди всех офицеров – 16,7 % [17, с. 40]. Поэтому школьники, изучающие данный учебник, должны относить себя к потомкам тех героев и бесстрашных солдат, которые боролись с сильным и жестоким врагом, в то время как им в пример ставят пособников врага – тех, с кем их деды и пра-деды воевали.

Библиографический список

1. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке / Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 6 (361). – История. Вып. 63. – С. 132–137.
2. Константинов М. С., Поцелуев С. П. К проблеме исторической амнезии в контексте «компетентностного» подхода в изучении национальной истории / Вопросы политологии: научный журнал – 2022. – Вып. 12 (88). – С. 4074–4087.
3. Поцелуев С. П. Амнезия как тип социальной забывчивости: к уточнению концепта // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 461. – С. 84–91.
4. Гизатова Г. К., Иванова О. Г. Историческая амнезия и исторический опыт / Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. – 2019. – Vol. 8, Is. 5A. – P. 189–194.
5. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира : [пер. с фр.]. – М. : Высшая школа, 1992. – 350 с.
6. Бондаренко Д. Я., Вдовин А. И., Жуков А. Д., Колпакиди А. И., Краевский А. А., Никифоров И. В., Симиндей В. В., Шадрин А. Ю., Шевцов Ю. В., Шептуха В. И. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. – М., 2009. – 389 с.
7. Власов В. С. Історія України (рівень стандарту): підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. – Київ : Літера ЛТД, 2018. – 256 с. = [Власов В. С. История Украины (уровень стандарта): учебник для 10 класса учреждений общего среднего образования. – Киев : Буква ЛТД, 2018. – 256 с.].

8. Полянський П. Всесвітня історія (рівень стандарту) : підруч. для 10 кл. закл. загальн. середн. Освіти. – Київ : Грамота, 2018. – 256 с. : іл. = [Всемирная история (уровень стандарта): учебное пособие для 10 кл. учр. общ. средн. образования – Киев : Грамота, 2018].

9. Документы наркомата госбезопасности СССР о геноциде поляков бандеровскими бандами на Волыни // Федеральная служба безопасности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Volyn.htm (дата обращения: 23.10.2025).

10. Протокол допроса члена УПА Ивана Васюка. 9 января 1944 г. Действующая армия. // Федеральная служба безопасности [Электронный ресурс]. – http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/upa.htm (дата обращения: 23.10.2025).

11. Протокол допроса члена ОУН Николая Мухи. 27 апреля 1945 г. Действующая армия (19 с.) // Федеральная служба безопасности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/OUN.htm (дата обращения: 23.10.2025).

12. Пауки в банке (из протокола допроса Кутковца Ивана Тихонович[а]. 1 февраля 1944 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904949/ (дата обращения: 23.10.2025).

13. Показания пленного генерал-фельдмаршала нацистской Германии Фердинанда Шёрнера, перевод с немецкого. «национал-социализм мог означать только войну...» 24.08.1945 // Федеральная служба безопасности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Sherner.htm (дата обращения: 23.10.2025).

14. Докладная записка Абакумову В. С. об оперативной работе по бывшему униатскому духовенству в западных областях УССР. г. Киев, 5 июля 1950. Документ о связях униатской церкви с разведывательными органами Германии и подпольем украинских националистов (ОУН) с 1930 по 1960 гг. // Федеральная служба безопасности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/UNIAT.htm (дата обращения: 23.10.2025).

15. Макарычев М. 80 лет назад украинские националисты начали Волынскую резню – массовый геноцид мирного населения // Российская газета – 2023. – 11 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/02/11/80-let-nazad-ukrainskie-nacionalisty-nachalivolyinskuiu-rezniu-massovyy-genocid-mirnogo-naseleniia.html> (дата обращения: 23.10.2025).

16. Марчуков А. Малорусский проект: о решении украинско-русского национального вопроса // Регnum [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/article/1470788> (дата обращения: 23.10.2025).

17. Безугольный А. Ю., Бородкин Л. И., Леонтьева Н. И. Изменения национального состава Красной армии в 1942–1945 гг.: многомерный статистический анализ данных с учетом различных категорий военнослужащих // Историческая информатика. – 2022. – №3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-natsionalnogo-sostava-krasnoy-armii-v-1942-1945-gg-mnogomernyy-statisticheskiy-analiz-dannyyh-s-uchyotom-razlichnyh> (дата обращения: 23.10.2025).

Первая юношеская

конференция

«Гатчинский дворец:

от войны к миру»

в ГМЗ «Гатчина».

Организация

и проведение



Н. Ю. Бабкина, М. В. Кирпичникова¹

Аннотация. 8 апреля 2025 года в Музее-заповеднике «Гатчина» прошла первая юношеская конференция «Гатчинский дворец: от войны к миру». Мероприятие было организовано для того, чтобы привлечь внимание молодежи к важным темам. Участники обсуждали историческое наследие, традиции и значение исторической памяти. В статье подробно описываются этапы подготовки и проведения конференции. Подчеркивается, что такие события особенно важны в наше время, когда необходимо формировать у молодого поколения правильное понимание понятий «Родина», «культурное наследие» и «традиции».

Ключевые слова: первая юношеская конференция «Гатчинский дворец: от войны к миру» в ГМЗ «Гатчина», Великая Отечественная война, ГМЗ «Гатчина», культурное наследие.

¹ Бабкина Наталья Юрьевна – заведующая отделом музейной педагогики ГМЗ «Гатчина», Россия, 188307, Гатчина, Красноармейский пр., 1.

Babkina Natalia Yurevna, the head of the Museum Pedagogy Department. The St.-Petersburg Cultural Institution «Gatchina Palace & Estate museum». Russia, 188307, Gatchina, Krasnoarmeisky pr., 1.

Кирпичникова Мария Викторовна – кандидат исторических наук, научный секретарь ГМЗ «Гатчина», Россия, 188307, Гатчина, Красноармейский пр., 1.

Kirpichnikova Marija Viktorovna, PhD, scientific Secretary. The St.-Petersburg Cultural Institution «Gatchina Palace & Estate museum». Russia, 188307, Gatchina, Krasnoarmeisky pr., 1.

The First Youth Conference «Gatchina Palace: from War to Peace» at the «Gatchina Palace & Estate museum». Organization and holding

Summary. On April 8, 2025, the first youth conference “Gatchina Palace: from War to Peace” was held at the Gatchina Museum-Reserve. The event was organized in order to draw the attention of young people to important topics. The participants discussed historical heritage, traditions and the importance of historical memory. The article describes in detail the stages of preparation and holding of the conference. It is emphasized that such events are especially important in our time, when it is necessary to form a correct understanding of the concepts of «Homeland», «cultural heritage» and «traditions» among the younger generation.

Keywords: *Gatchina, Great Patriotic War, The First Youth Conference «Gatchina Palace: from War to Peace», «Gatchina Palace & Estate museum», cultural heritage.*

Одна из главных тенденций, которая появляется в обществе перед лицом внешней опасности – это тенденция к объединению. Объединяют народ общая история, язык, память о предках, национальные традиции, культура. В настоящее время, когда уничтожаются культурные ценности целых народов, особенно важной представляется работа по сплочению нации, по сохранению памяти о прошлом нашей страны, ее наследии. Формируются новые понятия, такие как «культурный код», в обиход вошли и стали привычными новые технологии: искусственный интеллект, блокчейн и так далее.

В этих технологиях очевидное количество положительных сторон – удобство использования, высокая скорость ответа, однако есть и отрицательные аспекты. В первую очередь, в использовании искусственного интеллекта есть риск искаженного понимания действительности для молодого поколения, отсутствие побуждения к самостоятельному анализу и размышлению. Поэтому в условиях глобальной цифровизации очень важно не забывать своих исторических корней, изучать артефакты, произведения искусства и объекты, широко представленные в музеях, посещать архивы для ознакомления с первоисточниками, читать книги, основанные на реальных событиях, и общаться с представителями старшего поколения для передачи опыта.

Предназначение музеев не только в сборе и сохранении материального и нематериального культурного наследия, но и в воспитании, образовании и просвещении. На базе музеев можно наглядно продемонстрировать жизнь людей различных эпох, показать процесс эволюции, дать понимание о формировании разных направлений искусства как в отдельно взятой стране, так и в мире в целом.

В Государственном музее-заповеднике «Гатчина» хранятся уникальные коллекции произведений искусств, начало сбора которых положили граф Григорий Орлов и императрица Екатерина II. Воссозданные интерьеры императорской резиденции XVIII–XIX веков привлекают гостей из разных городов и стран.

Важно приобщать молодое поколение людей к процессу сохранения исторической памяти, привить гордость за родную страну, малую родину, научить аналитически мыслить и выбирать нужное и главное в огромном потоке информации, ставить себя на место людей, сохранивших культурное наследие в самые тяжелые времена русской истории. Необходимо дать понимание того, что значит «Родина» конкретно для них.

Для этих целей сотрудниками отдела музейной педагогики и научно-фондового отдела была задумана и проведена Первая юношеская научно-практическая конференция «Гатчинский дворец: от войны к миру», посвященная тяжелым испытаниям, выпавшим на долю Гатчинского дворца в годы Великой Отечественной войны, подвигу музейных сотрудников, спасавших ценности, и восстановлению музея, которое продолжается и в наши дни. Школьникам шестых – одиннадцатых классов Гатчины и Гатчинского района и Санкт-Петербурга было предложено поразмышлять о спасенных уникальных экспонатах, о судьбах людей, благодаря которым мы можем увидеть первоклассные произведения искусства, и тысячах безвозвратно погибших музейных предметов. Для участия в конференции приглашались индивидуальные исследователи, а также авторские коллективы (не более трех человек) учащихся школ, гимназий, лицеев, учреждений дополнительного образования детей. В качестве помощи в реализации проектов предполагалось участие взрослых (педагогов, родителей) в пределах устных консультаций, наставничества, редактуры. На выбор были предложены следующие темы:

1. Я – хранитель Гатчинского дворца. Какие предметы я бы спас в первую очередь. В рамках темы автор может поставить себя на место музейного сотрудника, работавшего в Гатчинском дворце в сороковые годы XX века, высказать свое мнение о том, какой предмет следовало спасать в первую очередь и почему.

2. История музейного предмета из Гатчинского дворца, рассказанная им самим. Тема позволяет автору пофантазировать о том, что мог бы «поведать» музейный экспонат о своей жизни в первые дни войны, как и куда он был эвакуирован, как он соседствовал с другими произведениями искусства и взаимодействовал со своим хранителем в эвакуации.

3. Моя семья и Гатчинский дворец. Тема для семейного обсуждения, в рамках которой можно поделиться воспоминаниями старшего поколения

своей семьи о Гатчинском дворце в довоенное и послевоенное время, впечатлениями о первых открытых залах.

4. Возрождение Гатчинского дворца. Предлагаемая тема позволяет по-рассуждать о том, каким станет полностью восстановленный Гатчинский дворец, какие залы можно будет посетить в будущем.

5. Медиапроект. Возможность для участников конференции создать небольшой видеофильм или анимационный фильм, рассказывающий историю предмета или музейного зала Гатчинского дворца.

Организационный комитет в составе сотрудников научно-фондового отдела, отдела музейной педагогики и экспозиционно-выставочного отдела музея произвел отбор самых интересных работ, и их авторы были приглашены к очному участию в конференции, которая состоялась 8 апреля 2025 года в Театральном зале Государственного музея-заповедника «Гатчина» (см. иллюстрации).

Мероприятие объединило 138 участников (в их число вошли слушатели из гатчинских и районных школ). Спикеры отнеслись к мероприятию очень ответственно, практически все выступали без письменных шпаргалок. Слушатели были очень заинтересованы, некоторые из них заявили о своем желании принять участие в конференции в следующем году.

Кроме устных докладов, были представлены видеопрезентации. В создании одного из роликов принимала участие слабовидящая участница, которая запоминала текст на слух. Важным было и то, что докладчики прислушивались к мнению жюри на этапе отбора и дорабатывали свои статьи в соответствии с рекомендациями.

Конференция получила много положительных отзывов от докладчиков, слушателей и их наставников. По словам ребят, для них было волнующе и вместе с тем почетно выступать на необычном мероприятии. Необходимо было подготовиться и выступить перед общерайонной аудиторией, причем не только перед сверстниками и преподавателями, но и научным сообществом. Здесь с ними общались на равных, обсуждая и выслушивая их личные мнения. Лучшие работы молодых исследователей мы публикуем в этом сборнике.

Гобелен «Церера», или о чем может поведать экспонат музея

А. С. Алейников¹



The Ceres Tapestry, or What the Museum's Exhibit Can Tell Us

Здравствуйте, друзья!

Я – предмет интерьера Гатчинского дворца. Меня зовут гобелен «Церера». Родом я из Франции, где меня изготовили в 1770-е годы на Мануфактуре гобеленов (Manufacture Royale des Gobelins) по картонам Клода Одрана (илл. 1, 2). Я вхожу в серию картин «Портреты богов». Впечатляю гостей дворца не только сюжетом, красотой исполнения, но и своими размерами: 209 см на 310 см. Состою я из шерсти и шелка. При моем создании использовался такой вид декоративного искусства, как шпалерное ткачество: создание стенных односторонних безворсовых ковров с сюжетной или орнаментальной композицией [1]. Основной мой цвет – насыщено-малиновый – на тот момент он был последним пиком моды, поскольку только что мастера разработали устойчивую малиновую краску на основе кошенили [2].

А хотите узнать, как я оказался в Гатчинском Дворце? В 1782-м году король Франции Людовик XVI подарил двадцать гобеленов великому князю Павлу Петровичу и великой княгине Марии Фёдоровне во время знаменного заграничного путешествия великолукской четы (супруги путешествовали по Европе инкогнито под именами графа и графини Северных). После этого я попал в Гатчинский дворец, где нахожусь и на данный момент, а именно – в Верхней Тронной Павла I. Здесь император устраивал аудиенции, принимал иностранных послов и важных гостей.

Разместили меня над белым мраморным камином и напротив тронного кресла. Предполагается, что архитектор Бренна связал оформление Тронного зала с моим сюжетом [3]. На мне изображены Церера – древнеримская богиня земледелия и плодородия [4], цветочные гирлянды и атрибуты садоводства.

¹ Алейников Арсений Сергеевич – ученик 8-го класса МБОУ «Гатчинская средняя общеобразовательная школа № 7». Наставник: Максимова Светлана Николаевна, руководитель историко-краеведческого музея «Наследие».

Декор на каминной полке перекликается с мотивами gobелена: парные алебастровые вазы-светильники (Италия, XVIII век) справа и слева от богини напоминают кувшины, а собака в нижней части gobелена, символ верной любви, повторяется в бронзовых каминных часах «Верность в любви» (механизм Луи-Жана Лагесса, 1780-е годы), а еще на полке стоят парные фигуры двуглавых орлов с вензелями Павла Петровича и Марии Фёдоровны, выполненные на Венском фарфоровом заводе в начале 1780-х.

Рядом со мной находятся мои верные друзья: gobелен «Зебра» и gobелен «Двое слуг несут вождя» из серии «Новые Индии», которые выполнены Ж. Нейльсоном по картонам художника Ф. Депорта. На этих gobеленах изображены необычные растения, диковинные животные, птицы и рыбы. Они представлены такими, какими их рисовало воображение европейцев, которые получали еще слишком мало сведений о флоре и фауне дальних стран.

За все годы моей жизни я повидал многое. В 1917 году Временным правительством было принято решение о переводе императорских дворцов в статус национальных музеев. И Гатчинский дворец как музей был открыт для посетителей 19 мая 1918 года. Так как я являюсь не только произведением искусства, но и экспонатом Гатчинского дворца, у меня появился инвентарный номер ГДМ-171-II.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Не только люди, но и мы, экспонаты музеев, оказались в опасности. Но неравнодушные сотрудники музея, рискуя своими жизнями, начали нас спасать. Меня и другие предметы интерьера Гатчинского дворца в 1941 году удалось эвакуировать в безопасное место. На время местом жительства для нас стал город Сарапул в Удмуртии, куда в годы Великой Отечественной войны прибыло тридцать вагонов с мировыми шедеврами из музеев города Ленинграда и пригородных дворцов-музеев. Все время оккупации Гатчины (в то время Красногвардейска) мы были вдали от дома, но верили, что все закончится хорошо. Так и произошло. В Сарапуле нас разместили в созданном музее-хранилище, а после победы я и другие экспонаты вернулись домой. Вот только наш дом, Гатчинский дворец, в январе 1944 года представлял собой страшное зрелище. При отступлении фашисты заминировали и подожгли дворец, многие экспонаты были вывезены немцами в Германию или уничтожены.

После окончания войны к реконструкции дворца приступили не сразу, да и реконструкцией это было назвать сложно, скорее, восстановительными работами. Но сотрудники музея и жители Гатчины не сдались. Сдвинуть ситуацию с места удалось Аделаиде Сергеевне Ёлкиной – главному хранителю Гатчинского дворца-музея. Целых восемь лет она добивалась освобождения

здания и начала реконструкционных работ с 1976 года под руководством архитектора М. М. Плотникова.

Кропотливо, год за годом, восстанавливаясь облик дворца, его внутреннее убранство, возвращались на место экспонаты. И я вернулся в свой дом – Гатчинский дворец, в Верхнюю тронную Павла I, где приветливо встречаю посетителей, которые называют меня произведением искусства, внимательно разглядывают все детали сюжета, слушают мою историю и восхищаются непревзойденной работой мастеров-ткачей, моих создателей.

Если мы еще не встречались, друзья, приглашаю вас на экскурсию в Гатчинский дворец, где мы сможем познакомиться лично.

Ваш gobелен «Церера».

Библиографический список

1. ГМЗ «Гатчина». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/gatchina_palace/151 (дата обращения 18.06.2025).
2. Словарь античности : пер. с нем. / сост. Й. Ирмшер в сотр. с Ренате Йоне – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.
3. Макаров В. К., Петров А. Н. Дворцово-парковый ансамбль Гатчины. Исторический очерк // Гатчина. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : КАРО, 2014. – 376 с., ил.
4. Ёлкина А. С. Гатчина. Мой дворец. – М. : ТОНЧУ, 2014. – С. 29.

Голос из прошлого: история Амура из коллекции Гатчинского дворца

С. Д. Демкович¹



A Voice from the Past: The Story of Cupid from the Gatchina Palace Collection

В 2025 году исполняется 80 лет со дня Великой Победы! Великая Отечественная война унесла не только жизни миллионов людей, но и причинила огромный ущерб памятникам культуры. Пострадал и Гатчинский дворец, невероятная красивейшая резиденция царской России, любимая императором Павлом I, которая к началу 1941 года насчитывала более 54 000 экспонатов. По окончании Великой Отечественной войны в здании дворца имелось почти 16 000 предметов, из которых около 12 000 было эвакуировано. Рассказ одного из потерянных экспонатов я хочу поведать.

«Я был, казалось бы, такой незаметный и совсем ненужный, ангелочек, венчающий десюдепорт (наддверник) в Туалетной комнате императрицы Марии Фёдоровны, супруги Павла I. Но как хранители Гатчинского дворца, так и посетители, ценят каждую мелочь, с трепетом относятся к нам, всем экспонатам, ведь мы несем в себе частичку истории того или иного периода. Я родился в XVIII веке, был приобретен в каррарской мастерской скульптора Джованни Чибей вместе со своими братьями. У каждого из нас ответственная задача, мы олицетворяем четыре времени суток. Напротив меня, над дверью в Овальный будуар, живет путти – утро, он проснулся и его руки тянутся навстречу солнцу. У камина еще два моих брата – день и вечер. Но у меня было самое сложное предназначение, долгое время я охранял сон императрицы Марии Фёдоровны, потому что я олицетворяю ночь, сплю, слегка укрывшись одеялом. Мы украшали Ту-

¹ Демкович Софья Дмитриевна, ученица 9-го класса МОУ «Петровская средняя общеобразовательная школа» Приозерского района Ленинградской области. Наставник: Мышникова Елена Александровна, учитель истории и обществознания.

Demkovich Sofia Dmitrievna, 9th grade student of the Petrovskaya Secondary School, Priozersky District, Leningrad Region. Mentor: Elena Aleksandrovna Mylnikova, teacher of history and social studies.

алетную комнату Марии Фёдоровны, изо дня в день радовали каждого, кто взглянет на нас.

Ничто не предвещало беды... 22 июня 1941 года началось совершенно обычно. Но уже в ночь с 22 на 23 июня я увидел страшное: люди упаковывали Ружейный арсенал, кладовую, парадные комнаты Павла I, приемные комнаты Александра III, Николая I, Китайскую галерею... Отправлялись эшелоны с экспонатами нашего дворца, было очень страшно... Многие мои друзья уехали в Удмуртию, кто не успел – в Исаакиевский собор в Ленинград. Хранители спасали всех... Мы тоже ждали их... Наконец, в Туалетную комнату вошли женщины. Уже через несколько минут меня снимали со стены чьи-то нежные дрожащие руки. Я едва успел взглянуть на оставшихся путти, как оказался в темноте. Возможно, меня сняли для спасения, но мне было очень грустно, ведь вместо того, чтобы радовать всех на десюдепорте, теперь я лежал в ящике.

В ближайшее время мы, оставшиеся экспонаты, переживали ужасное: наш дом, огромный дворец, бомбили, выбивали окна, поджигали, ломали все, что прекрасно. Наш дом послужил для фашистов немецким армейским штабом, складами для хозяйственной службы, общежитием летчиков. Изо дня в день я слышал громкие разговоры и ужасный грохот из разных уголков дворца. Я не смел шелохнуться, каждый день дрожал от холода и страха.

Так продолжалось долгое время. Через несколько лет во дворце перестали раздаваться грохот и свист бомбежек, стало тихо и умиротворенно. С 1950 по 1959 годы в здании располагалось Военно-морское училище Министерства обороны СССР, уже в 1960 году мой огромный роскошный дом лишили статуса памятника архитектуры и разместили здесь ВНИИ «Электростандарт». До его открытия из Гатчинского дворца, словно мусор, выбрасывали «ненужные» предметы. Я тоже подвергся этому, оказавшись в огромных грубых руках, совсем не похожих на те, что пытались спасти меня. Яркий резкий свет не дал ничего рассмотреть. С этого ужасного момента я помню только сильный удар...

Теперь вместо прекрасной уютной Туалетной комнаты Марии Фёдоровны я оказался на свалке. Недалеко от меня в таких же условиях находились неизвестный мне античный бюст, мраморная голова Екатерины II работы Ф. Шубина и копия XVIII века – античный римский мужской портрет. Вместе с моими земляками, ценностями экспонатами Гатчинского дворца, мы провели там долгие годы. В 1976 году началась реконструкция этой резиденции, к 1985 году были открыты двери для первых гостей. С этой новостью появилась надежда, что и нас когда-нибудь найдут, заберут из этой ужасной кучи мусора, и я снова украшу прекрасную Туалетную.

И вот, одним прекрасным июльским утром у меня было ощущение счастья. Я услышал шаги, шорох, и тут... Меня спасла обыкновенная деревяшка, к которой я был прикручен. Женщина, неспроста шевелившая листву и прочий мусор прутом, заметила на ней крепеж XVIII века, а затем и меня, и тех, кто был рядом! Мою радость и благодарность спасительнице не передать!!! Ею оказалась Аделаида Сергеевна Ёлкина, которая в 1968 году была назначена хранителем Гатчинского дворца. Из ее воспоминаний известно, что я долгое время пролежал в одной куче с различным мусором, насекомыми, перегнившей листвой, которые образовывали зловонную гниющую свалку. Аделаида Сергеевна распорошила свой блокнот и стала скомканными бумажками обтираять меня от грязи и скользкой слякоти. Потом мы долго сушились под июльским солнцем – я и моя спасительница. Поздно вечером, водрузившись в полупустой 529-й автобус, уехали.

Долгое время после неоднократных реставрационных промывок от меня все равно ужасно пахло. И только Анатолию Александровичу Чезлову в 1986 году удалось избавить меня, белоснежного путти-ангела, от пахучих миазмов. Он снял формопластовую точную копию композиции и сделал гипсовую отливку. Формпласт вытянул и уничтожил все запахи, но не повредил едва заметные остатки серо-голубой окраски резного деревянного облака. Долго я ждал этого момента, наконец, он настал. Я снова оказался в родной Туалетной комнате Марии Фёдоровны, над дверьми в проходную. Перед собой я наблюдал копии своих братьев, модель которых создала Лидия Алексеевна Стрижова, а Алексей Валентинович Пименов выполнил рельеф из итальянского мрамора. Амурчики были такие же беленые и нежные, похожие на настоящих.

Я очень счастлив, что вернулся в Гатчинский дворец хранить его историю! Очень часто я слышу рассказы экскурсоводов о дворце, его работниках и о себе... Каждый из них всякий раз согревает мне душу...

- Библиографический список**
1. Гатчинский дворец. Путеводитель / СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина», 2019.
 2. Жилина И. Я. Ангел, найденный на свалке. Июль 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=20047> (дата обращения: 07.03.2025).
 3. Кирпичникова М. В. Эвакуация и хранение коллекций Гатчинского дворца-музея в годы Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола 7 сентября 2020 года «Эвакуация и хранение коллекций ленинградских и пригородных музеев» / СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина», 2021. С. 18–32.
 4. Обретение: истории судьбы музейных экспонатов. Букл. СПб. : Галерея, 2007.
 5. Самарина К. Репортаж «Хранители Гатчинского дворца», апрель 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://institutspb.ru/articles/den-hranitelya-v-gatchinskem-dvorce> (дата обращения: 02.03.2025).
 6. Хмелева Е. Н. Произведения Д. А. Чибей и скульптурный декор интерьеров Гатчинского дворца орловского времени, декабрь 2019 // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.history-gatchina.ru/article/chibei.htm> (дата обращения: 02.03.2025).

**Я – хранитель
Гатчинского дворца.
Какие предметы я бы спас
в первую очередь**

Д. И. Жигулин¹



I, the keeper of Gatchina Palace. Which items I would save first

Гатчинский дворец – это не просто архитектурный памятник, это живая история, воплощенная в камне, в интерьерах, в предметах искусства. Каждый зал, каждая комната, каждый экспонат здесь дышат прошлым, рассказывая о великих людях, событиях и эпохах. Если бы я был сотрудником музея в сороковые годы XX века, в те страшные дни, когда над дворцом нависла угроза разрушения, моя главная задача была бы спасти то, что составляет его душу, его суть.

Первым делом я бы обратил внимание на те предметы, которые имеют не только художественную, но и историческую ценность. В Гатчинском дворце таких множество, но среди них выделяется один – портрет императора Павла I работы Степана Щукина. Этот портрет не просто изображение императора, это символ эпохи, отражение личности одного из самых противоречивых правителей России. Павел I был тесно связан с Гатчиной, здесь он жил, здесь формировались его взгляды и идеи. Спасение этого портрета стало бы спасением памяти о человеке, чья судьба неразрывно связана с этим местом.

Кроме того, я бы постарался сохранить личные вещи Павла I и его семьи. Например, его письменный стол, за которым он работал, или часы, которые отсчитывали минуты его жизни. Эти предметы – не просто музейные экспонаты, это свидетели истории, которые могут рассказать о быте, привычках и характере людей, живших здесь.

¹ Жигулин Денис Игоревич, кадет 8-го класса Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса имени князя Александра Невского. Наставник: научный сотрудник СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина» Войтова Екатерина Александровна.

Zhigulin Denis Igorevich, 8th grade cadet of St. Petersburg Cadet Military Corps named after Prince Alexander Nevsky. Mentor: Voytova Ekaterina Aleksandrovna, Researcher at the Gatchina State Museum of Fine Arts.

Особое внимание я бы уделил коллекции оружия, которая хранилась в дворце. Гатчинский дворец славился своей уникальной коллекцией, включающей редкие экземпляры холодного и огнестрельного оружия. Эти предметы – не только произведения искусства, но и часть военной истории России. Их утрата стала бы невосполнимой потерей для культурного наследия страны.

Но, пожалуй, самым важным для меня было бы спасти архивы и документы, хранящиеся во дворце. В них – история не только Гатчины, но и всей России. Письма, указы, чертежи, планы – все это бесценные свидетельства прошлого, которые помогают нам понять, как жили, думали и действовали люди той эпохи.

Работая в сороковые годы, я бы понимал, что спасти все невозможно. Война не щадит никого и ничего. Но я бы сделал все возможное, чтобы сохранить хотя бы часть того, что составляет сердце Гатчинского дворца. Ведь каждый спасенный предмет – это не просто вещь, это память, это связь между прошлым и будущим.

Сегодня, глядя на восстановленный Гатчинский дворец, я понимаю, что усилия тех, кто спасал его сокровища, не были напрасны. Благодаря им мы можем прикоснуться к истории, почувствовать ее дыхание и понять, что именно делает нас теми, кто мы есть.

Библиографический список

1. Гатчинский дворец. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://gatchinapalace.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
2. Культура РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/materials/256737/gatchinskii-dvorec> (дата обращения: 27.02.2025).

Тыловые потери Челябинской областной картинной галереи в 1940-е годы и методы поисков утраченных экспонатов

Т. С. Балабан¹



Аннотация. В статье анализируются основные проблемы, приводившие к потерям, порче и хищению экспонатов, с которыми в годы Великой Отечественной войны сталкивались провинциальные музеи. На примере предметов из коллекции Челябинского государственного музея изобразительных искусств показаны современные подходы к поиску утраченных в 1940-е годы экспонатов. Показаны примеры как однозначно выявленных и идентифицированных произведений, пропавших из собрания в 1941–1946 годах, так и произведений, чья ранняя принадлежность к довоенной коллекции Челябинской картинной галереи остается под вопросом.

Ключевые слова: коллекция, архивные материалы, Великая Отечественная война, Челябинская областная картинная галерея, утрата коллекции, Объединенный государственный архив Челябинской области, следственное дело, Государственный Русский музей, ликвидация музея.

¹ Балабан Татьяна Сергеевна, и. о. хранителя фондов, специалист по учету музейных предметов, ОГБУК «Челябинский государственный музей изобразительных искусств», Россия, 454091, г. Челябинск, пл. Революции, 1.

Balaban Tatyana Sergeevna, acting custodian of funds, specialist in the accounting of museum items, Chelyabinsk State Museum of Fine Arts, Russia, 454091, Chelyabinsk, Revolution Square, 1.

Logistical losses of the Chelyabinsk State Museum of Fine Arts in the 1940s and methods of searching for lost exhibits

Summary. The article analyzes the main problems that provincial museums faced during the Great Patriotic War, leading to the loss, damage and theft of exhibits. Using the example of items from the collection of the Chelyabinsk State Museum of Fine Arts, modern approaches to the search for exhibits lost in the 1940s are shown. Examples are shown of both clearly identified and identified works that disappeared from the collection in 1941–1946, and works whose early affiliation with the pre-war collection of the Chelyabinsk Art Gallery remains questionable.

Keywords: collection, archival materials, Great Patriotic War, Chelyabinsk Regional Art Gallery, loss of collection, United State Archives of the Chelyabinsk Region, investigative case, State Russian Museum, liquidation of the museum.

Вопросы истории музейного дела в переломные моменты истории неоднократно волновали исследователей [1, с. 59–62; 2], большой корпус трудов посвящен эвакуации, сохранению и утратам культурных ценностей в период Второй мировой войны [3]. В вопросах функционирования музеев на территории СССР в годы Великой Отечественной войны наиболее масштабные труды [4] и мультимедийные проекты [5] посвящены крупнейшим хранилищам исторического и художественного наследия страны, в первую очередь тем, что были расположены на территориях, находившихся в немецкой оккупации.

Большая часть научных публикаций затрагивает несколько основных ракурсов музейной истории этого трагического периода: повседневность музея в условиях военного времени; история эвакуации музейных ценностей в тыл; анализ и оценка разрушений и утрат; вопросы реституции ценностей после войны. В настоящее время тема реституции культурных ценностей, а также поиск пропавших экспонатов, является наиболее актуальной из вышеперечисленных. Например, в 2006 году начал функционировать сайт проекта «Культурные ценности – жертвы войны» [6] Министерства культуры Российской Федерации, освещающий данные вопросы и направленный в том числе на публикацию информации об утраченных экспонатах. На сайте опубликован регулярно пополняющийся сводный каталог утраченных культурных ценностей, насчитывающий, по заявлению авторов, 1 177 291 музейных предметов, редких книг, рукописей и архивных дел. Однако, как отмечают авторы проекта, «в перечень вошли <...> музеи, находившиеся на оккупированных территориях, [а также] музеи, чьи

коллекции гибли при бомбежках, артобстрелах, пожарах, пропадали во времена вынужденной эвакуации». Иными словами, проект направлен на публикацию данных о коллекциях, находившихся в зоне военных действий или в непосредственной близости фронта. Музейные учреждения, весь период Великой Отечественной войны располагавшиеся в глубоком тылу, этот проект не охватывает. Вместе с тем, расхищения, гибель и потери предметов в фондах провинциальных музеев в тот период были частым явлением, притом непосредственно связанным с реалиями военного времени. А потому подобные утраты сейчас можно смело называть «тыловыми потерями», подразумевая музейные ценности провинциальных музеев, утраченные в годы Великой Отечественной войны или в первые годы после ее окончания.

Необходимо отметить, что история провинциальных музеев в военные годы неоднократно затрагивалась исследователями, пусть и в меньшей степени, чем история музеев Центральной России. Беглый обзор публикаций соответствующей тематики последнего десятилетия показывает основные направления изысканий, корпус проблем, освещаемых авторами, – отсутствие квалифицированных кадров, и, как следствие, наводнение музеев сотрудниками, относящимися к историческим и культурным ценностям халатно [7, с. 73–74]; изъятие музейных экспонатов для «военных и хозяйственных нужд» [7, с. 74; 8, с. 73–82]; срочное освобождение помещений, занимаемых музеями, без предоставления площадей взамен [9, с. 444–447]; утрата и фальсификация учетной документации музеев вследствие вышеозначенных причин [10, с. 28–36].

В контексте истории музеев СССР в 1940-е годы события, происходившие с коллекцией Челябинской областной картинной галереи (далее – ЧОКГ), покажутся хоть и трагичными, но весьма типичными для этого сложного времени. В нескольких научных публикациях, так или иначе касающихся истории ЧОКГ в 1940–1947 годах [11, с. 83; 12, с. 135–143; 13], раскрываются основные аспекты существования коллекции в указанный период. Отметим лишь, что лишенная занимаемых помещений и полностью ликвидированная летом 1941 года молодая картинная галерея была восстановлена только спустя десять лет [12, с. 144]. Ее коллекция долгое время скиталась по различным зданиям и учреждениям города, в результате чего из 360 экспонатов, имевшихся в коллекции на момент ликвидации галереи, сохранилось лишь 144 предмета [13].

История коллекции Челябинской картинной галереи на заре ее существования до сих пор остается весьма туманной. Основным источником по этому вопросу, равно как и по составу и численности фондов галереи в 1940–1941 годах, остаются материалы уголовного дела 1947 года по статье

о бездействии власти (ст. 111 УК РСФСР) [14, л. 1], связанного с утратой части произведений фондов ЧОКГ. Автором статьи данные архивные материалы были тщательно изучены, однако, в связи со сложностью вычленения конкретных фактов об истории галереи в 1941–1947 годах, в настоящее время затруднительно отследить даже поэтапно пропажу произведений челябинской коллекции. Тем не менее сопоставление данных 1940–1947 годов, изучение списков предметов, так или иначе фигурирующих в деле, позволили нам составить наиболее полный список предметов коллекции Челябинской картинной галереи на момент закрытия, а также вычленить среди них те, что пропали в военные и первые послевоенные годы [13].

Анализ этих данных неизбежно подвел автора к острому вопросу о возможности поиска экспонатов, пропавших более чем семьдесят лет назад. Тем более что данные о большинстве предметов неполные – в списках, прилагаемых к упомянутому архивному делу, чаще всего указывались лишь автор, наименование предмета и техника изготовления, редко можно встретить размеры картин или графических произведений. Ни в картинной галерее, ни в архивах пока не обнаружены инвентарные книги или иные документы поступления предметов в 1940–1941 годах. Положение усугубляется также тем, что в настоящее время нельзя с уверенностью сказать, производился ли учет экспонатов галереи в начале 1940-х годов – упоминаний об этом не было в докладах первого директора Челябинской картинной галереи Л. П. Клевенского (1894–1977) или иных документах. Осмотр сохранившихся произведений первой коллекции показывает, что маркировка инвентарными номерами в то время производилась не систематически². Материалы, на которые сейчас может опираться исследователь в надежде получить больше информации об отдельных произведениях, это различные докладные записки сотрудников музея [12, с. 116–120], заметки в газетах, материалы выставок, за счет которых пополнялись фонды галереи в первые годы ее существования. Однако сведения, полученные из вторичных источников, малоинформативны и зачастую позволяют лишь уточнить данные о предметах. Указанные выше обстоятельства значительно затрудняют поиски следов произведений искусства, исчезнувших из фондов Челябинской областной картинной галереи в 1940-х годах. Таким образом, ситуация с собранием галереи позволила использовать весьма ограниченный инструментарий для поиска предметов.

² Часть произведений из довоенных поступлений ЧОКГ имеют только маркировку 1950-х и более поздних лет. Часть картин имеет множество отметок на обороте холста или подрамнике, однако лишь часть из них можно идентифицировать как маркировку 1940-х годов, соответствующую номерам предметов в актах передачи из Челябинской картинной галереи в Челябинский краеведческий музей летом 1941 г.

Наибольшую эффективность показал поиск предметов по маркировке. Сохранившиеся в актах передачи из Государственного Русского музея (далее ГРМ) учетные номера, а также маркировки 1940-х годов, имеющиеся на части предметов, дали возможность идентифицировать часть произведений, уточнить их наименование или отвергнуть существующую атрибуцию. Так, поступивший из Отдела по делам искусств Челябинского облисполкома в 1951 году во вновь открывшуюся Челябинскую областную картинную галерею пейзаж с учетными номерами ЧОКГ-КП-2 Ж-2 имел авторство и наименование «Э. Буден. Берег в Нормандии. Без подписи и даты». Позднее, в каталогах «Челябинская картинная галерея» 2003 года [15, с. 63] и «Русская живопись XVIII – начала XX веков» 2006 года [16, с. 30] картина уже значилась как «А. П. Боголюбов. Дьепп. Закат солнца». Однако сверка маркировок на обороте холста и подрамнике с номерами, указанными в актах 1941 и 1944 годов [14, л. 52], показала, что номер «20 п/ф», записанный на подрамнике, соответствует предмету «Боголюбов А. П. Вечер на море в Нормандии», переданному из ГРМ в ЧОКГ по акту безвозмездной передачи в мае 1941 года [17, с. 1].³ По соотнесению маркировок на фондовых произведениях с довоенными номерами предметов ранее также были выявлены графические листы «Площадь в Веве» В. А. Жуковского (ЧОКГ-КП-5563 Г-2932), лубок «Генерал Мороз, бреющий маленького героя» (ЧОКГ-КП-5561 Г-2930), «Портрет Беннигсена» И. Фабера; переатрибутирована картина Н. Н. Дубовского «Морской вид» (ранее «Сардинский завод», ЧОКГ-КП-18 Ж-14)⁴.

С развитием современных технологий и баз данных перспективы успешного поиска утраченных предметов значительно расширились. Так, публикация и систематизация данных о музейном фонде Российской Федерации на сайте Государственного каталога [18] (далее – ГК) дает возможность просматривать большое количество музейных коллекций и вести поиски даже с небольшим набором данных о произведении. Так, благодаря публикации данных на сайте ГК, нами был идентифицирован акварельный лист «Пруд в Новом Афоне» А. Н. Бенуа, хранящийся в настоящее время в Смоленском государственном музее-заповеднике. Данное произведение поступило в 1941 году в Челябинскую областную картинную галерею из ГРМ, было ука-

³ Подробнее об этом в статье к каталогу выставки «В фарватере Айвазовского. Живопись и мемориальные предметы из собрания Центрального военно-морского музея, Санкт-Петербург», Челябинск, 2024. С. 53.

⁴ Подробно об этом в докладе Т. С. Балабан «Собрание Челябинской картинной галереи 1940–1941 гг. – новые данные о произведениях из первой коллекции» на XXVII Всероссийской научно-практической конференции «Декабрьские диалоги», посвященной памяти первого директора музея Ф. В. Мелехина. Омск, 2023.

зано в актах осмотра экспонатов галереи от 20 ноября 1944 года [14, л. 17], однако впоследствии утрачено для коллекции. По запросу в Смоленский государственный музей-заповедник нам были предоставлены фотоизображения листа, а также публикация В. Кочановой «Графические произведения из коллекции М. К. Тенишевой в собрании Смоленского музея-заповедника» [19, с. 51–53], в которой, среди прочего, упоминается работа А. Бенуа. Произведение в Смоленский музей было закуплено в 1978 году от жительницы города Б. Д. Кручининой [19, с. 52], но никакой дополнительной информации и источника происхождения бывшей владелицей предоставлено не было. Сверка с документами ГРМ, уже упоминавшимся актом передачи в ЧОКГ 1941 года, а также наличие на листе маркировки «618» позволили нам идентифицировать данную акварель как утраченную в период 1944–1951 годов из коллекции Челябинской картинной галереи.

Как упоминалось ранее, обнаружить предметы из челябинских довоенных поступлений затруднительно, так как информации сохранилось немногого – фотопропродукции отсутствуют, в документах чаще всего не указаны ни дата создания, ни размеры произведений. Поэтому находку в Смоленском государственном музее-заповеднике можно считать везением. Под вопросом пока остаются несколько произведений, раннюю принадлежность которых к коллекции Челябинской картинной галереи можно выдвинуть в качестве гипотезы. В списках недостающих предметов к акту от 20 ноября 1944 года [14, л. 17] указана картина В. Г. Одинцова «Хозяйка бригады», поступившая из ГРМ. Работа с аналогичным названием и авторством В. Г. Одинцова была обнаружена нами в Кабардино-Балкарском музее изобразительных искусств им. А. Л. Ткаченко. Согласно данным, предоставленным сотрудниками музея, картина поступила к ним в 1967 году из ГРМ по приказу № 195 МК РСФСР от 25.03.1967 на постоянное хранение [20]. Таким образом, ни подтвердить, ни опровергнуть факт пребывания картины Одинцова в Челябинске в 1940-е годы пока невозможно. Еще одной историей со знаком вопроса остается судьба картины П. О. Ковалевского «Генерал верхом», поступившей, как и многие произведения довоенного времени, по акту ГРМ № 967 от 13.05.1941 [17, с. 2]. Картина числилась имеющейся в наличии по акту осмотра экспонатов Челябинской картинной галереи 20 ноября 1944 года [14, л. 15 об.], однако после войны в коллекцию ЧОКГ не вернулась. Единственными аналогами утраченного произведения можно считать две картины, хранящиеся в настоящее время в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике, – П. О. Ковалевский «Портрет генерала Струкова» 1898 года (НГМ-КП-11656) и «Портрет генерал-майора Струкова» 1883 года (НГМ-КП-33823/222). Оба произведения поступили в Новгородский

музей-заповедник после Великой Отечественной войны, в 1957 и 1976 годах соответственно. Как и с произведением из Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств, в настоящее время исследователь не обладает достаточным объемом данных, позволяющим сделать однозначные выводы о происхождении картин.

Еще два произведения, provenанс которых из первой коллекции ЧОКГ предстоит подтвердить или опровергнуть, хранятся в коллекции Челябинского государственного музея изобразительных искусств (далее ЧГМИИ). Речь идет о пейзажах, поступивших от жителей города спустя многие годы после окончания Великой Отечественной войны. Первое – «Пейзаж в лесу», значащееся под авторством неизвестного художника французской школы второй половины XIX в. (ЧОКГ-КП-4280). Предмет небольшого формата (5,8 x 9,8 см) с плохо читаемой подписью был куплен в 1981 году у А. П. Жидяева, легенды о его происхождении не сохранилось. В настоящее время принадлежность к французской школе находится под сомнением, выдвинута гипотеза о том, что этюд является утраченной в 1944 году работой А. Кашекеля «Лесная дорожка» [14, л. 19]. Второе произведение – акварельный лист Л. Ф. Лагорио «Пейзаж», купленный в 1986 году у П. И. Грицыхиной, также не имеющей истории происхождения, может являться работой Л. Ф. Лагорио «Береговой пейзаж» [17, с. 3], утраченной из коллекции в 1944 году [14, л. 18 об.]. Оба произведения сложно идентифицировать, несмотря на наличие довоенных учетных номеров – обороты залиты силикатным клеем.

Анализ современного состояния коллекции Челябинского государственного музея искусств и истории довоенного собрания Челябинской областной картинной галереи в совокупности с доступными современным исследователям методами поиска музеиных предметов позволил нам к настоящему времени выявить несколько произведений из довоенного собрания ЧОКГ, а также в качестве гипотезы выдвинуть предположение о происхождении ряда работ не только из собрания ЧГМИИ, но и других музеев России. Безусловно, работа в этом направлении будет продолжаться по мере развития технологий и повышения доступности как архивных материалов, так и сведений о музеиных и частных коллекциях произведений искусства. А потому наш опыт можно считать одним из вариантов поиска утраченных экспонатов при наличии лишь разрозненных и подчас противоречивых данных, отдаленных во времени на многие десятилетия.

Библиографический список

1. Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. Провинциальные музеи в условиях революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. – 2017. – № 2. – С. 59–62.
2. Татаренкова Н. А. Сохранение культурного наследия российской провинции в 1917–1927 гг. // Манускрипт. – 2017. – № 7 (81) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-kulturnogo-naslediya-rossiyskoy-provintsii-v-1917-1927-gg> (дата обращения: 31.07.2024).
3. Николас Л. Похищение Европы: судьба европейских культурных ценностей в годы нацизма. – М. : Логос, 2001. – 639 с.
4. Эрмитаж спасенный. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. – 260 с.
5. Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://shm.ru/iwt> (дата обращения: 31 июля 2025).
6. Проект «Культурные ценности – жертвы войны» [Электронный ресурс]. – URL: <https://lostart.ru/ru/> (дата обращения: 30 июля 2025).
7. Китова Л. Ю. Деятельность В. П. Левашевой в годы Великой Отечественной войны // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне и в Великой Отечественной войне / ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский госуниверситет». – Горно-Алтайск, 2015. – С. 73–74.
8. Мазурин А. Б. История Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея в военные годы: новые страницы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2022. – №1(114). – С. 73–82.
9. Хорошева Н. А., Костин С. Е. Алексей Моисеевич Токарев – директор Астраханской картинной галереи в годы Великой Отечественной войны // Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования: материалы V Национальной научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 8–9 февраля 2022 г. : сб. / Астраханский госуниверситет. – Астрахань, 2022. – С. 444–447.
10. Богачев И. Н. К вопросу о судьбе картинной галереи имени Ю. М. Пэна // Искусство и культура. – 2023. – № 4 (52). – С. 28–36.
11. Антипин Н. А. Челябинский краеведческий музей. 1913–1957 гг. / Челябинский областной краеведческий музей. – Челябинск, 2011. – 224 с.
12. Трифонова Г. С. Художественная культура Южного Урала (1900–1980-е гг.) : монография. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – 271 с.
13. Балабан Т. С. Собрание Челябинской областной картинной галереи 1930–1940-х гг.: документальные свидетельства о судьбах первой коллекции // Вопросы музеологии. – 2024. – Вып. 15 – Т. 1.

14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Р-278. Оп. 2. Ед. хр. 171. Л. 1.
15. Пантелейева Г. И., Сабельфельд Л. А., Трифонова Г. С. Челябинская картинная галерея: каталог. – Челябинск : Белый город, 2003.– 63 с.
16. Трифонова Г. С. Русская живопись XVIII – начала XX века: каталог / Челябинский обл. гос. музей искусств. – Челябинск, 2006. –141 с.
17. Акт безвозмездной выдачи из Государственного Русского музея № 967 от 13 мая 1941.
18. Госкatalog музеиного фонда РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 15 августа 2025).
19. Кочанова В. Г. Графические произведения из коллекции М. К. Тенишевой в собрании Смоленского музея-заповедника // Край Смоленский. – 2021. – № 12. – С. 51–53.
20. Архив ЧГМИИ; исх. №168 от 07.09.2023 на № 245 от 28.08.2023.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда глазами сотрудников Библиотеки Российской академии наук

Н. В. Бекжанова¹



Аннотация. В статье дается обзор содержания отдельных дневников и воспоминаний сотрудников Библиотеки Российской академии наук, посвященных Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и блокаде Ленинграда. Их авторы – фронтовики, мобилизованные из библиотеки или поступившие на работу в послевоенные годы, медсестры, блокадники, дети войны – рассказывают о событиях, участниками которых они стали.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 годов, блокада Ленинграда, история, Библиотека Российской академии наук, сотрудники, воспоминания.

The Great Patriotic War and the blockade of Leningrad through the eyes of the staff of the Russian Academy of Sciences Library

Summary. The article provides an overview of individual diaries and memoirs of employees of the Russian Academy of Sciences Library dedicated to the Great Patriotic War of 1941–1945 and the blockade of Leningrad. Their authors are front-line soldiers mobilized from the library or those who began working at the library in the post-war years, nurses, blockade survivors, children of war, they talk about the events of which they were participants or witnesses.

Keywords: The Great Patriotic War 1941–1945, the blockade of Leningrad, history, the Russian Academy of Sciences Library, employees, memories.

¹ Бекжанова Наиля Вилевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1.

Bekzhanova Nailja Vilevna, PhD, Senior Researcher of the Russian Academy of Sciences Library, Russia, 199034, Saint-Petersburg, Birzheva linija, 1.

Современное источниковедение рассматривает мемуары и дневники как разные виды исторических источников, близкие по происхождению, характеру и значению. Главная их функция – это фиксация фактов, участником или свидетелем которых стал автор [1, с. 32]. Каждый из них создается на основе личного опыта, памяти, впечатлений и чувств, отражает не только события, но и личность пишущего, его отношение к пережитому. Поводом для создания воспоминаний зачастую становятся социально значимые события, внесшие решительный вклад как в жизнь общества в целом, так и в судьбу отдельного человека. Одним из таких событий стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Первые публикации такого рода появились еще в годы войны, а начиная с 1960-х годов выходят ежегодно, со значительным всплеском в юбилейные годы. Это и рассказы фронтовиков – маршалов, генералов, офицеров, рядовых солдат; и свидетелей войны, переживших все ее тяготы в разном возрасте. Подготовкой их к печати занимаются сами авторы, их родственники, исследователи. Выходят они отдельными изданиями, в сборники собираются воспоминания сотрудников конкретных учреждений, жителей городов или регионов, свидетелей одного события.

Не остались в стороне от этой важной деятельности и сотрудники Библиотеки Российской академии наук (далее БАН). Уже в годы войны некоторые из них стали по горячим следам фиксировать пережитое. В настоящее время рукописные или машинописные оригиналы воспоминаний хранятся в архиве БАН. Опубликованы они были в 2024 году в сборнике «Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук» [2, с. 331, 335–336, 339–341, 342–344].

Темой этих рассказов стала переживаемая авторами блокада Ленинграда. Е. Т. Людевиг – сотрудник ряда отделов БАН с 1924 года, с 1936 года библиотекарь II разряда, в 1943 году описала, как работала в эти трагические годы библиотека Ботанического института им. В. Л. Комарова. «После смерти трех моих сотрудников и четырех эвакуировавшихся мне приходится производить все работы по библиотеке» [2, с. 335] – при всей кажущейся отстраненности фраза ярко рисует образ блокадного библиотекаря, героически преодолевавшего все трудности.

Воспоминания Г. Ф. Подозерской, трудившейся в БАН в 1933–1939 годах, а в апреле 1942 года, после неудачной попытки эвакуации, вновь поступившей в библиотеку старшим библиотекарем научно-библиографического отдела (НБО), охватывают период с октября 1942 по май 1944 года. Она описывает то, что видела по пути из Ленинграда в Москву, когда вместе с коллегами сопровождала ящики с книгами: «Ленинград же казался очень

красивым, но разрушенные дома, поломанные деревья, сложенные на тротуарах груды вещей останавливали внимание. Особенно бросалась в глаза чистота улиц. Казалось, что кто-то их подметает, прибирает <...> С рассветом прибыл на озеро катер <...> Неожиданно прибыли две платформы с трупами людей, по-видимому, убитых в районе озера» [2, с. 339–340]. Запомнилась автору кошка, которая встретилась ей в Вологде. Это было первое четвероногое животное, встреченное после отъезда из блокадного города. Фразы, посвященные возвращению в Ленинград, окрашены светлой грустью, любовью к родному городу: «Спокойно относились к тому, что потолком служила только одна его половинка, на которой почему-то у меня в комнате завис абажур <...> Но это был твой дом. И это уже было хорошо» [2, с. 341].

В печати воспоминания сотрудников БАН, посвященные военным годам, начали появляться в 1957 году. В сборнике «Девятьсот дней» вышел рассказ Г. Я. Снимцовой [3], трудившейся в библиотеке с июля 1941 по апрель 1943 года. Занимая с февраля 1942 года должность ученого секретаря, а с июня – заместителя директора, она организовала работу библиотеки в блокадном городе. Именно бытование БАН в этот период и описала она: изменившиеся условия труда, гибель коллег. Особенно выделяет автор тех библиотекарей, которые обеспечивали жизнеспособность библиотеки.

Большая работа в БАН по сбору воспоминаний сотрудников о войне была проведена в начале 1980-х годов комсомольцами библиотеки, которые откликнулись на поставленную перед ними задачу «развернуть изучение героического подвига народа в годы Великой Отечественной войны, включиться во Всесоюзную экспедицию комсомольцев и молодежи в “Летопись Великой Отечественной”» [4, л. 1]. К 1985 году, к 40-летию Победы, необходимо было осуществить «запись воспоминаний фронтовиков, участников партизанского и подпольного движения, тружеников тыла» [4, л. 1]. По инициативе Совета ветеранов ВЛКСМ БАН была разработана «Анкета ветерана войны», где «кроме общих вопросов, ветерану предложено дать описание наиболее памятных эпизодов периода войны, дать перечень военных операций, в которых ветеран участвовал» [4, л. 1].

Опубликованы эти воспоминания были в 2024 году в сборнике, изданном БАН к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады [2, с. 321–339, 341, 342, 344, 345, 348–353, 355–357]. Их авторами стали не только фронтовики (И. А. Бровин, П. И. Быстров, И. Т. Васильев, О. В. Дубровский, Д. А. Коваленко, Г. Ф. Коновалов, Г. Я. Кузнецов, А. И. Новокшенов, И. А. Оглы, В. Н. Поздняков, А. Х. Рафиков, Д. А. Семичев, И. С. Смирнов, В. Ф. Экономов), но и медсестры, трудившиеся в госпиталях (Н. А. Воронцова),

блокадники (В. П. Алексеева, С. Н. Бузина, А. Н. Тихонов), дети войны (В. П. Романенко, В. М. Хвощевский).

Каждый из них по-своему отнесся к поставленной задаче. Составитель многих библиографических пособий В. П. Алексеева, с 1933 года трудившаяся в НБО, проведшая в Ленинграде всю блокаду, перечислила наиболее запомнившиеся ей моменты: «Бег (вместе с В. М. Римской-Корсаковой) сквозь частый дождь раскаленных осколков бомбы, упавшей на наших глазах в Неву у Дворцового моста. В. М. шла ко мне на именины 30 сентября 1941 г. и несла в подарок одну вареную картофелину, которая и была единственным угощением <...> Вкус фотоклея <...> Массовое неожиданное превращение скромных, тихих, ничем не заметных женщин в бесстрашных и мужественных героев» [2, с. 321–323].

Фронтовики вспоминали эпизоды своей военной биографии. Воевали они на Ленинградском и Волховском фронтах, принимали участие в Корсунь-Шевченковской операции, в боях на Черноморском побережье, на Кавказе, на Балтике. Каждый из них выбрал наиболее памятный эпизод, который описал в зависимости от своего характера – иногда даже с юмором. Например, военврач И. А. Оглы, трудившийся в БАН в 1983–1986 годах инспектором 1-й части, рассказал о том, как матросы выловили в Балтийском море тюленя, приняв его в темноте за тонущую собаку [2, с. 337–338]. Другой его очерк посвящен трагическому случаю, свидетелем которого он стал в Кронштадте – снаряд взорвался в бане, полной народа. И ему пришлось принимать «поток раненых женщин, только женщин!». Удивила его «относительная тишина <...> не было ни криков, ни истерик – ничего такого, что можно было бы ожидать в этих условиях» [2, с. 338].

Иногда из сухой фразы сотрудника отдела обработки и каталогов И. А. Бровина – «в этом бою меня ранили, а затем я был направлен в госпиталь, где и пробыл около 8 месяцев, а затем демобилизован по ранению и получил инвалидность 3-й группы» [2, с. 323] или из рассказа заместителя директора, старшего научного сотрудника отдела литературы на языках Азии и Африки (ОЛСАА) А. Х. Рафикова об освобождении города Тихвина – «из 280 чел. курсантов выбыло из строя 220 чел.» [2, с. 345], становится очевидным весь ужас войны.

Зачастую в воспоминаниях мы находим факты, которые редко встречаются в официальных версиях событий. Например, потомственный переплетчик, трудившийся в Технических мастерских/Реставрационно-полиграфических мастерских (ТМ/РПМ) БАН в 1939–1941, 1945–1981 годах П. И. Быстров – санинструктор при полевом подвижном медсанбате 70-й стрелковой дивизии, рассказывает о переходе в ноябре 1941 года через Ладогу,

который «многим стоил жизни, так как при каждом привале я обнаруживал десятки замерзших людей», или о том, что в декабре того же года вместо мин в снарядных ящиках были обнаружены железные болты [2, с. 325–326]. Начальник ТМ БАН с 1957 по 1981 год Г. Ф. Коновалов, вспоминая о тяжелейших боях в районе Моздока в 1942 году, пишет: «наша часть была только что сформирована и выглядела “молодцевато”, если не считать отсутствия табельного вооружения, на 3–4 бойцов приходилась 1 трехлинейка с пятью патронами» [2, с. 333].

Отдельно стоят воспоминания двух подростков, переживших войну. В. П. Романенко, в 1965–1999 годах работавший в ОЛСАА, выбрал для своего рассказа эпизод, как он вместе с несколькими семьями сотрудников районного отделения связи, ушедших из станицы чуть ли не в день прихода немцев, шел за телегой, нагруженной скярбом беженцев [2, с. 348]. Главными героями его рассказа стали люди, «самые обыкновенные: простые, слабые, сильные. И почти всех возрастов. Общим для них был долгий тот путь, на котором нельзя было падать, нужно было выстоять <...> Ведь у них ничего больше не осталось, кроме этой арбы» [2, с. 349].

Краткий эпизод воспоминаний В. М. Хвощевского, трудившегося в БАН художником-оформителем, организатором книжных выставок в 1955–1988 годах, впоследствии вошел в автобиографическую повесть «Кораблик» [5]. Это рассказ мальчика от первого лица, который, выехав на каникулы в июне 1941 года в Поповку Ленинградской области, оказался на оккупированной территории, был вывезен немецкими войсками в Польшу, сумел выжить, а после освобождения самостоятельно вернулся в Ленинград. «Я вышел из вагона. Над перроном, у самой крыши вокзала железными буквами написано: “Ленинград”. Остановился <...> Люди меня толкают, торопятся, они озабочены. У них свои дела, свой дом... У меня ничего нет, лишь справка, что это я. Все остальное, словно в тумане <...> Напротив меня в трамвае сидит женщина. Она немного похожа на тетю Надю, подругу моей мамы <...> На улице я спросил: – Простите, пожалуйста, вы случайно не тетя Надя? – Не случайно, мальчик, – сказала она, – совсем не случайно. А ты кто? Ой, – воскликнула она, приглядевшись сквозь пенсне, – вы же все погибли!» [5, с. 82].

В 2013 году издательством БАН были опубликованы воспоминания Н. М. Розовой – главного библиографа, проработавшего в библиотеке более полувека с 1955 по 2009 год [6]. Окончив срочные курсы медсестер, всю войну она прослужила медицинской сестрой хирургического госпитального отделения. Без ложного пафоса рассказывает в своей книге о буднях военного госпиталя, располагавшегося до марта 1943 года в Ленинграде, а затем,

с началом наступательных действий Красной армии, действовавшего на Центральном фронте, позднее – 1-м и 2-м Белорусских. Госпиталь принимал раненых Ленинградского фронта, после боев на Курской дуге, в т. ч. танкового сражения под Прохоровкой, освобождения Варшавы. За каждой фазой все, знавшие Н. М. Розову, слышат ее голос, ее манеру говорить. На протяжении книги она перекидывает мостики между прошлым и настоящим: «воспоминания подступают, как в кино, наплывают без точной хронологической последовательности, вдруг» [6, с. 39]. Говоря об одноклассниках, однокурсниках, людях, встретившихся на ее военном пути, она здесь же рассказывает об их дальнейшей послевоенной судьбе.

Описывая службу в госпитале, автор вспоминает не только докторов и раненых, но и условия, в которых приходилось трудиться: «почти каждую ночь нас инспектировали. Сидя за столом, я уронила голову на сложенные руки и задремала <...> вердикт проверяющего: трое суток гауптвахты за сон на посту» [6, с. 39].

Демобилизовавшись в январе 1946 года, Н. М. Розова вернулась в Ленинград. Не менее интересен ее рассказ о первых послевоенных годах. Обращает она внимание на то, что люди стали ощущать «духовный» голод и «буквально набросились на науку, культуру, искусство» [6, с. 78]. И сама Наталия Михайловна «прорывалась» на лекции П. И. Лукирского о ядерной энергии, античника С. И. Ковалева, посещала консерваторию, поступила на заочное отделение исторического факультета Ленинградского университета.

Условиям ленинградского быта в первые послевоенные годы посвящен рассказ Г. И. Миловидовой – сотрудника отдела фондов и обслуживания в 1957–2012 годах, 33 года она возглавляла участок индивидуального абонемента. «Помню, мама из папиной гимнастерки сшила мне демисезонное пальто <...> Однажды осенним теплым днем наша семья была приглашена на прогулку в Пушкин <...> Мама надела свое старенькое довоенное пальто с широкими рукавами на манжете и бежевые туфли, у которых слегка отставала подошва. Чтобы не попасть в неловкое положение, туфли пришлось надеть вместе с галошами <...> мама все хотела уйти подальше от толпы – мы стеснялись своего вида...» [7, с. 174–175].

В 2020 и 2024 годах в 9-м [8] и 12-м [9] выпусках сборников «Такаяальная война...» вышли части дневника и воспоминаний Н. А. Никифоровской (1921–2003) – библиографа, литературоведа, театроведа, трудившейся в НБО БАН в 1949–1976 годах, ставшей одним из составителей методического пособия «Правила библиографического описания произведений печати» [10], которое было положено в основу ГОСТ 7.1–69 «Описание произведений печати для библиографических и информационных изданий», и «Единых

правил описания произведений печати в библиографических и информационных изданиях» [11].

Первая публикация представляет собой ежедневное подробное описание жизни семьи в самое страшное блокадное время – в январе 1942 года. Студентка филологического факультета Ленинградского университета, с июля 1941 года Н. А. Никифоровская работала в библиотеке Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова. В своем дневнике она называет имена коллег, дает им характеристики, описывает условия работы («на службе у нас “холоднее, чем на улице”. Это говорит почти каждый приходящий читатель. Руки мерзнут невыносимо, ноги тоже» [8, с. 394]). Но при этом отмечает, что вне зависимости от холода читатели идут в библиотеку, не мешают им даже бомбёжки и артобстрелы, как это случилось 8 января, когда не удалось спуститься в бомбоубежище, так как «они ни за что не хотели уходить» [8, с. 397].

Очень много в тексте говорится о еде, о том, как добываются продукты питания. Следует отметить, что это характерно практически для всех дневников блокадников. Постоянное чувство голода, о котором пишет Н. А. Никифоровская, приводит к тому, что даже в столь любимой ею литературе «художественное описание пищи и процесса еды раздражало», а «читать про “муки голода” людей, не евших с “самого утра”, и про то, как женщина падает в обморок “от голода”, было смешно и грустно [8, с. 396].

Описывает она в своем дневнике и условия пребывания в больнице, куда был определен ее отец: «в больнице страшный холод, особенно в коридоре. В палатах несколько теплее. Папа лежит под тремя одеялами, в свитере и берете» [8, с. 397].

Вторая публикация продолжает дневниковые записи, дополненные по памяти почти шестьдесят лет спустя. Посвящена она эвакуации в Елабугу, куда Н. А. Никифоровская выехала вместе с семьей в феврале 1942 года, описанию тех сложностей, с которыми им пришлось столкнуться: «Теснота была ужасная. Чтобы выйти из вагона, приходилось на четвереньках карабкаться через груду вещей, наваленных на полу. Кипяток достать совсем было нельзя» [9, с. 371]. Рассказывает она и о том, как по-разному вели себя люди в экстремальных условиях. В пути им пришлось столкнуться и с обманом, и с воровством. Но чаще все-таки имела место доброта местных жителей, их желание оказать помочь эвакуированным ленинградцам, хотя и самим было непросто.

Будучи человеком внимательным и склонным к анализу, Н. А. Никифоровская в своих записях отмечает, как меняется отношение людей к вещам, которые еще недавно были самыми обычными, например, сосиски, которые

неожиданно стали чем-то диковинным и очень привлекательным для нее и ее семьи в период их пребывания в Свердловске [9, с. 382]. Или же наоборот – то, что в мирное время было невозможно, переставало вызывать отторжение, она называет «ненужной брезгливостью» свое впечатление от сообщения тети, что та ела кошку [8, с. 395].

Разнообразны воспоминания сотрудников БАН о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда, они не только наполнены фактами, но и делают зримым характер каждого из авторов. Но все они едины в одном, что можно выразить фразой А. Н. Тихонова, работавшего в БАН в 1946–1982 годах: «Мы ничего не забыли и никогда не забудем тех, кто отдал свою жизнь за счастье людей!» [2, с. 352].

Библиографический список

1. Приймак Н. И., Валегина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник : учеб. пособие / СПбГУ. Ин-т истории. Кафедра источниковедения истории России. – СПб. : ЛЕМА, 2018. – 72 с.

2. Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост. Н. В. Бекжанова, А. А. Балакина; Б-ка Рос. акад. наук. – СПб., 2024. – 567 с.

3. Снимицкова Г. Я. Год в блокаде : из записок библиотекаря // Девятьсот дней. – Л. : Лениздат, 1957. – С. 320–323.

4. Летопись Великой Отечественной войны. Воспоминания и стихи сотрудников БАН // Архив БАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. 55 л.

5. Хвощевский В. М. Кораблик: автобиогр. повесть. – СПб., 1992. – 84 с. : рис.

6. Розова Н. М. Мои воспоминания о войне / ст., сост., comment. Н. В. Бекжановой, Н. А. Волковой, Н. А. Сидоренко; Б-ка Рос. акад. наук. Справ.-библиогр. отд. – СПб., 2013. – 100 с. : ил.

7. Миловидова Г. И. [Я с родителями вернулась из эвакуации...] // После блокады: истории наших читателей / Комитет по культуре Санкт-Петербурга. ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб., 2019. С. 174–175.

8. Никифоровская Н. А. Один блокадный месяц / публ. А. А. Балакиной, Н. В. Бекжановой // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах. – СПб. : Северная звезда – 2020. – Вып. 9. – С. 385–421. – (Серия : Страницы «Бессмертного полка»).

9. Никифоровская Н. А. Эвакуация в Елабугу / публ. А. А. Балакиной, Н. В. Бекжановой // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах. – СПб. : Северная звезда – 2024. – Вып. 12. – С. 362–389. – (Серия : Страницы «Бессмертного полка»).

10. Правила библиографического описания произведений печати : пособие для библиографов, науч. и издат. работников / сост. Н. А. Никифоровская; под ред. С. П. Луппова; Б-ка АН СССР. – Л., 1964. – 289 с.

11. Единые правила описания произведений печати в библиографических и информационных изданиях / Междуведомств. каталогизац. комис. при ГБЛ им. В. И. Ленина. – М. : Книга, 1970. – 181 с.

Мраморный портрет Антиноя из Нижней Тронной Павла I – прошлое и настоящее

И. П. Беляева, А. В. Круглов¹



Аннотация. Мраморный портрет Антиноя XVIII века из Нижней Тронной Павла I в Гатчинском дворце, впоследствии оказавшийся в Павловске, был ошибочно отождествлен с античной головой юноши из Эрмитажа, что опровергается историческими документами и фотографиями. Статья анализирует качество скульптурной копии и возможные иконографические источники. Выдвигается предположение о происхождении портreta из покупок Павла Петровича и Марии Федоровны в Риме и о его изготовлении в мастерской К. Альбачини.

Ключевые слова: *портрет Антиноя, Гатчинский дворец, Нижняя Тронная, копии портретов Антиноя XVIII века, К. Альбачини.*

A marble portrait of Antinous from the Lower Throne Room of Paul I – past and present

Summary. An 18th-century marble portrait of Antinous from the Lower Throne Room of Paul I in the Gatchina Palace, which later ended up in Pavlovsk, was mistakenly identified as an ancient head of a youth from the Hermitage, a claim disproven by historical documents and photographs. The article analyzes the quality of the sculptural copy and its possible iconographic sources. It is suggested that the portrait originated from purchases made by Pavel Petrovich and Maria Feodorovna in Rome and was produced in the workshop of C. Albacini.

¹ Беляева Инна Петровна, старший научный сотрудник, хранитель фонда «Скульптура и камень» ГМЗ «Гатчина», Россия, 188307, г. Гатчина, Красноармейский пр., 1.

Belyaeva Inna Petrovna, senior researcher, curator of «Sculpture and stone» fund of the Gatchina Palace and Estate Museum, Russia, 188307, Gatchina, Krasnoarmeysky ave., 1.

Круглов Александр Валерьевич, кандидат искусствоведения, независимый специалист. Kruglov Alexander Valeryevich, PhD, independent scholar.

Keywords: *portrait of Antinous, Gatchina Palace, Lower Throne Room, 18th century copies of Antinous' portraits, C. Albacini.*

Мраморный портрет Антиноя итальянской работы XVIII века сохранялся в Гатчинском дворце-музее в годы Второй мировой войны. В дневнике С. Н. Балаевой имеются записи от 23 июня – 4 июля 1941 года: «разобраны Парадные Комнаты Павла I...», 7–10 июля происходит «перенос вещей в подвал (фарфор, бронза, мрамор)» [1, с. 84, 85]. Сразу после освобождения Гатчины начались работы по поиску оставшихся во время оккупации на территории дворца музеиных предметов. 13 апреля 1944 года: «В подвале обнаружены мраморы Греческой, Чесменской и др., большинство в поврежденном состоянии», а 11 июля отмечено, что красноармейцы выносят мраморы из подвала [1, с. 149, 157]. 6 ноября 1944 года: «... Получено предложение от Кучумова перевезти в Пушкин собранное имущество Гатчинского дворца» [1, с. 170]. В декабре 1944 года музейные предметы, найденные на территории Гатчинского дворца, также находившиеся в подвалах Исаакиевского собора и возвращавшиеся из г. Сарапула, начали передавать в Центральное хранилище музейных фондов (ЦХМФ). С 1963 года названный портрет Антиноя хранился в Павловском дворце-музее [2, с. 98–99, № 79] (илл. 1).

Его историческим местонахождением в Гатчинском дворце была Нижняя Тронная Павла I, что засвидетельствовано в ряде документов. Согласно списку с описи предметов Гатчинского дворца 1796 года, составленной на основании описи 1793 года, во второй комнате Нижнего этажа значатся два мраморных бюста без наименований; запись сопровождена пометкой «от Брена» [3, л. 5]. Следующая известная нам опись, уже относящаяся к 1858 году, называет первый: «Бюст мраморный мужской. Колossalная голова» и дает полное название второго бюста: «Колоссальная голова Александра Великого» [4, л. 5]². То же самое фиксирует «Опись скульптурам предметам, находящимся в Гатчине по Главному Корпусу. Нижний этаж. 1863» [5, л. 1, № 1527–1528]. В соответствии с инвентарной книгой за 1938 год в Нижней Тронной находились три бюста – бюст Генриха IV, инв. № г. 29900, голова Умирающего Александра Македонского, № г. 29901, голова Антиноя № г. 29902 [6, с. 109].

Помимо инвентарных записей, важными документами являются акварель Э. П. Гау 1877 года, изображающая в деталях Нижнюю Тронную

² Бюст Антиноя – инв. № ГДМ-457-ХIII. Выс. 62 см. Бюст умирающего Александра Македонского – инв. № ГДМ-44-ХIII. Выс. 69 см.

(илл. 2)³, и фотографии, выполненные Ф. Л. Николаевским в начале 1910-х, А. П. Булгаковым в 1935 году, и М. А. Величко в 1938–1940 годах.⁴ (илл. 3, 4). И акварель, и фотографии близки по композиции: сосредоточивая внимание на главных объектах помещения – троне и большого масштаба живописном полотне с конным портретом Петра Великого – они захватывают в поле зрения находящийся между дверным проемом в Кавалергардскую и окном мраморный бюст Антиноя. Однако в основных публикациях, посвященных интерьерам и убранству дворца, осуществленных в свое время П. Вейнером [7, с. 64–66] и позднее В. К. Макаровым и А. Н. Петровым [8, с. 104–106], вовсе отсутствуют описания этого бюста, машинописная статья Макарова «О личных комнатах Павла I в Гатчине» 1923 года лишь упоминает бюсты Антиноя и так называемого Умирающего Александра [9, л. 25].

Следует исправить серьезную ошибку в распознании бюста Антиноя. Недоразумение возникло из-за комментария О. Я. Неверова, считавшего, что на акварели Гау запечатлена античная мраморная голова, хранящаяся в Эрмитаже (инв. № ГР 9185, шифр А.853). Исследователь атрибутировал ее как голову сатира, римскую копию по греческому оригиналу III в. до н. э. [10, с. 104–105]. Эти данные были воспроизведены уже как установленный факт в публикациях Е. Н. Хмельевой [11, с. 12, фиг. 34; 12, с. 149–150].

На самом деле эта скульптура поступила в Эрмитаж из Павловского дворца в 1922 году [13]. Вероятно, первый автор, если он знал о происхождении эрмитажной вещи из Павловска, имел в виду возможные передвижения между императорскими резиденциями, и голова с похожим наклоном, как ему казалось, была распознана на гатчинской акварели Гау. Однако не было учтено, что, хотя в XIX веке Павловский дворец принадлежал членам фамилии Романовых, после смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны он уже не был императорским владением, и вещь из Павловска не могла оказаться в Гатчине. Кроме того, оба публикатора упустили из виду издание о памятниках Павловска великого князя Константина Константиновича 1899 года [14, № 4], в котором бюст, впоследствии оказавшийся в Эрмитаже и подвергшийся дереставрации, был опубликован как находящийся в Павловске, и, естественно, он не мог быть запечатлен на акварели Гау. Наличие гатчинских фотографий конца 1930-х годов, фиксирующих голову Антиноя на том же месте во дворце, также оказалось вне поля зрения авторов. На акварели и на фотографиях видно, что у нее, по сравнению с эрмитажной, более пышные волосы с венком, нет поворота, значительный наклон вниз,

³ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-419-ХI.

⁴ НА ГМЗ «Гатчина», инв. №№ П-60, П-63.

иной, более короткой формы бюст, без картуша – оба публикатора проигнорировали факт, что эрмитажная голова без венка, а сам бюст был дереставрирован. Различия слишком значительны, учитывая документальную точность манеры Гау, и не трудно идентифицировать изображенный портрет Антиноя-Диониса, который до Второй мировой войны находился в Нижней Тронной Павла I в Гатчинском дворце, с мраморным бюстом, хранящимся ныне во Французской комнате Павловского дворца.

Бюст вошел в публикацию каталога собрания скульптуры Павловского дворца-музея. Его автор, Е. В. Королев, признался в описании памятника, что ему не удалось найти оригинал, который был повторен [2, с. 98–99, № 79]. Прежде чем обратиться к возможным оригиналам и заимствованиям, следует правильно квалифицировать данную скульптуру. Уже первоначальное сравнение с подлинниками портретов Антиноя показывает, что это не прямая и точная копия какого-либо конкретного античного оригинала, а упрощенная реплика с видоизменением деталей атрибута. Схожие произведения принадлежат к категории имитаций или близких повторений (но не подделок), относящихся к большой группе произведений *all'antica*. Такие работы в мраморе и бронзе были востребованы для заполнения недостающих мест в галереях античных скульптур в палаццо знати⁵, а также для применения в архитектурных сооружениях – для установки на балюстрадах, в люнетах на фасадах или в интерьерах, и именно установка в люнете предпочтала форму укороченного бюста и совершенно прямую постановку головы. В XVIII столетии, в эпоху Гран-тура, подобные произведения создавались мастерскими в качестве дорогой сувенирной продукции и предлагались знатным путешественникам самими скульпторами или связанными с ними антикварами. Более того, копии специально заказывались и высоко ценились знатоками. В 1776 году британский коллекционер Генри Бланделл заказал Карло Альбачини копию колоссального портрета Луция Вера из галереи Боргезе. Работу над этой копией застал молодой Канова, которому подмастерье сказал, что уже трудится над ней четырнадцать месяцев и для завершения нужны еще пять [16, р. 9–10, 83–84, по. 47, пл. 89–90]. Лучшие копии подписывались самими скульпторами, как, например, Альбачини оставил свое имя на бюсте Аполлона Бельведерского (Государственный Эрмитаж) [17, с. 82–83].

⁵ Так, в коллекции древней скульптуры палаццо Колонна в Риме, в которой насчитывается 150 произведений, находятся восемнадцать не античных, но вдохновленных античностью голов и бюстов; в каталоге обращено внимание, на примере головы Вакха с виноградным венком, что подобное произведение не может быть отнесено к какой-либо конкретной древней модели [15, р. 99, по. 50].

В настоящей скульптуре (хранящейся в Павловске) характерен полукруглый обрез внизу шеи в начале груди, и собственно эта поверхность образует форму укороченного бюста, который укреплен на круглой подставке с картушем. Наклон головы в сторону и вниз, какой мы должны предполагать в оригинальном портрете Антиноя [18, с. 23–24], полностью отсутствует. Скульптурные формы прядей волос упрощены, без особой градации на более мелкие, тонкие, короткие или длинные, особенно обращают на себя внимание четыре однообразные центральные пряди над лбом, более дифференцированные в оригинальных портретах Антиноя. Упрощение делает ненужным рассуждение о принадлежности данной иконографии оригинальному типу (с его вариантами А и В) [18, с. 25–26]. Излом брови преувеличен и смешен к середине глаза. Губы «бантиком» стали еще более пухлыми. Но, безусловно, образ древнеримского любимца Адриана – красавца Антиноя, каким он вошел в европейскую историю, легко распознаем.

Нам представляется, что автор каталога скульптуры Павловска неверно определил растение венка, венчающего голову, называя его виноградом (также неверно называя виноградным венок на голове статуи Антиноя-Диониса, т. н. Антиноя Браски из Ватиканских музеев, привлекаемого в качестве аналогии, на наш взгляд, весьма неубедительной ввиду полного различия скульптурных форм). На самом деле венок, как и в ватиканской статуе, состоит из характерных сердцевидных листьев и круглых кисточек с ягодами плюща (*Hedera helix*), другого священного растения Диониса. Подобные венки часто встречаются на подлинных портретах Антиноя, включая и вариант с прорезными листьями плюща, другой разновидности этого растения. Портреты Антиноя могут иметь венки из листьев и плодов лавра, мицита, дуба, плюща, в которых тип растения ясно определен. Ряд портретов Антиноя действительно включает в оформление виноград, тогда это узнаваемые крупные прорезные листья и грозди (вариант этой иконографии может иметь грозди, появляющиеся среди локонов юноши у висков и по бокам шеи). В некоторых случаях венок мог быть комбинированным, состоящим из плюща и винограда.

Таким образом, настоящий портрет имеет наиболее близкую аналогию с портретом Антиноя из скульптурной галереи палаццо Колонна, с аналогичной укороченной формой груди и композицией головы в фас. В моделировке лица также заметна некоторая упрощенность пластических форм. Отличием лишь являются прорезная форма листьев плюща в венке с круглыми кисточками ягод и возвышающийся в центре головы элемент в виде небольшого параллелепипеда, являющийся частью египетской короны в изображениях

Антиноя в синкретическом образе Диониса-Осириса⁶. В каталоге скульптуры галереи Колонна портрет датирован серединой XVIII века [15, р. 138, no. 75; 19, р. 31, note 42].

Подобный элемент мог находиться и в оформлении венка-короны прототипа гатчинского портрета. Совершенно очевидно, что два перекрещенных листа плюща в самом центре венка, помещенных сверху между двух идущих навстречу друг другу более крупных листьев – не встречающихся ни в одном античном портрете Антиноя – являются заменой непонятного и требующего объяснения элемента, в общем-то не необходимого в копийной продукции. Если принять во внимание то, что при создании настоящего портрета скульптор все же ориентировался на какой-либо древнеримский оригинал (или его гипсовый слепок, который мог находиться в мастерской) – с венком из непрорезных, сердцевидных листьев плюща – то таковым окажется бюст в галерее Питти во Флоренции из исторической коллекции Медичи, в инвентаре которой он значится с XVII столетия [20, р. 44–46, no. I 21, pl. 21–22; 21, р. 559, no. 109 (K. Fittschen)]. Происхождение неизвестно, но большинство античных скульптур в коллекции Медичи было обнаружено в Риме. Сравнение профилей и характера ориентации локонов вокруг стебля венка также показывает сходство (кисточки с ягодами на венке сбиты).

Бюст в галерее Питти становится поводом для обсуждения, так как известно, что с XVI столетия коллекционеры и скульпторы были знакомы с мраморными оригиналами портрета Антиноя, украшенного плющевым венком.

Рисунок из альбома Фоссомброне (школа Рафаэля, первая треть XVI в.) запечатлел один из них [19, р. 31, note 40; 20, р. 46, note 150; 22, р. 196–197, fig. 73; 23, р. 256], однако сам оригинал не идентифицирован среди известных сохранившихся бюстов. Его сопоставляли с мраморным бюстом Гриманни и бронзовыми репликами, исполненными скульптором Гульельмо делла Порта, только это сравнение неудовлетворительно в силу того, что рисунок изображает голову как с плющевым венком, так и гроздьями винограда внизу шеи, чего нет у названных изображений.

Великолепный по сохранности бюст из собрания кардинала Джованни Гриманни (Палаццо Гриманни, Национальный археологический музей, Венеция) представляет портрет Антиноя в плющевом венке. Упоминание этого бюста важно, потому что расположение стебля, листьев и кисточек ягод плюща как спереди, так и с боков, совпадает с венком гатчинской головы, но различна форма листьев – она прорезная на венецианском портрете. Бюст,

⁶ Корона атеф с перьями страуса или хемхемет (тройной атеф) с перьями страуса, кручеными барабанами рогами, двумя уреями и солнечными дисками.

датируемый временем Адриана, 130–138 годами, был найден на виа Аппия около древнего Ланувия в области Лацио между 1550 и 1555 годами, причем Пирро Лигорио сообщал об обнаруженных сразу нескольких одинаковых головах [24, р. 273–274, но. I.22]. Последнее позволило предположить, что и портрет в палаццо Питти происходит из тех же раскопок [23, р. 255]. Оба бюста имеют над венком надставку под египетскую корону.

Около 1560 года Гульельмо делла Порта изготовил две бронзовые реплики портрета из Ланувия в собрании Гrimани, которые были приобретены герцогом Оттавио Фарнезе в Риме в 1575 и впоследствии оказались в Неаполе (Королевский дворец и дворец Каподимонте) [19, р. 28–32, fig. 2–3]. Точность бронзовых отливок в размере и всех деталях по отношению к мраморному оригиналу несомненно была обеспечена снятием гипсового слепка, последний мог быть дублирован и в дальнейшем оказаться в других мастерских; во все времена гипсовые слепки служили незаменимым материалом в работе ваятеля. Известно, например, что две гипсовые головы Антиноя (не бюсты) находились в мастерской Б. Кавачеппи [25, р. 286, но. 132, 147]. Они позволяли как делать непосредственные копии, так и варьировать исходную модель для создания мраморных реплик, когда ненужная деталь могла быть просто удалена или заменена. В круг подобных копийных произведений входят упомянутая голова из палаццо Колонна, бюсты из палаццо Дориа-Памфили [26, р. 230, 232, fig. 95], собрания Торлония [20, р. 130–131, но. VI 5–6, pl. 113, 1–2; 27, pl. C; 28, р. 271–272, но. 397–398; 29, р. 122, 356], а теперь и бюст, находившийся в Нижней Тронной Павла I Гатчинского дворца.

Что касается его происхождения, то можно было бы предполагать принадлежность царскосельскому собранию Екатерины II, где уже находились подлинные древнеримские портреты Антиноя [30, с. 156–162]. При вывозах памятников из Царского Села по приказу Павла I, происходивших с начала 1797 и в 1798 годах и осуществляемых Бренной и Шуазелем-Гуффье, составлялись списки; подписывая один из них, Бренна указал, что забирает памятники в Петербург, в Зимний и Михайловский дворцы, в Павловск и Гатчину [31, л. 40 об]. Надо полагать, Бренна располагал доступом ко всем императорским собраниям столицы (включая и Каменноостровский дворец) и пригородов и имел возможность перемещать вещи, необходимые ему при декорировке тех или иных дворцовых помещений, над которыми он одновременно работал, о чем и говорит инвентарная запись «от Брена». Среди подобных предметов могли оказаться и те, что были ранее привезены в Петербург после европейского Гран-тура Павла Петровича и Марии Фёдоровны и, в частности, их пребывания в Вечном городе в 1782 году, и не были отобраны для Павловского дворца. Сами вещи могли быть рекомендованы архитектору их владельцами,

как известно, Павел Петрович и Мария Федоровна давали подробные распоряжения по обустройству своих резиденций. Обращает на себя внимание строка в оригинальном списке проданных антикваром Т. Дженкинсом скульптур, помещенном в его письме к Ч. Таунли, которое было написано в Риме после посещения великими князьями 24 февраля 1782 года: перечисляя поименно четыре статуи, Дженкинс добавляет «другие вещи на сумму цех. 700» [32, с. 83, 86–87]. Этой суммы хватило бы и на пять античных бюстов, которые поступили в Павловский дворец [33, с. 34–35], и на дополнительные вещи, оказавшиеся в других резиденциях великих князей. То, что в галерее Дженкинса находились не только произведения античной скульптуры, но и копии с них, – хорошо известный факт. Как писал британский архитектор Ч. Х. Татем после ее посещения, Дженкинс «может предоставить четыре колоссальных бюста выдающегося исполнения, копии лучших античных образцов этого рода» [16, р. 10].

Деловым партнером Дженкинса был Карло Альбачини, который выполнял для него работы по реставрации античных скульптур, снятию слепков и изготовлению копий. Вряд ли он собственоручно занимался рядовым копированием, скорее всего оно было поручено подмастерью, хорошо усвоившему манеру мастера. Стоит обратить внимание на трактовку бровей в гатчинском портрете Антиноя, которые сформированы мелкими диагональными прядками наподобие колоска – такая же наблюдается и в портрете Петра I, подписанной скульптуре Альбачини (Государственный Эрмитаж). Кроме того, сопоставима тонкая рельефная окантовка губ. Еще одной аналогией может стать выполнение прядей волос над лбом – такой же упрощенный подход, как мы отмечали выше, наблюдается в прическе юноши слева в мраморной группе из Эрмитажа, приписываемой Альбачини [17, с. 83–84; 34, р. 75]. Античный оригинал группы, исторически называемой «Орест и Пилад», «Кастор и Поллукс», «Адриан и Антиноем», «группа Сан-Ильдефонсо», хранящийся в Музее Прадо, был реставрирован в первой четверти XVII века, когда утраченная голова юноши слева была заменена подобранной античной головой Антиноя с характерными сложным абрисом и объемной детализированной прядью [20, р. 53, но. I 33, pl. 35–36; 35, р. 214–216, но. 57]. Известны и другие копии, выполненные в XVIII столетии, которые, в противоположность группе из Эрмитажа, сохраняют указанные качества причесок оригинала – работы скульптора Дж. Ноллекенса, музей Виктории и Альберта, или копия из юсуповской коллекции в Архангельском. Отмеченная близость приемов, встречаемых в скульптурных произведениях Альбачини, с деталями моделировки портрета Антиноя из Нижней Тронной Гатчинского дворца позволяет выдвинуть предположение об атрибуции последнего как исполненного в мастерской римского ваятеля в самом начале 1780-х годов.

Библиографический список

1. Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. – СПб. : Искусство России, 2005. – 646 с. : ил.
2. Королёв Е. В. Скульптура Павловского парка // Государственный музей-заповедник «Павловск». Полный каталог коллекций. – Т. III. – Вып. 2 : Скульптура / ГМЗ «Павловск». – СПб., 2011. – 152 с. : ил.
3. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-457-ХIII. [Копия описи имеющимся на лицо в Гатчинском, Его Императорского высочества государя наследника, дворце мебелям, картинам и разным другим вещам, по бывшей 1793-го года описи с показанием: какия когда, куда и по чьему повелению выбудут после сей описи учиненой 1796-го года].
4. АГЭ. Ф. 1 Оп. 7 «Ж». Д. 10 (6). 1858 г. [Убранство Гатчинского дворца (живопись, скульптура, ткани главного корпуса, галерей, комнаты Александры Феодоровны, переходов) 1858 г.].
5. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1488.
6. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 1831.
7. Вейнер П. Убранство Гатчинского дворца // Старые годы. – 1914. – Июль – сентябрь. – С. 33–83.
8. Макаров В. К., Петров А. Н. Гатчина. – 3-е изд. – СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2007. – 304 с. : ил.
9. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 699 [Старая Гатчина. – 21 декабря 1923 г. – № 18].
10. Неверов О. Я., Пиотровский М. Б. Эрмитаж: Собрания и собиратели. – СПб. : Славия, 1997. – 242 с. : ил.
11. Хмелева Е. Н. Скульптура Гатчинского дворца. – СПб. : Абрис, 2004. – 16 с. : цв. ил.
12. Хмелева Е. Н. Коллекция скульптуры Гатчинского дворца // Гатчинский дворец. Интерьеры императорской резиденции в акварелях и фотографиях XIX – начала XX века. – СПб. : Курорты Петербурга, 2007. – С. 149–151.
13. Круглов А. В. «Прекраснейшая голова раненого Адониса» из приобретений Екатерины II // Екатерина II и русская культура: Личность и эпоха. Сборник научных статей XXXI Царскосельской научной конференции / ГМЗ «Царское Село» – СПб., 2025. В печати.
14. Константин Константинович. Павловск : Дворец. Парк. Живопись. Ваяние. Ткань. Фарфор. Бронза. Вып. I / изд. великого князя Константина Константиновича. – СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. – 7 л. фот.
15. Carinci, F. Catalogo della Galleria Colonna in Roma : sculture / a cura di Filippo Carinci ... [et al.] ; premessa di Eduard A. Safarik. – Busto Arsizio : Bramante, 1990. – 316 p. : ill.

16. Feijer, J. The Ince Blundell Collection of Sculpture. Vol. I : The Portraits, Part 2 : The Roman Male Portraits. – Liverpool : Liverpool University Press, 1997. – 238 p.
17. Андронов С. О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 255 с. : ил.
18. Беляева И. П., Круглов А. В. Античный портрет Антиноя в собрании Гатчинского дворца. История находки, приобретения и вопросы типологии античного бюста // Дом Романовых: Предметный мир. Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. 12.11.2024–14.11.2024 / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина». – СПб. : Папирус, 2024. – С. 21–31.
19. Coraggio F. Sui bronzi della collezione Farnese. Una pagina di storia del collezionismo cinquecentesco // Rivista dell'Istituto Nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. – 1999. – Vol. 54. – P. 23–68.
20. Meyer H. Antinoos: die archäologischen Denkmäler unter ein Beziehung des numismatischen und epigraphischen Materials sowie der literarischen Nachrichten: ein Beitrag zur Kunst- und Kulturgeschichte der hadrianisch-frühantoninischen Zeit – Munich : Wilhelm Fink Verlag, 1991. – 278 p. : ill.
21. Palazzo Pitti: la reggia rivelata / ed. Capecci, G. – Florence : Giunti, 2003. – 672 p. : ill.
22. Nesselrath A. Das Fossombroner Skizzenbuch // Studies of the Warburg Institute. – Vol. 41. – London : The Warburg Institute, University of London, 1993. – 248 p.
23. Fittschen K. Die Bildnisgalerie in Herrenhausen bei Hannover. Zur Rezeptions- und Sammlungsgeschichte antiker Porträts – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. – 338 p. – (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. Dritte Folge; vol. 275).
24. La Rocca E., Parisi Presicce C., Lo Monaco A. L'età dell'equilibrio. Traiano, Adriano, Antonino Pio, Marco Aurelio / Musei Capitoloni. – Rome : Mondo Mostra, 2012. – 375 p. : ill.
25. Gasparri C., Ghiandoni O. Lo studio Cavaceppi e la collezione Torlonia. – Roma : Istituto nazionale d'archeologia e storia dell'arte, 1994. – 342 p. : ill + VIII. – (Rivista dell'Istituto nazionale d'archeologia e storia dell'arte. 3 serie ; vol. 16).
26. Mambella R. Antinoo: «un dio malinconico» nella storia e nell'arte – Rome : Editore Colombo, 2008. – 374 p. : ill.
27. Visconti C. L. I monumenti del Museo Torlonia di sculture antiche riprodotti con la fototipia. – Rome : Stabilimento fotografico Danesi, 1884. – 336 p.
28. Visconti C. L. I monumenti del Museo Torlonia di sculture antiche riprodotti con la fototipia – Rome : Tipografia Tiberina di F. Setth, 1885. – 440 p.

29. *Winckelmann J. J. Schriften und Nachlaß*, hrsg. von der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt und der Winckelmann-Gesellschaft Stendal. B. 5 : Ville e Palazzi di Roma (Antiken in den römischen Sammlungen, Text und Kommentar) / bearbeitet von Sascha Kansteiner, Brigitte Kuhn-Forte und Max Kunze ; hrsg. von Adolf H. Borbein und Max Kunze. – Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 2003. – 451 p.

30. *Круглов А. В. Сколько Антиноев было у Екатерины Великой? // 250 историй про Эрмитаж «Собранье пестрых глав...».* – Кн. 5. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – С. 156– 162.

31. РГИА. Ф. 487. Оп. 15. 1796. Д. 156.

32. *Круглов А. В. Павел Петрович и Мария Фёдоровна - покупатели античной скульптуры (оригинальный список Дженкинса) // Династия Романовых - царственные покровители искусства / Научно-исследовательский музей Российской академии художеств – СПб., 2014. – С. 83–91.*

33. *Баженова, О. К. «Список Дженкинса»: об одном потерянном документе // Павловск. Парк. Дворец. Музей. – 2009–2010. – С. 33–39.*

34. *Rotili V. L'atelier di Carlo Albacini tra collezionismo e mercato // Kunstmarkt und Kunstbetrieb in Rom (1750–1850). Akteure und Handlungsorte / herausgegeben von H. Putz und A. Fronhöfer. – Berlin : Walter de Gruyter, 2019. – P. 69–88. – (Bibliotek des Deutschen Historischen Instituts in Rom ; B. 137).*

35. *Schröder S. F. Katalog der antiken Skulpturen des Museo del Prado in Madrid. Vol. 1 : Die Porträts – Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 1993. – 310 p.*

«Петергоф сияет». Историко-просветительский проект «Подвиг возрождения»

С. В. Бондарев¹



Аннотация. 24 июня 2025 года в Большом петергофском дворце открылась выставка, посвященная возрождению петергофского ансамбля после Великой Отечественной войны. Основная миссия проекта – напомнить, что сегодняшний блестательный Петергоф – это великолепие, достигнутое невероятными усилиями наших предков. Впервые в парадных залах Большого дворца развернулись масштабные декорации. На их фоне представлена невероятная история подвига музейных работников и реставраторов, воссоздавших из руин величественные памятники.

Ключевые слова: *Петергоф, подвиг возрождения, проект, выставка, Большой петергофский дворец, Великая Отечественная война, реставрация.*

“Peterhof is shining.” Historical and educational project “Feat of Rebirth”

Summary. On June 24, 2025, an exhibition dedicated to the revival of the Peterhof ensemble after the Great Patriotic War opened in the Grand Peterhof Palace. The main mission of the project is to remind that today's brilliant Peterhof is a magnificence achieved through the incredible efforts of our ancestors. For the first time, large-scale decorations were unveiled in the ceremonial halls of the Grand Palace. Against their background, the incredible story of the feat of museum workers and restorers unfolded, those who recreated majestic monuments from ruins.

Keywords: *Peterhof, Feat of Renaissance, project, exhibition, Grand Peterhof Palace, Great Patriotic War, restoration.*

¹ Бондарев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, начальник экспозиционной службы ФГБУК «Государственный музей-заповедник «Петергоф», Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, ул. Разводная, 2.

Bondarev Sergej Viktorovich, Phd of Historical Sciences, Head of the Exposition Service, State Museum-Reserve «Peterhof», Russia, 198516, St. Petersburg, Peterhof, Razvodnaya St., 2.

«Подвиг возрождения» – проект-посвящение людям, сохранившим культурное наследие и возродившим один из самых известных дворцовых комплексов России: музеем специалистам, хранителям, реставраторам, инженерам, художникам.

Проект призван донести до посетителей пример истинного патриотизма, любви к родной истории и культуре. Действия музеиных работников позволили не только спасти множество уникальных артефактов, но и помогли сохранить историческое наследие для будущих поколений. Самоотверженность и решимость этих людей позволили нашей стране не лишиться важнейших свидетельств истории, которые рассказывают о величии России и ее культурном богатстве.

«Подвиг возрождения» стал реализацией смелой идеи: рассказать о героизме музеиных специалистов и реставраторов непосредственно в том месте, где происходили события, о которых идет речь. Никогда ранее экспозиция Большого петергофского дворца не дополнялась подобными масштабными инсталляциями.

Цель проекта «Подвиг возрождения» – сохранение исторической памяти современных поколений. Законы исторической памяти столь же серьезны, как законы химии или логики. Историческая память не формируется стихийно, ее необходимо направлять и культивировать. Поэтому проект имеет большое научно-практическое значение.

Масштабная тематическая экспозиция «Подвиг возрождения» создана на основе методов музеиного дела и технологий кинокомандой творческой мастерской «Невский баталист» и работниками ГМЗ «Петергоф». Концепция проекта состоит в использовании современных музеиных технологий: интерактивные элементы позволяют посетителям не просто узнать историю, но и стать свидетелем происходившего. Это создает глубокое эмоциональное восприятие событий, вызывает ощущение сопричастности и помогает сильнее прочувствовать трагедию и героизм петергофских сотрудников. Новая экспозиция направлена на привлечение внимания к проблеме исторической памяти, без которой невозможно было бы существование петергофского ансамбля. Профессиональные декорации позволили воссоздать ключевые для Петергофа эпизоды истории и погрузиться в изучение темы спасения и восстановления.

В основу проекта положен метод тематической экспозиции, разработанный петергофскими хранителями во второй половине 1920-х годов, когда на фоне парадных залов царских дворцов и культурных ценностей музеиные сотрудники развернули двухсотлетнюю историю Российской империи. «Подвиг возрождения» стал методологическим продолжением историко-

бытовых экспозиций, созданных на базе дворцовых пригородов Ленинграда. С той лишь разницей, что с XVIII–XIX веков акцент сместился на события середины XX столетия.

Структура проекта состоит из трех тематических блоков: эвакуация, оккупация и реставрация. В основе каждого – многолетняя кропотливая работа музеиных научных работников по изучению истории петергофского ансамбля. Теоретическая основа аудиоспектакля, сопровождающего посетителя на протяжении всего проекта, создана на фундаментальной базе архивных источников, воспоминаний очевидцев, газетных публикаций, современных исследований, фото- и видеодокументов.

На первом этаже Восточного флигеля Большого петергофского дворца развернуты декорации, посвященные спасению культурных ценностей и консервации дворцовых зданий до захвата Петергофа. Посетители узнают о подробностях упаковки и эвакуации музеиных предметов вглубь страны, наблюдают за перемещением хрустальной люстры XVIII века в тайник Большого каскада. На фоне белых ночей и летающих над Ленинградом аэростатов разворачивается драматическая история перевозки на грузовых машинах ящиков с культурным наследием. В разрезе представлено место захоронения мраморной скульптуры «Ева», посетители получают информацию о специально разработанной технологии укрытия: глиняный замок, песок, ящик с внутренними упорами.

Часть пространства железнодорожного вагона дает представление об условиях, в которых хранители сопровождали национальное наследие в ходе эвакуации в Горький, Новосибирск, Сарапул. В соседней застройке с точностью воспроизведена фактура стен подвала Исаакиевского собора, блокадного хранилища музеиных предметов. Рядом развернулись работы по консервации чердаков Большого дворца – «обмазкой» (смесь воды и удобрения «суперфосфат») покрываются все деревянные поверхности. Наконец, самая драматическая сцена, развернувшаяся на первом этаже: с палубы пожарного баркаса, груженого мебелью и другими ценностями, посетители последний раз смотрят на подлинный фасад Большого петергофского дворца.

На втором этаже проект занимает шесть интерьеров парадной анфилады. Первая остановка – Первая комната Запасной половины. Здесь входящий становится свидетелем торжественно-траурной тишины, царившей в залах за несколько минут до трагедии. Пожар охватил дворец в день захвата нацистами Петергофа 23 сентября 1941 года. В Кавалерской развернута инсталляция с условным названием «варварство оккупации». Предпринята попытка собрать в одном месте картину повседневного быта петергофских захватчиков. За годы оккупации огромное количество предметов живописи,

декоративно-прикладного искусства и скульптуры из дворцовых коллекций было уничтожено или разграблено. Отдельные предметы оказывались в местах постоянства военных частей, расквартированных в окрестностях. В офицерском клубе под Новгородом осенью 1941 года обнаружили портреты русских генералов, гравюры, ковры, серебро и др., которые были вывезены из Петергофского дворца. В Кавалерской на банкетке стоит походный рюкзак с вырезанным с подрамника портретом. В центре интерьера висит надпись старой немецкой поговорки, которую оккупанты оставили на стене Фермерского дворца Александра II: «*In vino veritas, im Bier ist auch etwas*» (истина в вине, и в пиве тоже что-то есть).

В Малой проходной через заколоченное окно демонстрируются кадры разрушенного Петергофа. Таким его увидели солдаты Красной армии, освободившие город 19 января 1944 года в ходе наступательной операции «Январский гром». Позже, на Нюрнберском процессе академик И. А. Орбели, директор Государственного Эрмитажа, дал свидетельские показания: «...я ознакомился подробно с состоянием памятников Петергофа, Царского Села и Павловска, причем во всех этих трех городах я видел следы чудовищного покушения на целостность этих памятников. При этом повреждения, которые я видел и перечислить которые очень трудно, потому что их очень много, – все эти повреждения носят следы предумышленности». Некоторые посетители «Подвига возрождения» одной из главных полученных эмоций называли яркую ненависть к варварству оккупантов из-за их преступлений по отношению к памятникам русской истории.

В Голубой гостиной воссоздана картина полыхающего дворца. Обугленные перекрытия (стилизованный пенопласт) свисают с имитации обрушенного потолка. При помощи художественного света созданы мощные языки пламени, охватившие стены с шелковыми обоями. На древесно-стружечные плиты, бережно укрывающие дворцовый паркет, наклеен принт с изображением обугленных паркетных плашек. Декорация сопровождается словами бывшего директора Петергофа Я. И. Шурыгина: «Невозможно было постичь меру бедствия, случившегося здесь, не укладывалось в сознании, что погибло все, оставшееся во дворце. Поколения русских людей бережно сохраняли дворец. Я помню, как ревниво оберегалось все убранство, как строго следили, чтобы посетители не прикасались к предметам интерьера, к тканям на стенах. А как ухаживали за паркетными полами, как осторожно раз в год промывали их, натирали воском, не разрешали заходить в залы в обуви и перед открытием летнего сезона из изношенных ковров шили туфли на мягкой подошве, которые надевались поверх ботинок. Мысли невольно возвращались ко дворцу довоенной поры. Вспоминались очереди у входа, группы

экскурсантов, заполнявшие его помещения. Вспоминалась торжественная тишина, когда по утрам, до открытия, делались обходы залов».

На контрасте с Голубой гостиной в соседней Предхорной создана инсталляция со свисающими с потолка огромными сосульками – январь 1944 года. При отходе нацисты взорвали центральную часть каскада и Большого дворца. От некогда было величия здания остались одни обугленные стены. Специальный военный корреспондент ТАСС П. Н. Лукницкий вспоминал: «Обходим Большой дворец слева <...> Ни крыш, ни комнат, ни стропил – ничего нет. Засыпанные снегом груды камня и кирпича <...> Внутри дворца – холмы из обвалившихся перекрытий, земли, песка, перегоревшей штукатурки, кусков дерева и железа. Нижний парк похож на запущенный лес, часть его срублена. Перед провалами окон западного флигеля – бревенчатые укрытия блиндажного типа из вековых лил. Нигде ни одной статуи, от Самсона – только заснеженный каменный пьедестал» [1]. Центральная фонтанная скульптура бесследно исчезла – скорее всего, была оккупантами вывезена и переплавлена. Нацистские вожди предписывали уничтожать памятники воинской доблести русского оружия. Считалось, что, уничтожив памятники, перестанет существовать история, а, следовательно, и вся страна...

Все пространство Белого зала площадью более 340 м² занято декорациями, посвященными возрождению уникального дворцово-паркового ансамбля. В 1944 году Петергоф был переименован в Петродворец, так как немецкое название тяжело воспринималось на фоне варварских разрушений. Первыми шли саперы, расчищавшие дорогу остальным. Далее музейные сотрудники и реставраторы собирали сохранившиеся архитектурные детали, фрагменты лепнины и резьбы, делали обмеры, готовили необходимую для восстановительных работ документацию. На субботниках аллеи от заводов расчищали солдаты, жители Петергофа и Ленинграда. Летом 1945 года Нижний парк открыли для посещения. Первая остановка в Белом зале – восстановление Большого петергофского каскада. Через год после окончания Великой Отечественной войны 25 августа 1946 года состоялось открытие возрожденных фонтанов центральной части. В этом заключался сакральный символ: восстановлены известные всем с детства фонтаны – из руин и пепла воскреснет вся страна.

Еще одна уникальная историческая сцена воплощена в инсталляции подъема закопанных скульптур. Перед глазами посетителя словно ожившая фотография, на которой М. А. Тихомирова склонилась на дне глубокой ямы над мраморными исполинами. Над раскопом установлена часть немецкого блиндажа, все годы оккупации стоявшего над ящиком со скульптурой «Ева».

Центральное пространство Белого зала занимают инсталляции, посвященные развитию знаменитой Ленинградской школы реставрации. По мнению создателей выставки, при помощи декораций, художественных решений и рассказанных историй появилась возможность погрузиться в атмосферу и прочувствовать настроения молодых людей и девушек, вчерашних выпускников профтехучилищ, музеиных работников и реставраторов, по крупицам восстановивших Петергоф. Советские мастера шаг за шагом изучали и повторяли технологии различных стилей и эпох. В Белом зале разворачивается история воссоздания обшивки стен Дубового кабинета, лепного декора Белой столовой, живописных падуг и плафона Картичного зала, лаковых панно из Китайских кабинетов, керамических изразцов для дворцовых печей. Каждая воссозданная сцена дополнена «живой» историей. Например, в мастерской скульптора на скамейке лежит набор пластилина. Он оставлен для того, чтобы ребенок, позировавший для образа мифического путти, не заскучал во время работы.

В центре зала возвышается модель скульптуры «Самсон, разрывающий пасть льва». Заключительный сюжет выставочного проекта – история воссоздания легендарного памятника. Эти работы были поручены скульптору Василию Львовичу Симонову. Из нескольких сотен довоенных фотографий было отобрано восемнадцать снимков. Силуэты с фотографий были переведены на прозрачную кальку, вставлявшуюся в экран. И силуэты, и первые эскизы были одного размера – тридцать сантиметров. В экспозиции «Подвиг возрождения» представлена подлинная модель Самсона с авторской подписью. Следующим этапом был скульптурный эскиз «Самсона» уже в одну треть натуры, то есть высотой в метр. Дальше следовала работа над моделью в натуральную величину: вначале в глине, потом в гипсе и, наконец, в бронзе. На южной стене Белого зала демонстрируется историческая видеохроника с поэтапным возрождением знаменитой скульптуры. 31 августа 1947 года «Самсон», торжественно проехав по улицам Ленинграда на открытой площадке, занял свое историческое место в центре Большого каскада. Для ленинградцев это событие стало символом победы в Великой Отечественной войне.

Проект в полной мере является музейной выставкой, так как в экспозиции представлено более четырехсот музеиных предметов. Большая часть – это предметы Банкетного сервиса, заказанного в XIX веке Николаем I на Императорском фарфоровом заводе. Сервиз вместе с предметами мебели и металла выставлен на сцене Белого зала в инсталляции «Музейное хранилище». Также на выставке представлено большое количество фрагментов подлинных предметов, найденных на развалинах дворцов после освобождения

Петергофа. Органично вписались в застройку сохранившиеся реставрационные эскизы плафона Картичного зала и лаковых панно, развертки стен Танцевального зала и чертежи изразцовых печей, гипсовые модели настенного декора.

По замыслу создателей, проект «Подвиг возрождения» – это дань памяти и уважения всем, кто защищал, спасал, освобождал и восстанавливал Петергоф из руин в год 80-летия Великой Победы. После посещения у посетителей появляется отчетливое понимание того, что великолепие, которое они видят сегодня, является результатом огромного труда коллектива реставраторов и хранителей. Заканчивается знакомство с экспозицией следующими проникновенными строками из аудиоспектакля: «Петергоф сияет! И в этом сиянии живет бессмертный Подвиг возрождения».

Библиографический список

1. Лукницкий П. Н. Ленинград действует. Фронтовой дневник. – 2-е изд. – Кн. III. – М. : Советский писатель, 1971 [Электронный ресурс]. – URL: https://militera.lib.ru/db/luknitsky_pn/index.html (дата обращения: 24.09.2025).

Повседневная жизнь музейных некрополей в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям А. П. Остроумовой-Лебедевой и А. А. Бартошевича)

К. О. Валегина,
А. Н. Соловьёва¹



Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневной жизни музейных некрополей Ленинградского музея городской скульптуры в период блокады на основе личных воспоминаний и дневниковых записей современников. В центре внимания находятся уникальные эго-документы: дневниковые записи искусствоведа А. А. Бартошевича и художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой, воспоминания писателя Е. В. Клюшникова.

На материале личных свидетельств раскрывается контрастная картина: с одной стороны, суровая реальность осажденного города, с другой – особое пространство музейного некрополя как своеобразного островка спокойствия. Особое внимание уделяется тому, как мемориальное пространство трансформировалось под влиянием военных обстоятельств, при этом оставаясь местом сохранения духовных ценностей. Исследование показывает, как личные наблюдения помогают восстановить не только фактическую сторону жизни некрополей, но и эмоциональный контекст эпохи.

¹ Валегина Карина Олеговна, кандидат исторических наук, начальник научно-экспозиционного отдела СПб ГБУК «Государственный музей городской скульптуры», Россия, 191167, Санкт-Петербург, Невский пр., 179.

Valegina Karina Olegovna, PhD, Head of the Scientific and Exhibition Department at Saint-Petersburg «State Museum of Urban Sculpture», Russia, 191167, Saint-Petersburg, Nevsky pr., 179.

Соловьёва Александра Николаевна, старший научный сотрудник СПб ГБУК «Государственный музей городской скульптуры», Россия, 191167, Санкт-Петербург, Невский пр., 179.

Solovyova Alexandra Nikolaevna, Senior Researcher at Saint-Petersburg «State Museum of Urban Sculpture», Russia, 191167, Saint-Petersburg, Nevsky pr., 179.

Ключевые слова: некрополь, воспоминания, блокада Ленинграда.

**The Everyday Life of Museum Necropolises During the World War II
(Based on the Memories of A. P. Ostroumova-Levedeva
and A. A. Bartoshevich)**

Summary. The article is dedicated to the study of everyday life in the museum necropolises of the Leningrad Museum of Urban Sculpture during the siege based on personal memories and diary entries of contemporaries. The focus is on unique ego-documents: diary entries of art historian A. A. Bartoshevich and artist A. P. Ostroumova-Lebedeva, memoirs of writer E. V. Klyushnikov. Based on personal testimonies, a contrasting picture is revealed: on the one hand, the harsh reality of the besieged city, on the other, the special space of the museum necropolis as a kind of island of tranquility. Particular attention is paid to how the memorial space was transformed under the influence of military circumstances, while remaining a place for preserving spiritual values. The study shows how personal observations help to restore not only the factual side of life in the necropolises, but also the emotional context of the era.

Keywords: necropolises, memories, Siege of Leningrad.

История Государственного музея городской скульптуры началась с музеефикации в 1920-е годы обществом «Старый Петербург» Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры, заложенного в 1716 году по указу Петра I. Этому некрополю было суждено стать национальным пантеоном русской истории и культуры. В XVIII–XX веках здесь были похоронены такие выдающиеся деятели, как М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Воронихин, М. И. Козловский, С. Ю. Витте и многие другие.

28 июля 1932 года благодаря решению Президиума Ленсовета Лазаревское кладбище обрело статус «заповедника-музея» [1, с. 13]. Частью заповедника стали Лазаревская и Благовещенская усыпальницы, а также соседнее с Лазаревским Тихвинское кладбище (будущий Некрополь мастеров искусств) – место упокоения выдающихся деятелей отечественной культуры, таких как И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Ф. М. Достоевский, М. И. Глинка, П. И. Чайковский и др.

14 июля 1939 года согласно Постановлению Президиума Ленсовета Музей городской скульптуры получил свое название и современные функции: в его ведение были переданы городские памятники и мемориальные доски.

С первых дней Великой Отечественной войны специалистами музея были начаты первоочередные работы по укрытию важнейших памятников города. В защите нуждались и памятники музейных некрополей.

Вся тяжесть работы по спасению от возможных утрат и разрушений произведений мемориального искусства легла на плечи основателя музея, первого хранителя некрополей, Николая Викторовича Успенского (1885–1947).

Успенский родился 9 (21) марта 1885 года в Петербурге, в семье титулярного советника Виктора Михайловича Успенского. Окончил Реальное училище, Высшие статистические курсы Министерства внутренних дел, где и оставался в качестве статистика-редактора с 1910 по 1917 год. После революции Успенский работал заведующим справочным отделом канцелярии Учредительного собрания в Таврическом дворце. В 1918–1920 годах заведовал отделом Петроградского Совета [2, с. 67–68]. С 1922 года Успенский работал фотографом в Рентгеновском институте, с 1926 по 1932 год числился научным сотрудником Государственного Русского музея, где также занимался фотосъемкой. В этот период началась активная деятельность Николая Викторовича в обществе «Старый Петербург» и активное изучение и практическая музеефикация Лазаревского кладбища.

В годы Великой Отечественной войны Успенский остался в Ленинграде и продолжил работу по сохранению уникальных монументов.

3 июля 1941 года главный архитектор музея Иван Корнелиевич Белдовский (1894–1976) пишет Успенскому: «Возвращая Вам протокол о мероприятиях по защите памятников Музея Некрополя, предлагаю работу проводить по мере наличия рабсилы и материалов согласно городским; работы производить очередями, в зависимости от значимости памятника. По окончании работ на городских памятниках Некрополю будут выделены материалы и рабсила. При исполнении работ учитывать указания Гл. арх. ООП тов. Белехова. Р.П.С. Ввиду благоприятных грунтовых условий Лазаревского кладбища (отсутствие воды в верхних слоях земли) бронзу засыпать песком без смазки [нрэб.]ровым веществом» [3, с.145].

Скульптуры ангелов с надгробия П. И. Чайковского, композиции с памятников А. Бозио и Ф. И. Стравинскому, бронзовые фигуры В. Ф. Комиссаржевской, В. В. Стасова и др. были демонтированы, обернуты в бумагу и рубероид и зарыты рядом с памятниками.

В один котлован также были помещены бронзовая скульптура плачальщицы с памятника П. А. Талызину, мраморное надгробие камердинера Екатерины II А. С. Попова и бронзовые бюсты В. А. Каратыгина и А. Г. Рубинштейна. Несколько портретных бюстов и барельефов с памятников Некрополя мастеров искусств были укрыты в склепе Благовещенской

усыпальницы: А. П. Бородина, А. Н. и Е. М. Олениных, А. Н. Серова, П. И. Чайковского. Небольшой по своим размерам мраморный памятник Ф. И. Шубину был целиком укрыт в земле. Над памятниками М. В. Ломоносову, Е. С. Куракиной и С. А. Строгановой в Некрополе XVIII века были возведены защитные сооружения из деревянных щитов [3, с. 146–150].

Несмотря на ежедневные тяготы блокадной жизни, научная работа сотрудников музея не останавливалась. «Известно, что в 1942–1943 гг. Н. В. Успенский, практически поселившийся в сторожке на территории Некрополя XVIII века, занимался «сбором сведений о местах захоронения видных деятелей, павших жертвой фашистской блокады», готовил тексты путеводителя по музею, читал лекции о музейных некрополях» [3, с. 150].

Приведем здесь отрывок из воспоминаний ленинградского писателя и краеведа Е. В. Клюшникова, характеризующий Н. В. Успенского, его глубокую человечность и педагогический талант, готовность делиться знаниями не только со взрослыми, но и с детьми, которые находились в сложной жизненной ситуации.

«Однажды мы пошли за травой в Александро-Невскую лавру, там на откосах реки Монастырки трава росла свободно, рос и барбарис. ... Там мы познакомились с одной женщиной, Прасковьей Николаевной. Она работала сторожем в Некрополе и разрешила нам собирать в Некрополе траву, пожалев меня, слепого мальчика, и мою младшую двоюродную сестру Валю.

Однажды мы с Валей рвали кислые ягоды барбариса, а потом, как обычно, она мне рассказывала о памятниках, нас окружавших, по моей просьбе читала надписи на памятниках – меня все это очень интересовало. Я ее даже заставлял в склепы лазить и все мне рассказывать. И вдруг я услышал негромкий приятный интеллигентный голос – какой-то человек продолжил скучные пояснения моей сестры. Как оказалось, это был основатель Некрополя Николай Викторович Успенский, замечательный знаток старого Петербурга, любитель старины, искусства. О нем еще мало сказано, но благодаря ему сохранены многие замечательные памятники в Ленинграде. Николай Викторович прочитал нам надписи на памятнике Лисенкова, книгопродавца пушкинской поры, это были строки Державина, древних поэтов, в стихах описывалась человеческая жизнь.

С Николаем Викторовичем в Лавре мы теперь встречались постоянно – он приобщал нас, еле державшихся от голода на ногах, к истории, культуре, архитектуре. Помогал нам разбирать полуустерпые слова на плитах, объяснял значение непонятных слов, прояснял смысл некоторых высказываний» [4, с. 2–3].

В период военных действий доступ в музейные некрополи был существенно ограничен. Тем не менее, определенные исключения из этого правила

все же существовали. Например, вдова известного химика С. В. Лебедева (1874–1934) – художница А. П. Остроумова-Лебедева (1871–1955) посещала могилу мужа в Некрополе мастеров искусств.

«15 июля 1941 г. Вторник. Сегодня я ездила в «Некрополь». Как там хорошо! После вчерашней грозы и проливного дождя все было так свежо и ярко. Полторы тысячи кустов роз рассажены по всему кладбищу. Они великолепно цветут и самой неожиданной окраской. Около моей могилы растет молодой кленок, который в первый год вырос из семени, прилетевшего откуда-то на могилку моего дорогого и милого Сереженьки. Могила Сереженьки засажена летними цветами и выглядит довольно красиво, но не очень. Во время вчерашней грозы молния ударила в крест Благовещенской церкви Александро-Невской лавры и загорелся купол. Но пожарные его скоро потушили» [5, ед. хр. 57].

Некрополь в самом начале войны предстает цветущим садом: полторы тысячи розовых кустов самых разных оттенков, высажены летние цветы.

«16 июля 1941 г. ... Мне говорила заведующая Некрополем, что не проходит дня, чтобы не приходила партия красноармейцев со старшим поклониться праху к могиле Суворова. А также часто приходят к могиле Чайковского и он постоянно заставлен вазочками с цветами» [5, ед. хр. 57].

Здесь Остроумова передает разговор с Александрой Саввишной Флоринской, работавшей директором Музея городской скульптуры с 1 мая 1942 года по 1 февраля 1945 года. В начале войны красноармейцы, уходившие на фронт, приносили клятву верности на могиле А. В. Суворова, похороненного в Благовещенской усыпальнице.

«25 августа 1941 г. У меня обедала Адя, а потом мы поехали с нею на кладбище «Некрополь» на мою дорогую могилу. Там дорожки, трава, кусты были мокры от только что прошедшего дождя. На моей могиле цветы очень подросли. Она вся покрыта белыми цветами перетрума, и в них вкраплены бордюр из синей лобелии, по углам горят красные герани, а в середине группа цветущих фуксий. Все вместе очень красиво. Памятник Комиссаржевской, т. е. ее бронзовая фигура во весь рост, как мне рассказал сторож, закопана в землю. Бюсты Рубинштейна, Бородина и бюст и два ангела Чайковского сняты и уложены в кладовые или подвалы, или церкви, точно не знаю, во всяком случае в сохранное место. Я, как уже писала, не согласилась на то, чтобы из гранитного памятника вынимали барельеф Сергея Васильевича, так как я уверена, что при его изъятии очень бы попортили края гранита, и это было бы уже непоправимо» [5, ед. хр. 57].

В августовской записи Остроумовой о посещении некрополя уже ярче обозначена двойственность жизни военного времени: место укрытых в земле

скульптур, памятников искусства занимает естественная красота цветочных композиций.

Через год некрополь переживет метаморфозу: из цветущего сада начала войны превратится в плодоносный огород.

В марте 1942 года исполнком Ленсовета принял положение «О личных потребительских огородах трудающихся и их объединений». Согласно утвержденным правилам, каждый трудащийся, постоянно проживающий в Ленинграде или его пригородах, а также все члены его семьи, имеют право на личный потребительский огород. Эти огорода выделяются по месту жительства или работы и предоставляются в бесплатное пользование. Размер такого огорода не должен был превышать 100 м² на каждого члена семьи.

Несмотря на историческую ценность Некрополя мастеров искусств, в 1942 году на его территории были разбиты огороды, что стало частью мер по обеспечению населения продовольствием в тяжелейшие годы блокады. Огороды распределялись между сотрудниками Музея городской скульптуры, а также сотрудниками Управления по делам искусств Исполнкома Ленгорсовета, в чьем подчинении был музей.

Свой участок здесь получил искусствовед, исполняющий обязанности заведующего Изобразительным отделом Управления Ленгорсовета, Андрей Андреевич Бартошевич (1899–1949).

А. А. Бартошевич родился 29 октября (10 ноября) 1899 года в дворянской семье. Получив начальное образование в Виленской гимназии, продолжил обучение в Полоцком кадетском корпусе. В 1919 году вступил добровольцем в Красную армию, демобилизовался в 1922 году. В 1929 году он поступил на службу в Ленинградский государственный театр драмы, где за четыре года прошел путь от делопроизводителя до заведующего культчастью. С 1933 по 1937 год работал в Харьковском государственном театре русской драмы. В 1938 году Бартошевич вернулся в Ленинград, где занял должность заведующего литературной частью Театра драмы и комедии. С 1940 года параллельно работал инспектором Театрального отдела в Управлении по делам искусств Ленгорсовета.

С началом Великой Отечественной войны в июне 1941 года был назначен исполняющим обязанности заведующего Изобразительным отделом управления. Несмотря на тяжелое истощение в начале 1942 года, после лечения в лечебно-питательном стационаре, Бартошевич продолжил свою работу. В июне 1943 года Андрей Андреевич добровольно отправился на фронт. За проявленный в боях под Смольково героизм был награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда» [6, с. 1–3].

Андрей Андреевич Бартошевич вместе с женой Марией Фёдоровной пережил страшные испытания зимы 1941–1942 годов. В этих тяжелых условиях жизни в блокированном городе, с апреля 1942 по июнь 1943 года Андрей Андреевич не переставал вести подробный дневник, помещая в него вырезки из газет, письма от родственников и друзей, находившихся в эвакуации, театральные и концертные программы, пригласительные билеты на спектакли и выставки. Бартошевич пишет о состоянии разных районов города, значительная часть сведений посвящена рассказу о состоянии культурных учреждений Ленинграда, о судьбе их сотрудников. Эти записи стали не только личным свидетельством пережитого, но и ценным историческим документом, отражающим жизнь осажденного города. Подробный и емкий обзор этого источника дает Т. А. Синельникова в статье «Жизнь в блокированном Ленинграде глазами искусствоведа и критика, работника Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета».

Для настоящей статьи особый интерес представляют уникальные свидетельства повседневной жизни музеиного некрополя, превращенного на время блокады в сельскохозяйственные угодья. Автор дневника – не только наблюдатель, но и участник этого процесса.

«10 мая 1942 г. Ездили в Александро-Невскую лавру, смотреть участки для огорода. Набрали крапивы и сегодня первый раз ели щи из свежей зелени. Девушка, которая нас водила, рассказывала о несметном количестве крыс, которые периодически появляются на кладбище. Туда свозят покойников, но не хоронят – когда накопится много трупов, их отвозят на Пискарёвку. И крысы, по-видимому из складов, приходят сюда стадами, чтобы подкормиться. Сторожа на это время запираются в своих помещениях» [7].

Здесь важно отметить, что музейные некрополи были закрыты для новых погребений – ни братских, ни индивидуальных могил периода блокады на их территории не появилось.

Страшные картины блокадной реальности, запечатленные в дневнике А. А. Бартошевича, находят подтверждение в других свидетельствах того времени. Инженер-консультант Института холодильной промышленности Владимир Григорьевич Кулябко (1876 – после 1942) также упоминает в своих дневниковых записях о «складах трупов на Смоленском, есть еще один – у Александро-Невской лавры, туда же свезли и нашу сотрудницу» [8].

Эти свидетельства рисуют единую картину трагических реалий блокадного города, когда система погребения была кардинально изменена тяжелейшими условиями осады.

Из дневниковой записи 17 мая 1942 года мы узнаем, что огород Бартошевича в музейном некрополе находился возле надгробия художника

П. А. Федотова: «Тревог не было. Несколько раз возобновлялся артобстрел. Начали копать гряды в Александро-Невской лавре. Мой участок возле могилы Федотова. «С наслаждением три часа прокопался в земле и, несмотря на довольно сильный ветер, и то, что по улицам без пальто ходить нельзя, работал сначала без пиджака, а потом и без рубашки. Водопровод исправили, пускали фонтаны – действуют» [7].

Работа фонтанов здесь как один из первых признаков нормализации городской жизни после окончания зимы 1942 года, когда была полностью прекращена подача электроэнергии всем водопроводным станциям города.

«21 мая 1942. Тихо. Редкие и отдаленные не то выстрелы, не то разрывы. Маша засеяла первые грядки.<...>

1 июня 1942 г. Тихо. Чудесный солнечный день. Засеяли гряды. Капуста и кабачки, посаженные вчера, привились хорошо. Помидоры поникли. Говорят, что ничего – спрятятся. Огородный азарт нас захватил совершенно <...> Наслаждаюсь совершенно распустившейся свежей зеленью, тишиной и физическим трудом, который доставляет мне все больше и больше радости...» [7].

Эта дневниковая запись отражает удивительное противоречие блокадной жизни: на фоне военного времени и тяжелых условий выживания в городе возникает почти идиллическая картина деревенского быта.

«10 июня 1942. Тихо и без впечатлений. Утро провел в Лавре. К сожалению, пог. была неважная. Машка договаривалась о поступлении сторожих в Некрополь. М. б., это правильно, т. к. с одной стороны, не сопряжено с затратой энергии, с другой же – выведет ее официально из-под власти Управления. <...> Рвались снаряды возле Эрмитажа. Осколками повреждены колонны Иорданского подъезда, выбиты стекла на фасаде Зимней канавки» [7].

Жена Андрея Андреевича Мария Фёдоровна Бартошевич (1900–?) действительно поступила на работу в Музей городской скульптуры сторожем. Этот факт зафиксирован в списках рабочих и служащих предприятий и учреждений Фрунзенского района, награжденных медалью «За оборону Ленинграда»: «Мария Фёдоровна Бартошевич 1900 г. р. Сторож. Работала на оборонных работах в районе Лигова и Стрельны с Октябрьским районом (июль – август 1941 г.). Состояла в пожарном звене группы самозащиты ЖАКТа, несла дежурство на крыше (август – октябрь месяцы 1941 г.) и ответственное дежурство в штабе МПВО Октябрьского района. Принимала участие в спасении засыпанных обвалом людей после бомбежки (ул. 30-го Июля д. 92)» [9, л. 21].

«25 июня 1942 г. Ранним утром поехали в Лавру. Там, кроме сторожих, не было никого. Я разделся и в одних трусах поливал грядки. Хорошо! Среди

этой, уже совсем густой, зелени, забываешь о том, что город с развалинами домов, с озлобленными людьми, с переполненными трамваями, с тоскливыми очередями за подкрашенной кисловатой водой, которая почему-то называется витамином, – что этот город здесь рядом, за приземистыми каменными стенами ограды» [7].

Контраст между внешним миром осажденного города и внутренним пространством некрополя, ставшего времененным оазисом спокойствия, поразителен. Здесь, среди зелени, автор записи способен отрешиться от страшных картин городской жизни: разрушенных домов, озлобленных людей, бесконечных очередей.

«28 июня 1942. <...> На огороде начались покражи. У Маруси исчезла целая грядка капусты, хороший кочешок сорван у второй сторожихи. Подозревают Белдовского. Это похоже на правду, хотя, по существу, довольно забавно: сторожиха подозревает своего директора в покраже капустных листьев! Сегодняшний день убедил, что с голода мы умрем не в первую очередь. Сейчас мы набираемся сил, в то время как множество людей растрачивает последние. И в то же время в городе появилось много сытых, хорошо одетых людей, особенно женщин. Дистрофики либо вымерли, либо уехали» [7].

Упоминаемый здесь И. К. Белдовский до 1942 года был главным архитектором Музея городской скульптуры. Иван Корнелиевич Белдовский (1894–1976) – выпускник Ленинградского института инженеров коммунального строительства, в 1933–1937 годах заместитель начальника архитектурной мастерской Канала имени Москвы, затем старший архитектор ЛО «Гипрорхлеб». Главный архитектор ЛГМС до 1942 года. Занимался послевоенным восстановлением Сталинграда [3, с.145].

Парадоксальность записи о краже капусты проявляется в том, что автор одновременно воспринимает ситуацию как забавную и при этом допускает ее правдоподобность. Сторожиха подозревает в краже своего собственного директора – ситуация, которая в обычных обстоятельствах выглядела бы нелепо и смешно, отражает общее состояние неопределенности и недоверия, понятное в условиях блокадной реальности. Примечательно упоминание о появлении «сытых, хорошо одетых людей» на фоне всеобщего голода и лишений.

Июльские записи Бартошевича отражают заметные успехи в огородничестве – труд автора записей и его жены приносит ощутимые плоды.

«2 июля 1942. Артобстрела, по-моему, не было, но несколько раз начиналась стрельба из зениток. Дождь. Вскопали еще 7 грядок – для махорки и картофеля, обещанного Таней. Пока что Маша достала 8 штук, разрезала их на 24 части и посадила. Успеет ли? Собрали 20 шт. редисок» [7].

Следующие записи, касающиеся некрополя, сделаны Бартошевичем в новом сельскохозяйственном сезоне – весной 1943 года.

«2 мая 1943 г. Были в Лавре, вскопали огород, посеяли свеклу и посадили картофель, 8-го там упал снаряд, огромная воронка, уничтожен памятник Асенковой» [10, с. 276].

«8 апреля 1943 г. на территорию Некрополя мастеров искусств произошло прямое попадание снаряда, которое разрушило надгробие театральной актрисы николаевской эпохи В. Н. Асенковой. Разлетевшиеся от взрыва осколки оставили многочисленные нестираемые шрамы на памятниках поэту Е. А. Баратынскому, артистам Н. О. Дюру, А. Е. Мартынову, В. В. Саймолову и Я. Г. Брянскому, а также на расположенным поблизости фонтане» [3, с. 153].

Об этом свидетельствует и А. П. Остроумова-Лебедева: «30 апреля 1943 г. ... Ездила, несмотря на дальность расстояния, в «Некрополь», на родную могилу посмотреть – не случилось ли что с нею? Кладбище трудно узнати. Вся скульптура снята и глубоко урыта, дабы уберечь ее от снарядов. Тяжелое впечатление производит огромная и глубокая воронка на месте, где была вновь перехоронена в Некрополе погребенная когда-то на Смоленском кладбище знаменитая актриса Варвара Николаевна Асенкова – современница Пушкина. Она оставила блестящий след в памяти ее современников. Снаряд был так велик и беспощаден, что от ее могилы и памятника ничего не осталось, кроме мелких кусков серого мрамора, кирпича, щебня и известки. На дне воронки – вода» [11, с. 312].

Необходимо уточнить, что разрушения коснулись лишь каменной часовенки, а постамент памятника отбросило взрывом в сторону, он уцелел.

Пронзительный контраст возникает при чтении записи Остроумовой-Лебедевой от 30 апреля 1943 года: «Вчера была на моей дорогой могиле. Она цела. Все кладбище разделано под гряды! И в прошлом г., говорят, был блестящий урожай овощей. ... Одна гражданка, находившаяся там, служащая в Управлении по делам искусств, рассказала мне, как могила Сереженьки была засажена салатом и какой это был роскошный салат! И это группа интеллигентов так не-этически поступает! Они отлично знали, что я лето провожу в городе; хоть бы спросили разрешения хозяйничать на моей могиле» [5, ед. хр. 57].

Если в начале войны территория представляла как изысканный цветочный сад, где царила гармония и красота, то теперь идиллическая картина сменилась суровой реальностью военного времени: вместо декоративных цветов появляются необходимые для выживания сельскохозяйственные культуры.

«Бартошевич летом бывал у меня. Он на этом кладбище развел большое овощное хозяйство и не мог не видеть, как распоряжаются на моей могиле. Это современная этика! Кладбище сейчас не узнать. Вся скульптура снята и куда-то спрятана. И Чайковский, и Мусоргский, Бородин и Римский-Корсаков и т. д. Шпалеры из кустов барбариса и других растений очень выросли. Некому их подстричь. Это дает кладбищу запущенный вид. Кроме того, болезненное впечатление производит огромная и очень глубокая яма-воронка на месте, где была вновь похоронена незабвенная актриса Варвара Николаевна Асенкова...» [5, ед. хр. 57].

В противовес этим впечатлениям художницы деловитая фиксация уже приобретшего в 1942 году успешный опыт огородничества Бартошевича: «6 июня 1943 г. День огородный. Утром на Крестовском за рассадой, потом до самого вечера – в Лавре. Высадили около 400 шт. капусты, 200 брюквы, 100 картофельной рассады, кабачки, тыкву, сельдерей и проч. Посеянное растет гораздо хуже, чем в прошлом г.» [10, с. 276].

«...Пока Нюша мыла и убирала памятник я пошла по дорожке вглубь кладбища к памятнику Александра Иванова посмотреть – цел ли он? И вдруг оттуда мне померещилось какое-то странное видение. Я в удивлении остановилась, очень заинтересованная тем, что увидела. Какие-то два грандиозные животные с наружностью священного Аписа стояли на дорожке в конце кладбища, около запасных широких ворот, рядом с могилой Сергея Сергеевича Боткина. Что за странное видение в стенах Некрополя! Они были светло-серого цвета и очень гармонично сливались с туманным серым днем и с моросящим, мелким дождем. Видение! Подхожу поближе – два, чудовищной величины, быка. Их ноги с тупыми копытами были прикреплены к деревянным узким полозьям, на которых их притащили сюда. Страшные, широкие морды, растопыренные по сторонам короткие, острые рога, торчащие уши и свирепо выпученные круглые глаза. Выи с висящей кожей, крутые бока, как громадные горы, дыбились вверх. Я сразу не узнала их. Это были быки со скотопригонного двора, мимо которых я сотни раз проезжала. Но я привыкла видеть их темно-бронзовыми, на высоких пьедесталах в ракурсе, а здесь они были выкрашены в белую краску – защитный цвет зимой, на снегу. С правой стороны от них, перед могилой Боткина я заметила вырытую огромную глубокую яму, куда их предполагают зарыть. Много скульптурных памятников так захоронено: Александр III Трубецкого, Петр I Растрелли, четыре коня со статуями Клодта, Анна Иоановна и т. д.» [5, ед. хр. 57].

Яркие воспоминания остались о быках в некрополе и у Е. В. Клюшиной: «Когда фронт приблизился к городу, их буквально из-под огня с помощью трактора перевезли в Лавру. Как рассказывал Николай Викторович,

хотели закопать всю ценную скульптуру, но не успели, некому уже было делать это, и всю войну они так иостояли в Некрополе у ворот. И Николай Викторович вспоминал рассказанный когда-то Демут-Малиновским сон. Скульптору приснилось, что к нему пришли извяянные им быки. И он у всех спрашивал, что бы мог значить такой сон, как можно его истолковать. Никто ему в то время его странный сон объяснить не смог. И Николай Викторович нам говорил: «Зато теперь бы я мог объяснить этот сон. Быки стоят у некропольских ворот, а в нескольких метрах от них – могила Демут-Малиновского (он подвел нас к ней). Быки скульптора, таким образом, пришли к нему через 100 лет» [4, с. 2–3].

Личные воспоминания и дневниковые записи демонстрируют многостороннюю картину повседневной жизни музеиных некрополей во время блокады Ленинграда. Особое внимание удалено тому, как мемориальное пространство трансформировалось под влиянием обстоятельств войны. Из просветительского учреждения некрополь превратился в многофункциональное пространство выживания: здесь сохранялись культурные ценности, а на месте изысканных клумб появлялись жизненно необходимые огороды. Некрополь стал не только местом памяти, но и местом силы.

Библиографический список

1. Ефремова Н. Н. Музеефикация некрополей и создание Музея городской скульптуры (1920–1930-е гг.) // Сохраненная память: Сборник научных статей / под ред. В. Н. Тимофеева / Государственный музей городской скульптуры. – СПб., 2008. С. 11–16.
2. Канина Л. В. Николай Викторович Успенский – создатель и первый хранитель музеиного некрополя // Одним дыханьем с Ленинградом : сборник научных статей / Гос. музей городской скульптуры. – СПб., 2005. С. 67–74.
3. Залешина Д. И. Укрытие памятников некрополей в годы блокады // Ленинградские монументы помнят: каталог выставки / Гос. музей городской скульптуры. – СПб., 2020. С. 144–157.
4. Клюшинов Е. В. Пять кусков сахара / записала Л. Титова // Смена. – 1987. – № 285. – С. 2–3.
5. Остроумова-Лебедева А. П. // ОР РНБ. Ф. 1015. Ед. хр. №57
6. Бартошевич Андрей Андреевич (1899–1949), искусствовед, критик, директор Ленинградского государственного театрального музея (1947–1949) // СПб ГТБ ОРиРК. Ф. 71. Оп. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2574-f-71-bartoshevich-andrey-andreevich-1899-locale-nil-1949-iskusstvoved-kritik-direktor-len-gos>

teatralnogo-muzeya-1947-locale-nil-1949#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 25.08.2025)

7. Бартошевич А. Блокадный дневник / Публ., вступ. заметка и примеч. Л. Штакель-берга // Звезда. – 2011. – № 6. – С. 99–130 [Электронный ресурс]. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&cpnput=1640> (дата обращения: 25.08.2025).

8. Кулябко В. Г. Блокадный дневник // Нева. – 2004. – № 1. – С. 238–244 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2004/1/blokadnyj-dnevnik-2.html> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Списки рабочих и служащих предприятий и учреждений Фрунзенского района, награжденных медалью «За оборону Ленинграда». – Т. 4 // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 554.

10. Синельникова Т. А. Жизнь в блокированном Ленинграде глазами искусствоведа и критика, работника Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета: блокадный дневник А. А. Бартошевича в архивном собрании Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки Ленинграда // Война. Блокада. Жизнь города : [сборник статей] / сост., науч. ред.: Н. Ю. Бринюк [и др.]. СПб. : Галарт, 2022. – С. 255–321.

11. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. – Т. III. – М. : Центрполиграф, 2003.

Книги, опаленные войной: книжные фонды Петергофского и Ораниенбаумского дворцов-музеев и парков в годы Великой Отечественной войны

М. В. Васинская¹



Аннотация. История книжных фондов Петергофа и Ораниенбаума в XX веке является малоисследованным вопросом. На основе архивных документов, в том числе неопубликованных и впервые введенных в научный оборот, удалось конкретизировать состав вывезенных книг, дополнить сведения об их эвакуации и консервации в военное время, осветить вопросы, связанные с реэвакуацией и организацией книгохранилища в музее Петровца после освобождения пригородов Ленинграда.

Ключевые слова: книжные фонды, библиотека, эвакуация, Петергоф, Ораниенбаум, Великая Отечественная война.

Books scorched by war: book collections of the Peterhof and Oranienbaum palace-museums and parks during the Great Patriotic War

Summary. The history of the book collections of Peterhof and Oranienbaum in the 20th century is a little-studied issue. Based on archival documents, including unpublished and first introduced into scientific circulation, it was possible to specify the composition of the removed books, supplement information on their evacuation and conservation during the war, and highlight issues related to the re-evacuation and organization of the book depository in the Peterhof Museum after the liberation of the suburbs of Leningrad.

¹ Васинская Мария Владиславовна, хранитель музейных предметов фонда «Редкая книга Ораниенбаума», ФГБУК «Государственный музей-заповедник «Петергоф», Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, ул. Разводная, 2.

Vasinskaya Mariya Vladislavovna, Curator of Oranienbaum's rare books Department of the Peterhof State Museum-Reserve, Russian Federation, 198516, St. Petersburg, Peterhof, Razvodnaya st., 2.

Keywords: *book collections, library, evacuation, Peterhof, Oranienbaum, the Great Patriotic War.*

Они любили книгу, они служили книге, поэтому они ее спасали.
А. Адамович, Д. Гранин «Блокадная книга»

Музейные сотрудники пригородных ансамблей Ленинграда совершили подвиг по спасению историко-культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Вопросы, связанные с эвакуацией коллекций Петергофа и Ораниенбаума, рассматривали С. В. Бондарев и К. А. Пугачева [1], Ю. В. Зеленянская [2; 3], П. П. Котляр [4], П. В. Петров [5–7], Р. Х. Сибагатова [8], А. С. Трапезникова [4; 9; 10]. Об истории книжных фондов Петергофа в военный период писала М. В. Трубановская [11–13]. В данной статье производится уточнение сведений о судьбе книжных фондов Петергофа и Ораниенбаума в годы Великой Отечественной войны, установление местонахождения эвакуированных и законсервированных книг, выявление конкретных спасенных изданий, дополнение сведений о том, как проходила эвакуация и работа с музеинными предметами в тылу в местах их временного хранения.

Научная библиотека Петергофских дворцов-музеев и парков к 1941 году включала в себя издания XVII–XX веков (по истории, искусству, художественную литературу), происходившие из различных государственных и частных коллекций, в том числе из собрания Ораниенбаумского дворцово-паркового комплекса: он входил в состав Петергофских дворцов-музеев и парков с 1925 по 1939 год и с 1941 по 1944 год.

Сведения о составе библиотеки Петергофских дворцов-музеев и парков в довоенный период приводятся в инвентарных книгах. В библиотеке научного отдела к 1938 году имелось уже 6 636 томов [14, л. 287 об.], в числе которых были и журналы. Часть книг значилась в других документах: в инвентарной книге дворца Марли – 70 позиций [15, л. 84–91 об.], в описи библиотеки дворца Коттедж – 2 255 единиц [11, с. 24], а также в инвентарной книге библиотеки Китайского дворца в Ораниенбауме, составленной до 1932 года, – 3 336 томов [16, л. 77 об.].

Подготовка к эвакуации музеиных ценностей Петергофа и Ораниенбаума началась в первый день Великой Отечественной войны. Прежде всего вывозили изделия из драгоценных металлов, мемориальные вещи, связанные с представителями династии Романовых, картотеку музейного имущества и др. Всего из Петергофа были отправлены в Горький, Сарапул и Ленинград 342 ящика, в которых находилось 12 932 музеиных предмета, в том числе 1 800 книг [17, л. 9 об.].

В научном архиве Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Павловск» сохранились первичные паспорта ящиков с предметами, эвакуированными из пригородов Ленинграда. В первую очередь, отправленную в Горький 29 июня, вошли 1 695 предметов (38 ящиков) [7, с. 21], среди которых в ящике № 32 вместе с предметами, содержащими драгоценные металлы, были выносное и малое напрестольное Евангелия 1744 и 1751 года с серебряными золочеными накладками из специальной кладовой Большого Петергофского дворца (инв. № С-38, С-39) [18, л. 33]. В марте 1942 года во время переупаковки эти Евангелия были переложены в ящик № 5, куда также было добавлено еще одно эвакуированное Евангелие в серебряном полированном окладе, в кожаном футляре (инв. № С-110/1-2)² [19, л. 7–8 об.], происходящее из Готической капеллы парка Александрия.

Книги из экспозиции дворца Марли были отправлены в Горький во вторую очередь в ящике № 65 6 июля 1941 года в двухосном крытом вагоне № 40140 с поездом № 1952 [20]. В акте на перемещение предметов для указанного ящика названия изданий не указывались, фиксировались только инвентарные номера и размеры. Вместе с книгами в ящик были уложены предметы гардероба: фетровая треуголка и мундир императора Петра III голубого шелка, пояс парчовый к мундиру, мундирное платье императрицы Екатерины II зеленого шелка, а также вышитое одеяло Петра I [19, л. 12].

В состав третьей очереди, отправленной в Горький 14 июля 1941 года в двух крытых двухосных вагонах № 313217 и 432485 [21], вошли предметы, эвакуированные из дворца Коттедж³. Согласно акту от 11 июля в ящик № 113 был уложен 81 предмет, в числе которых перечислены одиннадцать книг, семь книжек, одна брошюра, восемь карт, две памятных книжки, шесть манифестов, одна таблица, а также предметы быта и декоративно-прикладного искусства [22, л. 113–114 об.]. Следующим днем был составлен еще один акт на упаковку 181 предмета в ящик № 100 [23, л. 3]. В отчете Дирекции петергофских дворцов-музеев и парков об эвакуации и консервации музеиных ценностей из г. Петергофа [октябрь 1941 года] указывается в составе третьей очереди 181 книга из библиотеки Коттеджа [24, с. 115], однако согласно акту перемещения не все единицы хранения являлись книгами, так как 124 из них составили планы, карты, а также гравюры и литографии, которые происходили

² Здесь и далее в скобках приводятся инвентарные номера согласно довоенным документам, что позволяет идентифицировать конкретные издания из собрания ГМЗ «Петергоф».

³ Трубановская М. В., опираясь на описание библиотеки дворца Коттедж 1938 года, пишет, что из этого собрания в общей сложности было эвакуировано 966 единиц хранения, а 1 289 были утрачены [11, с. 25].

непосредственно из библиотеки дворца, 42 тома числились по научной библиотеке, еще пятнадцать позиций были взяты, вероятно, на временное хранение из Музея революции [22, л. 92–95 об.]. Тогда же в ящике № 111 были отправлены в эвакуацию 425 предметов из научной библиотеки и вспомогательного кабинета, которые согласно акту перемещения включали среди прочего 112 топографических карт, один географический атлас, 48 архивных чертежей и планов, три альбома фотографий, 199 книг, преимущественно путеводителей, посвященных пригородам Петербурга, в частности Петергофу и Ораниенбауму, гравюры, а также иконографический материал из музея города [22, л. 105–107]. Часть планов из научной библиотеки была перевезена в ящике № 118 [25, л. 12 об.]. В декабре 1941 года музейные предметы из Горького были доставлены в Новосибирск и размещены в здании Государственного театра оперы и балета (всего там хранилось 120 петергофских ящиков с 3 273 предметами) [7, с. 26–27].

В состав пятой очереди, приготовленной к отправке в Сарапул 28 августа 1941 года, помимо прочего, вошли гравюры, литографии и книги из научной библиотеки (644 ед. хр.) [23, л. 3], которые были упакованы в ящик № 152. Из них только 102 позиции составили иностранные издания XVIII–XIX веков, путеводители, справочники и журналы по архитектуре⁴ [26, л. 40 об. – 42]. Согласно описи опечатанных ящиков пятой очереди для книг научной библиотеки были также предназначены ящики № 144, 185, 186 [26, л. 16], паспорта которых нами не были обнаружены. Ввиду того, что станция Мга была захвачена немецкими войсками 29 августа, предметы остались в Ленинграде [5, с. 200] и были размещены в Исаакиевском соборе, о чем опроверговано свидетельствует надпись графитным карандашом в верхней части вышеупомянутой описи: «в Исаак. соб.» [26, л. 16].

Большую часть книг из библиотек Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков не успели вывезти в тыл. Консервационные мероприятия сотрудники проводили одновременно с подготовкой к эвакуации уже с 23 июня 1941 года. Согласно отчету о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 года, составленному директором М. М. Ребанэ, книги из дворца Коттедж, оставленные в Петергофе, перенесли в специальную кладовую и библиотеку Большого дворца. Тринадцать специальных кладовых для хранения музейных предметов были оборудованы под Церковным корпусом, Корпусом под гербом и в западном флигеле Большого дворца. Они были снабжены железными решетками, щиты

⁴ После Великой Отечественной войны книги, хранившиеся в Исаакиевском соборе, стали основой для библиотеки научного отдела Петергофских дворцов-музеев.

окон и дверей обиты железом. Издания из научной библиотеки «остались в своем прежнем помещении» [23, л. 1 об. – 4 об.], то есть в Корпусе под гербом. Впоследствии все, что находилось там, вероятно, было утрачено, так как Большой Петергофский дворец сгорел в первые дни оккупации ансамбля в сентябре 1941 года, а сохранившиеся предметы расхищались мародерами и перемещались в Германию, поскольку в составе немецкой армии действовали зондеркоманды, которые занимались изъятием культурных ценностей на оккупированной территории. Уже 28 сентября 1941 года в Петергоф прибыла немецкая специальная оперативная команда «Гамбург», функционировавшая в составе 18-й армии, специализировавшаяся на вывозе в Германию из Ленинградской области архивных документов, книг, карт и т. д., а в ноябре – представители Оперативного штаба рейхсляйтера А. Розенберга [27, с. 160], в полномочия которого входила проверка и конфискация культурных ценностей из музеев, архивов и библиотек. М. С. Зинич пишет, что из Петергофа среди прочих культурных ценностей в Германию была вывезена библиотека без указания конкретных изданий [28, с. 119].

В сводной таблице ущербов по предметному убранству Петергофских дворцов-музеев, причиненных фашистскими оккупантами, указывается, что в Петергофе оставалось 11 700 книг [17, л. 10] (из них около 1 000 томов из дворцов, остальная часть – из научной библиотеки, около 10 % от общего количества имела кожаные переплеты и золотое тиснение, около 40 % книг было иллюстрировано) [29, л. 15]. Таким образом, было вывезено 13 % книжного фонда, что является достаточно высоким показателем в сравнении с другими пригородными дворцами-музеями. Так, из Пушкина было вывезено 200 книг, из Павловска – 600, из Гатчины – 100. На месте были законсервированы в Пушкине 33 800 книг, в Павловске – 16 076, в Гатчине – 44 240 [17, л. 10]. В 1944 году был подсчитан ущерб по Петергофским дворцам-музеям, по библиотеке он составил 1 150 000 рублей [29, л. 2].

Музейные предметы, оставшиеся в Ораниенбауме, были сохранены благодаря тому, что в годы Великой Отечественной войны он находился на территории Приморского плацдарма, не захваченного нацистами. О местонахождении книг из библиотеки музея свидетельствует воспоминание московского архитектора, командира топовычислительного отделения 48-й стрелковой дивизии В. Горбачева. Он пишет, что охранявший Китайский дворец комендант Н. М. Михайлов пустил его осмотреть интерьеры за пайку сухаря, что еще раз напоминает о тяжелом положении и голоде населения на территории плацдарма. Далее он описывает увиденное: «Имущество дворца сотрудники музея в спешке готовили к эвакуации. Все грудой навалом было сосредоточено в Большом зале. Но эвакуировать не удалось, не успели. Великолепные

издания по искусству в виде книг, таблиц, гравюр валялись на полу среди множества фарфоровых ваз, мебели, мраморных изваяний» [30, л. 2]⁵.

Музейные сотрудники, оказавшиеся в эвакуации, с честью выполняли свои обязанности по хранению культурных ценностей несмотря на различные сложности военного времени. По мере необходимости происходила распаковка ящиков с целью проверки сохранности предметов, их проветривания, просушки и т. д. Во время пребывания вещей в эвакуации сотрудники столкнулись с рядом проблем, для решения которых привлекались ученые. Так, петербургский искусствовед и химик, профессор В. Я. Курбатов, находившийся в эвакуации в Казани, подготовил несколько инструкций по хранению и реставрации предметов декоративно-прикладного искусства, рисунков, чертежей и различных изданий. В рекомендациях по хранению книг, написанных в декабре 1942 года и направленных в Музей-хранилище Ленинградских дворцов-музеев в Сарапуле, даны профилактические советы по периодичности осмотра и указания в борьбе с сыростью, плесенью, жучками [31, с. 60–61].

В течение 1942–1943 годов в Новосибирском хранилище производилась систематизация и переупаковка книг. В мае 1942 года был вскрыт ящик № 65 с изданиями из экспозиции дворца Марли. Вследствие большого объема работы при эвакуации и очевидной спешки музейных сотрудников при составлении сопроводительных документов паспорт этого упаковочного места содержал ошибки: две книги (инв. № Mp 338, Mp 339) были записаны дважды, одна позиция (инв. № Mp 399) была вовсе не указана [22, л. 66], хотя фактически книга присутствовала. Результаты проверки ящика были отражены в соответствующем акте вскрытия [19, л. 11], а также в ведомости недостач и излишков по музею-хранилищу в г. Новосибирске [32, л. 16]. Также в 1942 году музейные сотрудники произвели дезинфекцию экспонатов из бумаги и тары, в которой они хранились, раствором тимола [33, л. 7].

В 1943 году при работе с архивом, плоскостным материалом и книгами из Петергофа были вскрыты ящики № 100, 111. После сличения с документами было обнаружено, что в паспортах обоих ящиков присутствуют неточности в записи инвентарных номеров отдельных предметов, а также не записанные и отсутствующие экземпляры. В паспорт ящика № 100 не внесена книга «Жизнь Екатерины Великой» 1801 года (инв. № 3871) [25, л. 137 об., 152], в паспорт ящика № 111 – два путеводителя по Ораниенбауму А. С. Дахновича (инв. № 13156, 13157) и два плана Петергофа (инв. № 17, 26), при этом

⁵ Выражаю благодарность за указание на это дело заведующей отделом «Ведомственный архив» ГМЗ «Петергоф» Р. Х. Сибагатовой.

отсутствовали указанные в акте два путеводителя: по Нижней даче А. В. Шеманского и С. С. Гейченко (инв. № 13187) и по окрестностям Ленинграда (инв. № 1188). Таким образом, в ящике № 111 фактически присутствовали 196 книг и одна рукопись [34, л. 23–23 об.]. Далее все имеющиеся топографические карты были уложены в ящик № 111, а 27 книг XVIII – начала XIX столетия доупакованы в повторно вскрытый ящик № 65 к уже имеющимся там, тридцать⁶ книжных единиц справочного характера изъяты для использования в научной деятельности сотрудников хранилища [34, л. 22 об.].

Аналогичные мероприятия производились в хранилище, расположенным в Исаакиевском соборе. Актом № 2156 от 29 ноября 1944 года была зафиксирована недостача четырех книг из списка ящика № 152: «Регель – Изящное садоводство...» (инв. № 12724), «Географический атлас» (инв. № 1293), «Весь Ленинград, справочник, 1935 г.» (инв. № 1276), «Бедекер – «Россия» на английском языке» (инв. № 7436) [35, л. 56 об.].

Процесс возвращения культурных ценностей пригородных музеев в Ленинград занял несколько месяцев. В октябре 1944 года началась реэвакуация из Новосибирска, привезенные предметы в декабре разместили в Исаакиевском соборе и Музее истории и развития Ленинграда. Книги из экспозиции дворца Марли были реэвакуированы согласно акту № 1 от 26.12.1944 года в ящике № 65, о чем свидетельствуют оттиски штампа Центрального хранилища музейных фондов (ЦХМФ) с отметкой о сличении предметов, привезенных возле каждой позиции с названием издания в инвентарной книге дворца Марли 1938 года [15, л. 151–166]. Книги из библиотеки дворца Коттедж были доставлены в ящиках № 111, 113 [36; 37]. Спустя год, в конце декабря 1945 года, были доставлены произведения искусства, хранившиеся в Сарапуле, к этому моменту ЦХМФ находилось в Пушкине, в Александровском дворце. Передача предметов из ЦХМФ растянулась на несколько лет.

Первая часть книг была возвращена Дирекции дворцов-музеев и парков г. Петродворца (с 1944 по 1997 год так назывался г. Петергоф) в октябре 1945 года, согласно отчету за 1945 год из ЦХМФ было передано 218 томов⁷ [38, л. 50, 62, 66]. В послевоенный книжный фонд вошли реэвакуированные книги XVIII–XIX веков, в том числе из исторических собраний Петергофа и Ораниенбаума, историко-искусствоведческие издания, большую часть из

⁶ Инв. № 2674, 3791, 4503, 4638–4640, 3694, 3452–3454, 4755, 4756, 3315. При этом в отчете Новосибирского фонда за 1943 год указано, что для работы научных сотрудников «отложено 15 книг» [32, л. 8 об.].

⁷ Согласно акту № 93 от 25 сентября 1945 года из хранилища I фонда пригородных дворцов в Петергофские дворцы-музеи были переданы 180 книг, 39 журналов, четыре рукописи и др. [39, л. 1, 13].

которых составили путеводители по пригородам Санкт-Петербурга – Ленинграда, так как они аккумулировали в себе основные сведения по истории строительства музейных объектов и о главных ключевых экспонатах⁸. В акте передачи указано, что часть изданий из петергофского собрания осталась в хранилище [39, л. 1–8]. Для налаживания научной работы в музее требовалась организация библиотеки, что подчеркивалось в объяснительной записке к отчету за III квартал 1945 года [38, л. 24 об.]. В отчете за сентябрь 1945 года появляется самостоятельный раздел «Организация библиотеки научного отдела» [38, л. 34]. В служебной записке от 31 октября 1945 года главный хранитель дворцов-музеев и парков г. Петродворца М. А. Тихомирова пишет директору Я. И. Шурыгину о мероприятиях, необходимых для создания нормальных условий для работы научных сотрудников, в том числе она указывает на необходимость установки замков на шкафы, так как без них нет «возможности вскрыть ящик с библиотекой, привезенной сюда» [40, л. 88]. Размещение книг не было произведено и в ноябре «ввиду невыполненных столярной мастерской полок из-за болезни столяров» [38, л. 54]. В январе 1946 года было подготовлено помещение для размещения архива и библиотеки научного отдела [41, л. 17].

В связи с отсутствием в штатном расписании должности библиотекаря библиотечная работа наряду с другими видами деятельности вошла в обязанности научных сотрудников. В отчете за IV квартал 1945 года научного сотрудника В. В. Марковой значится поездка в Ленинград за закупленными изданиями, их учет, проверка наличия журналов по годам, оформление инвентарной книги и др. [42, л. 3–3 об.]. В. В. Маркова и А. Г. Шурыгина в январе 1946 года провели классификацию изданий по отделам, сделали сверку поступления книг со счетами, заинвентаризовали 368 книг и 38 по брошюрному инвентарю), в феврале они начали работу по составлению катализных карточек. В плане-графике В. В. Марковой на апрель 1946 года также указывается «выдача и прием книг и фотографий ежедневно с 9 до 1 кроме среды» [32; 41; 43, л. 1; 44;]. Научные сотрудники составляли библиографические картотеки по парку и дворцам [43, л. 5 об; 45, л. 43.]. Комплектование

⁸ Основной пласт составляли издания по Петергофу, Стрельне и Ораниенбауму: «Спутник экскурсанта по Петергофу и Ораниенбауму» Доброхотова (инв. № 1979), «Марли – павильон петровского времени» (инв. №№ 2260, 2262, 3082), «Петергоф – островки и павильоны» (инв. № 2008, 2009), «Екатерининский корпус Монплезира» А. Сергеева (инв. № 12766), «Сады и фонтаны Петергофа» Н. И. Архипова (инв. № 13149, 13150), «Петергоф и Ораниенбаум» (инв. № 13161), «Историко-бытовой музей XVIII века» А. Шеманского и С. Гейченко (инв. № 13167), «Путеводитель по Ораниенбауму» А. С. Дахновича (инв. № 13156, 13157, б/№), «Стрельна и Ораниенбаум» В. Я. Курбатова (инв. № 2099) и др.

библиотеки новыми изданиями началось уже в 1945 году, так за год было приобретено двести книг [38, л. 66], в том числе в сентябре 1945 года были закуплены «17 томов книг и журнал “Старые годы” за 6 лет» на 1 500 рублей, в октябре приобретены издания на 500 рублей [38, л. 34, 37, 49]. В 1946 году было закуплено 296 изданий на сумму 7 133 рубля [43, л. 43].

Впоследствии книжный фонд на протяжении нескольких десятилетий пополнялся в соответствии с профилем библиотеки и входил в состав научно-вспомогательного кабинета. Согласно объяснительной записке в отдел Культпросветработы Исполкома Ленгорсовета от 10 октября 1950 года научно-вспомогательный кабинет дирекции включал 22 673 ед. хр.: чертежи (8 674 ед. хр.), фотографии и негативы (10 924 ед. хр.), литографии и гравюры (201 ед. хр.), книги, журналы, рукописи (1 619 ед. хр.), архивные дела (2 255 ед. хр.) [46, л. 1–8].

В рамках исследования на основе материалов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, неопубликованных и впервые введенных в научный оборот документов из Ведомственного архива ГМЗ «Петергоф» и Научного архива ГМЗ «Павловск» удалось конкретизировать состав и количество эвакуированных книг, установить местонахождения пунктов их эвакуации и консервации в военное время на территории Петергофа и Ораниенбаума. Данное исследование осветило вопросы, связанные с деятельностью по хранению книг в тылу, с реэвакуацией и организацией книгохранилища в музее Петродворца в послевоенное время, позволило документально подтвердить довоенное происхождение части изданий в собрании ГМЗ «Петергоф».

Библиографический список

1. Бондарев С. В., Пугачева К. А. Груз особого назначения // Зодчий, 21 век: вестник. – 2015. – № 1(54). – Ч. 1. С. 48.
2. Зеленянская Ю. В. Петергофские дворцы-музеи и парки накануне Великой Отечественной войны. К вопросу об эвакуации музейных ценностей в июне – сентябре 1941 года // Дворцы и события: к 300-летию Большого Петергофского дворца : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф / ГМЗ «Петергоф». – СПб., 2016. – С. 82–93.
3. Зеленянская Ю. В. Эвакуация музейных ценностей Петергофа и Ораниенбаума в июне – сентябре 1941 года // Зодчий, 21 век: вестник. – 2015. – № 1(54). – Ч. 1. – С. 41–45.
4. Котляр П. А., Трапезникова А. С. Территория эвакуации // Зодчий, 21 век: вестник. – 2015. – № 1(54). – Ч. 1. – С. 46–47.
5. Петров П. В. От Петергофа до Новосибирска: Петергофские дворцы-музеи в эвакуации (1941–1945 гг.) // Сохраняя наследие: история эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945 гг. – Красноярск : Ситалл, 2020. – С. 198–221.

6. *Петров П. В.* Петергоф – Сарапул: история эвакуации музеиных ценностей в 1941–1945 годах // Сарапул. Особый груз: об эвакуации музеиных ценностей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Сарапул – Ижевск, 2020. – С. 59–65.

7. *Петров П. В.* Петергофские дворцы-музеи в эвакуации // Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. – Т. 1. / ГМЗ «Петергоф». – СПб., 2019. – С. 18–34.

8. *Сибагатова Р. Х.* Спасение музеиных ценностей Ораниенбаумских дворцов-музеев в годы Великой Отечественной войны // Музеи России как передовая обороны отечественной культуры в XX – начале XXI века: материалы 26-х февральских музеиных чтений памяти С. С. Гейченко, 14–17 февр. 2023 г. : [сб. ст.]. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2023. (Михайловская пушкиниана; вып. 96). – С. 215–235.

9. *Трапезникова А. С.* Как спасали Петергоф // Мир музея. – 2015. – № 9. – С. 29–33.

10. *Трапезникова А. С.* Эвакуация музеиной коллекции Петергофа: история в документах // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий : сб. докл. всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал (4–6 апр. 2016 г.). – Екатеринбург, 2016. – С. 237–239.

11. *Трубановская М. В.* Библиотека императрицы Александры Фёдоровны во дворце «Коттедж» в Петергофе // Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11: Утраченные книжные ценностии. – Кн. 3: Петергоф. – М. : [ИРИСЬ], 2006. – С. 18–25.

12. *Трубановская М. В.* К вопросу об истории формирования книжных фондов петергофских музеев после революции и Великой Отечественной войны // Музейные библиотеки в современном обществе: библиотеки и книжные коллекции во времена социально-политических перемен: тез. докл. 16 науч.-практ. конф., 18–20 апр. 2017 г. – М., 2017. – С. 61–64.

13. *Трубановская М. В.* Формирование книжных фондов ГМЗ «Петергоф» // Хранители памяти: история, традиции и значение библиотек, архивов и музеев в изучении истории и культуры Петербурга: материалы 11 конф. по инф. ресурсам петербурговедения, Санкт-Петербург, 14 марта 2018 г. / Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского («Черкесовские чтения»: к 150-летию Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского). – СПб., 2018. – С. 114–129.

14. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6216-ар.

15. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6286-ар.

16. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 44.

17. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110.

18. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16317.

19. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16320.

20. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16318.

21. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16319.

22. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16316.

23. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 109.

24. Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. – Т. 1 / ГМЗ «Петергоф». – СПб., 2019. – 458, [1] с.

25. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16315.

26. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16216.

27. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт: музеи России в 1941–1945 гг. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 334 с.

28. *Зинич М. С.* Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1(3). – С. 116–125.

29. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 111.

30. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 201.

31. Профессия – музей. – Вып. 2. Военные письма В. Я. Курбатова. 1942–1944 / ГМИ СПб., 2016. – 136 с.

32. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16313.

33. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16312.

34. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16321.

35. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16215.

36. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6330-ар.

37. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6331-ар.

38. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 512.

39. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 2339.

40. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 519.

41. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 535.

42. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 516.

43. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 533.

44. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 71.

45. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 532.

46. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Д. 759.

Музей и война: Донецкий республиканский краеведческий музей в условиях военного конфликта 2014–2024 гг.

Л. Н. Гармаш¹



Аннотация. Статья посвящена современным военным событиям, которые пережил Донецкий республиканский краеведческий музей с его сотрудниками.

Ключевые слова: военный конфликт в Донбассе, Специальная военная операция (СВО), разрушения, Степан Бельков.

Museum and War: The Donetsk Republican Museum of Local Lore in the Context of the 2014–2024 Military Conflict

Summary. The article is devoted to the modern military events that the Donetsk Republican Museum of Local Lore and its staff experienced.

Keywords: the military conflict in Donbass, Special Military Operation (SMO), destruction, Stepan Belkov.

В год 80-летия Великой Победы, вспоминая события и уроки Великой Отечественной войны, невозможно не провести параллели с нынешними военными событиями. Российским историческим музеям отводится особая роль в сохранении социальной памяти, в том, чтобы память о Великой Отечественной войне стала частью культурного кода россиян.

В 2024 году Донецкий республиканский краеведческий музей отметил столетний юбилей. Собрание музея составляет около двухсот тысяч предметов,

¹ Гармаш Лина Николаевна, главный хранитель фондов ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», Россия, ДНР, Донецк, ул. Челюскинцев, 189-а.

Garmash Lina Nikolaevna, Chief Curator of the Collections, Donetsk Republican Museum of Local Lore, Donetsk, Chelyuskintsev Street, 189-a.

включает уникальные коллекции по археологии и этнографии края, собрание книг редкого фонда, естественно-научные материалы, отражающие особенности природы края, коллекции документального и вещественного фонда по истории региона.

За вековую историю музей дважды переживал критические периоды своего существования. В годы Великой Отечественной войны не удалось эвакуировать все фонды музея, после войны создавать музей пришлось практически с нуля.

Переломным в истории музея стал 2014 год, когда народ ДНР встал на защиту своей свободы и культуры. 15 августа 2014 года, а затем еще дважды, здание музея подвергалось артиллерийским обстрелам. Прямыми попаданиями снарядов было разрушено крыло здания (илл. 1, 2), пострадали крыша, перекрытия, многие помещения. Была уничтожена природоведческая экспозиция, диорама «Лиманский лес», под обрушенными плитами перекрытия были погребены археологическая и зоологическая коллекции. Сотрудники и просто неравнодушные люди под обстрелами спасали экспонаты. Уцелевшие артефакты были перемещены в хранилище музея. Разрушенный музей стал местом притяжения всех неравнодушных людей. Из добровольцев, трудившихся над расчисткой завалов, позже сформировалось волонтерское движение «Донбасс радужный». По словам одного из волонтеров, разрушенный музей стал триггером, подтолкнувшим дончан к самоорганизации. Люди стали объединяться, чтобы помочь городу бороться с разрушениями.

Из воспоминаний одного из добровольцев: «...в те дни множество людей без какого-либо призыва сами приходили в музей и предлагали свою помощь. Объединяла их общая идея: противостоять попытке Киева уничтожить Донбасс, а обстрел музея был шагом, направленным именно на это, потому что музей – это место хранения истории Донбасса. Никто нас целиком не собирал, никто не организовывал. Это был акт народной любви».

2014–2015 – это годы небывалого единения горожан. Взаимопомощь, чувство, чувство локтя были невероятными. Иногда на разборах завалов музея трудилось более ста человек: сотрудники музея, волонтеры. Десятки кубометров разобранных завалов, самосвалы вывезенного строительного мусора. Осенью 2014 года уже не было государственного финансирования: не выплачивали зарплату (выживали на «гуманитарке»), не было средств на закупку стройматериалов, на пожертвования неравнодушных людей приобретали пленку, чтобы затянуть окна, укрыть экспонаты, частично запустили отопление. Таким образом подготовили музей к зиме. Долгое время археологи не могли добраться к заваленным фондам. И только через год, в августе

2015 г., когда сотрудники МЧС разобрали 74 кубометра разрушенных железобетонных конструкций и расчистили двести квадратных метров помещений, археологи начали проводить «археологические раскопки», столкнулись с «культурным слоем» выше человеческого роста. Думали, что никогда не справятся с этим объемом (илл. 3).

6 ноября 2015 г. музей был открыт для посетителей. Шел масштабный ремонт. Глава республики Александр Захарченко изыскал средства для восстановления музея. В холле на первом этаже была развернута экспозиция «Из руин возрожденные», где были представлены экспонаты, пострадавшие в результате обстрелов, фрагменты мин и снарядов, которые были обрушены на мирный город, фотографии разбитых экспозиций. На открытии присутствовали все участники восстановления музея. «Музей сам стал экспонатом, – было сказано на открытии, – превратившись в символ борьбы донбассовцев за самоопределение, за возможность самостоятельно решать свою судьбу».

«...ни на один день краеведческий музей не прекращал свою работу. Мы постоянно работали, постоянно что-то создавали, постоянно пытались найти новые формы и методы работы», – вспоминала позже Татьяна Рязанцева, заместитель гендиректора музея по научно-методической работе.

Специальная военная операция Министерства обороны РФ вызвала новую эскалацию агрессии со стороны Вооруженных сил Украины и ее националистических формирований. В 2022 году музей неоднократно подвергался разрушениям в результате беспорядочных массированных обстрелов города ВСУ. В июне 2022 года здание лишилось большей части остекления. А в новогоднюю ночь в четыре часа утра правительство Украины «поздравило» дончан очередным обстрелом центра города ракетами РСЗО. Одна «градина» влетела во вновь отремонтированный зал природы. Экспонаты удалось спасти, но зал сегодня потерян для посетителей. Несмотря на водобарьерное покрытие крыши, приобретенное на собранные средства, зал постоянно затапливало атмосферными осадками, затопило фондохранилище, которое находилось под залом природы. На протяжении нескольких месяцев сотрудники музея начинали свой рабочий день, вынося из экспозиционного зала и фондохранилища по 40–60 ведер воды...

В 2022 году большая часть мужчин коллектива музея была мобилизована для участия в СВО. Вчерашиние «ботаны», как назвал их военкор Алексей Сладков, в кратчайшие сроки приобретали военные специальности и совершили чудеса мужества, вызывая огонь на себя, захватывая вражескую боевую технику, вынося из-под обстрелов раненых бойцов. С позывными «Товарищ Сухов», «Археолог», «Профессор», «Дед» они фигурировали во многих репортажах военкоров. А вчерашиний пресс-секретарь музея сам стал

профессиональным военным корреспондентом, до сих пор ведет страшные, но правдивые репортажи из самых горячих точек на донецком направлении (имена не называются в целях безопасности).

К большому сожалению, двое наших ребят уже никогда не вернутся с этой войны. Среди них – младший научный сотрудник отдела истории Донецкой Народной Республики Степан Бельков, 1995 года рождения, с позывным «Питер» (илл. 4). «Питер», потому что Степан, в 2019 году побывав в Санкт-Петербурге на стажировке, безумно влюбился в этот город и мечтал жить в нем. Он был очень вдумчивым молодым человеком. Его мама – сотрудница музея, поэтому он вырос на глазах коллектива. С десяти лет Степан занимался в поэтическом кружке. Был занесен в почетную книгу «Одаренность» юных талантов Киевского района Донецка. Веселый, общительный, компанейский, увлекался, как все мальчишки, футболом. Окончил Донецкий национальный технический университет по специальности «Информатика и вычислительная техника», а также Луганский государственный педагогический университет по специальности «История». Работал научным сотрудником в Донецком республиканском краеведческом музее с 2019 года. Был активным участником музеиных проектов – патриотической акции «Герои среди нас», культурно-исторического тура для молодежи «Дорогами воинской славы», пешеходной экскурсии по памятным местам города Донецка «Память о прошлом храним», а также экскурсионного проекта «Без срока давности» на мемориальном комплексе «Саур-Могила».

На профессиональном счету Степана Дмитриевича создание ряда ведущих выставок музея. Помимо основных должностных обязанностей, занимался разработкой программного кода и базы данных официального сайта музея.

Степан Бельков вступил в ряды защитников республики в первые часы после объявления о мобилизации граждан в 2022 году и с первых дней самоотверженно сражался за освобождение Авдеевки. Всего за несколько месяцев сумел овладеть разными видами оружия и стал командиром минометного расчета.

Из чата Степана Белькова в Телеграм: «Я позвонил своим товарищам, мы договорились о встрече в военкомате. 8 лет мы ждали. Наши военные все это время отдавали жизни. Пришел наш черед. Мы стараемся с честью выполнить боевую задачу, которую Родина возложила на нас. Говоря «Родина», я имею в виду не только наши границы, наше правительство, наши земли... Я прежде всего имею в виду наши семьи. Когда у меня появятся дети, хочу с гордостью посмотреть им в глаза, потому что сделал все для того, чтобы у них было счастливое будущее. Чтобы они жили в большой,

мирной и единой стране. За это я готов сражаться до конца. И я здесь не один».

На передовой Степан вновь взял в руки перо. Писал и параллельно командовал минометным расчетом. Первое стихотворение было с говорящим названием «Был сужен мир до прорези прицела»:

Сгущалась тьма, протяжно сталь свистела,
Был сужен мир до прорези прицела!
Но полные решимости и веры
Ему вернем мы прежние размеры!!!

Погиб Степан 21 декабря 2023 года при штурме г. Авдеевки.

За проявленные мужество, храбрость и самопожертвование, смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского долга во время выполнения задач специальной военной операции, Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 2024 года, Бельков Степан Дмитриевич награжден орденом Мужества (посмертно).

**Выставочный проект
Музея-заповедника
«Абрамцево»
«Традиции милосердия»**

Ю. П. Гордеева¹



Аннотация. В статье рассказывается о выставочном проекте «Традиции милосердия», который был реализован Музеем-заповедником «Абрамцево» в мае 2025 года. Выставка освещает историю военных госпиталей в усадьбе «Абрамцево» от Русско-японской до Великой Отечественной войны, а также отражает работу музея по социокультурной реабилитации участников Специальной военной операции в настоящее время. В статье рассматривается процесс реализации проекта от разработки концепции до проведения вернисажа. Научной основой выставки стала книга научного сотрудника Музея-заповедника «Абрамцево» Н. В. Малашиной «Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. ППГ 670, ЭГ 2898. 1941–1945». На выставке были представлены более восьмидесяти фотографий, архивных документов и графики, воспроизведенных на большеформатных баннерах. Это предметы из собраний Музея-заповедника «Абрамцево», Музея-заповедника В. Д. Поленова, Медицинского музея Главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко, частных собраний и личных архивов.

Ключевые слова: Абрамцево, выставка, Великая Отечественная война, военный госпиталь, фотография.

¹ Гордеева Юлия Павловна, научный сотрудник ФГБУК «Государственный историко-художественный и литературный Музей-заповедник «Абрамцево», Россия, 141352, Московская обл., Сергиево-Посадский городской округ, с. Абрамцево, ул. Музейная, 1.

Gordeeva Yulia Pavlovna, Research Associate. FSBCI State Historical, Artistic and Literary Museum-Reserve “Abramtsevo”, Russia, 141352, Moscow Region, Sergiyev-Posadsky City District, Abramtsevo village, Muzeynaya Street, 1.

The Exhibition Project of the Abramtsevo Museum-Reserve “Traditions of Mercy”

Summary. The article presents the exhibition project “Traditions of Mercy”, realized by the Abramtsevo Museum-Reserve in May 2025. The exhibition highlights the history of military hospitals at the Abramtsevo estate from the Russian-Japanese War to the Great Patriotic War, as well as the current museum's activities in the socio-cultural rehabilitation of participants in the Special Military Operation. The article considers the project's implementation process—from the development of the concept to the opening of the vernissage. The scholarly basis of the exhibition was the book by N.V. Malashina, Research Associate of the Abramtsevo Museum-Reserve: “Hospitals in Abramtsevo during the Great Patriotic War. PPG 670, EG 2898. 1941–1945.” The exhibition featured more than eighty photographs, archival documents, and graphic works reproduced on large-format banners. These materials came from the collections of the Abramtsevo Museum-Reserve, the V.D. Polenov Museum-Reserve, the Medical Museum of the N.N. Burdenko Main Military Clinical Hospital, as well as private collections and personal archives.

Keywords: Abramtsevo, exhibition, Great Patriotic War, military hospital, photography.

Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» в настоящее время реализует цикл выставочных проектов, посвященных истории военных госпиталей в усадьбе от Русско-японской до Великой Отечественной войны. Серия этих выставок объединена единой темой и концепцией.

История усадьбы «Абрамцево» многогранна и нуждается в постоянном изучении. Еще десятилетие назад информации о работе в годы Великой Отечественной войны в усадьбе Абрамцево полевого передвижного госпиталя № 670 и эвакуационного госпиталя № 2898 было крайне мало.

В начале мая 2015 года в Музее-заповеднике «Абрамцево» состоялось торжественное открытие установленного у отдела «Абрамцево. Искусство XX века», рядом с абрамцевским дубом, памятного знака в честь действовавшего в годы Великой Отечественной войны на территории усадьбы военного госпиталя № 2898. С тех пор ежегодно в рамках мероприятий, посвященных Дню Победы, проводится церемония возложения цветов к памятному знаку.

С 2019 года краевед, педагог и в настоящее время научный сотрудник Музея-заповедника «Абрамцево» Наталья Викторовна Малашина занималась поиском информации по истории окрестных сел, деревень в период Великой

Отечественной войны. Среди собранных материалов были сведения о работе двух военных госпиталей в Абрамцеве: полевого подвижного госпиталя № 670 (осень – зима 1941 г.) и эвакогоспиталя № 2898 (1941–1945). Архивные документы, фотографии, воспоминания и письма сотрудников госпиталя, пациентов и их родственников легли в основу изданной в 2021 году книги Н. В. Малашиной «Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. ППГ 670, ЭГ 2898. 1941–1945».

Результатом изучения данной темы стали организованные в 2023 и 2024 годах в парке музея «Абрамцево», рядом с памятным знаком, камерные выставки экспозиционных материалов на большеформатных баннерах, рассказывающие о работе госпиталей в усадьбе в период Великой Отечественной войны. Экспозиции представляли имеющиеся на тот момент данные о госпиталях: фотографии сотрудников и пациентов, графические материалы. Выставки органично вписались в структуру ежегодных мероприятий ко Дню Победы: проходили вернисажи, организовывались тематические экскурсии для детей.

Сбор новых данных о госпиталях продолжался все это время, и к 2025 году объем новой, еще не опубликованной информации, ее обработка и систематизация позволили подготовить второе, дополненное издание книги. Большой вклад в эту работу внесли неравнодушные жители окрестностей Абрамцева, которые предоставили имеющиеся у них сведения об их родственниках – работниках и пациентах госпиталей, передали в собрание музея фотографии, документы и воспоминания. Таким образом, научная работа по теме военных госпиталей в Абрамцеве способствовала и комплектованию фондов музея. Предметы военного периода передавались в музей и ранее, однако за последние годы темпы комплектования увеличились, коллекция музея пополнилась более чем двадцатью оригинальными фотографиями, связанными с историей госпиталей. Главное – увеличилась база оцифрованных копий документов и фотографий, оригиналы которых не хранятся в фонде музея.

Этот новый виток исследования позволил переосмыслить предыдущие выставки, посвященные госпиталям, расширить и трансформировать экспозицию, значительно увеличив количество экспонируемого материала.

В мае 2025 года в парке усадьбы состоялось открытие традиционной небольшой выставки об истории абрамцевских госпиталей и прошла церемония возложения цветов к памятному знаку. Спустя месяц экспозиция была концептуально и тематически обогащена, в том числе за счет новых, ранее нигде не экспонировавшихся материалов. 24 июня, в день памятного Парада Победы 1945 года, состоялось торжественное открытие выставочного

проекта «Традиции милосердия» (илл. 1). Эта выставка стала результатом многолетней научно-исследовательской работы. Пространство для экспонирования было расширено, выбрана часть парковой зоны не только у памятного знака, но и напротив отдела «Абрамцево. Искусство XX века». Рядом с памятным знаком – обновленный и дополненный список фамилий медиков и работников госпиталя, которые удалось установить в ходе исследования, одна из экспликаций. На площадке у отдела «Абрамцево. Искусство XX века» – основная часть экспозиции с воспроизведением фотографий, графики и текстовым сопровождением. С целью создания образных доминант и повышения эмоциональной вовлеченности аудитории сотрудниками музея была специально спроектирована и выполнена живописная художественная иллюстрация «Боец и медсестра» (илл. 2), их образы были созданы на основе фотографий медсестры Е. А. Бевз и солдата И. А. Березина, и арт-конструкция с коллажем из фотопортретов медперсонала и пациентов госпиталя, отрывков из писем и документов и объемными фигурами белых голубей.

Выставка «Традиции милосердия» охватила значительный период истории усадьбы. Замысел проекта заключался в том, чтобы подчеркнуть связующие нити между XIX, XX и XXI веками в деле благотворительной помощи, показать преемственность заложенных в Абрамцеве семьей Мамонтовых традиций попечительства и заботы, нашедших отклик и в годы Великой Отечественной войны, и в настоящее время. Основные задачи выставки – отражение исторических событий, представление новых данных, выявленных в результате исследовательской деятельности, сохранение памяти о них, популяризация данной темы, освещение текущей деятельности музея «Абрамцево» по социокультурной реабилитации участников Специальной военной операции (СВО).

Важнейшую роль в экспозиции играют тексты, передающие основную идею и содержание выставки, при этом их количество соразмерно экспозиционным материалам и не перегружает их. Каждый раздел выставки имеет текстовое сопровождение, традиционно расположенное в начале каждого блока. Наличие сопроводительной информации позволило полноценнознакомиться с экспозицией и без сопровождения экскурсовода.

При проектировании экспозиции предметный ряд тщательно анализировался и классифицировался, отбирались изображения тех предметов, которые наиболее оптимально раскроют экспозиционный замысел. Качество выставочного проекта в данном случае напрямую зависело от глубины и точности научной основы экспозиции. Комфортность получения информации посетителями достигалась также средствами дизайна. На выставке представ-

лены более восьмидесяти фотографий, архивных документов и графики, высококачественно воспроизведенных на большеформатных баннерах (илл. 3). Это предметы не только из собрания Музея-заповедника «Абрамцево», но и из Музея-заповедника В. Д. Поленова, Медицинского музея Главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко, частных собраний и личных архивов.

Экспозиция построена по тематико-хронологическому принципу. Первый раздел выставки посвящен благотворительной деятельности семьи Мамонтовых в дореволюционный период, второй – истории военных госпиталей в усадьбе в период Великой Отечественной войны, и заключительный – деятельности музея по поддержке участников Специальной военной операции в настоящее время.

Снимки, экспонируемые в первой части выставки, отражают различные благотворительные инициативы Саввы Ивановича и Елизаветы Григорьевны Мамонтовых, владельцев усадьбы «Абрамцево» с 1870 года. Мамонтовы организовали рядом с усадьбой лечебницу для жителей ближайших деревень, школу для крестьянских детей и столярно-резчицкую мастерскую. Елизавета Григорьевна уделяла этому много времени и сил. В школе Елизавета Григорьевна устраивала с детьми чтения и беседы. Н. В. Поленова писала: «Ее добрая, ясная личность была для них светлым явлением. Они любили ее и сознавали ее глубокое влияние на жизнь» [1, с. 51]. В лечебницу был приглашен фельдшер. По воскресеньям приезжал доктор и тогда к усадьбе съезжались больные со всей округи. Елизавета Григорьевна ходила помогать доктору на приеме и, по ее собственным воспоминаниям, «находила в этом большое удовлетворение» [2, л. 121].

Устраивая школу и столярно-резчицкую мастерскую, Мамонтовы в первую очередь ставили своей целью улучшить материальное благосостояние жителей Абрамцева и окрестностей. К 1900-м годам в результате развития кустарных промыслов экономически укреплялись территории, возрос уровень жизни и преобразился облик местного населения. Один из учеников столярной мастерской писал: «...сколько же за этот почти 33-летний период существования школы вышло нас грамотных и вставших на ноги... Сколько же крестьян благословляет «матушку Елизавету Григорьевну» за выучку их ребят грамоте и ремеслу. От Елизаветы Григорьевны шла «лечоба». Она «утолила голод и жажду знания». Если бы таких людей было побольше, жизнь казалась бы не такой жестокой и тернистой» [3, с. 136–137].

Елизавета Григорьевна и ее дочери Вера и Александра также активно участвовали в работе различных благотворительных организаций. Они были попечительницами женских училищ, дома призрения для вдов

и сирот из купеческого сословия, открывали приюты для детей. Елизавета Григорьевна возглавляла комитет Общества попечения о больных и раненых воинах.

Во время Русско-японской войны в 1905 году в комнатах Поленовской дачи силами Елизаветы Григорьевны и Александры Саввишны Мамонтовых был организован лазарет для раненых. Этот период в истории усадьбы в экспозиции выставки показан несколькими снимками из собраний музеев-заповедников «Поленово» и «Абрамцево»: группы солдат у Поленовской дачи (среди них – А. С. Мамонтова, М. В. Поленова и священник церкви Ахтырской иконы Божьей матери и Абрамцевской церкви Спаса Нерукотворного отец Василий Архангельский, оказывавший духовную поддержку пациентам лазарета) и снимок 1905 года Сергея Саввича, Елизаветы Григорьевны и ее внука Андрея.

Старший сын Мамонтовых Сергей Саввич – журналист, критик, драматург, поэт и кадровый военный. С начала Первой мировой войны Сергей Саввич служил в действующей армии, работал фронтовым корреспондентом. Его фотопортрет 1915 года также стал важной частью экспозиции.

На выставке представлены редкие снимки 1915 года группы солдат – пациентов в Голубой гостиной Главного усадебного дома из частного собрания. В годы Первой мировой войны благодаря усилиям мужа Веры Мамонтовой Александра Дмитриевича Самарина, общественного и церковного деятеля, главного уполномоченного Всероссийского Красного Креста, в помещениях Главного усадебного дома был открыт госпиталь. Все хлопоты о лечебнице легли на плечи Александры Саввишны и местных врачей. Александр Дмитриевич Самарин также обеспечил работой Абрамцевскую столярную мастерскую. Когда большинство мужчин-кустарей были мобилизованы в армию, женщины и дети, заняв их места, тысячами изготавливали «костили, носилки, койки и т. д. для нужд Красного Креста» [4, с. 237].

В послереволюционные годы сохранением Абрамцева занималась Александра Саввишна Мамонтова в должности хранителя, по сути – директора организованного в усадьбе музея. А с началом Великой Отечественной войны Абрамцево на четыре года стало военным госпиталем. Традиции заботы и поддержки ближнего нашли продолжение в деятельности советских военно-медицинских учреждений ППГ 670 и ЭГ 2898. За это время квалифицированную медицинскую помощь в Абрамцеве получили около шести тысяч человек. Этому посвящен наиболее значительный раздел экспозиции. В нем показаны фотопортреты политруков, руководящего медицинского персонала, врачей, медработников и пациентов, особенности лечебной работы (ЛФК и физиотерапия), социальные учрежде-

ния при госпитале (детский сад и один из домов, где жили сотрудники), организованная культурно-просветительская работа. Госпиталь посещали артисты московских театров, поэт Б. Л. Пастернак, писатель Б. В. Шергин, художники объединения «Ново-Абрамцево» И. Э. Грабарь, Б. В. Иогансон, П. А. Радимов, Д. А. Шмаринов, Е. А. Кацман; устраивались концерты, кинопоказы, лекции, работала библиотека.

Особое место в экспозиции занимает рисунок советского художника и педагога Александра Никитича Парамонова «За чтением газеты» (1942). Парамонов был членом коллектива художников «Ново-Абрамцево», жил на даче в поселке Художников. В 1941–1945 годах Александр Никитич посещал абрамцевский госпиталь, чтобы поддержать раненых бойцов и медиков. Беседуя с пациентами, он рисовал их портреты карандашом на небольших листах. Эта группа рисунков Парамонова военного абрамцевского периода, являясь бесценным памятником истории ЭГ 2898, с 1988 года хранится в фондах Музея-заповедника «Абрамцево». Один из этих рисунков, на котором изображена сцена чтения газеты молодой преподавательницей Е. В. Богдановой раненым красноармейцам, стал важным элементом данной выставки, удивительно точно передав тревожную атмосферу военного времени и усилив эмоциональное воздействие на зрителя.

Музей-заповедник «Абрамцево» и сейчас продолжает в рамках своей зоны ответственности оказывать необходимую помощь жителям страны. Так, в настоящее время музей проводит работу по социокультурной реабилитации участников Специальной военной операции. В сотрудничестве с фондом «Наша сила добра» и православным Сестричеством во имя святых бесребреников Космы и Дамиана музей «Абрамцево» организует мероприятия, экскурсии и концерты для раненых участников СВО, проходящих реабилитацию в госпиталях Москвы и Сергиева Посада. С 2024 года в числе таких событий – ежегодные поэтические чтения «Патриотическая поэзия в Абрамцеве», участниками которых являются авторы-бойцы. Данному направлению деятельности музея посвящен последний раздел выставки с фотографиями этих мероприятий.

Для размещения планшетов с экспозиционными материалами использовались металлические сетки-стенды, что помогло достаточно гармонично вписать его в пространство музея парка (илл. 4). Основная часть выставки разделена на три секции смежными стендами, это позволило локализовать пространство каждого раздела, визуально структурировать повествование, поместить зрителя внутрь экспозиционного пространства. Выбор такой формы презентации на открытой площадке дал возможность привлечь значительное количество зрителей.

Дополнением к выставке стали расположенные в театральном зале Главного усадебного дома в двух витринах фондовые и копийные фотографии медсестер и пациентов, списки бойцов, наградной лист врача С. И. Дорфман и редкая книга С. Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» со штампом библиотеки эвакогоспитала. Книга была передана в собрание музея в 2020 году местным жителем. Этот раздел выставки органично вписался в постоянную экспозицию Главного усадебного дома, дав возможность в ходе обзорной экскурсии более подробно освещать период Великой Отечественной войны в истории усадьбы.

Выставка получила информационную поддержку: были опубликованы анонсы в социальных сетях и на официальном сайте музея, организовано сотрудничество с телекомпаниями Сергиева Посада «Радонежье» и «Тонус», газетой «Вперед». На торжественном открытии присутствовали дочери медсестры Людмилы Головачевой, а также потомки участника Великой Отечественной войны художника Бориса Лискова, который проходил лечение в арамцевском госпитале. Открытие выставки посетил заместитель председателя Общественной палаты Московской области, кинорежиссер, сценарист и продюсер Е. А. Кончаловский. В рамках вернисажа состоялась презентация второго дополненного издания книги Н. В. Малашиной «Госпитали в Арамцеве в годы Великой Отечественной войны. ППГ 670, ЭГ 2898. 1941–1945».

Реализация такого поэтапного проекта состоялась в том числе благодаря усилиям директора Музея-заповедника «Арамцево» Е. К. Ворониной по организации эффективного управления всеми членами команды, специалистами разных направлений: кураторами, сотрудниками выставочного, научно-фондового, информационного, культурно-массового, экскурсионного отделов. Значительную поддержку проекту оказала Общественная палата Московской области.

В будущем выставка «Традиции милосердия» может стать передвижной, что позволит познакомить еще большее количество зрителей с вновь открытыми страницами истории усадьбы «Арамцево».

Серия выставочных проектов о военном времени в Арамцеве сформировалась за последние несколько лет устойчивый интерес к данной теме. Осенью 2024 года, по инициативе Хотьковского краеведческого общества, при поддержке Музея-заповедника «Арамцево» и Военного комиссариата города Сергиева Посада на территории воинского захоронения у стен Хотьковского Покровского монастыря был установлен памятник бойцам Красной армии, скончавшимся в ППГ 670 и ЭГ 2898. Средства на его установку были собраны жителями города Хотьково, родственниками пациентов госпиталей и сотрудниками Музея-заповедника «Арамцево».

Успешная реализация выставочного проекта «Традиции милосердия» показала, что вопросы благотворительной помощи и заботы о ближнем, темы героических подвигов людей в условиях тяжелого военного времени в настоящее время чрезвычайно актуальны. Они отвечают запросам общества и привлекают посетителей разных возрастов. Выставка удовлетворила потребность в передаче актуальной информации, стала стимулом для комплектования фондов по данной теме, улучшения коммуникации с аудиторией музея и установления новых контактов в профессиональной среде. Научно-исследовательская работа по теме военных госпиталей в Арамцеве будет продолжена.

Библиографический список

1. Поленова Н. В. Арамцево. Воспоминания / Музей-заповедник «Арамцево». – М., 2006. – 60 с.
2. Записки Е. Г. Мамонтовой // РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Ед. хр. 312.
3. Музей-заповедник «Арамцево». Очерк-путеводитель. – М. : Изобразительное искусство, 1989. – 253 с.
4. Некрасов М., Дубинина Л. Мария Фёдоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. – М. : АИРО-XXI, 2019. – 492 с.

Еврейское гетто в Мирском замке 1942 год»: создание экспозиции

Е. В. Денис¹

Аннотация. В докладе поднимаются вопросы формирования экспозиции «Еврейское гетто в Мирском замке 1942 год». Анализируются пути и способы поступления музеиных предметов и научно-вспомогательных материалов, которые легли в основу экспозиции. На протяжении уже более десяти лет существования музея и по настоящий момент ведется работа по усовершенствованию постоянной экспозиции. За этот период в музей были переданы предметы как от организаций, так и от частных лиц. Среди них такие, как пальто, сшитое местным мастером Песахом Жуховицким, личные вещи Освальда Руфайзена, переданные его помощницей Элишевой Хемкер в 2015 году, рисунки на еврейскую тематику, подаренные Артуром Нисимовым и многое другое. Понимая важность наполнения экспозиции новыми аутентичными предметами, руководство музея вырабатывает эффективные шаги, направленные на расширение предметного ряда постоянной экспозиции.

Обзор музеиных предметов, представленных в экспозиции «Еврейское гетто в Мирском замке 1942 год», позволил выявить основные пути и способы формирования экспозиции, а также увидеть недостающие элементы, необходимые для более полного раскрытия темы экспозиции.

Ключевые слова: музей, коллекция, гетто, Мирский замок, экспозиция, музейные предметы.

¹ Денис Елена Владимировна, заведующая отделом учета и хранения музеиных фондов учреждения «Музей «Замковый комплекс «Мир», Республика Беларусь, 231444, Гродненская область, Кореличский район, г. п. Мир, ул. Красноармейская, 2.

Denis Elena Vladimirovna, head of sector accounting and storage of museum fund, Mir Castle Complex Museum, Republic of Belarus, 231444, Grodno region, Korelichi district, Krasnoarmeyskaya street, 2.

The Jewish ghetto in the Mir Castle in 1942»: ways of study

Summary. The report raises the issues of the formation of the exhibition «The Jewish ghetto in the Mir Castle in 1942». The ways and means of obtaining museum objects and scientific and auxiliary materials that formed the basis of the exposition are analyzed. For more than 10 years of the museum's existence, work has been underway to improve the permanent exhibition. During this period, objects from both organizations and individuals were transferred to the museum. Among them are coats made by local craftsman Pesach Zhukhovitsky, personal belongings of Oswald Rufisen, donated by his assistant Elisheva Hemker in 2015, drawings on Jewish themes donated by Artur Nissimov, and much more. Realizing the importance of filling the exposition with new authentic objects, the museum management develops effective steps aimed at expanding the subject range of the permanent exhibition. The author analyzes the quantitative and qualitative composition of the furniture collection, as well as identifies furniture that belongs to the manor and palace. An overview of the museum objects presented in the exhibition «The Jewish Ghetto in Mir Castle 1942» allowed us to identify the main ways and means of forming the exhibition, as well as to see the missing elements necessary for a more complete disclosure of the theme of the exhibition.

Keywords: museum, collection, ghetto, the Mir Castle, exposition, museum subject.

Музей «Замковый комплекс «Мир» насчитывает более тридцати постоянных музеиных экспозиций, которые создавались, начиная с 1992 года. Первые музеиные экспозиции были открыты на шести ярусах Юго-западной башни.

16 декабря 2010 года в торжественной обстановке после завершения реставрации и музеефикации был открыт Северный корпус дворца, в котором на трех ярусах разместились девятнадцать постоянных экспозиций. Но над созданием экспозиции «Войны XX века. Еврейское гетто в Мирском замке 1942 года» специалисты продолжали работу. Ее открытие состоялось 26 января 2011 года – в канун Международного дня памяти жертв Холокоста.

Для размещения экспозиции было выбрано помещение на первом этаже Северного корпуса дворца, которое является аутентичным. Именно здесь разворачивались трагические события по уничтожению еврейского населения в 1942 году. В подвальном помещении Северо-западной башни располагался зал памяти жертв Мирского гетто, где демонстрировалась книга с фамилиями погибших евреев.

Евреи в местечке Мир упоминаются с XVII века. Основным их занятием была торговля, о чем говорит наличие большого количества магазинов и лавок, которые принадлежали евреям.

В XVIII веке Мир стал важным духовным центром, известным своими учеными – талмудистами, галахистами и проповедниками. В 1815 году появилась иешива², в которой училось до четырехсот студентов разных стран [1].

В 1920–1930-е годы Мир представлял еврейское местечко с развитой торговой инфраструктурой и сферой обслуживания.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, а 27 июня фашистские войска захватили Мир. Через три месяца было создано первое еврейское гетто, которое было расположено в поселке и представляло собой прямоугольник, обнесенный колючей проволокой. В гетто находилось около 3 000 евреев.

9 ноября 1941 года в парке за замком было расстреляно более 1 500 евреев. В мае 1942 года гетто было переведено в Мирский замок, где оно пропущивало три с половиной месяца. Около восьмисот евреев оказались изолированы в средневековых стенах. 13 августа 1942 года гетто было ликвидировано: около 650 человек расстреляли, а остальным удалось сбежать. О готовящемся расстреле предупредил узников Освальд Руфайзен – еврей, выдававший себя за выходца из польско-немецкой семьи и служивший в местном отделении полиции.

Работа над созданием экспозиции, посвященной еврейскому гетто в Мирском замке, проводилась в конце 2000-х годов, но собирать предметы для будущей экспозиции начали задолго до этого. На тот момент Мирский замок являлся филиалом Национального художественного музея Республики Беларусь, поэтому музеефикацией и сбором предметов занимались сотрудники этого музея. Начало коллекции положил ценный подарок, сделанный бывшим жителем Мира Израилем Шифроном (Перниковым) из Израиля, который передал для будущего музея мемориальную книгу «Memorial Book of Mir», изданную в Иерусалиме в 1962 году на английском языке и иврите. Это хорошо иллюстрированная книга воспоминаний о мирском ёшиботе (синоним слова иешива), довоенной жизни в Мире и фашистской оккупации, бывших жителях-евреях, которым посчастливилось уцелеть во время Второй мировой войны. Многочисленные статьи, воспоминания и фотографии из этой книги стали толчком для дальней-

² Иешива – это еврейская религиозная школа, которая занимается углубленным изучением Торы, Талмуда и других священных текстов иудаизма.

шей работы по формированию чрезвычайно эмоциональной экспозиции еврейского гетто в Мирском замке [2].

В 2008 году бывшая жительница Мира Татьяна Рубен подарила пальто 1930-х годов, сшитое мирским портным-евреем накануне войны. Этот предмет стал одним из центральных в экспозиции.

Частью экспозиции, посвященной Освальду Руфайзену – католическому монаху еврейского происхождения (отец Даниэль в монашестве), спасшему несколько сотен жизней евреев, стала книга «Даниэль Штайн. Переводчик» Людмилы Улицкой, которую автор подарила Мирскому замку в 2010 году.

Музей истории евреев Беларуси передал два фрагмента Торы для экспозиции еврейского гетто. Сотрудниками филиала «Замковый комплекс «Мир» параллельно проводилась работа по налаживанию связей с бывшими узниками Мирского гетто посредством почтовой переписки.

В 2012 году Ханна Бар Он подарила музею копию рукописной газеты, издававшейся на иврите в Мире, и ритуальное блюдо. Леонид Комисаренко подарил написанную совместно с Сэмом Ружанским книгу «Освальд Руфайзен – Брат Даниэль. Антология» (Ганновер, 2012 год).

В марте 2015 года в адрес музея из Израиля от помощницы отца Даниэля Элишевы Хемкер поступила посылка, в которой находились личные вещи Освальда Руфайзена: два креста, стола, потир, книга Дитера Кольбаха «Daniel – der Mann aus der Lowengrube aus dem Leben von Daniel Oswald Rufeisen» (в переводе – Даниэль – человек из Ловенгруба: из жизни Даниэля Освальда Руфайзена), а также фотографии в количестве пяти единиц и письмо Элишевы Хемкер. Один крест полностью деревянный, состоит из двух брусков красновато-коричневого цвета. На лицевую сторону креста роспись нанесена гуашевыми красками, сверху покрыта лаком. На обратной стороне креста в верхней части имеется металлическая петля для подвески и надпись на испанском языке «Artesanias El Pinakote (?) La Palma El Salvador c. A», которая свидетельствует, что крест был сделан в одной из мастерских небольшого горного городка Ла-Пальма в Сальвадоре. Крест был подарен отцу Даниэлю (Освальду Руфайзену) латиноамериканским братством. Второй крест в сопровождающем письме был подписан как личный крест, принадлежащий отцу Даниэлю (Освальду Руфайзену). Эти предметы были включены в музейный и архивный фонды музея «Замковый комплекс «Мир», а затем помещены в экспозицию.

Председатель Республиканского фонда «Холокост», директор Музея истории и культуры евреев Беларусь Вадим Николаевич Акопян передал памятный знак Европейского еврейского конгресса, подсвечники XX века, а также тифлин, талес и сумку для его хранения.

В 2017 году экспозиции «Войны XX века» и «Гетто в Мирском замке 1942 года» были перенесены на четыре яруса Северо-восточной башни с сохранением всех акцентных разделов и предметного ряда.

В сентябре 2017 года в музей посредством электронной почты обратился житель Москвы Артур Александрович Нисимов с предложением передать в дар копии рисунков на еврейскую тематику. Сотрудников музея заинтересовало данное предложение и начались переговоры по условиям передачи. Также возник вопрос: почему было принято решение передать работы именно в Мирский замок. На этот вопрос от Артура Нисимова мы получили следующие комментарии: «Почему передал именно вам, я люблю Беларусь, мне нравятся белорусы, люди открыты, трудолюбивые и не злые, и вообще чувствую себя комфортно в ваших краях, хотя сам родился в Дагестане. Я бывал в вашем музее дважды, посещал еврейскую экспозицию, а еще читал книгу Улицкой про Даниэля Штайна, где упоминается ваш замок и гетто на его территории, и вот решил, что было бы неплохо дополнить ваш еврейский уголок другими экспонатами, более мирными, думаю они будут интересны посетителям музея, тем более, что когда-то в ваших краях жило много евреев – вот и будет напоминание о них, именно в рисунках о мирной еврейской жизни» (орфография и пунктуация автора).

После завершения оформления пакета документов, 20 ноября 2017 года, на адрес музея из Москвы пришел конверт, в котором находились 27 рисунков формата А 4, выполненных карандашом. По словам владельца (Артура Нисимова), рисунки выполнила «молодая талантливая художница из Череповца Лариса Селезнёва», сотрудничество с которой началось 26 сентября 2014 года. Нам захотелось пообщаться с Ларисой, узнать, как создавались рисунки, насколько важной для нее была предложенная работа.

Сотрудниками музея была налажена связь с Ларисой Селезнёвой, и в результате переписки стало известно, что: «Артур сделал заказ на серию графических работ религиозной тематики. Им была выслана статья «Еврейская жизнь в Пойлин», где представлен сборник работ разных фотографов (авторами большинства работ являлись Алтер Каизн и Роман Вишняк). При работе с фотографиями я изучала и сам была людей. Фотографии богаты на передачу колорита того времени», – написала в первом письме художница.

Ольга Вячеславовна Татур из Солигорска в 2017 году передала в дар музею медаль Праведника народов мира с дипломом (1995 год). Круглая медаль с надписями на иврите и именной гравировкой в центре «A IGNAT ET SONYA YERMOLOVICH».

В 2023 году на заседании научно-методического совета музея было принято решение о проведении реэкспозиции экспозиционных залов, посвященных войнам XX века и еврейскому гетто в Мирском замке. В январе 2024 года обновленная экспозиция приняла первых посетителей.

В настоящее время сотрудниками музея проводится постоянная работа по выявлению и приобретению материалов, отображающих эту трагическую страницу в истории Мирского замка.

Библиографический список

1. Тематико-экспозиционный план экспозиции «Войны XX века. Гетто в Мирском замке 1942 г.». Мир, 2023.
2. Фарміраванне калекцый музея «Замкавы комплекс «Mip» (1989–2015). // Аўт. тэксту: Вольга Папко, Надзея Усава ; навук. рэд. В. М. Папко ; фота Віталь Раковіч / Музей «Замкавы комплекс «Mip». – Mip, 2016. – 96 с. іл. – (Серыя «Калекцыі музея «Замкавы комплекс «Mip»).

«Код Z: от партии до героя». Опыт работы школьного музейного пространства

М. А. Дохневская, Е. Ф. Трачук¹



Аннотация. В статье представлен опыт работы школьного музея по развитию патриотизма и формированию гражданской идентичности обучающихся через восприятие таких исторических событий, как Великая Отечественная война и Специальная военная операция. Отдельно уделяется внимание роли музея в ранней профориентационной работе с профильной психологом-педагогической группой в условиях дефицита педагогических кадров.

Ключевые слова: школьный музей, патриотизм, гражданская идентичность, профориентация, психологом-педагогическая группа.

«Code Z: from school place to Hero». Experience of the school museum space

Summary. The article presents the experience of the school museum in developing patriotism and forming students' civic identity through the perception of historical events such as the Great Patriotic War and the Special Military Operation. Special attention is paid to the role of the museum in early career guidance work with a specialized psychological and pedagogical group in the context of a shortage of teaching staff.

¹ Дохневская Мария Александровна, учитель истории и обществознания, ГБОУ школа № 598 Приморского района Санкт-Петербурга, Россия, 197372, Санкт-Петербург, ул. Ситцевая, 15, лит. А.

Dohneskaya Maria Aleksandrovna, teacher of history and social studies, secondary school №598 Primorsky district Saint-Petersburg, Russian Federation, Saint-Petersburg, Sitsevaya street, 15A.

Трачук Евгения Федоровна, директор ГБОУ школа № 598 Приморского района Санкт-Петербурга, Россия, 197372, Санкт-Петербург, ул. Ситцевая, 15, лит. А.

Trachuk Evgenia Fedorovna, director secondary school №598 Primorsky district Saint-Petersburg, Russian Federation, Saint-Petersburg, Sitsevaya street, 15A.

Keywords: school museum, patriotism, civic identity, career guidance, psychological and pedagogical group.

Современное российское образование сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью формирования гражданской идентичности и патриотического воспитания подрастающего поколения.

В условиях глобализации и информационного противостояния особую важность приобретает сохранение исторической памяти и передача нравственных ценностей от поколения к поколению. Восприятие трагических и героических страниц истории, таких как Великая Отечественная война (ВОВ) и Специальная военная операция (СВО), требует тонкого и деликатного подхода, основанного на достоверных фактах, уважении к памяти предков и осознании значимости подвига защитников Отечества. В связи с этим школьные музеи, обладающие уникальным потенциалом для решения этих задач, становятся ключевыми элементами системы образования.

В условиях высокой учебной нагрузки, особенно в школах с углубленным изучением предметов негуманитарного цикла, школьный музей предлагает альтернативу – неформальное пространство для свободного погружения в историю. В отличие от обязательных уроков, к нам можно прийти в любой момент, чтобы в своем темпе расширить кругозор, узнать больше о родной стране и почувствовать связь времен. Музей становится не дополнительной нагрузкой, а возможностью восстановить силы и получить новые знания через интерес и увлечение.

Восприятие сложных и неоднозначных исторических событий, таких как Великая Отечественная война и Специальная военная операция, требует от педагогов особого внимания и такта. В школьном музее создаются экспозиции, посвященные подвигу советского народа в годы ВОВ, а также рассказывающие о современных героях, участвующих в СВО. При этом акцент делается не только на военных аспектах, но и на человеческих историях, судьбах людей, переживших войну и конфликты. Использование подлинных артефактов, писем с фронта, фотографий, воспоминаний ветеранов и участников СВО позволяет создать атмосферу сопричастности и сопреживания, формирует у школьников понимание ценности мира и важности защиты Родины. Важно подчеркнуть, что музейное пространство становится площадкой для диалога поколений, где старшие могут поделиться опытом и знаниями, а младшие – выразить благодарность и уважение.

Отправной точкой для создания школьного музея ГБОУ школы № 598 Приморского района Санкт-Петербурга «Код Z: от партии до героя» стало стремление создать школьное сообщество, активные члены

которого будут сохранять и развивать российские культурно-исторические традиции.

Основой такого сообщества в нашей школе является профильная психолого-педагогическая группа (ПППК), которая объединила обучающихся восьмых и девятых классов. Группа принимает активное участие в развитии музея, в создании его контента, готовит выставки и экспозиции.

На основе музейной деятельности ученики ПППК готовят и успешно представляют индивидуальные и групповые проекты педагогической направленности на конкурсах и конференциях для обучающихся ПППК, становясь примером для других учеников школы.

Участие в жизни музея предоставляет уникальную возможность для ранней профориентации, позволяя участникам музейного актива получить практический опыт в самых разных областях: от кропотливой работы хранителя фондов и исследователя до публичных выступлений в роли экскурсовода или лектора, от творческой деятельности дизайнера и разработчика мультимедиа до организационной работы ивент-менеджера и, что важно, педагога.

Таким образом, школой решается еще одна серьезная проблема, стоящая перед российским образованием, – нехватка квалифицированных педагогических кадров, в том числе в сфере гуманитарных дисциплин.

Сегодня музей ГБОУ школы № 598 – это центр патриотического, гражданского, этнокультурного воспитания подрастающего поколения; проект, в рамках которого реализуются оригинальные социальные подпроекты.

В название музея, посвященного Специальной военной операции, «КОД Z: от партии до героя», заложен особый смысл. Парта – это символ школьной скамьи, обучения, начала пути, юности, формирования личности. Это начало, где человек получает базовые знания, учится, взрослеет. Герой – это человек, совершивший подвиг, достигший выдающихся результатов, преодолевший трудности, проявивший мужество и самоотверженность. Это вершина, цель, результат развития, достижения. В названии есть отражение того, как люди, начинающие свой путь в школе, могут достичь высот и стать примером для других.

Таким образом, настоящий герой начинается прямо здесь, в классе, за партой. Каждый ученик должен стремиться к развитию, достижению своих целей и тому, чтобы стать «героями» в своей сфере.

В современном контексте буква «Z» приобрела определенную политическую коннотацию. В нашем случае «Z» – Зазыкин Юрий Владимирович, выпускник школы № 598, участник СВО. Именно его парты стала символом и ключевым экспонатом нашей экспозиции (илл. 1).

Генерал-майор Зазыкин Юрий Владимирович родился 20 апреля 1983 года в городе Веймаре Германской Демократической Республики, в семье военнослужащих. После окончания седьмого класса ГБОУ школы № 598 в 1996 году поступил в Санкт-Петербургский военный космический кадетский корпус. В 2000 году – в Московское высшее общевойсковое командное училище, которое окончил с отличием в 2004 году. Затем Зазыкин проходил обучение в Общевойсковой военной академии имени М. В. Фрунзе, которую также окончил с отличием. По окончании обучения проходил военную службу в Западном военном округе. Неоднократно принимал участие в боевых действиях в Сирийской Арабской Республике. С начала СВО генерал-майор Зазыкин Ю. В. был назначен командующим 114-й отдельной мотострелковой бригадой, которая выполняет боевые задачи по освобождению территории Донецкой Народной Республики.

Активом музея, в состав которого входят, помимо обучающихся ПППК, педагоги школы, родители обучающихся, а также представители социальных партнеров школы, разработана особая система патриотического воспитания обучающихся.

Для реализации целей воспитания созданы музейные пространства:

1. Музейный уголок «Наследие» рассказывает о традициях и быте русского народа.
2. Экспозиция «Герои нашего времени» посвящена деятельности 114-й отдельной гвардейской мотострелковой Енакиевско-Дунайской бригаде и ее командиру, генерал-майору Зазыкину Юрию Владимировичу, Герою Российской Федерации.
3. Экспозиция «Помни историю. Люби свою Родину» – это Бессмертный полк школы 598. Портретная галерея Героев Великой Отечественной войны.

В музее, построенном на тематических экспозициях, создана особая предметно-пространственная среда, способствующая формированию уважения и памяти: стена с портретами и QR-кодами на них, которые направляют на страницу героя с рассказом о нем его потомкам в виртуальном музейном пространстве (илл. 2).

Живые истории реальных людей, связанных с учениками, делают прошлое для детей более близким и понятным, вызывают чувство гордости за подвиги предков и свою страну, а также формируют понимание ценности мира. Личные истории предков создают мост между поколениями, показывают, что история – это не абстракция, а часть жизни конкретной семьи.

Визуальная информация на стене, дополненная доступом по QR-коду к обширному информационному полю (видео, аудио, архивные документы), делает музей интерактивным и увлекательным. QR-коды не просто

предоставляют дополнительную информацию, но и делают ее доступной в современном, привычном для молодежи формате, что значительно повышает интерес и мотивацию к познанию.

В процессе работы над этой экспозицией ученики школы не только получают информацию, но и сами участвуют в ее поиске, что стимулирует их к собственным исследованиям.

В связи с тем, что музейное пространство ограничено, в отдельных рекреациях, кабинетах и холлах организуются временные мини-выставки «Семейные реликвии», относящиеся к тематике Великой Отечественной войны и Специальной военной операции. Они наполнены личными вещами героев и подкреплены рассказами о них. Это мощный воспитательный инструмент, который помогает сформировать у детей целостное представление о своей семье, уважение к прошлому, понимание ценности истории и преемственности поколений.

Среди экспонатов мини-выставок можно выделить:

– Личные вещи участников Великой Отечественной войны и Специальной военной операции: солдатские котелки, элементы военной формы, ордена и медали – предметы, хранящие память о конкретных людях и событиях.

– Документы и копии писем с фронта, наградных листов, удостоверений ветеранов, похоронок – свидетельства героизма и трагедий войны. Они позволяют прикоснуться к истории, увидеть события глазами тех, кто их пережил.

– Фотографии участников боевых действий, являющихся родственниками учеников, педагогов и сотрудников школы. Эти снимки, взятые из семейных альбомов, позволяют увидеть человека в разные периоды его жизни. Лица на фотографиях передают эмоции – решимость, усталость, надежду, что помогает лучше понять переживания тех, кто прошел войну. А запечатленные события способствуют эмпатии, напоминают о жертвах и трудностях, через которые приходится пройти на пути к мирной жизни.

Особый интерес ученики школы проявляют к экспонатам, предоставленным социальными партнерами школы, бойцами 114-й отдельной гвардейской мотострелковой Енакиевско-Дунайской бригады (илл. 3).

Наличие таких артефактов усиливает эмоциональное воздействие на посетителей музея.

Экспозиции постоянно обновляются и дополняются благодаря активной работе и сотрудничеству участников образовательных отношений. Это делает музей живым и интересным, привлекающим внимание к страницам истории и стимулирующим познавательную активность.

Музей, совместно с воспитательной службой школы, организует патриотическое воспитание через событийную деятельность: социальные проекты, встречи с профессионалами (ветеранами, силовиками, деятелями культуры), мастер-классы. Эта работа проводится как на музейных уроках (в рамках различных дисциплин), так и во внеурочной и внешкольной деятельности:

– Организация историко-краеведческих конференций, фестивалей и форумов: защита результатов мини-исследований, информационных и творческих проектов. Особое внимание уделяется анализу архивных документов, интервью с родственниками ветеранов, изучению исторической литературы, развитию навыков коллективной работы и использованию ИКТ в оформлении продуктов проектной и исследовательской деятельности.

– Акция «Герои моей семьи» – направлена на создание виртуального музейного пространства посредством сбора, обработки и систематизации информации о героях семьи, создании и публикации видеороликов в социальной сети. Воспитательный потенциал акции заключается в вовлечении учащихся в активную поисковую и исследовательскую деятельность, способствующую развитию патриотизма, уважения к истории своей семьи и страны, а также навыков работы с цифровыми ресурсами.

– Городская акция «День памяти 8 сентября» – торжественные мероприятия, посвященные памяти погибших во время блокады (чтения блокадных списков, встречи с жителями блокадного Ленинграда, возложение цветов к памятникам и мемориалам). Благодаря этому мероприятию обучающиеся, ее участники, приобщаются к героическому прошлому родного города, у них пробуждается чувство сопричастности к истории страны через личные истории и судьбы участников блокады, а также формируется негативное отношение к войнам и экстремизму.

– Мини-спектакли и тематические классные часы, посвященные событиям Великой Отечественной войны и СВО. Они позволяют эмоционально прочувствовать эпизоды прошлого, обсудить нравственные вопросы «войны и мира».

– Концерт «Битва хоров» и шествие Бессмертного полка школы объединяет все школьное сообщество в дань памяти героям как единый поток верности Отчизне, прославления героев, нравственных ценностей и культурного наследия жителей России.

– Встречи с интересными людьми, ветеранами боевых действий СВО, потомками героев ВОВ, историками, краеведами, писателями позволяют услышать истории о войне и героизме из первых уст, задать вопросы и получить ответы.

– Издание книги «Бессмертный полк школы 598»: собрание фотографий и историй подвигов в годы Великой Отечественной войны родных и близких обучающихся и педагогов (илл. 4).

– Изготовление 80-метровой открытки к 80-летию Победы: полотнище с перенесенными на него рисунками детей и родителей школы на тему ВОВ. Создание такого масштабного проекта требует совместных усилий, что учит детей взаимодействовать, договариваться, поддерживать друг друга и сообща достигать общей цели, а участие родителей наравне с детьми в общем деле укрепляет семейные ценности, способствует сохранению исторической памяти и диалогу между поколениями (илл. 5).

– Вокальный конкурс-фестиваль «Хор Победы»: конкурс сводных хоров, исполняющих военные песни.

– Концерт для ветеранов ВОВ и жителей блокадного Ленинграда.

– Концерт ко Дню защитника Отечества.

Действующий на базе музея медиацентр, включающий школьное радио «Мудрая сова», новостные ресурсы и интернет-сайт, играют ключевую роль в духовно-нравственном и политico-правовом просвещении учащихся и их родителей.

Привлечение обучающихся к конкурсам, марафонам и олимпиадам подобной направленности, подготовке и проведению экскурсий по городу, области, местам боевой славы, также дают положительные результаты.

Вовлечение обучающихся в деятельность школьного музея, участие в поисковой, проектной и исследовательской работе, размышление над полученным опытом и разбор различных жизненных ситуаций помогают развивать у ребят навыки общения и поведения в обществе, учат быть ответственными, прививают чувство гордости за свою Родину. Кроме того, многие обучающиеся в ходе занятий в музее могут скорректировать свои жизненные планы, как личностные, так и профессиональные.

Администрация школы активно поддерживает участников музейного сообщества, а руководитель музея и куратор наставничества организуют подготовку и проведение мероприятий гражданско-патриотической направленности. Все это формирует образовательную среду, ориентированную на воспитание патриотизма, гражданской идентичности и духовно-нравственные ценностей у обучающихся.

Библиографический список

1. Концепция проекта «Школа Министерства просвещения России». [Электронный ресурс]. – URL: https://file:///D:/Docs/Desktop/Kontsepsiya_Shkola_minprosvescheniya_Rossii.pdf (дата обращения: 28.07.2025).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 3333-р «Об утверждении комплексного плана мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-19112024-n-3333-r/> (дата обращения: 28.07.2025).

3. Письмо Минпросвещения от 09.07.2020 № 06-735 «О направлении методических рекомендаций о создании и функционировании структурных подразделений образовательных организаций, выполняющих учебно-воспитательные функции музеиними средствами» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-09072020-n-06-735-o-napravlenii/> (дата обращения: 20.07.2025).

4. Аксатаров В. Я. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология // Образование: прошлое, настоящее и будущее: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар, 2019. С. 28–30 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/330/15010/> (дата обращения: 24.07.2025).

Спасенные сокровища Московского Кремля. О выставке к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Е. В. Исаева¹



Аннотация. В ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне Музеи Московского Кремля подготовили выставку, посвященную истории спасения кремлевского архитектурного ансамбля и собрания Оружейной палаты в годы войны. Выставочный проект отдает дань памяти защитникам Московского Кремля и музейным сотрудникам времен Великой Отечественной войны, благодаря незримому подвигу которых были сохранены бесценные исторические и художественные сокровища мирового значения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московский Кремль, Оружейная палата, эвакуация, спасенные сокровища.

Rescued treasures of the Moscow Kremlin. On the exhibition for the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

Summary. To commemorate the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, the Moscow Kremlin Museums are presenting an exhibition dedicated to the history of preserving the architectural ensemble of the Kremlin and the collection of the Armoury Chamber during the war years. The exhibition project pays tribute to the defenders of the Kremlin and museum's staff at the Great Patriotic War period, whose heroism behind the scenes saved priceless historical and artistic treasures of global significance.

¹ Исаева Елена Викторовна, заведующая отделом рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля, Россия, 103132, Москва, Кремль.

Isaeva Elena Victorovna, head department of Handwritten, Printed and Graphic Collections, Moscow Kremlin Museums Russia.103132.

Keywords: Great Patriotic War, Moscow Kremlin, Armory Chamber, evacuation, rescued treasures.

В 2025 году страна торжественно отмечает 80-летие Победы в Великой Отечественной войне – события, имевшего огромное мировое значение. К этому дню Музеи Московского Кремля подготовили выставку, посвященную малоизвестной героической странице в истории Московского Кремля и Оружейной палаты.

Выставка «1941–1945. Москва. Кремль. Спасенные сокровища» проводилась с 25 апреля по 27 августа 2025 года в Парадном вестибюле Оружейной палаты. Мы посвятили этот проект людям, благодаря беззаветному подвигу которых были сохранены уникальный архитектурный ансамбль Московского Кремля и сокровища древнейшего российского музея. В их числе военнослужащие, мужественно защищавшие Кремль от налетов вражеской авиации, и люди мирной профессии – музейные сотрудники, которые ценой невероятных усилий сберегли в эвакуации уникальные фонды кремлевского музея. Неслучайно выставка была устроена именно в Парадном вестибюле Оружейной палаты. В ограниченном пространстве вестибюля мы смогли показать лишь небольшое число экспонатов Оружейной палаты, переживших эвакуацию. Однако большинство произведений, которые сегодня можно увидеть в залах музея, в самом начале войны, летом 1941 года, на три года и семь месяцев были эвакуированы на Урал и благополучно возвратились в Московский Кремль в феврале 1945 года, когда исход войны был уже предопределен и опасность миновала.

Для посетителей выставки мы подготовили небольшой видеоролик, созданный сотрудниками отдела «Музейное видео», позволяющий хронологически проследить события военных дней в Московском Кремле. Также к выставке нами был подготовлен буклет. Он издан в форме газеты. В издании нашло отражение значительное количество документального материала из фондов исторического архива Музеев Московского Кремля (фотографии, рисунки, архивные документы), по понятным причинам не вошедшего в экспозицию.

Участниками выставки стали Российская государственная библиотека, Государственный архив Российской Федерации и частное собрание семьи Н. Н. Захарова.

Открывает выставку плакат, созданный в самом начале войны художниками Николаем Жуковым и Виктором Климашиным. Мы видим советского солдата, закрывающего собой сердце великой советской страны – Московский Кремль, и пронзительно звучащий священный призыв: «ОТСТОИМ МОСКВУ!». Плакат – одно из самых распространенных и действенных

средств массовой агитации – получил особое развитие в годы Великой Отечественной войны. Агитационные плакаты, появившиеся в самом начале войны, были призваны поддерживать боевой дух армии и способствовать сплочению рядов советских граждан. Надо отметить, что на многих плакатах военных лет, созданных талантливыми советскими художниками, изображен главный символ Родины – Московский Кремль, защитить который было делом национальной чести.

С первых дней войны встал вопрос о необходимости любой ценой сохранить памятники русской истории, искусства и культуры. Предметом особой заботы стал Московский Кремль – священный центр столицы. Кроме про-чего, в Москве, а затем и в Кремле, находилась Ставка верховного главнокомандования. Москва с середины июля 1941 года стала подвергаться налетам немецкой авиации. 9 и 10 июля 1941 года были изданы постановления ГКО СССР и СНК РСФСР о создании службы маскировки и проведении мероприятий по маскировке объектов на территории Москвы. Комендант Московского Кремля генерал-майор Н. К. Спиридонов уже 26 июня представил наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии записку с предложением безотлагательно приступить к маскировке кремлевских зданий. Вскоре Кремль оделся в маскировочные ткани. Проект плана работ был подготовлен группой академика архитектуры Б. М. Иофана. Он предусматривал сочетание плоскостной маскировки с объемной. Стены и башни Кремля преобразились в жилые здания. Купола соборов, церквей и колокольни «Иван Великий» были выкрашены темной краской, кресты с них были сняты. Рубиновые звезды на башнях выключены и зачехлены темной матерней. Царь-колокол укрыли тесовым настилом. На крышах Оружейной палаты, Арсенала, Большого Кремлевского дворца были установлены пулеметы, под стенами церкви Двенадцати апостолов находились броневики. В сквере рядом с Ивановской площадью разместилась зенитная батарея. Тем не менее Кремль пережил восемь бомбардировок, на него было сброшено пятнадцать фугасных, две осветительные, 151 зажигательная и одна наливная бомба (двухсотлитровая бомба с нефтью). Несмотря на все предпринятые меры по защите древних памятников архитектуры, их не удалось полностью уберечь от ударов немецкой авиации. Снаряды падали рядом с Архангельским собором, Боровицкими воротами, у западного фасада Большого Кремлевского дворца, серьезно пострадал Арсенал. Чудом не взорвавшаяся бомба весом в тонну пробила свод Георгиевского зала. Память об этих событиях хранят эскизы маскировки Кремля, созданные в мастерской Б. М. Иофана. Эти произведения графики невозможно экспонировать в связи с их большим форматом, но их изображения, предоставленные ФСО России, были представлены на выставке.

Главной задачей первых дней войны стало сохранить бесценные художественные памятники прошлого, с древних времен хранившиеся в Оружейной палате. Первоначально музейные предметы предполагалось укрыть на территории Кремля – в Тайницкой башне, подклете Благовещенского собора, Арсенале, запасниках Оружейной палаты и других местах. Однако обстановка на фронте ухудшалась, враг стремительно приближался к столице. 27 июня было издано Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты и Кремля». Местом для эвакуации Оружейной палаты был выбран город Свердловск. Вечером того же дня в залы музея были доставлены все необходимые упаковочные материалы и ящики. Так как в 1941 году планировалось начать ремонт Оружейной палаты, для перемещения экспонатов на время работ еще в 1940 году было изготовлено двести ящиков различного размера, которые оказались очень кстати. Сначала паковались более мелкие предметы ювелирного искусства, затем укладывали крупные изделия из драгоценных металлов – кубки, потирь, чаши, блюда, ткани, оружие. Напряженная работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Витрины были открыты, огромные ящики расставлены по залам. По приказу Н. К. Спиридонова сотрудникам палаты в помощь была прислана рота солдат Кремлевского гарнизона. Солдаты менялись, а работники музея оставались на своих местах, работали на пределе возможностей, ночью по очереди спали, сидя в креслах. Упакованные ящики закрывались на замки, затем опломбировывались. На каждом из них стояла маркировка, номер ящика и номер витрины, где ранее выставлялись упакованные в нем предметы. Это очень помогло при возвращении предметов на прежние места после эвакуации. Спешная упаковка предметов благополучно закончилась, и уже 30 июня 1941 года экспонаты в трех пульмановских вагонах, сопровождаемые директором Оружейной палаты Н. Н. Захаровым, в обстановке строгой секретности отбыли в Свердловск. Эвакуация проходила в три этапа. Последний груз благополучно прибыл 10 июля 1941 года. Всего за три рейса из Кремля было вывезено около 75 % экспонатов, а также учетные документы и научная библиотека. В залах палаты осталась коллекция экипажей и ряд других предметов, упаковка и транспортировка которых из-за больших размеров в тех условиях была крайне затруднительна. Из-за сложности демонтажа иконостасов не была эвакуирована и большая часть икон из кремлевских соборов, на Урал вывезли всего несколько образов.

Страна оценила подвиг своих героев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1943 года «за образцовое выполнение заданий правительства» орденом Красного Знамени были награждены комендант

Кремля генерал-майор Н. К. Спиридонов и директор Оружейной палаты майор государственной безопасности Н. Н. Захаров.

В Свердловске небольшой коллектив, состоящий из двенадцати сотрудников, работал над распаковкой предметов и составлением описи, заботился о состоянии их сохранности и реставрации. С надеждой на победу и мирную жизнь началась работа по подготовке к воссозданию экспозиции Оружейной палаты. Наконец, 20 февраля 1945 года сокровища Оружейной палаты возвратились в Москву. Благодаря профессионализму и трепетному отношению к памятникам сотрудников музея, ни один экспонат при транспортировке не получил существенных повреждений. Эти предметы встречали первых посетителей Оружейной палаты, экспозиция которой была восстановлена к 17 апреля 1945 года. Ими стали солдаты Кремлевского полка, помогавшие эвакуировать ценности в 1941 году и доставлять их обратно в палату в феврале 1945 года. В июне 1945 года экскурсантами Оружейной палаты стали и участники легендарного парада Победы на Красной площади столицы. В книге записи впечатлений вновь после долгого перерыва появились многочисленные восторженные отзывы. Нередко звучала в отзывах и благодарность музеинным работникам, сохранившим уникальные исторические ценности. Увеличенное изображение листов этого документа с последней записью, сделанной в июне 1941 года, и первой послевоенной записью, датированной маем 1945 года, мы поместили в одной из витрин. В отдельной витрине мы представили лишь несколько предметов, побывавших в эвакуации в Свердловске и в целости возвратившихся. Среди них хрупкие произведения из стекла и фарфора, некоторые в прошлом реставрированные. Они чрезвычайно показательны для рассказа о сложностях упаковки, транспортировки и хранения столь уязвимых предметов в процессе эвакуации.

У посетителей выставки была редкая возможность увидеть личные вещи наших главных героев – коменданта Московского Кремля Н. К. Спиридона и директора Оружейной палаты Н. Н. Захарова, под руководством которых проходила эвакуация. Эти предметы из кремлевского музея и частного собрания семьи Н. Н. Захарова были представлены широкой публике впервые. Среди них два уникальных знака – «Почетный ветеран-кремлевец» и «Ветеран-кремлевец» – были вручены Н. Н. Захарову от Совета ветеранов-кремлевцев в 1979 и в 1981 годах. Официально ветеранская организация Кремлевского полка, в задачи которого входили обеспечение безопасности руководителей Коммунистической партии и Советского государства, а также охрана Московского Кремля и специальных объектов, была образована 8 мая 1980 года, накануне 35-летия Победы. Однако фактически Совет ветеранов полка был создан в конце 1970-х годов, тогда же был учрежден

нагрудный знак «Ветеран-кремлевец». Вероятно, Н. Н. Захаров был одним из первых удостоен этой награды – 22 апреля 1979 года, в день рождения В. И. Ленина, и за неделю до своего восьмидесятилетнего юбилея – 28 апреля 1981 года.

Особый раздел выставки мы посвятили орденам Советского Союза и Великой Отечественной войны. До войны и в ее первые дни солдат и офицеров Красной армии награждали орденами Красного Знамени, Ленина и Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Очень скоро стала очевидной необходимость в новых воинских наградах. 20 мая 1942 года был учрежден орден Отечественной войны. Это первая награда, созданная в годы войны, и первый советский орден, имевший разделение на степени. В течение тридцати пяти лет орден Отечественной войны оставался единственным советским орденом, который передавали семье на память после смерти награжденного, остальные ордена и медали до 1977 года необходимо было возвращать государству. Решение об учреждении орденов специально для награждения военачальников было принято в 1942 году, в дни тяжелейших боев, после подписания знаменитого приказа Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад». Советское правительство обратилось к героическому прошлому страны, вспомнило имена знаменитых русских полководцев и прославленные воинские дареволюционные ордена и знаки отличия. Особенностью этого периода истории наград было использование новых геральдических и художественных решений, возрождение традиций знаменитых военных орденов прошлого.

Буквально на следующий день после упомянутого приказа 29 июля 1942 года были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского. Особое место среди новых орденов занимает орден Славы в трех степенях на георгиевской ленте – преемник солдатских Георгиевских крестов императорской России, учрежденный 8 ноября 1943 года одновременно с орденом «Победа». Им награждали за мужество в бою – рядовых, сержантов и старшин.

Орден «Победа» является высшим военным орденом Советского Союза. Этот орден стойко ассоциировался с Днем Победы, впервые праздновавшимся 9 мая 1945 года – знаковым днем в истории страны. Этот уникальный военный орден был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 ноября 1943 года и предназначался для награждения лиц высшего командного состава Советской армии. Всего ордена «Победа» было удостоено шестнадцать человек – одиннадцать советских военачальников и пять представителей иностранных государств. Это одна из самых редких наград мира – существует только двадцать два орденских знака. В Музейх Московского

Кремля хранятся девять из них. На выставке можно было увидеть орден «Победа», которым был награжден маршал Советского Союза Фёдор Иванович Толбухин. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в Сталинградской битве, командовал войсками Южного фронта и 3-го Украинского, принимал участие в освобождении от фашистских захватчиков Югославии, Румынии, Болгарии, Австрии, Венгрии. На выставке представлен также один из последних плакатов Великой Отечественной: «Победоносной Родине – Слава!», созданный художником А. А. Кокорекиным. Над Спасской башней и кремлевскими стенами, в искрах невиданного по красоте салюта как будто бы парит орден «Победа», олицетворяющий священный для нас праздник.

В истории ордена «Победа» есть одна малоизвестная страница, связанная с Московским Кремлем. Поскольку ордену придавалось высокое государственное значение, в его честь было принято решение установить памятную доску кавалеров этого орденского знака. Доску решено было установить в Большом Кремлевском дворце, где сохранились парадные залы, посвященные высшим орденам Российской империи. Это решение стало данью исторической традиции по учреждению залов воинской славы российского государства. Местом для мемориальной доски был выбран аванзал дворца. Над проектом художественного оформления мемориальной доски и зала работали ведущие советские архитекторы, которыми было создано и предложено несколько вариантов памятной доски и интерьеров зала. Однако этот интересный проект так и остался неосуществленным. Один из эскизов, созданный архитекторами В. Г. Гельфрейхом и А. П. Великановым, был представлен на выставке.

Также посетители смогли увидеть и другие ордена и медали Великой Отечественной войны: ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского, медали «За оборону Киева», «За взятие Берлина» и другие. Традиции награждения за боевые заслуги продолжаются и в наши дни. Знак отличия «Георгиевский крест» был восстановлен в наградной системе Российской Федерации в 1992 году.

В годы войны защита Московского Кремля с его архитектурными памятниками и бесценными музейными сокровищами стала общим делом для огромного числа людей. На выставке, посвященной спасению памятников Московского Кремля и собрания Оружейной палаты в 1941–1945 годах, мы вспоминаем с благодарностью тех, кто своим самоотверженным трудом, преданностью Отечеству и любимому делу сумел сохранить для будущих поколений национальное достояние нашей страны. Выставка в Музейях Московского Кремля, которую посетило более 186 тысяч человек, стала на время прекрасным дополнением к экспозиции Оружейной палаты, ее естественным продолжением и обогатила новыми знаниями посетителей музея.

Библиографический список

Монографии:

1. Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны / С. В. Девятов и др. – М. : Кучково поле, 2021.

Каталоги и буклеты выставок:

2. «Направление – Восток». Эвакуация сокровищ Московской Оружейной палаты в Свердловск. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Екатеринбург, 2020.
3. «1941–1945. Москва. Кремль. Спасенные сокровища». 25 апреля – 27 августа 2025 г. / авт.-сост. М. К. Павлович, Л. М. Гаврилова, Е. В. Исаева. М., 2025.
4. Николай Никитич Захаров: К 120-летию со дня рождения: буклет / сост. И. А. Воротникова, С. Н. Шилова, М. К. Павлович. – Новосибирск, 2022.

Статьи из журналов и сборников:

5. Смирнова Е. И. Оружейная палата в 1941–1945 годах // Сокровища России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. Материалы и исследования. – Вып. XIV. – М., 2002.

Подготовка выставочного проекта «К 80-летию освобождения Гатчины от нацистской оккупации» в 2024–2025 гг.

М. В. Кирпичникова¹



Аннотация. В 2022 году в рамках государственного проекта «Без срока давности» в гатчинском парке «Сильвия» отряда «Искра» начались поисковые работы. Волонтеры извлекли около двухсот останков людей, стреляные гильзы, а также фрагменты предметов музейного хранения. В связи с этими событиями в ГМЗ «Гатчина» был задуман цикл выставок, в основу которых легла тема хрупкости человеческой жизни и ценности культурного наследия.

Ключевые слова: Гатчина, поисковый отряд «Искра», Великая Отечественная война, без срока давности, «Эвакуация», «Оккупация», «Освобождение» и «Возрождение».

Preparation of the exhibition project «On the 80th anniversary of the liberation of Gatchina from Nazi occupation» in 2024–2025

Summary. In 2022, as part of the “No Statute of Limitations” state project, exploration work began in the Gatchina park “Sylvia” of the Iskra detachment. The volunteers recovered about two hundred human remains, spent shell casings, as well as fragments of museum items. In connection with these events, a series of exhibitions was conceived at the Gatchina Palace & Estate museum, based on the theme of the fragility of human life and the value of cultural heritage.

Keywords: Gatchina, Iskra Search Team, Great Patriotic War, no statute of limitations, evacuation, occupation, liberation, and revival.

¹ Кирпичникова Мария Викторовна – кандидат исторических наук, ученый секретарь ГМЗ «Гатчина», Россия, 188307, Гатчина, Красноармейский пр., 1,

Kirpichnikova Marija Viktorovna, PhD, scientific Secretary The St.-Petersburg Cultural Institution «Gatchina Palace & Estate museum». Gatchina, Russia, 188307, Gatchina, Krasnoarmeysky pr., 1.

В годы Великой Отечественной войны г. Гатчина (с 1929 по 1944 год назывался Красногвардейском) был оккупирован нацистами. Гатчинский дворец-музей и парк стали территорией дислокации войск противника. Уже с 13 сентября 1941 года Арсенальное каре здания было занято штабами Айнзацгруппы А и 50-го корпуса 18-й армии вермахта. Отдел 1 Ц 18-й армии занимался подготовкой карательных отрядов, а СД и ГФП (тайная полевая полиция) – контрразведкой. Именно отсюда отдавались распоряжения на организацию акций по уничтожению евреев, партизан, коммунистов и всех «подозрительных лиц». В этом же каре разместили летчиков из 54-й истребительной эскадрильи Люфтваффе «Зеленые сердца», офицерский буфет и различные склады.

В 2022–2024 годах в рамках государственного проекта «Без срока давности» в гатчинском парке «Сильвия» начались поисковые работы отрядом «Искра». Волонтеры извлекли около двухсот останков людей, стреляные гильзы, а также фрагменты предметов музейного хранения. Эти шокирующие находки положили начало работам по подготовке проекта «К 80-летию освобождения Гатчины от нацистской оккупации».

В основу выставок легла тема хрупкости человеческой жизни и культурного наследия страны, того, как тесно связаны между собой вопросы сражений за свое Отечество на поле боя и на идеологическом, культурном фронте. Художнику-дизайнеру Никите Сазонову удалось воплотить в жизнь эту идею, продемонстрировать жизнь дворца и города от момента эвакуации до возрождения: подчеркнуть мужество музейных сотрудников, спасавших историческое наследие, показать вклад в Победу разведчиков и партизан, рассказать о жизни людей, оставшихся на оккупированной территории, и о возрождении города и дворцово-паркового ансамбля в сложные послевоенные годы.

Четыре мемориальные выставки, сменявшие друг друга, были размещены в двух залах выставочного пространства первого этажа Восточного полуциркуля Гатчинского дворца общей площадью 159 м².

Выставки были открыты с 9 апреля 2024 по 17 марта 2025 года. Названиями стали хронологические периоды: «Эвакуация» (июнь – сентябрь 1941 года), «Оккупация» (сентябрь 1941 – январь 1944 года), «Освобождение» (конец января – март 1944 года) и «Возрождение» (весна 1944 – 2020-е годы). Объединял их первый зал под названием «Зал памяти жертв нацизма».

В центре под стеклянным колпаком высилась пирамида из обуви убитых людей. В двух горизонтальных витринах экспонировались их вещи, в том числе именные медальоны, подписные ложки и ремни, ладанка и детская

пинетка, найденная в кармане расстрелянной женщины. На стене напротив входа была размещена огромная карта с очерченными границами Ленинградской области на период 1941 года, на которой красными точками были обозначены два города – Ленинград и Красногвардейск. Отверстия в карте имитировали следы пуль, выпущенных нацистами по мирному населению (илл. 1).

Экспонатами выставок стали: подлинные предметы, принадлежавшие свидетелям событий: ветеранам, их детям и родственникам. Через личные вещи людей, которые были вместе со своими хозяевами в эвакуации, в блокированном Ленинграде или в оккупации посетители лучше воспринимали процесс спасения и сохранения музейных коллекций. Использовались фотографии из научного архива ГМЗ «Гатчина» (как копии, так и подлинники), а также фотографии, предоставленные частными коллекционерами.

Среди выразительных средств использовался видео- и аудиоконтент (стихи военной поры, начитанные актером Денисом Зыковым, ролики, подготовленные видеографом ГМЗ «Гатчина» Сергеем Рятте по сценарию куратора Марии Кирпичниковой). Ролики были сняты с привлечением архивных данных, видеointerview с участниками боев и очевидцами оккупации Гатчины и эвакуации в Сарапул и Ленинград. Каждая рассказанная история тщательно проверялась и подтверждалась архивными данными и фактическим материалом. Стихи можно было прослушать в наушниках, а ролики демонстрировались на экране в непрерывном формате.

Особенностью выставочного проекта стало вовлечение посетителей в процесс размышления, над каждой витриной нужно было задуматься, присмотреться, понять, как взаимосвязаны между собой предметы разных эпох и владельцев.

Выставка «Эвакуация» (9 апреля – 9 июня 2024)

Первая выставка из серии «К 80-летию освобождения Гатчины от нацистской оккупации» была посвящена отправке музейных ценностей из Гатчинского дворца в июле – сентябре 1941 года в тыловой город Сарапул Удмуртской ССР и в Ленинград, в здание Исаакиевского собора, на базе которого было создано объединенное хозяйство музеев пригородных дворцов [1, подробнее об этой теме см. статью].

Рассказ строился вокруг витрин с музейными ценностями, воссозданных по фотографии августа 1943 года, сделанной в Сарапуле. На снимке – кукла-манекен Большая Пандора, наряженная в модель платья дамы Большого креста ордена Святой Великомученицы Екатерины, шляпка, принадлежавшие супруге Павла I Марии Фёдоровне, эмалевое китайское блюдо XVIII в.

и декоративные резные бивни слоновой кости (принадлежали великому князю Николаю Александровичу). Все эти предметы сохранились во время войны и вернулись в Гатчинский дворец-музей. Каждый из них экспонировался на выставке в отдельной витрине с круговым обзором для лучшего восприятия посетителями (илл. 3).

Увеличенная копия фотографии музейного хранилища 1943 года, где можно увидеть все эти предметы, была размещена рядом с витринами.

Для показа процесса эвакуации музейных ценностей демонстрировались ящики для дров и императорские дорожные сундуки. На баннерах, расположенных по периметру зала, можно было ознакомиться с историями людей, спасавших ценности дворца, хронологией событий. Иллюстрировали выставку литографии архитектора и фронтовика Л. К. Абрамова из коллекции ГМЗ «Гатчина».

Оживляет выставку видеоролик, где показаны интервью с детьми сотрудников, участвовавших в спасении ценностей. Первый герой – сын до-военного бухгалтера Гатчинского дворца-музея К. А. Кузьмин (1928–2024), который в тридцать лет вместе с отцом и матерью сопровождал эшелоны с ценностями в г. Сарапул; вторая – Н. А. Нарышкина-Прокудина-Горская (1940–2022), родители которой участвовали в упаковке экспонатов и консервации здания в первый месяц начала войны, и сын сотрудников Павловского дворца-музея Г. Н. Вейс, переживший первую блокадную зиму с родителями и младшей сестрой Маргаритой в Исаакиевском соборе.

В плоских витринах демонстрировались елочные игрушки, вырезанные бабушкой Наташи в военном Ленинграде, мягкая игрушка Риты «зайчик-девочка», сохраненная в семье Вейс-Афанасьевых в память о блокадных днях, а рядом с ней лампа «летучая мышь», при свете которой хранители вели рабочие дневники в темном подвале (илл. 2).

Вторая выставка «Оккупация» (28 июня – 29 сентября 2024)

Выставка «Оккупация» была построена вокруг кресла из коллекции Гатчинского дворца, не эвакуированного в годы войны и олицетворявшего временно оккупированный дворец. Экспонат расположен в большой выгородке. Именно на такой мебели сидели представители высших чинов нацистской Германии, находясь здесь. На копиях фотографий посетители могли увидеть преступников нацистского режима, в том числе отдававшего приказы о расстрелях людей полковника Фридриха Еккельна. Офицеры вольготно расположившиеся в креслах и на диванах, вероятно, обсуждали за бокалом вина и сигаретой будущие успехи Германии. Сопровождало экспонат сатирическое стихотворение фронтового поэта Ивана Мухи (псевдоним,

взятый Владимиром Ивановым) о гатчинском кресле, обнаруженному в Эстонии в период ее освобождения советскими войсками. Прослушать его и погрузиться в атмосферу того времени посетители могли, воспользовавшись аудионаушниками.

На подиуме в выгородке дизайннерской группой была выполнена имитация дворцового паркета со следами немецких сапог. На паркете была установлена волховская трость офицера вермахта, выполненная кустарным способом, она послужила на выставке символом врага, возомнившего себя «сверхчеловеком». Рядом с тростью разместили искореженный полутораметровый флигель с Дворцовой фермы, найденный в парке после снятия оккупации, и бутылки из-под европейских вин и коньяка как свидетельства хояйничанья немцев во дворце и парке.

В центре выгородки была помещена картина неизвестного художника школы Ж. Куртуа (Бургиньона) «Кавалерийская схватка», находившаяся до войны в Башенном кабинете Павла I, пережившая оккупацию и вернувшаяся в музей в 2000-е годы. Она пока не отреставрирована и до сих пор имеет следы военного времени (илл. 4).

Большую смысловую нагрузку заключал в себе патефон артели «Граммофон», принадлежавший семье жительницы Красногвардейска О. А. Ивановой. Ее видеointerview о жизни в оккупации демонстрировалось в ролике на выставке. В годы войны на Граммофонной фабрике был устроен лагерь смерти.

На выставке затрагивались сложные темы верности Отечеству и кол-лаборационизма, отражались две стороны военной реальности – героизм и предательство. Были представлены документы и материалы о советском разведчике М. О. Малышеве, который, сумев пройти ужасы нацистского плена и лишившись ступни, внедрился в группу агентов и смог выведать ценные разведданные о ста четырех агентах разведки противника. Рассказ о герое дан в витрине на зеленом фоне, а над витриной расположен его портрет работы Х. Г. Сайбаталова, предоставленный Советом регионального объединения ветеранов военной разведки Ленинградского военного округа.

Информация о предателе Н. Н. Рутченко была дана в вертикальной витрине на черном фоне, а выше, в раме черного цвета, вместо портрета, как аллегория был нарисован черный крест. Рутченко, взявший псевдоним Рутыч, перешел на сторону нацистов, стал офицером СД и лично расстреливал своих сограждан в гатчинских парках (илл. 5).

Дополнили показ находки поискового отряда «Искра» из парка «Сильвия», а также фотографии периода оккупации.

Третья выставка «Освобождение» (17 октября – 17 декабря 2024)

Третья выставка была посвящена демонстрации последствий войны и хрупкости человеческого бытия. В первом зале экспозиции были представлены образцы военной формы советских бойцов 1943 года из коллекции Б. К. Иринчеева, а также фотографии красноармейцев, участвовавших в освобождении Гатчины 26 января 1944 года.

Основным художественным акцентом второго зала стал живописный этюд фронтового художника М. П. Железнова «Освобождение Гатчины», размещенный на красном фоне и подчеркивающий торжественность момента освобождения города. Знамя Победы над пожарной каланчой города поднимали четверо гвардейцев: старшина Силин, ефрейторы Тушканов, Фомин и лейтенант Базаров. В центральной витрине на черной бумаге, имитирующей пепел пожарищ, были выставлены фрагменты итальянских мраморных статуй (илл. 6). Эти артефакты символизировали варварство оккупантов, разрушавших культурные ценности. Хрупкий китайский фарфор, бронзовые канделябры и ста-ринная мебель были разграблены или уничтожены ради развлечения.

Огромный коллаж, созданный из снимков разрушений дворцово-паркового ансамбля, выполненный в виде своеобразной бахромы, создавал ощущение трагедии, но вместе с тем и светлой надежды на восстановление, ведь утрачено было не все (илл. 7).

Ценным экспонатом выставки стала принадлежавшая генерал-майору Е. С. Лагуткину папка с приказами Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Маршала СССР И. В. Сталина с открытой страницей приказа о присвоении воинским частям, освобождавшим Гатчину, наименование «Гатчинских».

Особое внимание посетителей привлекала витрина, посвященная тем, кто внес вклад в приближение Победы, но не дожил до окончания войны. Сотрудница Гатчинского дворца И. К. Янченко до войны занимала должность хранителя Арсенального каре и собирала ценные исторические материалы. В годы блокады активно участвовала в эвакуации музеиных ценностей, консервации здания и работе в Исаакиевском соборе. В последнем письме коллеге А. В. Помарнацкому она писала с оптимизмом: «Мы обязательно выйдем победителями, мы еще увидимся с Вами в нашем дворце!» Однако ее слова сбылись лишь частично. 8 августа 1943 года Янченко погибла в результате артиллерийского обстрела Ленинграда, а ее сын Петя получил тяжелое ранение и остался круглым сиротой.

Атмосферу выставки дополнили увеличенные копии рисунков блокадного художника Н. П. Куликова, фронтовика Л. К. Абрамова и архитектора А. Л. Ротача, изображавшие разрушения Гатчины и дворцово-паркового

ансамбля, а также фотоматериалы из архива Государственного музея-заповедника «Гатчина».

В фильме, сопровождавшем выставку, приводилось интервью с участником освобождения Гатчины в 1944 году В. П. Симаненком, а также фрагменты фильма «Что горит лучше рукописей» режиссера А. Н. Олиферука, посвященного оператору А. И. Погорелому, который снимал хронику горящей Гатчины в январе 1944 года.

Четвертая выставка «Возрождение» (25 декабря 2024 – 17 марта 2025)

Последняя выставка явилась кульминацией предыдущих и представляла собой осмысление процесса возрождения культурного наследия. Главным экспонатом первого зала стал китайский сосуд XVIII века, найденный и переданный в дар музею поисковиком отряда «Искра» И. С. Фетисовым (илл. 10), а также осколки ваз, сервизов, изразцы и фрагменты бронзовых канделябров.

Доминантой второго зала стала метафора часов как символа возрождения, что нашло отражение в использовании французских каминных часов XIX века из исторической коллекции дворца. Олицетворяя время и жизнь, часы служили на выставке связующим звеном между историческими событиями и современным осмыслением прошлого (илл. 8).

После освобождения Гатчины началось разминирование территории и постепенное возвращение жителей и сотрудников дворца. Этим событиям была посвящена вертикальная витрина с фотографиями послевоенных работников. Эти люди стояли у истоков возрождения музея в разрушенном дворце, и их усилия способствовали открытию первой выставки 20 августа 1944 года, посвященной истории Гатчины и освобождению от оккупантов. Центральным экспонатом витрины стала медаль «За оборону Ленинграда» главного хранителя С. Н. Балаевой и адреса-поздравления от коллег в связи с тридцатилетием работы во дворце [2. Подробнее о деятельности С. Н. Балаевой см. издание].

Фигура фарфоровой «Китаянки», показанная на послевоенных выставках и пользовавшаяся особой популярностью у маленьких посетителей, также была представлена в соседней горизонтальной витрине. Фотографии и отзывы экскурсантов позволили глубже понять культурное значение этого предмета для только что переживших войну людей. Ценным экспонатом стала бутылка с запиской, спрятанная мальчишками из реставрационного училища в память о своих работах во дворце в июле 1944 года и найденная реставратором В. Ф. Кирпичевым только в 2000 году.

К сожалению, по решению властей, в 1951 году после проведенной консервации здание дворца на двадцать пять лет заняли другие ведомства, музей и его сотрудники переехали в павильон Птичник. И лишь в 1976 году реставраторы вновь приступили к работам.

Для демонстрации процесса возрождения дворца-музея на выставке одно из самых торжественных и красивых мест дворца – Белый зал. Чтобы показать хронологию изменений, они представили девять фотографий зала, начиная с 1920-х годов. Это позволило посетителям увидеть, как шли реставрационные работы.

В большой центральной выгородке были представлены макет зала, выполненный скульптором Л. А. Стрижовой и формовщиком Г. З. Мицовым, стул из гарнитура Белого зала и неотреставрированный ящик для дров, возращенный в музей в 2022 году.

Стол с инструментами реставраторов Г. Цыганкова и Л. А. Стрижовой и их личные вещи создали атмосферу рабочего кабинета, что способствовало более глубокому пониманию процесса. Макет эффектно освещала настольная лампа, создавая ощущение присутствия мастера. Рядом размещался коллаж из фотографий реставраторов, участвовавших в возрождении интерьеров дворца. Фрагменты моделей лепнинны для Белого зала, выполненные в мягком материале и гипсе, демонстрировали сложные этапы реставрационного процесса.

Самым необычным экспонатом выставки стало чучело омаря, подаренного родственницей резчика по дереву В. Д. Васильева. Гигант использовался в качестве наглядного пособия для изучения ракообразного при восстановлении барельефа «Рак» в композиции одного из наддверников Белого зала (илл. 9).

Для создания фильма к выставке использовались интервью с главным архитектором проекта реставрации Гатчинского дворца С. Г. Цыганковым, резчиком по дереву В. Д. Васильевым, мастером по реставрации часов С. В. Солдатовым и поисковиком И. С. Фетисовым, который поделился своими чувствами, вызванными поисками погибших людей, трепетом от находки китайского сосуда и подчеркнул важность сохранения культурного наследия. На первой минуте приводилась цитата дочери довоенной сотрудницы М. В. Нарышкиной, подчеркивающей значимость музыки часов, которая сопровождала посетителей Гатчинского дворца, создавая атмосферу преемственности и вечности. Финальной точкой стали слова реставратора часов С. В. Солдатова о том, что все, что восстановлено, остается потомкам, нужно помнить это и бережно хранить.

В проекте приняли участие: библиотека Генерального штаба РФ, поисковый отряд «Искра», Совет ветеранской организации военных контрразвед-

чиков Западного военного округа, Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Музейное агентство», музей г. Гатчины, ГБУК ЛО Музейно-мемориального комплекса «Дорога жизни», Государственное казенное учреждение «Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге», Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга; Совет регионального объединения ветеранов военной разведки Ленинградского военного округа, Управление ФСБ России по Ленинградскому военному округу, частные коллекционеры и исследователи: директор музея Карельского перешейка Б. К. Иринчев, старший научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» СПБ ГБУК ГММОБЛ С. К. Бернев, внучка бойца, найденного в парке «Сильвия» при поисковых работах Е. А. Васильева; сотрудники ГМЗ «Гатчина» В. Д. Васильев, Е. В. Васильева, М. Н. Погодин; коллекционеры А. В. Бурлаков, Д. В. Жуков, В. В. Иванов, А. Н. Клементьев, В. А. Праведников, К. Ф. Шатров, И. С. Фетисов, семья Лагуткиных.

В открытии выставок принимали участие Генрих Николаевич Вейс и сын гатчинского подпольщика Константин Фёдорович Шатров, юные футболисты областной команды «Ленинградец», гатчинские школьники, в том числе участники поисковых работ. Открытие заключительной выставки «Возрождение» сопровождалось детским концертом на патриотическую тематику. В течение всего срока работы проекта проводились кураторские экскурсии, в том числе и для детей младшего школьного возраста. Сложная тема воспринималась детьми с пониманием, многие задавали вопросы, интересовались, могут ли они помочь в поисковых работах. Важным было вовлечение детей школьного возраста в темы духовного единства русского народа в годы испытаний. Освещались вопросы взаимопомощи, взаимовыручки в тяжелые для страны времена. Задавались вопросы об их личном понимании слов «патриотизм», «Родина», «оккупация», «блокада».

За одиннадцать месяцев проект посетили более пятидесяти шести тысяч человек. Выставка «Возрождение» завершила цикл, посвященный восьмидесятилетию освобождения Гатчины от нацистской оккупации, однако изыскания научных сотрудников ГМЗ «Гатчина» на тему военного и послевоенного периодов продолжаются.

Библиографический список

1. Кирпичникова М. В. Эвакуация музеиных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда и проблемы обеспечения их сохранности (на примере Гатчинского дворца-музея) // VIII Волконские чтения, посвященные 75-летию Победы в ВОВ. 11–13 ноября 2020 г. / под ред. А. И. Букреева; сост.: Э. Л. Коршунов, А. А. Михайлов, Н. Ю. Петрова. – СПб. : Галарт, 2021. – С. 296–312; Кирпичникова М. В. Эвакуация и реэвакуация коллекций из Гатчинского дворца-музея в Сарапул // Сарапул. Особый груз: Об эвакуации музеиных ценностей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Сарапульский музей-заповедник, УдмФИЦ УрО РАН. – Сарапул – Ижевск, 2020. – 328 с.: ил. – С. 180–185.
2. Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца Дневник. Статьи. – СПб. : Искусство России, 2005.

Ленинградский дневник Кунсткамеры. 1941–1945

Н. П. Копанева, К. А. Носовская¹



Аннотация. В статье представлено значение делопроизводственных документов как источников для восстановления подневной работы сотрудников Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ РАН) в период 1941–1945 годов по сохранению здания Кунсткамеры, музеяного собрания, по описанию музеиных коллекций и судеб сотрудников первого российского музея в годы войны и блокады.

Ключевые слова: Кунсткамера, бомбоубежище, музейные коллекции, научная работа, эвакуация, источники по изучению истории музея.

Leningrad Kunstkamera Diaries. 1941–1945

Summary. The article presents the importance of office documents as historical sources for reconstructing the daily work of the employees of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences (now the MAE RAS) in the period of 1941–1945 on preserving the Kunstkamera building, the museum collection, on describing the museum collections and the fates of the employees of the first Russian museum during the war and the blockade.

¹ Копанева Наталья Павловна, кандидат филологических наук, главный хранитель фондов ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

Носовская Ксения Александровна, методист отдела Музея М. В. Ломоносова ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

Kopaneva Natalia Pavlovna, Candidate of Philological Sciences, Chief Curator of the Collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 3.

Nosovskaya Ksenia Aleksandrovna, Methodologist of the Department, M.V. Lomonosov Museum of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 3.

Keywords: *Kunstkamera, bomb shelter, museum collections, scientific work, evacuation, sources for studying the history of the museum*

«Мы жили и работали, как все ленинградцы», — написал в своих воспоминаниях археолог Василий Васильевич Фёдоров, всю блокаду остававшийся в здании Кунсткамеры, выполняя все необходимые музею работы [1, с. 36]. В последнее время о военной и блокадной жизни музеев написано довольно много.

Но, пожалуй, менее известно о том, как сражались и работали ученые и музейные сотрудники Кунсткамеры, в то время Института этнографии АН СССР, при котором был Музей антропологии и этнографии, в тяжелейшие блокадные годы (илл. 1). Из изданных работ следует назвать книгу воспоминаний «Из истории Кунсткамеры, 1941–1945» [1], исследования А. М. Решетова [2, 3] и небольшой каталог выставки «Кунсткамера в годы Великой Отечественной войны. К 75-летию Победы» [4], в котором представлен ряд документов военного периода истории музея.

К 80-летию победы в Великой Отечественной войне было проведено системное выявление документов по деятельности института и музея с 1941 по 1945 год [5]. Результатом изучения документов стала восстановленная почти подневная хроника жизни Кунсткамеры и ее сотрудников. Источниками этого «дневника» являются прежде всего делопроизводственные документы: книги приказов, планы и отчеты, распоряжения по Академии наук и постановления Президиума Академии наук, штатное расписание, списки личного состава, акты обследования коллекций, акты проверки сохранности ящиков с коллекциями. Были сделаны исключения для некоторых документов личного происхождения. Прежде всего, это «Хронологическая таблица Института этнографии АН в дни Отечественной войны 22.VI.1941 – 9.V.1945» [6], составленная Р. И. Каплан-Ингелем, который был назначен уполномоченным Президиума АН СССР в Институте этнографии. Делопроизводство в институте велось аккуратно. Никакие трудности: холод, голод, отсутствие света, бомбежки, дежурства на постах, трудповинность не мешали четкому составлению документов. Занималась этим машинистка Александра Николаевна Калдыкина (1899–1988), которой 27 августа 1941 года было поручено по совместительству исполнять обязанности заведующей личным столом и канцелярией с выплатой ей разницы между окладами заведующего канцелярией и машинистки. Назначение было «временным», однако Александра Николаевна вела отдел кадров и канцелярию в родном ей институте всю свою долгую трудовую жизнь (илл. 2). Она же в период с 31 января 1948 по 5 февраля 1951 года

сдавала документы на постоянное хранение в академический архив, о чем свидетельствуют записи на архивных описях.

Делопроизводственные документы важны не только точностью датировки событий, действий, поступков, но и определением всех видов деятельности сотрудников института и музея, оказавшихся в условиях войны и блокады на казарменном положении в подвале здания Кунсткамеры. Ежегодные отчеты велись в основном по следующим направлениям работы: осуществление мероприятий по МПВО; обеспечение сохранности музейных коллекций; охрана научного наследства; научно-исследовательская работа; прочие работы. Остановимся на некоторых из них и, прежде всего, на сохранности музейных коллекций и собственно музейной работе. Особенности состава музейного собрания Музея антропологии и этнографии создавали невероятные трудности в его сохранении. Прежде всего, это его комплексный характер – этнографические (разные по регионам, времени создания, материалу, техникам), остеологические, анатомические, археологические коллекции требовали хранения с учетом их специфики. Кроме того, коллекции хранились на трех площадках: в зданиях Кунсткамеры, в здании, примыкающем к Кунсткамере в Таможенном переулке, 1 и на втором этаже здания в Таможенном переулке, 2. Рассредоточение коллекций по разным местам хранения требовало большего количества дежурных на постах и координации этих дежурств, особенно в тяжелую зиму 1941–1942 годов, когда сотрудников музея становилось все меньше – многие погибали от голода, остававшиеся ослабевали настолько, что часто с трудом передвигались.

Еще до начала Великой Отечественной войны в МАЭ был выделен фонд особо ценных музейных предметов [1, с. 38], для них были заготовлены специальные ящики, которых, конечно, для всего собрания не хватало. 23 июня была создана бригада по сохранению музейных ценностей в составе трех звеньев.

К 1 ноября 1941 года подготовили 345 ящиков: 320 новых и 25 приспособили старых. Предполагалось, что музейное собрание будет эвакуировано. Подготовку к эвакуации начали с демонтажа экспозиций. 1 октября 1941 года 125 (по другим данным 128) ящиков с особо ценностями предметами были переданы на временное хранение в Эрмитаж. В отчете за 1941 год определены принципы, по которым упаковывали коллекции: «1) уникальные; 2) имеющие материальную ценность; 3) особо ценные из экспозиций и фондов; 4) коллекции, размещенные в верхних этажах главного здания, более всего подверженные угрозе разрушения. Применен принцип максимального рассредоточения коллекции по ящикам, чтобы в случае повреждения от воздушных налетов сохранить хотя бы часть ценных коллекций» [5, с. 43]. Для

упаковки использовали вату, паклю, войлок, стружку, опилки. Упаковочного материала не хватало, его приходилось докупать самим. Так, 1 декабря 1941 года «на углу 6-й линии и Среднего пр. В. О. куплено ваты 6 кг на сумму 38 руб. 40 коп., на тару израсходовано 1 руб., на трамвайные разъезды по разным магазинам в поисках ваты израсходовано 60 коп. – всего 40 руб. Вата выдана в отдел фондов для упаковки археологических коллекций» [5, с. 53]. Некоторые ящики обтягивали проволокой, укрепляли рейками. К ноябрю 1941 года упаковали двадцать тысяч предметов в 314 ящиков, из них 25 были с особо ценностями книгами из библиотеки института. Все ящики были промаркированы и сопровождены списками музейных предметов. Крупногабаритные предметы и часть ящиков разместили на первом этаже, остальные – в подвалах. Оставшиеся в экспозиционных залах предметы были укрыты листами фанеры и старыми шторами (илл. 3).

Поскольку вопрос об эвакуации музейного собрания не решался, ящики приходилось все время перемещать по музею. Подвальные помещения были сырьими из-за подъема грунтовых вод. При появлении воды в трещинах пола ящики поднимали на первый этаж. Пожарная инспекция требовала перенести ящики от выходов, куда их ставили в надежде на эвакуацию коллекций.

Сотрудники института ждал эвакуации музейного собрания до апреля 1943 года. 7 августа 1941 года директор Института этнографии И. Н. Винников в письме академику – секретарю Отделения истории и философии А. М. Деборину писал о нецелесообразности эвакуации института Сотрудники института ждал эвакуации музейного собрания до апреля 1943 года. 7 августа 1941 года директор Института этнографии И. Н. Винников в письме академику – секретарю Отделения истории и философии А. М. Деборину писал о нецелесообразности эвакуации института [5, с. 22–23]. Дальнейшие события показали ошибочность этого мнения. 22 августа 1941 года были подготовлены списки эвакуируемых коллекций: «отдел Сибири – 4 ящика предметов с экспозиции; отдел Восточной и Южной Азии – из фондов 18 ящиков, с экспозиции 10 ящиков; отдел Америки – из фондов 5 ящиков, с экспозиции 6 ящиков; отдел Африки – с экспозиции 15 ящиков; отдел Передней и Средней Азии – из фондов 4 ящика, с экспозиции 2 ящика; отдел Австралии и Океании – с экспозиции 5 ящиков; отдел антропологии – 2 ящика; библиотека – 25 ящиков (из фондов 1 803 предмета, с экспозиции 1 623 предмета, 919 единиц книг)» [5, с. 29]. Музейные предметы были упакованы и подготовлены к перемещению. Однако при эвакуации в июле 1942 года в Казань (потом в Ташкент) в вагоны были погружены ящики только с научными материалами и книгами, которые были необходимы для продолжения работы научными сотрудниками в эвакуации: из

более чем трехсот ящиков всего тринадцать. Распоряжения, приказы, акты свидетельствуют, что и в 1943 году ящики переупаковывались, проводилась проверка наличия и состояния сохранности предметов в них; ящики ставились ближе к выходам. Музейное собрание МАЭ так и не было эвакуировано и бережно хранилось остававшимися в Ленинграде учеными и музеинными сотрудниками.

В связи с гибелью в блокадную зиму 1941–1942 годов многих опытных сотрудников музея, знаний особенностей хранения ряда предметов не всегда хватало. 9 августа 1942 года в «Доме книги» была куплена (по цене 9 руб.) книга «Хранение музейных ценностей», подготовленная коллективом авторов (С. Н. Балаевой, Н. И. Малеиным, Н. П. Тихоновым, С. В. Тропчинским, М. В. Фармаковским) и опубликованная в 1940 году издательством «Ленинград». Многие предметы требовали особых методик хранения. Так, внутри скульптуры Будды XV–XVI века, которую и сейчас можно видеть в экспозиции Индокитая МАЭ РАН, находились ароматические травы, которые были вытащены крысами. Особую озабоченность вызывало сохранение анатомических препаратов, хранившихся в банках с неплотно закрытыми крышками, из-за чего испарялся консервирующий раствор. На препаратах из-за резкого понижения температуры были следы отложений в виде хлопьев и небольших светлых пузырьков.

Казалось бы, сохранение уникального здания Кунсткамеры от зажигательных бомб (для обучения этому тоже была куплена брошюра в «Доме книги» – «Как бороться с зажигательными бомбами» [7], двадцать экземпляров по 4 руб.), сохранение музейных коллекций, поддержание собственной жизни, часто висящей на волоске, – это максимум, и то невероятный для осмысления, который могли сделать сотрудники института и музея. Но они продолжали вести музейную и научную работу.

Экспедиционные материалы и ранее не зарегистрированные коллекции требовали научного описания. Характерна история коллекций, собранных в конце 1940-го в 1941 годах аспиранткой Марией Абрамовной Каплан (1907 – 1963), ставшей в дальнейшем специалистом по тунгусскому и маньчжурскому языкам. Война застала ее в экспедиции в нанайском национальном районе (бассейн р. Амур), где она находилась с 16 декабря 1940 года. 8 июля 1941 года ей была отправлена телеграмма, в которой предписывалось сдать собранные экспедиционные материалы на временное хранение в Хабаровский музей и немедленно возвращаться в Ленинград. На дорожные расходы была переведена в Хабаровск ее аспирантская стипендия. 31 июля Мария Абрамовна вернулась в институт. Но собранные в ходе экспедиции коллекции она не сдала в Хабаровский музей, а отправила по почте в МАЭ. Они были получены дву-

мя партиями: 15 марта и 26 сентября 1942 года М. А. Каплан начала описание коллекций и завершила эту работу в 1946 году (ныне коллекция МАЭ № 5821).

Годовые отчеты зафиксировали описание уникальной коллекции по персидскому мохарраму (коллекция МАЭ № 3922, привезена в 1922 году Р. А. Галуновым); регистрацию 3 045 номеров коллекции Супоньевской палеолитической стоянки, археологических материалов из раскопок П. П. Ефименко, которые поступили в МАЭ из Эрмитажа в 1935 году (коллекция МАЭ № 5081). Это лишь небольшой перечень примеров музейной работы сотрудников Кунсткамеры в блокадном Ленинграде.

Реконструкция по делопроизводственным документам жизни института, музея и его сотрудников позволила не только выстроить с уточнением дат историю пяти лет борьбы за сохранение уникального здания Кунсткамеры и накопленных с XVIII века коллекций, но и увидеть роль в ней тех сотрудников, которые редко упоминаются в нашей академической истории, так как не занимали руководящих должностей и не оставили после себя научных трудов. Так, составление именного указателя к «Военной хронике Кунсткамеры» [5, с. 200–222] показало, что по частоте упоминания в документах на первом плане оказывается не только Р. И. Каплан-Ингель, что было ожидаемо, но и Е. А. Максимова, к 1941 году 54-летняя женщина, выполнявшая с 1942 года обязанности столяра, электромонтера, а затем коменданта здания, в послевоенные годы – старшего рабочего-пожарного. Евдокия Андреевна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Налаживание быта, проведение закупок разного рода материалов, ремонт оборудования лежали на плечах этой улыбчивой, судя по фотографиям, казалось бы, незаметной в историческом масштабе сотруднице (илл. 4). Вот лишь одна из «срочных записок» от 18 марта 1942 года с поручениями Евдокии Андреевне: «Команданту Е. А. Максимовой предписано подыскать рабочего для сбивки сосулек с карнизов; обеспечить дворников песком для посыпки тротуаров, предупредив их об экономии расходования песка; проверить к 19 марта один из больших бидонов для доставки керосина, подготовить санки для двух меньших бидонов. Е. А. Максимова должна проследить, чтобы все окна были закрыты или заколочены. При введении милицией дежурства дворников потребовать от них суточного расписания. Составить график дежурств (на подсмену), а также распределить работы старших рабочих и препараторов. Предупредить дворников, что кроме кряжей, которые во дворе, другого топлива они не получат, поэтому пусть организуют охрану этих кряжей либо занесут их к себе в тамбур у входа в дворницкую. Мебель из подвала № 2 убрать на свои места в библиотеку и отделы» [5, с. 72]. А уже 24 марта ей

предписано «организовать следующие работы: очистить снег с чердака над антропологией и над круглой башней; прислать работника для очистки снега под крышами института; принять совместно с В. В. Фёдоровым кладовую П. А. Смелова; вскрыть комнату учета и хранения (кабинет № 11); закрыть кабинет № 43; организовать вторичную очистку двора от нечистот; отогреть водопроводную магистраль у бывшей столярной» [5, с. 74]. Примеры того, какие виды работ выполняла Е. А. Максимова, можно множить, и эта информация стала доступна благодаря изучению пока только делопроизводственных документов.

Гибель товарищей по институту и музею, конечно, тоже нашли отражение в официальных документах. Однако их даты смерти не всегда уточнены. Приказы по институту зафиксировали даты исключения из списков сотрудников в связи со смертью, и эти даты не совпадают с датами их гибели. Только первая в ряду смертей 1941–1942 годов на своем посту – смерть Надежды Петровны Дыренковой, так поразившая всех, – зафиксирована не только датой исключения из списков, но и датой ухода из жизни, некрологом и описанием места погребения. Надежда Петровна заболела 27 октября, простудившись на дежурстве. Приказом по институту от 29 октября Институт этнографии «с прискорбием извещает, что 28 октября 1941 г. в 4 часа дня скончалась на своем посту с. н. с. Института крупнейший специалист по этнографии и языкам тюркских народов Сибири, ближайшая ученица великого русского этнографа Л. Я. Штернберга Надежда Петровна Дыренкова. Учитывая большие заслуги покойной перед Институтом этнографии, в особенности по пополнению ценнейших собраний отдела Сибири, Институт решил принять все расходы по похоронам за счет Института» [5, с. 41–42] (илл. 5). 30 октября Н. П. Дыренкова была похоронена на Волковском кладбище. При погребении могильщикам и сторожам кладбища было уплачено 33 руб. Возлагая венки и цветы на могилу Надежды Петровны, вряд ли ее коллеги могли даже предположить, что их ожидает, и сколько еще товарищей придется оплакивать...

«Военная хроника Кунсткамеры. 1941–1945» [5] не завершает исследование по истории МАЭ РАН в годы Великой Отечественной войны. Вне ее остались пока не изученные и часто не выявленные еще материалы о деятельности сотрудников института и музея в эвакуации, а также документы личного происхождения – дневники, воспоминания, письма. Это следующий этап нашего исследования.

Библиографический список

1. Из истории Кунсткамеры, 1941–1945 / сост. к. и. н. В. Н. Вологдина; отв. ред. А. С. Мыльников; МАЭ РАН. – СПб., 2003. – 319 с.
2. Решетов А. М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 2. – С. 40–62.
3. Решетов А. М. Отдание долга. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 6. – С. 3–17.
4. Кунсткамера в годы Великой Отечественной войны. К 75-летию Победы : каталог выставки / авт.-сост. Л. А. Худякова; отв. ред. Н. П. Копанева; МАЭ РАН. – СПб., 2020. – 84 с.
5. Военная хроника Кунсткамеры. 1941–1945. Материалы к истории МАЭ РАН / сост. Н. П. Копанева, К. А. Носовская; отв. ред. А. В. Головнёв; МАЭ РАН. – СПб., 2025. – 228 с.
6. Каплан-Ингель Р. И. Институт этнографии АН в дни Отечественной войны 1941–1945 гг. // СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 134.
7. Как бороться с зажигательными бомбами и пожарами от них. – М. : Московский рабочий, 1941. – 29 с.

Живописные полотна Картичного зала Екатерининского дворца, заменившие утраченные в годы войны. Источник поступления. Атрибуция

О. А. Королькова¹



Аннотация. В статье рассматривается история восстановления живописного убранства Картичного зала Екатерининского дворца после Великой Отечественной войны. После войны перед музеиными сотрудниками встала задача не только реставрировать вернувшиеся из эвакуации картины, но и необходимо было найти подходящую по художественному уровню, колориту и сюжету замену утраченным произведениям. Для воссоздания декоративного оформления Картичного зала было принято решение подобрать полотна из ленинградских музеев, атрибуция которых требует уточнения и корректировок, предпринятых в данной статье.

Ключевые слова: Государственный музей-заповедник «Царское Село», Картичный зал Екатерининского дворца, атрибуция.

Paintings of the Catherine Palace Picture Hall, which replaced the lost ones during wartime. Provenance. Attribution

Summary. The article examines the history of the restoration of the pictur-esque decoration of the Catherine Palace Picture Hall after the World War II. After the war, the museum staff had to restore the paintings that had returned from the evacuation and find a suitable replacement for the lost works in terms of artistic level, color and plot. To recreate the decorative design of the Picture Hall, it was

¹ Королькова Ольга Александровна, специалист по экспозиционно-выставочной деятельности ГМЗ «Царское Село», Россия, 196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Садовая, 7.

Korol'kova Ol'ga Aleksandrovna, display in exhibition specialist of the Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Russia, 196601, Saint Petersburg, Pushkin, Sadovaya st., 7.

decided to select canvases from Leningrad museums, the attribution of which requires clarification and adjustments made in this article.

Keywords: *Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Catherine Palace Picture Hall, attribution.*

Художественное оформление Картичного зала Екатерининского дворца (ранее – Большого Царскосельского дворца) оставалось практически неизменным с 1755 года вплоть до сентября 1941 года, когда город Пушкин оказался оккупирован немецкими захватчиками. С началом Великой Отечественной войны перед сотрудниками Екатерининского дворца-музея встала сложная задача по подготовке музейных предметов к отправке в тыл. Эвакуация началась в ночь с 22 на 23 июня и была завершена 10 сентября 1941 года. Действия музейных работников, работавших в тяжелейших условиях, под обстрелами, по праву можно назвать героическими. До войны Екатерининский дворец-музей обладал крупной коллекцией предметов и вывезти все в эвакуацию не представлялось возможным ввиду отсутствия не только рабочей силы, но и упаковочных материалов. Тем не менее сотрудники сделали все возможное для спасения наиболее ценных музейных предметов, имеющих мировое значение.

В 1936 году предприятиями системы УКППЛ (Управление культпросветпредприятиями Ленгорисполкома) был разработан план эвакуации музейных ценностей на случай объявления войны. В этот же период работала специальная комиссия для определения предметов, подлежащих немедленному вывозу из дворцов-музеев вглубь страны. В состав комиссии, помимо директора дворцов-музеев, представителя Специальной части Ленсовета, начальника спецчасти УКППЛ, входили такие советские искусствоведы, как профессор Э. К. Кверфельд и профессор С. П. Яремич. В результате работы комиссии был составлен список предметов, предназначенных к эвакуации из дворцов-музеев Пушкина, Петергофа, Павловска и Гатчины, состоявший из 4 871 экспоната [1, л. 1]. Из имевшихся в коллекции Екатерининского дворца-музея 106 742 предметов в этот список вошло 276 предметов. При этом отмечалось, что в него не были включены ценнейшие предметы. Например, в списке не значилась мебель Жакоб, часы работы Томира, оружие Азиатской комнаты, уникальные экземпляры рукописных книг XIV–XV веков, бюст работы Шубина, картины русских художников – Серова, Периха, Маковского и др. В 1939 году заведующему дворцами-музеями было поручено составить новый список с учетом данных, полученных в результате инвентаризации музейных предметов. В первую очередь эвакуации подлежали

предметы уникального значения и большой материальной ценности (предметы из особой кладовой). Во вторую очередь – предметы большой художественной ценности и ткани [1, л. 25].

Однако к началу эвакуации экспонатов из коллекции Екатерининского дворца-музея списка, составленного в 1939 году, в Спецчасти не оказалось и сотрудникам был предъявлен список 1936 года, который необходимо было не только дополнять, но и заменять те или иные экспонаты более ценными. Проблема заключалась в том, что заготовленный заранее упаковочный материал был рассчитан на список 1936 года и не соответствовал предназначенным к эвакуации предметам.

Благодаря героическому труду научных сотрудников вместо запланированных 276 музейных предметов в эвакуацию было отправлено 18 751. В частности, из коллекции живописи Екатерининского дворца-музея удалось эвакуировать 861 картину в шесть очередей, из которых 111 находились в экспозиции Картинного зала. Большая часть полотен из Картинного зала была эвакуирована в пятую очередь – 75 живописных произведений отправлены в г. Сарапул [1, л. 31]. Важно отметить, что со стен зала были сняты все живописные произведения, а те из них, которые не удалось вывезти ввиду отсутствия подходящих ящиков, были спрятаны на первом этаже и в подвалах дворца: «Все картины бельэтажа, фондов и комнат Александра II были сняты со стен и сосредоточены в помещении ЦРМ (прим. – Царскосельские реставрационные мастерские). Исключение представляют картины, размещенные в Зубовском коридоре, 2 больших портрета Екатерины II и Александра I в Китайской гостиной и одна картина в Карельском кабинете Марии Фёдоровны, которые остались на месте» [1, л. 36 об].

Впоследствии, в 1946–1948 годах, в Берлине были найдены четыре полотна, ранее украшавшие интерьер Картинного зала – «Юдифь и Олоферн» А. Челести, «Сыновья Ноя» М. Пачелли, натюрморт Я. Восмаера и «Иродиада с головой Иоанна Крестителя» кисти Н. Росси. Навсегда было утрачено пятнадцать картин.

После освобождения города Пушкина от оккупантов перед музеем было поставлено задача по восстановлению Екатерининского дворца. Открытие Картинного зала было намечено на 1967 год, к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Помимо реставрации вернувшихся из эвакуации картин, необходимо было найти подходящую по художественному уровню, колориту и сюжету замену утраченным произведениям. Для воссоздания декоративного оформления Картинного зала было принято решение подобрать полотна из ленинградских музеев. В частности, из Государственного Эрмитажа в Екатерининский дворец-музей было пере-

дано девять полотен, из музея Академии художеств – три, из музея ЛВХПУ имени В. И. Мухиной – две, одну картину преподнесла в дар М. В. Савостьянова (внучатая племянница Ф. М. Достоевского) и одно полотно было подобрано из фондов музея.

Помимо воссоздания живописного убранства стен, перед реставраторами стояла задача к концу 1966 года восстановить и плафон Картинного зала. Сохранилось письмо П. И. Пахорукова директору Государственного Эрмитажа Б. Б. Пиотровскому: «В декабре 1964 г. дирекция дворцов-музеев и парков г. Пушкина обратилась к Вам с письмом по поводу передачи в Екатерининский дворец живописного плафона Иорданской лестницы для устновления его в Картинном зале (где он находился в XVIII в.). Ввиду того, что вопрос этот до сих пор не получил положительного разрешения и так как работы по воссозданию Картинного зала не терпят дальнейшего отлагательства, просим Вас разрешить Специальным Научно-реставрационным производственным мастерским (ведущим восстановление Картинного зала) установить в колодце Иорданской лестницы леса башенного типа для производства работ по снятию копии с плафона „Олимп“» [2, л. 76]. С 1967 года копия плафона Иорданской лестницы, написанного итальянским художником Г. Дициани, украшает Картинный зал.

Исторический облик Картинного зала, задуманный архитектором Ф. Растрелли и Л. К. Пфандцельтом, изображен на акварели Л. Премацци 1870 года (илл. 1), благодаря которой можно составить представление о погибших в годы войны произведениях, расположенных на северной стене. Так, художник достаточно подробно воспроизвел полотно Д. Шульца «Групповой портрет семьи Радзивилла» (у С. Н. Вильчковского – «Потешная дворня польского магната» [3])². Стоит акцентировать особенное внимание на данной картине, поскольку история ее бытования весьма любопытна.

Картина Шульца входила в живописный ансамбль Картинного зала с 1755 года. В 1908 году редакцией журнала «Старые годы» была организована выставка, для которой два полотна из Картинного зала впервые были демонтированы – «Пейзаж» школы Н. Пуссена и «Групповой портрет семьи Радзивилла» Шульца. После окончания выставки картина немецкого художника вернулась на свое историческое место до 1917 года, когда она вновь была снята со стены, в числе наиболее ценных художественных произведений эвакуирована в Москву и хранилась в Кремле в течение пяти лет. После возвращения полотно экспонировалось в Картинном зале вплоть до 1937 года, когда она вновь была демонтирована со стены и отправлена

² Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ-8540.

на выставку в Дрезден [4, с. 29]. По возвращении картина была отправлена в Государственный Эрмитаж, а вместо нее в Картинный зал помещен пейзаж неизвестного художника, который и был утрачен в годы войны. Сохранилось письмо Б. Б. Пиотровскому от дирекции дворцов-музеев и парков г. Пушкина: «Дирекция дворцов-музеев и парков г. Пушкина просит Вас рассмотреть вопрос о возможности передачи в Екатерининский дворец картины Даниэля Шульца «Семья купца-монгола». Эта картина была приобретена в середине XVIII века для Екатерининского дворца-музея и тогда же включена в убранство Картинного зала. Она записана в опись, составленную Я. Штелиным в 1760-х годах и отражена в акварели худ. Премацци в 1859 г. Картина Шульца находилась на своем историческом месте 180 лет, – до тех пор, пока она не была изъята для одной из зарубежных выставок в 1937 г. По возвращении с выставки картина, принадлежащая Екатерининскому дворцу, была оставлена в Эрмитаже, а вместо нее в Картинный зал помещен пейзаж неизвестного художника. Эта замена нарушила первоначальный характер убранства интерьера. Однако до войны, когда Екатерининский дворец был в полной сохранности, это не имело такого существенного значения, какое имеет сейчас. Картинный зал – первый из художественных интерьеров Растрелли, восстановленный после войны в ЕДМ. Его открытие приурочено к празднованию 50-летия Советской власти» [2, л. 20].

Полотно Шульца не было возвращено, и Государственный Эрмитаж передал в Екатерининский дворец картину неизвестного художника «Великодушие Сципиона Африканского»³, которую специалист по голландскому искусству, сотрудник Эрмитажа И. В. Линник позднее атрибутировала как работу фламандского художника XVII века Питера ван Линта [5]. В инвентарных книгах ГМЗ «Царское Село» по сей день автор картины не определен, однако атрибуция Линник не вызывает сомнений ввиду специфики трактовки женских образов, колористического и композиционного решения, использования архитектурных мотивов на дальнем плане, характерных для всех полотен художника. В качестве примера можно привести картину «Аллегория, в которой труд вознаграждается изобилием и миром, в присутствии Минервы и Времени»⁴, в которой отражены все основные особенности художественной манеры мастера, выраженные и в царскосельском полотне.

Вероятно, передача картин из Государственного Эрмитажа в Екатерининский дворец состоялась в 1955 году, о чем свидетельствует письмо ди-

ректора музея М. И. Артамонова в Управление культуры исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся: «На Ваше отношение от 11-го ноября с. г. за № 27 относительно возврата 22-х картин, полученных из Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов-музеев, Государственный Эрмитаж сообщает, что он обратился в Министерство Культуры СССР с ходатайством о передаче ему на постоянное хранение 20-ти их 22-х картин... Учитывая, однако, всю важность восстановления экспозиции пригородных дворцов-музеев, Эрмитаж одновременно возбудил ходатайство о передаче из его запасных фондов Центральному Хранилищу, взамен передаваемых ему 20-ти картин того же количества картин тех же школ и, примерно, тех же размеров» [6, л. 173]. Необходимо отметить, что вплоть до 1978 года картины из коллекции Государственного Эрмитажа находились в Екатерининском дворце на временном хранении и ежегодно проводилась сверка сохранности музейных предметов⁵. В 1978 году полотна были окончательно переданы в собрание музея на постоянное хранение.

В период оккупации города Пушкина навсегда были утрачены ценные художественные произведения мирового значения, представленные в Картинном зале Екатерининского дворца. Для восстановления художественного оформления северной стены Картинного зала необходимо было подобрать семь картин западноевропейских мастеров XVII–XVIII веков. Сложность заключалась в том, что размер живописных полотен должен был соответствовать уже имеющимся гнездам, поэтому при монтаже картин в стены зала реставраторы были вынуждены либо надставлять живопись, либо заворачивать часть холста на подрамник, что, безусловно, нарушало композиционное и пространственное решение, задуманное автором произведения.

В частности, была утрачена картина итальянского живописца XVII столетия, ученика фламандского мастера Абрахама Янсена Никколо Реньери «Смерть Сафонизбы». Вместо нее была помещена картина Джованни Баттиста Ланджетти «Состязание Аполлона с Марсием»⁶, которую в 1958 году подарила музею М. В. Савостьянова. Атрибуцию полотна осуществила сотрудник Государственного Эрмитажа И. С. Артемьев в статье «Две версии самой успешной композиции Джамбаттисты Ланджетти – „Наказание Марсия“ („Аполлон и Марсий“) в собрании ГМЗ „Царское Село“» [7], в которой исследователь при установлении авторства опирается на формально-стилистический и компаративный анализ, позволяющие достаточно убедительно доказать принадлежность полотна кисти генуэзского мастера.

³ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-971-Х.

⁴ Опубликовано на сайте Аукционного дома Christie's: <https://www.christies.com/lot/lot-5391311/?intObjectID=5391311>

⁵ Например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 411. Оп. 3-1. Д. 21. Л. 7-8.

⁶ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-819-Х.

До войны в Картинном зале также находились две картины живописца болонской школы Латтанцио Майнарди – «Убиение Авеля» и «Поющий Орфей». Оба полотна были похищены в период оккупации города. «Эсфирий перед Артаксерксом» неизвестного художника XVII века венецианской школы⁷ поступила из музея Академии художеств в 1963 года и заняла место на северной стене Картинного зала вместо погибшего полотна «Убиение Авеля». При реставрации 1964 года перед монтажом нижняя часть картины шириной 25,0 см была заклеена бумагой и завернута на подрамник в соответствии с размером утраченного в годы войны холста⁸.

Очевиден высокий художественный уровень полотна – четко выверенное композиционное решение, идеализированная трактовка натуры, правильное построение светотеневых и цветовых отношений. Нет сомнений, что картина принадлежит кисти крупного итальянского художника. Исходя из специфики интерпретации образов, а также особенностей формального решения, можно выдвинуть предположение, что царскосельское полотно написано Антонио Беллуччи (1654–1726) – итальянским мастером, совмещавшим в своем творчестве принципы эстетики барокко и классицизма. Так, персонажи на полотне «Эсфирий перед Артаксерксом» встречаются и в иных работах художника. Например, изображенный на дальнем плане слева воин представлен и на «Аллегории юного правителя» из Баварских государственных собраний картин. Образ поддерживающей Эсфирий служанки можно увидеть и на полотне «Аллегория успешного правителя» (Баварские государственные собрания картин), и «Геркулес и Омфала» (Ка-Реццонико), и «Мир и справедливость» (Баварские государственные собрания картин). Очевидно, что Беллуччи писал вышеизванные полотна с одних натурщиков, изображенных на многих его картинах.

Не только повторение образов указывает на авторство Беллуччи. Царскосельское произведение обладает и иными характеристиками, свойственными манере художника. В частности, пирамидальный тип композиции, открытость художественной формы (следуя терминологии Г. Вельфлина), многоплановость, а также светотеневые контрасты как формообразующий прием – основные черты творчества А. Беллуччи, которыми обладает и полотно «Эсфирий перед Артаксерксом».

⁷ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-840-Х.

⁸ ГМЗ «Царское Село». Научный паспорт картины (инв. № ЕД-840). Составлен В. В. Лемус в 1978 г.

Вместо картины «Поющий Орфей» поместили полотно «Ревекка у колодца»⁹ неизвестного художника итальянской школы из запасников музея Академии художеств. При подготовке картины к установке в гнездо северной стены произведено дублирование холста с увеличением первоначальных размеров и записью дополнительной площади нейтральным тоном. Нижняя часть шириной (19,0 см) заклеена бумагой и завернута на подрамник¹⁰.

«Ревекка у колодца» и «Эсфирий перед Артаксерксом» поступили в коллекцию музея Академии художеств в 1935 году из Государственного Эрмитажа в плохом состоянии сохранности, однако в 1953 году были реставрированы¹¹ и гармонично дополнены живописный ансамбль Картинного зала.

Были утрачены и два полотна Габриэля Шпильберга «Римский всадник» и «Невеста» («Обручение»). На место первой из упомянутых картин в экспозицию помещено «Похищение сабинянок»¹², копия неизвестного художника с картины П. П. Рубенса. Произведение поступило в 1963 году также из музея Академии художеств, и в процессе реставрации края были дописаны; холст загнут по высоте¹³.

Атрибуция данной картины вызывает затруднения ввиду того, что работа практически идентична оригиналу Рубенса и выявить руку мастера весьма сложно. Возможно, автором является один из учеников или последователей фламандского художника, либо же ученик Академии художеств. Известно, например, что живописец Алексей Ильич Волков во время пенсионерской поездки в Италию присыпал в академию копии с картин Рубенса [8]. Автора царскосельского полотна еще предстоит выяснить.

Картина «Невеста» была заменена полотном голландского художника XVII столетия Гийсберт Сибиллы (1598–1655) «Посвящение Самуила»¹⁴ из собрания Государственного Эрмитажа. Полотно ранее находилось в Таврическом дворце на половине императора Александра I. Произведения Г. Сибиллы в российских музеях собраниях не представлены, что придает царскосельской картине несомненную ценность и важность. Действительно, художественное наследие мастера немногочисленно и является характерным примером голландской живописи начала XVII века, когда интерес представлял не столько душевный строй персонажей, сколько окружающая их обстановка.

⁹ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-841-Х.

¹⁰ ГМЗ «Царское Село». Научный паспорт картины (инв. № ЕД-841). Составлен В. В. Лемус в 1979 г.

¹¹ Консультация сотрудника Музея Академии художеств В. Т. Богдан.

¹² ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-844-Х.

¹³ Некогда копия произведения Рубенса находилась в собрании Гатчинского дворца.

¹⁴ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-972-Х.

Расположенная на картине внизу слева подпись художника не оставляет сомнений в авторстве и времени написания полотна: «Ghysbertus. J. Sibilla fecit / A° 1642» (илл. 2)¹⁵.

В экспозиции Картиного зала на северной и южной стенах до войны находились две картины известного голландского художника XVII в. Геркулеса Сегерса «Приморский вид». На их место были помещены произведения «Лесистый пейзаж»¹⁶ неизвестного художника австрийской школы, поступившие из Государственного Эрмитажа. Ранее полотна также находились в Таврическом дворце на половине императрицы Елизаветы Алексеевны.

Для южной стены музеем сотрудникам необходимо было подобрать восемь картин. Так, вместо утраченного натюрморта «Ваза с цветами» Карла ван Фогелара из фондов Екатерининского дворца-музея поместили «Натюрморт» Юстуса ван Хейсума – известного голландского живописца XVII–XVIII веков¹⁷. До 1941 года полотно находилось в Екатерининском дворце в библиотеке Марии Фёдоровны и было эвакуировано в Сарапул. При реставрации был создан новый подрамник, изготовленный по размеру гнезда. Картина дублировали, холст сверху и снизу завернули за подрамник. Царскосельское полотно является ярким образцом творчества ван Хейсума и является одним из шедевров коллекции живописи ГМЗ «Царское Село».

Вместо «Жертвоприношения Авраама» кисти Козимо Дадди Государственный Эрмитаж предоставил картину неизвестного мастера «Испытание огнем»¹⁸, размеры которой были также изменены при подготовке картины к размещению в Картином зале. Произведение было передано в Эрмитаж в 1931 году из ВХУТЕИНа, ранее – в коллекции Академии художеств. В издании «Екатерининский дворец-музей в Пушкине. Картиный зал» [5] авторы, исходя из специфики воплощения сюжета и художественной трактовки образов, выдвинули предположение, что автором полотна является представитель французской школы XVII века, а сюжет связан с мифами о Триптолеме – сыне элевсинского царя Келея и Метанире, герое мифов о богине Деметре. Так, Деметра пришла к царю Келею в Элевсин и принялась воспитывать младшего брата Триптолема Демофонта. Чтобы сделать его бессмертным, Деметра положила маленького Демофонта в огонь. Когда это увидела его мать, она подняла крик, но спасти Демофонта не удалось. На царскосельском

¹⁵ В инвентарных описях по сей день не совсем верно указано имя автора, а также неправильно определен период создания – XVIII век.

¹⁶ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-982-Х, ЕД-981-Х.

¹⁷ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-150-Х.

¹⁸ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-825-Х.

полотне изображена подготовка к испытанию – Деметра готовит костер, держа на руках Демофонта.

В годы войны было утрачено и полотно Яакова Восмаера «Вазы с цветами в нишах», находившееся над дверным проемом на южной стене. Вместо него из музея ЛВХГПУ имени В. И. Мухиной в собрание музея поступили панно-натюрморт «Вазы с фруктами и цветами»¹⁹ неизвестного художника XVII–XVIII веков. В 1963 году картины были реставрированы И. И. Пиккиевым. В соответствии с размерами гнезда утраченной картины два полотна были объединены общим дублировочным холстом с дополнением живописи между нишами, по верхнему и нижнему поясу.

На место находившейся до войны в интерьере картины «Моисей, избавляющий израильтянина» на стену помещено полотно «Чудо Моисея со змеями»²⁰ неизвестного художника школы Пьетро да Кортона из коллекции Государственного Эрмитажа, поступившее в собрание музея в 1931 году из ВХУТЕИНа. Автора данного произведения еще предстоит уточнить.

Вместо картины Франческо Курради «Лот с двумя дочерьми» – полотно итальянского художника Антонио Балестра «Юпитер и Антиопа»²¹ из Государственного Эрмитажа.

Было заменено и полотно Н. Росси «Иродиада с головой Иоанна Крестителя», которое после войны было найдено в Берлине. На его место поместили произведение А. Янсенса «Аллегория стихий»²². У картины Росси была утрачена половина холста, вследствие чего было принято решение оставить холст в фондах и вместо нее подобрать иное произведение, переданное Государственным Эрмитажем.

В инвентарных документах ГМЗ «Царское Село» принадлежность картины Янсенсу до сих пор не подтверждена и остается под вопросом. Тем не менее компаративный анализ царскосельского полотна с атрибутированными картинами фламандского мастера позволяет убедиться в авторстве Янсенса. Живописец нередко обращался к воплощению аллегорических сцен, а средства художественной выразительности, которыми он оперирует, свидетельствуют о продолжении традиций караваджизма – контраст светотени, крупный план, прямой взгляд персонажей на зрителя, натурализм. В пользу атрибуции царскосельского произведения Янсенсу выступает и тот факт, что на полотне «Аллегория стихий» изображен персонаж, встречающийся

¹⁹ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-857/1-Х.

²⁰ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-968-Х.

²¹ ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-969-Х.

²² ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-970-Х.

и в иных работах мастера. На первом плане справа представлена аллегория воды в виде седобородого старца, которого можно увидеть и в картине «Мир и изобилие связывают стрелы войны» из коллекции Художественной галереи Булверхэмптона. Помимо этого, полотна мастера отличаются достаточно крупными размерами, чему соответствует и произведение из Картичного зала. Аналогичным по сюжету и особенностям презентации образов является картина «Происхождение рога изобилия» 1619 года.

Вместо еще одной картины Николо Росси «Убиение Кандавла, царя Лидийского» поместили работу «Опьянение Ноя» кисти итальянского художника Л. Джордано¹, поступившую из фондов Государственного Эрмитажа. Ранее картина была атрибутирована как «Опьянение Вакха». Полотно передано в Эрмитаж из Антиквариата в 1931 году. Любопытно, что ранее картина находилась в Гатчинском дворце и приписывалась Аннибале Карраччи, несмотря на разность манеры и стиля.

Таким образом, в период оккупации г. Пушкина были утрачены живописные произведения крупных западноевропейских художников. Поступившие на замену полотна из коллекций советских музеев по уровню исполнения существенно уступают работам, первоначально украшавшим Картичный зал. Однако интерьер и ныне отличается гармоничностью, колористическим созвучием, несмотря на разность сюжетов и живописных школ.

Библиографический список

1. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
2. ЦГАЛИ СПб. Ф. 411. Оп. 3–1. Д. 8. Л. 76.
3. Вильчковский С. Н. Царское Село. – СПб. : Титул, 1992. – С. 107.
4. Лемус В. В. Научно-историческая справка о живописной коллекции Картичного зала Екатерининского дворца-музея. – 1971. – С. 29. – И nv. № 1197.
5. Lemus V., Lapina L. The Catherine Palace-Museum in Pushkin. Picture Hall. – Leningrad, 1990.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р. 387. Оп. 1. Д. 181. Л. 173.
7. Артемьевая И. С., Бардовская Л. В. Две версии самой успешной композиции Джамбаттисты Ланджетти – «Наказание Марсия» («Аполлон и Марсий») в собрании ГМЗ «Царское Село» // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2023. – № 65. – С. 13–25.
8. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1931 А.

¹ ГМЗ «Царское Село». И nv. № ЕД-980-Х.

Музыкальные инструменты – ветераны Великой Отечественной войны: принципы коллекционирования, хранения, реставрации и музицирования

В. В. Кошелев¹



Аннотация. В «Шереметевском дворце – Музее музыки» хранятся восемь музыкальных инструментов, в разное время звучавших на фронтах Великой Отечественной войны как в руках профессиональных музыкантов, так и простых солдат. Они звучали с тем, чтобы в короткое время отдохнуть позволяя солдатам «перенестись» в родные края, «встретиться» с близкими и, таким образом, собраться с духом перед боем. Поэтому мы считаем их ветеранами великой войны – боевыми инструментами. Однако ни один отечественный музей целенаправленно не коллекционирует их. Автор делится соображениями о принципах хранения боевых инструментов, каталогизации, экспонирования, реставрации и музицирования на них.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Шереметевский дворец, музыкальные инструменты – ветераны Великой Отечественной войны, коллекционирование, экспонирование, музицирование, история бытования.

Musical Instruments as Veterans of the Great Patriotic War: Principles of Collecting, Storing, Restoring and Playing

Summary. «The Sheremetev Palace – Museum of Music» in St. Petersburg houses eight musical instruments that were played on the front lines of the Great Patriotic War,

¹ Кошелев Владимир Васильевич, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства» («Шереметевский дворец»), Россия, 190023, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 34.

Koshelev Vladimir Vasilievich, Senior Researcher of the St. Petersburg State Museum of Theatrical and Musical Art (Sheremetev Palace), 191023, St. Petersburg, emb. Fontanka, 34.

both by professional musicians and ordinary soldiers. These instruments were used to provide soldiers with a short period of rest, allowing them to «transport» themselves back to their homes, «meet» with their loved ones, and regain their strength before returning to battle. Therefore, we consider these instruments to be veterans of the Great War, as they were used as weapons. However, no Russian museum has specifically collected these. The author shares his thoughts on the principles of storing, cataloging, exhibiting, restoring, and playing these musical instruments.

Keywords. *The Great Patriotic War, the Sheremetev Palace, musical instruments – veterans of the Great Patriotic War, collecting, exhibiting, playing music, and the history of their use.*

Музыкальный инструмент, звучавший в местах боевых действий в руках своего хозяина – солдата-музыканта или музыканта фронтовой бригады, волшебствовал: подобно гуслям старинной пословицы «думку за горы уносили, из-за гор приносили»². Звучание инструмента «уносило» солдата в родной дом, в круг дорогих людей, и наоборот – от них же «приносило» приветы, что давало ему немалые силы длить свой подвиг:

«Пой, гармоника, выюге назло,
Заплутавшее счастье зови ...»

Мы верим в это. Но каким образом нам, не защищавшим Отечество с оружием в руках, почувствовать такое взаимодействие? Можем ли мы закрепить его в некоей форме, сохранить, и тем более, передать потомкам?

Можем. Ведь речь идет о предметном мире – о музыкальных инструментах, совершивших упомянутое волшебство. Выскажемся на этот счет конкретнее.

Коллекционирование

Прежде всего, боевые (нарочито не берем это определение в кавычки) инструменты и все, что с ними связано (фото, легенды, истории бытования, биографии владельцев/музыкантов и т. п.) должны быть собраны – должны стать серьезным предметом коллекционирования музеиного (читай: «подчеркнуто государственного») уровня. Коллекционерский поиск названного толка по отношению к музыкальным инструментам сколько-нибудь целенаправленно никогда не велся (мы такой информацией не располагаем). Тем не менее, единичные экземпляры боевых инструментов встречаются в фондах некоторых музеев и в частных собраниях.

² «Гусли думку за горы уносят, из-за гор приносят».

Следовательно, на первый план выдвигается задача учета сохранившихся памятников – учета опыта (деятельности) предшественников.

Очевидно, что учет и ведение собственно коллекционерского поиска должны происходить параллельно. В отношении последнего заметим, что поиск станет продуктивным, если будет осуществляться в рамках специально финансируемой программы – будь то фольклорная экспедиция, учебный курс или приоритетное направление в пополнении фондов некоего избранного музея.

Сделаем еще одну, на наш взгляд наиважнейшую, remarque – коллекционирование боевых музыкальных инструментов возымет успех, став «делом жизни» конкретных личностей (как всегда – пресловутый «человеческий фактор»!).

Однако, что бы мы ни предпринимали, на нашем пути во всем своем величии обязательно будет являться главное препятствие – быстро протекшее со временем войны время. Комментарии к этому излишни...

Хранение

Сказать, что боевые инструменты должны храниться с великим тщанием – значит, все же, ничего не сказать. Но добавить можно. Они должны храниться (по мере возможностей) в государственных музеях и всегда на виду – в составе постоянных экспозиций с добротно составленными экспликациями.

Реставрация

При реставрации боевых инструментов, разумеется, следует придерживаться общепринятых норм реставрации памятников культуры, вообще хранящихся в музеях, но с двумя оговорками. Во-первых, конечную цель реставрации должно видеть в обретении инструментами голоса (если «раны» или износ не катастрофически серьезны). Во-вторых, в любом случае, следы «ранений», а в целом – следы пребывания на фронте должны быть бережно оставляемыми.

Музицирование

Здесь мы призываем подытожить главный потенциал того, что содержится в боевых музыкальных инструментах, а именно: их дух и ту первобытную способность музыкального инструмента «уносить» чувства человека и «приносить» ему ответные. Это значит, что боевые инструменты должны звучать в специальных концертных программах событийного характера. А уж говорить о необходимости записи их голосов на современные носители ... совсем тривиально.

Нам представляется, что в силу ряда известных причин самыми популярными и наиболее соответствующими фронтовому быту солдат были гармоника, баян и аккордеон. Сколько их звучало на передовой линии фронта? Никто специально не подсчитывал. Однако известно, что фабрикой «Красный партизан», выпускавшей инструменты специально для фронта, только

в 1944 году было поставлено 9 248 «хромок» и 93 баяна. Что касается гармоник «венка» выпуска «Красного партизана» 1931–1935 годов, то они сопровождали солдат всю войну.

В фондах «Музея музыки в Шереметевском дворце» (филиале Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства) хранится всего восемь боевых инструментов. Приведем краткую («отправную») информацию о них, начав с одной из тех легендарных «венок», о которых только что упоминали.

ГАРМОНИКА «венка» двухрядная, 35-клавишная (23 x 12); издает звуки разной высоты на сжим и разжим меха
Фабрика «Красный партизан», серийный № 941. Ленинград, 1931–1935
Габаритные размеры: 179 x 304 x 323 мм
1981, приобретена у А. М. Мирека в составе коллекции гармоник
Инв.: ГИК 16516/2391 А-1141 и-2989
В 1943–1944 годах побывала на фронте (илл. 1).

ГАРМОНИКА «саратовская» 15-клавишная (12 x 3), 2-колокольчиковая; издает звуки разной высоты на сжим и разжим меха
Мастер Г. Ф. Гвоздев. Саратов, начало 1920-х
Габаритные размеры: 188 x 244 x 332 мм
1981, приобретена у А. М. Мирека в составе коллекции гармоник
Инв.: ГИК 16516/2376 А-1126 и-2970
«В эту же поездку (в Поволжье. – В. К.) мне посчастливилось приобрести и саратовскую гармонику. С ней капитан Александр Михайлович Епифанов прошел фронтовыми дорогами от Волги до Эльбы: потрепала ее война. Правая сетка потерялась в одном из боев, и новая сделана из фронтового котелка...» [1], (илл. 2).

БАЯН портативный пятирядный 182-клавишный (72 x 90)
Мастер Буевич. Днепропетровск, 1926
Габаритные размеры: 327 x 355 x 182 мм
Инв.: ГИК 17207/9 А-1170
1981, приобретен у А. М. Мирека в составе коллекции гармоник
Принадлежал Н. И. Ризолю, который играл на нем в концертах в местах боевых действий 3-го Украинского фронта (илл. 3).

КВАРТЕТ гармоник «МОНОФОН» (две примы, альтовая и баритоновая) конструкции Я. Ф. Орланского-Титаренко

Мастер В. С. Самсонов. Ленинград, 1937
Инв.: ГИК 17249/84 А-1302 и-2856; 17249/85 А-1303 и-2857; 17249/83 А-1301 и-2855; 17754 А-1332

На этих монофонах квартет выступал «с концертными бригадами ... на ленинградском фронте в действующей армии (1940) ... В 1944 году квартет восстановлен и переведен в состав дивизионного ансамбля» [2], (илл. 4).

ФИСГАРМОНИЯ двухрегистровая 49-клавишная, F – f 3-й октавы
Мастер неизвестен. Россия(?), конец XIX – начало XX века.
Высота общая 890 мм; размеры корпуса: 732 x 267 x 272 мм
1981, приобретена у А. М. Мирека в составе коллекции гармоник
Инв.: ГИК 16516/2361 А-1112 и-2949
В 1941–1945 годах использовалась концертной бригадой музыкантов Московской консерватории в местах боевых действий (илл. 5).

КОЛОКОЛ оркестровый, in Es
Колокололитейный завод А. С. Лаврова. Гатчина, 1902
Габаритные размеры: 285 x 235 мм
1931, передача из Ленинградской государственной филармонии в составе комплекта из десяти колоколов
Инв.: И-1595
Во время Блокады Ленинграда колокол был выдан одной из команд ПВО. Передача инструмента из музея не была оформлена документально и актом от 30 декабря 1947 года колокол был исключен из музейного инвентаря как без вести пропавший³.

Экспозиционная ситуация музея складывалась так, что из всех боевых инструментов экспонировались один из монофонов, гармоника саратовская, гармоника «венка» и баян Н. И. Ризоля (см. о них выше). Со звучанием инструментов посетители музея могут ознакомиться пока только в отношении одного из монофонов.

Библиографический список

1. Мирек А. М. Тюремный реквием. Записки заключенного. М. : Права человека, 1997. С. 35.
2. Мирек А. М. Гармоника. Прошлое и настояще. Научно-историческая энциклопедическая книга. М. : Интерпракс, 1994. С. 338–339.

³ Архив Музея музыкальных инструментов. Папка № 19. Л. 5. Папка № 3. Л. 59 об.

Краеведческие музеи Ярославской области накануне и на первом этапе Великой Отечественной войны

Д. Е. Леонов¹



Аннотация. В статье представлен обзор работы краеведческих музеев Ярославской области накануне и на первом этапе Великой Отечественной войны, обозначены наиболее острые проблемы функционирования музеиных учреждений. Источниковой базой работы послужили документы из фондов Государственного архива Ярославской области.

Ключевые слова: музей, Ярославская область, Великая Отечественная война, памятники архитектуры, Ростовский кремль, Углич, Рыбинск.

Local History Museums of the Yaroslavl Region on the Eve of and during the First Stage of the Great Patriotic War

Summary. The article provides an overview of the work of local history museums in the Yaroslavl region on the eve of and during the first stage of the Great Patriotic War. The most pressing issue on the eve of the war was the lack of leadership from the Yaroslavl region, as well as a shortage of funds, personnel issues, and high staff turnover. During the war, these problems became even more acute. Many museum staff members were sent to the front. In August and September 1941, several museums were closed and ceased to operate with visitors. The museums began to reopen in May 1942. The heads and employees played a major role in their revival. The most pressing problems of the functioning of museum institutions are identified. The source base of the work was based on documents from the funds of the State Archive of the Yaroslavl Region.

¹ Леонов Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», Россия, 152150, Ярославская область, Ростов Великий, Кремль.

Leonov Dmitrij Evgenevich, kandidat istoricheskix nauk, starshijnauchnyj jsotrudnik, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Rostovskijkremli», Rossiya, 152150, Yaroslavskaya oblast', g. RostovVelikij, Kreml'.

Keywords: Museum, Yaroslavl Region, Great Patriotic War, architectural monuments, Rostov Kremlin, Uglich, Rybinsk.

9 мая 1945 года завершилась самая страшная война в истории нашей страны – Великая Отечественная. Считается, что ее история глубоко изучена. Однако до сих пор не все архивные документы введены в научный оборот: в особенности это утверждение справедливо для региональных архивохранилищ. Одним из малоизученных сюжетов является история краеведческих музеев Ярославской области. В фондах этих учреждений хранились уникальные памятники русской старины, под их контролем находились архитектурные ансамбли архиерейских домов и монастырей, здания XII–XVII веков.

История музеев Ярославской области, разумеется, уже становилась предметом изучения. В рамках общих работ этот вопрос начал затрагиваться уже в годы самой Великой Отечественной войны, и, тем более, в последующие годы [1, 2, 3, 4 и др.]. В рамках огромного количества публикаций, посвященных истории Ярославского края в годы войны, музеям также было уделено определенное внимание [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и др.]. Имеются и специальные работы, посвященные деятельности музеев Верхнего Поволжья [12]. Следует отметить статьи сотрудников Ростовского, Угличского, Ярославского и других музеев, посвященных истории их учреждений в 1941–1945 годах. [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и др.]. Однако множество вопросов, касающихся истории конкретных музеиных учреждений области, до сих пор не получили отражения на страницах имеющихся публикаций.

В настоящей работе дан обзор работы краеведческих музеев Ярославской области накануне и на первом этапе Великой Отечественной войны, обозначены наиболее острые проблемы функционирования музеиных учреждений. Источниковой базой работы послужили документы из фондов Государственного архива Ярославской области.

Накануне Великой Отечественной войны краеведческие музеи Ярославской области находились в ведении Отдела народного образования исполнкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся (ОблОНО), в составе которого имелся сектор политico-просветительной работы, состоявший из двух человек. Центральное руководство музеями РСФСР осуществляло Музейно-краеведческий отдел Управления политico-просветительной работы Наркомата просвещения (Наркомпрос), который возглавлял А. Д. Маневский.

На 1941 год на территории Ярославской области (включавшей в себя на тот момент и Костромскую область) в подчинении Наркомпроса состояло четырнадцать краеведческих музеев: Ярославский областной, Ярославский

областной антирелигиозный музей, Борисоглебский, Галичский, Костромской, Переславль-Залесский, Ростовский, Рыбинский, Солигаличский, Тутаевский, Угличский, Мышкинский, Чухломской районные музеи и Копринский сельский краеведческий музей [20, л. 10]. Несмотря на юридическое равенство, эти музеи очень сильно отличались друг от друга составом фондов, историей существования, финансированием, количеством сотрудников, экспозиционными площадями и др. Так, Ростовский музей был основан в 1883 году как Музей церковных древностей и размещался в зданиях бывшего архиерейского дома (Ростовского кремля). Его фонды насчитывали примерно 40 000 единиц хранения. В областном краеведческом музее насчитывалось более 71 тыс. экспонатов, в штате – 67 сотрудников [21]. В штате Борисоглебского районного краеведческого музея насчитывалось перед войной всего двое сотрудников, один из которых (директор) постоянно находился в командировках [22, л. 136–137]. В Мышиńskом музее в 1940 году работал всего один сотрудник (он же заведующий), помещения для музея выделено не было (вернее, он занимал «проходную комнату», а в соседней проживал «посторонний человек») [22, л. 158–159 об.].

Финансирование районных краеведческих музеев осуществлялось за счет местных бюджетов. В Ярославле, Переславле-Залесском, Ростове, Угличе и Рыбинске музеи имели право сдавать в аренду здания архитектурных памятников, находившиеся на их балансе, и тратить полученные средства на собственное развитие. Ростовский музей накануне и в годы войны вовсе не получал бюджетного финансирования, поскольку суммы арендной платы были существенными (около 100 000 рублей в год). Музеи, существовавшие только за счет бюджетных средств, жили беднее. В 1940 году Мышинский музей получил лишь 9 300 рублей вместо предполагаемых 17 000. Оклад его директора А. В. Сорокина, имевшего высшее образование, составлял 250 рублей [22, л. 158–159 об.]. Оклад директора Переславль-Залесского музея К. И. Иванова (образование среднее) в 1940 году составлял 450 рублей; доходы музея насчитывали 54 966 руб. 97 коп.; более 20 000 руб. были получены от сдачи в аренду музейных помещений [22, л. 133–151 об.].

По мере возможности музеи вели экспозиционно-выставочную, просветительную и научную работу. Ее интенсивность зависела от уровня квалификации кадров, финансирования, наличия помещений, поддержки со стороны руководства. В Рыбинском музее, расположенному на Волжской набережной, в экспозиции имелись «вводная часть», отделы природы, истории, соцстроительства, «школьная комната» (экспозиция для иллюстрации школьной программы). Все отделы, как отмечал директор Н. Н. Раввин в своем отчете, были «насыщены антирелигиозным содержанием». В музее работали трое

научных сотрудников: Г. В. Лесовик, М. В. Ринаров, И. П. Белов. Каждый из них заведовал каким-либо отделом. Их оклад составлял триста рублей. За 1940 год музей принял 36 917 посетителей, было проведено 246 экскурсий, 196 лекций и 62 экскурсии в астрономическую обсерваторию. Фонды музея пополнились на 2 937 единиц. Имелись и существенные недостатки в работе музея: не хватало финансирования, не было помещений для временных выставок и чтения лекций. Часть здания музея занимали квартиры, общежитие грузчиков, гараж, ледник больницы им. Пирогова [22, л. 152–157 об.]. В отчете Н. Н. Раввина отмечено слабое руководство музеями со стороны ОблОНО, выражавшееся лишь в проведении обследований.

В тяжелом положении перед войной находился один из старейших музеев региона – Угличский. Его помещения (Спасо-Преображенский собор, церковь Димитрия на Крови, Дворец угличских князей) не отапливались, крыша «беспрепятственно пропускала воду», в холодное время года музей был закрыт. В ужасающем состоянии находились его фонды: «раскиданы всюду». Библиотека и коллекция рукописей страдали от сырости и плесени, памятники архитектуры, находившиеся частично в руках арендаторов, продолжали разрушаться [22, л. 125–135].

Среди районных музеев видное место занимал Переславль-Залесский музей. Его директор – историк и краевед К. И. Иванов – проводил серьезную научную работу, создал историческую экспозицию, состоявшую из девятнадцати залов, в 1937 году открыл для посетителей Спасо-Преображенский собор (XII век), а в 1940 году – Троицкий собор Данилова монастыря (XVI век) с фресками Гурия Никитина. Музей занимался археологическими раскопками, реставрировал памятники архитектуры и древнерусского искусства, его сотрудники создавали научные и научно-популярные публикации, готовили выставки, выступали с лекциями по радио. По уровню работы Переславский музей приближался к Ярославскому областному краеведческому музею [22, л. 133–151]. Ростовский краеведческий музей также накануне войны проводил большую работу: усовершенствовал имеющиеся экспозиции, его сотрудники публиковали статьи и заметки в местной печати, участвовали в радиопередачах [22, л. 120–124].

Серьезной проблемой, которую центральная власть осознала еще до войны, было плачевное состояние памятников архитектуры, находившихся под надзором краеведческих музеев. Так, старший инспектор по охране памятников Музейно-краеведческого отдела НКП РСФСР Пономаренко 25 июня 1939 года сообщал руководителю отдела о состоянии Ростовского кремля, что внешний его вид «запущен и производит неутешительное впечатление». Кровля зданий была покрыта ржавчиной, частично сорвана ветром, окна

выбиты, фасады требовали ремонта, территория «загажена» и нуждалась в очистке и благоустройстве. Хотя в такое состояние здания XVI–XVII веков привели арендаторы, виноват оказался музей, получавший от арендаторов ежегодно более 90 000 рублей и тративший эти средства «не по назначению» [23, л. 74–74 об.]. В не менее плачевном состоянии находились памятники Ярославля и Борисоглебских слобод. В 1939–1940 годах под давлением со стороны центрального руководства Ярославская область приняла некоторые меры к сохранению древней архитектуры: был сделан выговор директору Ростовского музея, начались ремонтные работы в Угличе (их не успели завершить из-за начавшейся войны), Облисполком принял решение от 20 сентября 1940 г. № 1459 «О состоянии дела охраны памятников революции, истории, культуры, искусства». В нем признавалось, что большинство памятников находятся в «неудовлетворительном состоянии», используются «под склады, гаражи, квартиры»; ответственность за это положение возлагалась на ОблОНО и Областной отдел по делам искусств. До 1 января 1941 года было необходимо провести паспортизацию памятников, подготовить их к осеннему-зимнему периоду, провести реставрацию в 1941 году, а к 1 июля 1941 года выселить из них склады, гаражи, жильцов [23, л. 77–78]. Документы показывают, что это решение так и не было приведено в исполнение.

В целом, накануне Великой Отечественной войны все находившиеся в подчинении политico-просветительного сектора Ярославского ОблОНО учреждения (библиотеки, избы-читальни, краеведческие музеи) были не в лучшем положении. Слабое финансирование, задержки зарплат, неукомплектованность кадрами, высокий уровень текучести кадров – вот неполный список тех недостатков, которые были характерны для этой системы перед Великой Отечественной войной [24, л. 6].

С началом войны все перечисленные проблемы обострились. Финансирование стало еще более скучным, военнообязанные сотрудники ушли на фронт. Те, кто остался, продолжали работу в рамках имеющихся ограниченных ресурсов. Ряд музеев лишился своих зданий или был вынужден свернуть или сократить до минимума экспозиции (Ярославль, Ростов, Рыбинск, Кострома). Приближение линии фронта к Москве в 1941 году заставило музеи задуматься об эвакуации на восток, но серьезных ресурсов для этого не было. Ярославскому областному музею удалось эвакуировать часть предметов в Галич (их часть при этом была утеряна) [25, л. 7, 49–50]. Рыбинский и Ростовский музеи упаковали наиболее ценные экспонаты, подготовив их к возможной эвакуации. Летом и в начале осени 1941 года ряд ценных предметов из драгоценных металлов был передан музеями в пользу Госбанка. В Государственном архиве Ярославской области сохранился акт от 26 июля

1941 года, по которому Рыбинское отделение Госбанка получало от краеведческого музея девятнадцать предметов (ризы с икон, кресты, кадило и т. п.) [22, л. 112–118].

Ростовский, Рыбинский, Костромской, Галичский, Тутаевский и некоторые другие музеи перестали работать с посетителями и в августе – начале сентября 1941 г. были «законсервированы». Здание музея в Рыбинске, Самуилов корпус в Ростове перешли в военное ведомство. Н. Н. Раввин – директор Рыбинского музея – в отчете за 1941 год сообщал, что все научные сотрудники музея отправились на фронт, финансирование урезано до минимума, в штате остались двое – директор и сторож. Помещение музея использовалось как эвакопункт для гражданского населения, а затем – как пересыльный пункт горрайвоенкомата. Директор сообщал, что здание музея к 1942 году было «приведено в исключительно безобразное состояние»: «уборные испорчены, краны вывернуты и похищены, водопровод и канализация испорчены, вокруг здания образовалась сплошная уборная, штукатурка внутри здания во многих местах отбита, потолки закопчены, полы … обезображенны до крайности. На фоновых комнатах находящихся в зоне данного помещения сбивались замки, однако хищений не обнаружено» [22, л. 112–118].

При закрытии музеев «имело место пренебрежительное отношение к сохранности музейных коллекций». Предоставленные под хранение помещения чаще всего не отвечали элементарным требованиям, были неотапливаемыми, сырьими. При закрытии Тутаевского музея ряд предметов был передан в Ярославский областной музей, однако многие экспонаты остались на месте. В декабре 1941 года при проверке фондов Тутаевского музея, расположавшихся в сырьем помещении с выбитыми стеклами, была обнаружена серьезная недостача; оставшиеся вещи хранились в «ужасных условиях», разбросанные по полу; архив помещика Мамонова был свален на полу, фотографии и документы подмочены [25, л. 43]. В ряде музеев в первый год войны произошли хищения. Они были зафиксированы в Рыбинске, Борисоглебских слободах, Ярославле. В Борисоглебском музее из алтаря Сретенской церкви, в которой одновременно располагался склад льноволокна, пропали предметы из фонда драгметаллов: помещение не закрывалось, за сохранность никто не отвечал [25, л. 2].

Угличский музей с начала войны никаких указаний о работе «не получал», поэтому продолжал свою деятельность в крайне тяжелых условиях. С июля 1941 года его возглавляла А. И. Житова; помимо нее, в конце 1941 года в музее работали еще четверо: художник-реставратор, научный сотрудник, «наблюдатель» и счетовод. Отчеты директора написаны от руки, с большим количеством орфографических ошибок. Директор сообщала, что все

помещения музея не отапливались: лишь в одной комнате была поставлена «круглая железная печь», «почти не дающая тепла»: около нее работали в шубах, шапках и валяной обуви. В 1941 году в подклете церкви Димитрия на Крови работала экспозиция об Отечественной войне 1812 года. По-прежнему остро стояли проблемы хранения: по словам директора, библиотека имела «жуткий вид»: половина книг была покрыта плесенью, инвентарные книги не вились [25, л. 106–109].

После победы Красной армии под Москвой и ликвидации угрозы оккупации музеи Ярославской области постепенно начали восстанавливаться. Как свидетельствует документация, с осени 1941 по весну 1942 года музейно-краеведческий отдел Наркомпроса не присыпал в Ярославскую область указаний. На одном из документов, отправленных в область в сентябре 1941 года, был указан новый адрес Наркомпроса – г. Киров Областной, ул. Большевиков, д. 43 [20, л. 9]. 20 апреля 1942 года от имени заместителя наркома просвещения Титкова было получено письмо с указанием исполнить приказ от 13.09.1941: в соответствии с ним должна была быть проведена проверка состояния музеиных фондов и обеспечена их полная сохранность. Требовалось провести сплошную или выборочную проверку, акты выслать в Наркомпрос, а также представить списки руководящего и научного состава музеев [26, л. 62]. Передать эти сведения было нужно до 10 мая 1942 года, однако эта работа не была завершена даже в 1944 году: выполнять приказ было некому.

Согласно списку музеев Ярославской области за 1941 год, составленному, вероятно, в начале 1942 года, на территории области существовало и работало восемь краеведческих музеев: Ярославский, Ростовский, Переславский, Чухломской, Рыбинский, Костромской, Угличский и Борисоглебский. Прочие музеи не работали по разным причинам. В оставшихся музеях штаты состояли из нескольких человек. В Рыбинском трудились трое; в Чухломском и Костромском было по одному сотруднику [22, л. 105 а].

Несмотря на столь тяжелое положение, некоторые закрытые в 1941 году музеи сумели открыть для посетителей свои двери уже в мае 1942 года. С 25 мая работал Борисоглебский музей: в нем был «обновлен и развернут» исторический отдел, а в июне открылась выставка «Отечественная война 1941–1942 года», занимавшая один зал [22, л. 74]. В начале мая 1942 года был вновь открыт Рыбинский музей: его экспозиция стала постепенно восстанавливаться, и с самого начала внимание было уделено текущим событиям.

8 июня 1942 года начальник Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР А. Д. Маневский совместно с директором НИИ краеведческой и музейной работы И. П. Кряжином опубликовали обращение ко «всем му-

зеям Наркомпроса РСФСР» с призывом собирать вещественные и документальные свидетельства Великой Отечественной войны, создавать выставки и экспозиции [27, с. 1–3]. За эту работу взялись Переславль-Залесский, Угличский, Рыбинский, Ярославский областной музеи. Так, директор Угличского музея Житова к 20 июля 1942 года запланировала открыть в Спасо-Преображенском соборе отдел «Военное прошлое и настоящее русского народа», где показать «героику прошлого и настоящего» [22, л. 79–80 об.]. Переславский музей 1 мая 1942 года открыл выставку «Великая Отечественная война в плакатах», а к 22 июня 1942 года была открыта выставка «Современная Отечественная война в цветных плакатах и окнах ТАСС» [22, л. 83]. Работа по комплектованию фондов предметами о войне велась музеями на протяжении всех последующих лет. Выставки сопровождались экскурсиями, лекциями, выступлениями по радио.

Успехи на фронте, события коренного перелома войны позитивно отразились и на музеях Ярославской области. К началу 1943 года, согласно отчетам, активная работа велась в Ярославском областном, Рыбинском, Угличском, Переславском, Борисоглебском музеях. Появился директор в Копринском районном краеведческом музее. Угличский музей возглавил новый директор – бывший научный сотрудник Б. А. Дмитриев. Еще в 1942 году он прислал в ОблОНО развернутый и грамотно выстроенный план новых выставок «Угличский край в Великой Отечественной войне» и «Угличский край в архитектуре, керамике и резьбе по дереву» [22, л. 75–77]. В Рыбинском музее в 1943 году трудились уже восемь сотрудников, среди которых трое – научные (включая директора) [22, л. 87]. Единственным музеем, который не включился в общую работу в 1942–1943 годах, остался Ростовский: в октябре 1943 года его директор В. Лебедева докладывала в рукописном отчете, что «производственного плана на 1943 г. в музее не было», так как «музей с 1941 г. находится на консервации». За весь 1943 год в музее было 95 посетителей, из них 55 военных, проведено было лишь семь экскурсий (это при наличии уникальных памятников XVII века) [22, л. 1–1 об.].

Таким образом, несмотря на крайне сложное положение, в котором существовали краеведческие музеи перед войной и на первом ее этапе, большинство учреждений пережило трудности и включилось в работу уже в 1942 году. Важную роль в возрождении музеев сыграли прежде всего их руководители и сотрудники.

Библиографический список

1. Работа музеев РСФСР в условиях военного времени / сост. К. А Врочинская, М. Ф. Комарова. – М. : Б. и., 1942. – 24 с.
2. *Максакова Л. В.* В рядах воюющего народа (Из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М. : Мысль, 1965. – 310 с.
3. *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. – М. : Наука, 1977. – 343 с.
4. *Лупало И. Г.* Деятельность советских музеев исторического профиля по военно-патриотическому воспитанию трудящихся. 1941–1977 гг. – Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982. – 210 с.
5. Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. – Ярославль : Ярославское книжное изд-во, 1960. – 450 с.
6. «Была война...»: сборник документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 55-летнему юбилею Великой Победы посвящается / сост. А. Е. Виденеева, Е. В. Рогушкина и др.; ГМЗ «Ростовский кремль». – Ростов, 2001. – 368 с.
7. Прифронтовая полоса: Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник статей, документов и материалов / ред. О. В. Кузнецова. – Ярославль : Нюанс, 2005. – 175 с.
8. Рыбинск и рыбинцы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : документальный сборник / ред. Н. В. Бородулина и др. Рыбинск : Рыбинск-Михайлов посад, 2005. – 415 с.
9. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны / сост. Г. Казаринова, О. Кузнецова. – Ярославль : Индиго, 2010. – 399 с.
10. *Александрова М. В., Кербиков М. Д.* Великая Отечественная война и Ярославский край / ред. В. В. Горошников. – Рыбинск : Медиарост, 2015. – 224 с.
11. Имена и даты. Культурная жизнь города Ярославля в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Государственный архив Ярославской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/184/> (дата обращения: 22.09.2025).
12. *Александрова Л. К.* Провинциальные музеи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона России. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук; Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2003. – 28 с.
13. *Ким Е. В.* К истории картинной галереи Ростовского музея. 1930 – 40-е годы. По материалам музейного архива // История и культура Ростовской земли. Материалы научной конференции. – Ростов, 2000. – С. 260–267.
14. *Ким Е. В.* Ростовский краеведческий музей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rostmuseum.ru/museum/blog/rostovskiy-kraevedcheskiy-muzey-1941-1945/> (дата обращения: 20.09.2025).
15. *Киселев А. В.* Выставки Ростовского музея, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: краткий обзор // История и культура Ростовской земли. Материалы научной конференции. – Ростов, 2006. – С. 30–47.
16. *Колганова В.* Угличский музей в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://uglmus.ru/about/publics/muzeyvov/> (дата обращения: 20.09.2025).
17. *Мельник Л. Ю.* К истории Борисоглебского музея // Сообщения Ростовского музея; Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник – Вып. 1. – Ростов, 1991. – С. 120–131.
18. Музей в годы войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rybmuseum.ru/ru/sobytiya/80-let-velikoj-pobedy/geroi-muzey-v-gody-voyny-2020> (дата обращения: 20.09.2025).
19. *Рязанцев Н. П., Салова Ю. Г.* Ярославский художественный музей в 1930–1960 гг. // Музей – памятник – наследие. – 2017. – № 2. – С. 105–119 [Электронный ресурс]. – URL: <https://museumstudy.ru/wp-content/uploads/2017/11/Bonami-1.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
20. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 53.
21. *Кузнецова О. В.* Ярославский краеведческий музей в годы войны // Ярославская википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://yarwiki.ru/article/2864/yaroslavskij-kraevedcheskij-muzej-v-gody-vojny> (дата обращения: 12.09.2025)
22. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 25.
23. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 31.
24. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 3.
25. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 67.
26. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 4. Д. 52.
27. *Маневский А. Д., Кряжин И. П.* О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны / Нар. ком. просвещения РСФСР, НИИ краевед. и музейной работы. – М., 1942. – 3 с.

Бытование исторических зданий и мемориального парка на территории Музея-заповедника «Абрамцево» в период дислокации там военных госпиталей (ППГ 670, ЭГ 2898) в годы Великой Отечественной войны

Н. В. Малашина¹



Аннотация. В статье рассматриваются вопросы бытования и сохранности исторических зданий и мемориального парка подмосковной усадьбы Абрамцево (современная территория Музея-заповедника «Абрамцево») в годы Великой Отечественной войны. В период нахождения в Абрамцеве военных госпиталей – полевого подвижного госпиталя № 670 (ППГ 670) и эвакогоспитала № 2898 (ЭГ 2898) все здания усадьбы использовались этими медицинскими учреждениями для своих нужд. На основании архивных документов и воспоминаний очевидцев предпринята попытка проанализировать назначение и режим использования музейных зданий и парка в 1941–1945 годах и связанные с этим проблемы сохранности мемориальных объектов.

Ключевые слова: Музей-заповедник «Абрамцево», Великая Отечественная война, полевой подвижной госпиталь № 670, эвакогоспиталь № 2898.

¹ Малашина Наталья Викторовна, старший научный сотрудник ГИХИЛ Музей-заповедник «Абрамцево», Россия, 141352, Московская область, с. Абрамцево, Музейная ул., 1.

Malashina Natalya Viktorovna, Senior Researcher of the Abramtsevo State Historical, Artistic, and Literary Museum-Reserve, Russia, 141352, Moscow Region, Abramtsevo, Museum Street, 1.

Historical buildings and a memorial park on the territory of the Abramtsevo Museum-Reserve when military hospitals were located there (MFH 670, EH 2898) during the Great Patriotic War

Summary. The article discusses the existence and preservation of the historical buildings and memorial park of the Abramtsevo estate near Moscow (the current territory of the Abramtsevo Museum-Reserve) during the Great Patriotic War. When military hospitals were located in Abramtsevo, including Mobile Field Hospital No. 670 (MFH 670) and Evacuation Hospital No. 2898 (EH 2898), all the buildings of the estate were used by these medical institutions for their own purposes. Based on archival documents and eyewitness accounts, this article attempts to analyze the purpose and use of the museum buildings and park during the years 1941–1945, as well as the related issues of preserving memorial sites.

Keywords: Abramtsevo Museum-Reserve, Great Patriotic War, Mobile Field Hospital № 670, Evacuation Hospital № 2898.

Подмосковная усадьба Абрамцево тесно связана с именами Аксаковых и Мамонтовых, живших здесь в XIX – начале XX века. Эти семьи оставили глубокий культурный след в истории места. Облик и предназначение Абрамцева претерпевали немало трансформаций как естественных и постепенных, вызванных изменениями обстоятельств жизни владельцев, так и резких, продиктованных велениями времени и драматическими историческими событиями.

Архитектурный ансамбль усадьбы складывался на протяжении XVIII–XX веков. Классический вид небольшого помещичьего имения, какой имело Абрамцево со второй половины XVIII века после возведения Главного усадебного дома, просуществовал до 1870-х годов. Расцвет Абрамцева как дворянской «подмосковной» усадьбы пришелся на бытность там семьи писателя С. Т. Аксакова в 1840–1850-е годы. Эта абрамцевская страница сменилась плавным переходом дворянского гнезда Аксаковых в дачное, по сути, имение Мамонтовых с новыми постройками и новыми чертами быта.

В 1870 году в Абрамцеве поселился железнодорожный промышленник и меценат С. И. Мамонтов, основатель и вдохновитель Абрамцевского художественного кружка. При Мамонтовых на территории усадьбы появились новые постройки: Баня-теремок, Студия-мастерская, церковь Спаса Нерукотворного, беседка «Избушка на куриных ножках», Поленовская дача и др., придавшие совершенно иной облик старинному имению. Формирование основного комплекса зданий абрамцевской усадьбы закончилось уже

в советское время строительством на ее территории каменного корпуса санатория в 1938 году.

10 октября 1918 года национализированное имение Мамонтовых получило статус Музея-усадьбы «Абрамцево». В 1932 году на территории усадьбы был организован дом отдыха для работников искусства, доступ для посетителей был закрыт. Это время бытования усадьбы связано с именами отдыхавших и живших здесь многих известных советских деятелей искусства. В 1938 году абрамцевский дом отдыха был преобразован в нервно-соматический санаторий для работников начальной и средней школы. При нем действовал музей, которым заведовал Л. П. Смирнов. С началом Великой Отечественной войны (1941–1945) все музейные коллекции были вывезены в Загорский музей-заповедник. В усадьбе разместились военные госпитали.

После Великой Отечественной войны, в 1947 году, музей, находившийся в подчинении Института истории искусств АН СССР, возобновил свою работу. В то время из Загорского музея в Абрамцево были возвращены 1 375 экспонатов. Хранителем нового музея в 1948 году был назначен В. С. Мамонтов, младший сын Мамонтовых.

В 1971 году в музее, в бывшем лечебном корпусе санатория (1938), появился отдел «Советские художники в Абрамцеве» (в настоящее время – экспозиция «Русские художники XX века в Абрамцеве»). С 1977 года музей стал занимать всю территорию усадьбы и получил современное название – Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево».

В 1989 году музею-заповеднику были переданы объекты и земля дома отдыха «Абрамцево» (бывшего «Культурного поселка» Мамонтовых). В 1995 году музей-заповедник получил статус объекта исторического и культурного наследия федерального значения [1].

В настоящем сообщении речь пойдет о наиболее сложном периоде существования усадьбы – о годах Великой Отечественной войны, связанных с высочайшей нагрузкой на исторические объекты, находившиеся на ее территории. Материалы доклада основаны на сведениях, полученных автором в результате работы над книгой «Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. ППГ 670, ЭГ 2898», изданной Музеем-заповедником «Абрамцево» в 2025 году.

Традиции выхаживания раненых в боевых действиях солдат и офицеров зародились в Абрамцеве еще в начале XX века, когда сначала Елизавета Григорьевна, а затем Александра Саввишна Мамонтовы в годы Русско-японской и Первой мировой войн организовали в усадьбе лазареты для раненых

на 12–15 пациентов, размещая их непосредственно в Главном усадебном доме и в Поленовской даче. Во время Великой Отечественной войны уже 20 июля 1941 года Центральным управлением домами отдыха и санаториями ВЦСПС на базе санатория «Абрамцево» был развернут эвакогоспиталь № 2898 [2]. С 20 октября по 24 декабря 1941 года [2] этот госпиталь находился в эвакуации в Туркменской ССР. В этот период в Абрамцеве разместился полевой подвижной госпиталь № 670. ППГ 670, сформированный в Томске, на момент дислокации в Абрамцеве находился в составе 16-й армии Западного фронта, оказавшись практически в эпицентре битвы за Москву. ППГ 670 работал на территории санатория «Абрамцево» с 24 ноября по 13 декабря 1941 года [3].

Госпиталем № 670 в Абрамцеве по стандартной схеме были развернуты приемно-сортировочное отделение, операционная, перевязочная, анаэробное, хирургические и эвакуационное отделения. Госпиталь был рассчитан на двести штатных коек. Однако с 28 ноября по 5 декабря – в период Яхромского сражения под Москвой – госпиталь фактически выполнял функции сортировочного пункта и медсанбата [4, л. 8, 9]. Раненых в Абрамцево тогда везли на всех возможных видах транспорта.

По отчету госпиталя, лишь за один пиковый день 6 декабря 1941 года в ППГ 670 поступило 1 356 человек. Из них оставлено на этот день в госпитале – 1 221 человек. На дальнейшее лечение были оставлены 74 лежачих и восемнадцать сидячих раненых. Умерло восемь человек [4, л. 119].

По воспоминаниям медсестры госпиталя И. Н. Евграфовой и других очевидцев, в абрамцевском госпитале предоперационная комната находилась в зале с печью-лежанкой Врубеля. Под операционные приспособили Пейзажный зал и Красную гостиную Главного дома. Дом в то время так и называли – «оперблок». В комнате Гоголя в мезонине была аптека. В других помещениях мезонина и оставшихся комнатах первого этажа находился лазарет. Всех раненых размещали на двухэтажных нарах. Нетранспортабельные раненые лежали в палатах в каменном здании санатория. Там же располагались приемно-сортировочное и эвакуационное отделения, перевязочная, подсобные помещения. Столовая находилась в Театральном зале Главного дома. На территории дома отдыха «Абрамцево» («Культурный поселок») стояла полевая кухня. Свободных зданий и помещений не было, все использовалось для нужд госпиталя. Сотрудники лечебницы жили в деревянном корпусе возле ворот нынешнего музея (на месте здания Людской) и в других зданиях усадьбы. Для бесперебойной работы и освещения оперблока под горой, у реки Вори, был установлен электродвигатель. Палаты и другие службы госпиталя освещались керосиновыми лампами – «коптилками».

В палатах на одну медсестру приходилось восемьдесят раненых. В обязанности медсестер и санитаров входили обработка ран, перевязки, проведение различных процедур, раздача лекарств и пищи, кормление тяжелораненых. Одной из обязанностей было также обеспечивать курящих раненых цигарками с махоркой – «козьими ножками», которые надо было скрутить и зажечь при помощи фитиля и кремня, немного раскурить. От постоянного раскуривания «козьих ножек» у девушек-медсестер кружилась голова.

Из эвакуационного отделения ППГ 670 раненых, которым предстояло долечиваться, отправляли в эвакогоспитали. Их везли на железнодорожную станцию Хотьково или остановку «57 километр», там грузили в санитарные поезда и отправляли в тыл.

Полевой подвижной госпиталь № 670, в необычайно сложный период войны с 24 ноября по 13 декабря 1941 года действовавший одновременно и как сортировочно-эвакуационный пункт, пропустил через себя без малого 3 000 раненых и больных красноармейцев и офицеров. Большая часть этих людей – 1 830 человек [4, л. 119] – была эвакуирована в эвакогоспитали. 1 114 человек за эти дни были прооперированы или прошли лечение непосредственно в ППГ 670 в Абрамцеве [4, л. 119]. 37 красноармейцев скончались в госпитале [5].

После ухода полевого 670-го госпиталя эвакогоспиталь № 2 898 вернулся из эвакуации и вновь был развернут в Абрамцеве с 18 января 1942 года, получив специализацию: лечение раненых в конечности. Расформирован ЭГ 2898 был в октябре 1945 года [2].

В первые недели развертывания эвакогоспиталь испытывал большие трудности. Стоял суровый январь 1942 года, необходимо было налаживать отопление, электро- и водоснабжение, канализацию. Начальник госпиталя в докладных записках в вышестоящие органы сетовал, что «все помещения пищеблока в связи с эвакуацией госпиталя и размещением на период эвакуации ППГ 670 были разорены. Отопление заморожено, голландские печи разрушены, плита требовала капитального ремонта. Столовая загрязнена» [6].

Однако в ноябре 1941 года, в период нахождения в Абрамцеве, полевой госпиталь № 670 испытывал те же трудности. В записях начальника госпиталя было сказано, что «помещения для работы госпиталя <...> требовали значительной реставрации отопления, ремонта электросети и налаживания центрального газового отопления» [12, с. 2]. То есть за короткий период (около месяца) между отъездом ЭГ 2898 и развертыванием ППГ 670 в Абрамцеве инфраструктура и коммуникации бывшего санатория полностью или частично вышли из строя. Уже 1 февраля 1942 года в ЭГ 2898 полностью были восстановлены паровое отопление, канализация и электричество.

Изначально, по плану, в феврале 1942 года в госпитале должно было быть триста штатных коек. Фактически было развернуто 360 коек [2, л. 435]. На 1 ноября 1943 года в госпитале по плану было триста коек [2].

На территории усадьбы Абрамцево основные службы эвакогоспитала располагались в целом так же, как и во время работы госпиталя № 670, с небольшими изменениями. Очевидцы отмечали, что абсолютно все здания и помещения усадьбы использовались госпиталем.

Операционная и предоперационная находились в Красной гостиной и Пейзажном зале, позднее операционная была перенесена в одно из помещений мезонина Главного усадебного дома. В других помещениях Главного дома располагался лазарет для ходячих раненых, столовая (Театральный зал). Еще три столовые (в том числе одна для сотрудников) находились на территории санатория («Культурного поселка») [8]. Там же была открыта библиотека с ленинской комнатой (илл. 1).

В каменном здании санатория (Отдел «Абрамцево. Искусство XX века») – лечебном корпусе – находились аптека, лаборатория, зубной кабинет, рентген-кабинет, перевязочная, моечная, стационар. В этом же здании был оборудован полноценный физиокабинет, кабинет лечебной физкультуры.

В здании Студии-мастерской на всем протяжении существования госпиталя функционировала почта.

В абрамцевской церкви располагался склад обмундирования, а также морг, так называемая «мертвецкая». Из всего убранства храма в иконостасе всю войну находилась единственная икона святителя Николая Мирликийского работы Н. В. Неврева (1882). Всех умерших пациентов госпиталя хоронили в соседнем поселке Хотьково, на кладбище в Кооперативном переулке.

Госпитальная кухня и пекарня находились в деревянных корпусах санатория. На кухне было подведено электричество, водопровод, канализация. Все скоропортящиеся продукты хранились в леднике (в настоящий момент – служебное помещение Музея-заповедника), забитом снегом. Остальные припасы – на продовольственном складе площадью 66 кв. м. (местонахождение не установлено).

В летнее время территория абрамцевского парка использовалась для реабилитации пациентов госпиталя. На лужайке между Баней-теремком и Главным домом была оборудована волейбольная площадка, выздоравливающие совершали пешие прогулки, играли в футбол, городки [6, л. 301]. В палатах и на свежем воздухе с ранеными проводили занятия лечебной физкультурой (илл. 2).

Электроснабжение госпиталя осуществлялось при помощи генератора переменного тока 25 НР, работавшего на дизельном топливе. «Электростанция» находилась в одной из деревянных построек вблизи реки Вори.

Сотрудники госпиталя и их семьи жили в деревянном двухэтажном здании на месте бывшей «людейской» («дача № 8»), в Поленовской даче, в Теремке и других постройках на территории усадьбы. Главврач госпиталя жил в Бане-теремке, одинаково близко и к лечебному корпусу, и к операционной. Там же проживал и рентгенолог. На третьем этаже каменного здания санатория (Отдел «Абрамцево. Искусство XX века») была комната медсестер, ее в шутку называли «голубятня». Медсестры жили также в Поленовской даче.

У абрамцевского госпиталя было обширное подсобное хозяйство – «наследство» предшествовавшего ему санатория: огород, сад, ягодники, парники, овоцехранилище, скотный двор, конюшня и птичники. Сотрудники подсобного хозяйства жили в деревянных домах вдоль шоссе, ведущего к поселку Художников.

В абрамцевском госпитале за годы войны так и не появилось обязательное для таких учреждений герметизированное газо- и бомбоубежище с оперблоком. Не было и простого бомбоубежища – только щель полевого типа на сто человек. Ни времени, ни средств для оборудования укрытий не хватало [9, л. 92]. Специальная маскировка зданий также отсутствовала [9, л. 87]. В условиях постоянных налетов немецкой авиации в 1941–1942 годов госпиталь был практически беззащитен, и только чудо вкупе с блестящей работой зенитчиков и советских летчиков уберегло пациентов и сотрудников госпиталя от прямых попаданий.

Вот как выглядел отчет об устройстве эвакогоспитала 2898 от 4 июня 1942 года:

«Коечный фонд госпиталя – 7 зданий; из них 5 на 24–60 коек (деревянные дачные утепленные строения); одно двухэтажное здание на 120 коек и трехэтажное каменное здание. Последние заняты, в основном, санпропускником, физиотерапевтическим отделением и некоторыми лечебными и диагностическими кабинетами (зубоврачебный, лечебной физкультуры, рентген-кабинет, лаборатория). Свободные комнаты этого корпуса заняты под палаты, в коих установлены по 30 коек. Все перечисленные здания имеют водопровод и центральное отопление, кроме 2-х зданий с печным отоплением.

<...> Операционная расположена во 2-м этаже деревянного корпуса (бывш. музей). <...> Перевязочных – 3, расположены в 1, 6 и лечебных корпусах.

Помимо перечисленных, на территории госпиталя имеются еще 5 небольших деревянных зданий, являющихся жилым фондом сотрудников, 1 деревянное здание – электростанция, 1 деревянный домик, занимаемый бельевым складом, 2 деревянных здания – склады, 1 деревянное здание – почта, 1 каменное здание (бывшая церковь), являющееся складом обмундирования» [9, л. 107–109], (илл. 3).

Ответственность за бережную эксплуатацию музейных зданий в ЭГ 2898 была возложена на политруков и комендантов: А. Е. Медведкова, В. П. Якимко, М. В. Стенюкова. Они же занимались и общественной работой в госпитале. В Архиве Военно-медицинских документов (филиале ЦАМО) в Санкт-Петербурге сохранился интересный документ – отчет о политической и культурно-просветительской работе в ЭГ 2898 за период с февраля по август 1942 года. Это яркое свидетельство того, что в абрамцевском госпитале в годы войны, помимо лечебной работы, проводилось множество мероприятий, создававших особую атмосферу вовлеченности пациентов госпиталя в общественную, культурную и политическую жизнь страны, заботы о душевном здоровье и позитивном настрое раненых бойцов. В документе перечислены многочисленные проведенные мероприятия: доклады о положении дел на фронте, лекции на исторические и литературно-художественные темы, литературно-художественные вечера, показ кинокартин. Дважды в месяц в госпитале выходила стенгазета. В госпитале действовала библиотека с фондом в 874 книги, имелся передвижной фонд книг из Хотьковской библиотеки и Московского областного союза учителей. За февраль – июль 1942 года было выдано 6 909 книг.

В фондах музея «Абрамцево» есть фотографии, запечатлевшие особенно важное для всех тогдашних обитателей госпиталя событие. 5 августа 1944 года страна отмечала столетие со дня рождения выдающегося русского живописца, члена Абрамцевского художественного кружка И. Е. Репина. В этот день в Абрамцеве на стене Главного дома была открыта памятная доска в честь юбилея, с ранеными и сотрудниками госпиталя встретились художники объединения «Ново-Абрамцево» (илл. 4, 5).

Над госпиталем шефствовали местные заводы, фабрики, школы, общественные организации. Шефы помогали в культурно-просветительской работе, а также оказывали большую практическую помощь [6, л. 446]. В абрамцевском госпитале выступали артисты московских театров, музыканты, художники, литераторы, научные работники.

Необычно сложилась судьба бывшего подмосковного имения Аксаковых-Мамонтовых в годы Великой Отечественной войны. С 1941 по 1945 годы Абрамцево, по сути, не переставая быть уникальным музеем, стало военной лечебницей. Советские военно-медицинские учреждения – ППГ 670 и ЭГ 2898 – стали продолжателями традиций милосердия, заложенных здесь еще Мамонтовыми в начале XX века. В годы Великой Отечественной войны расположение госпиталя на территории старинной усадьбы – учитывая глубокую историчность места, красоту построек и интерьеров, наличие обширного парка – положительно влияло на настроение и душевное состояние

раненых бойцов. Хочется думать, что в Абрамцеве возвращаться к жизни и выздоравливать пациентам «и стены помогали».

За время работы ЭГ 2898 в Абрамцеве с июля 1941 по октябрь 1945 года в него поступило порядка 6 000 человек. Из них 75 % – 4 493 человек – вернулись в строй [10, л. 111–112]. Всего в обоих госпиталях, дислоцировавшихся в усадьбе Абрамцево в годы Великой Отечественной войны, была оказана медицинская помощь почти 9 000 военнослужащим Красной армии.

Усадьба Абрамцево за четыре года войны приютила множество людей – пациентов госпиталей, сотрудников военных лечебниц. Этот приют давали старинные постройки большой исторической ценности, мемориальный абрамцевский парк. Безусловно, музейные объекты усадьбы в тот тяжелый период испытывали высочайшую нагрузку и были подвержены многочисленным факторам риска. Перечислим их: вероятность разрушений от взрывной волны при немецких бомбардировках; резкие перепады температур и влажности; высокая пожароопасность; образование на поверхностях налета (копоти) от горючих веществ (освещение керосиновыми лампами, массовое курение в палатах), плесени; химическое воздействие веществ, применяемых для антимикробной обработки помещений; возможные механические повреждения поверхностей от госпитальной мебели, инструментов; временные перепланировки; ежедневное бытовое использование оставшихся в корпусах предметов мебели (по воспоминаниям сестры-хозяйки госпиталя Р. Э. Крупениной, они с сестрой – хирургом С. Ф. Эдлис – жили в комнате, где стоял «буфет Гоголя», которым они «запросто пользовались для своих нужд») [11, с. 91]; опасность вырубки на дрова парковых деревьев и др. Однако за все годы войны в Абрамцеве не был разрушен и не пострадал от пожара ни один музейный объект (большинство из них – деревянные постройки). Был практически полностью сохранен мемориальный парк. Несмотря на все вышеперечисленные факторы риска, всего за три года (1947–1950) в усадьбе был произведен капитальный ремонт многих зданий. В 1950 году возрожденный музей открылся для посетителей. В книге отзывов того времени один из них написал: «Абрамцевский музей превращен, буквально, в жемчужину. Говорю это с полным основанием, так как знал, в каком он состоянии находился после Великой Отечественной войны. 31 июля 1951 г. Музейный работник Л. А. Наговицын» [12, с. 173].

Библиографический список

1. Абрамцево в XX веке // Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» [Официальный сайт]. – URL: <https://www.abramtsevo.net/history/-xx-.html> / (дата обращения: 15.02.2025).
2. ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1045. К. 223. Л. 225.
3. Архивная справка № 7/1/120700 от 12.11.2020 // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Филиал (военно-медицинских документов) в г. Санкт-Петербурге.
4. ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 2847. Оп. 68984. К. 1. П. 2.
5. Книга погребения бойцов и командиров, умерших от ран в ППГ 670. 8 августа 1941 г. – 31 декабря 1941 г. – С. 6–9. ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 1820 // «Память народа» [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_gospital60367689/ (дата обращения: 03.02.2025).
- 6 ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 1579. Оп. 31059. Д. 1. К. 1. Л. 441а–448.6.
7. ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 1579. Оп. 31060. Д. 1. К. 3.
8. Исхакова Э. Так до моста они и не добрались. 08.05.2009 // Администрация Сергиево-Посадского городского округа [Официальный сайт]. – URL: <http://www.sergiev-reg.ru/news/tak-do-mosta-oni-i-ne-dobralis> (дата обращения: 29.01.2020).
9. ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 1579. Оп. 31059. Д. 2. К. 1. Л. 79.
- 10 ЦАМО РФ (Филиал ВМД). Ф. 1579. Оп. 13216. Д. 6. К. 3.
- 11 Малашина Н. В. Госпитали в Абрамцеве в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. ППГ 670, ЭГ 2898. – Изд. 2-е, доп. – М., 2025. – С. 91.
12. Книга отзывов музея «Абрамцево». 1951 г. // Научный архив Музея-заповедника «Абрамцево». – № 538. – С. 173.

Николай Владимирович Федорович: музейные и фронтовые страницы биографии

Д. Ю. Медвинский¹



Аннотация. Николай Владимирович Федорович до войны занимал в Государственном антирелигиозном музее (бывший Исаакиевский собор) (далее ГАМ) должности старшего научного сотрудника, ученого секретаря, заместителя директора и заведующего научной частью. В первые дни Великой Отечественной войны, когда руководители музея были призваны в действующую армию, Н. В. Федорович возглавил музей, а вскоре и созданное «Объединенное хозяйство музеев» (ОХМ), хранилищем которого стал Исаакиевский собор. В конце августа 1941 года Федорович был назначен директором Гатчинского дворца-музея, в сентябре 1941 года был мобилизован в ряды Красной армии и служил штабным офицером до окончания войны с Японией.

В статье освещается биография Н. В. Федоровича, главным образом его музейная деятельность и участие в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Николай Владимирович Федорович, Государственный антирелигиозный музей, Великая Отечественная война, директор музея, «Объединенное хозяйство музеев», Гатчинский дворец-музей, штабной работник.

Nikolai Vladimirovich Fedorovich: museum and front-line biography pages

Summary. Before the war, Nikolai Vladimirovich Fedorovich held the positions of senior researcher, academic secretary, deputy director, and head of the research department at the State Antireligious Museum (formerly St. Isaac's Cathedral)

¹ Медвинский Дмитрий Юрьевич, старший научный сотрудник Государственного музея «Исаакиевский собор», Россия, 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 29–31, лит. А.

Medvinsky Dmitry Yuryevich, senior researcher of the State Museum "St. Isaac's Cathedral", Russia, 191186, St. Petersburg, Nevsky pr., 29–31, lit. A

(SAM). In the early days of the Great Patriotic War, when the museum's directors were called up for active duty, N.V. Fedorovich took charge of the museum, and soon afterward of the newly established "United Museum Management" (UMM), whose repository became St. Isaac's Cathedral. In late August 1941, Fedorovich was appointed director of the Gatchina Palace Museum. In September 1941, he was mobilized into the Red Army and served as a staff officer until the end of the war with Japan.

This article covers N.V. Fedorovich's biography, focusing on his museum work and participation in the Great Patriotic War.

Keywords: Nikolai Vladimirovich Fedorovich; State Antireligious Museum; Great Patriotic War; museum director; "United Museum Management"; Gatchina Palace Museum; staff worker.

12 апреля 1931 года в стенах Исаакиевского собора был открыт Государственный антирелигиозный музей (бывший Исаакиевский собор) (ГАМ). Через год – 1 июля – на работу в музей пришел Николай Владимирович Федорович и служил там до 23 августа 1941-го, когда был назначен директором Гатчинского дворца-музея. С этой должности, в сентябре, он был мобилизован в действующую армию. Работая в ГАМ, он занимал должности старшего научного сотрудника, ученого секретаря, заместителя директора и заведующего научной частью, директора музея. Коллеги Федоровича отмечали его эрудицию, всесторонние знания, готовность поддержать в трудной ситуации, поэтому он пользовался в коллективе заслуженным авторитетом. Именно Николай Владимирович возглавил музей в самые первые дни Великой Отечественной войны, когда руководители музея встали с оружием в руках на защиту страны, а вскоре и сам присоединился к ним.

В основу статьи положены материалы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), а также Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) (на сайтах «Дорога памяти», «Память народа», «Подвиг народа»).

Николай Владимирович Федорович родился в феврале 1901 года в г. Бирске Уфимской губернии (с 23 марта 1919 года – Башкирская АССР, восемьдесят километров северо-восточнее Уфы) в семье канцелярского служащего – кассира Владимира Николаевича Федоровича. В 1910 году, когда мальчику было девять лет, отец скончался и Николай воспитывался матерью – Крелленберг Екатериной Андреевной, служившей тогда писцом в Уездной

земской управе, а позже – после Октябрьской революции – секретарем уездного отдела здравоохранения (умерла в 1921 году).

Среднее образование Николай Федорович получил в Сарапульском реальном училище, которое окончил в 1918 году, и поступил в Казанский государственный университет. По окончании в 1922 году факультета общественных наук способный студент был оставлен аспирантом на кафедре «Церковь и государство» и отправлен на год в научную командировку в Ленинград, где работал в Правовом научно-исследовательском институте.

После ликвидации факультета общественных наук Казанского университета Федорович с марта по ноябрь 1923 года состоял инструктором Статистического управления Татарской республики (г. Казань), после чего более четырех лет работал преподавателем обществоведения в Сарапульской школе 2-й ступени.

В 1924 году он женился на Лидии Васильевне Юминой (в браке родилась дочь Людмила).

В 1928 году в Казанском университете открылся факультет советского права, куда Н. В. Федорович был приглашен на должность старшего ассистента, а позднее стал доцентом кафедры теории права и государства.

После реорганизации в том же году факультета, в результате чего были образованы Институт советского строительства и Институт советского права, доцент Федорович преподавал в обоих вузах [1, л. 3]. В казанских вузах он вел активную научно-просветительскую работу: был ученым секретарем Татарского научно-исследовательского института (март 1929 – июнь 1931) и Казанского института советского права (сентябрь 1931 – июнь 1932).

Также Николай Владимирович являлся уполномоченным секции научных работников по факультету советского права Казанского университета (1928–1929), членом комитета по шефской работе в секции научных работников в Татарской республике (1928–1930), весной 1930 года был мобилизован для работы по коллективизации в ТАССР, в 1931 году – делегат Всесоюзного съезда марксистов-государственников в Москве.

Н. В. Федорович опубликовал порядка двадцати статей по истории церкви, по организации и методике антирелигиозной пропаганды. Наряду с основной преподавательской и научной работой, он активно занимался общественной деятельностью. С 1923 года состоял членом профсоюза работников политпросветучреждений, в 1924–1925 годах – членом Сарапульского горсовета рабочих и крестьянских депутатов. В 1925 году Федорович вступил в Совет воинствующих безбожников (СВБ), где со временем занял значимое положение: в 1929–1932 годах – член президиума Татарского республиканского Совета СВБ, в 1929 года – делегат II Всесоюзного съезда СВБ [1, л. 3].

В июле 1932 года Н. В. Федорович был приглашен в Ленинград на работу в ГАМ. В музее занимал должности ученого секретаря, старшего научного сотрудника, исполнял обязанности заместителя директора и заведующего научной частью [1, л. 3, 5]. Параллельно с работой в музее преподавал в ленинградских вузах: в 1932–1934 годах был доцентом Института истории и философии по курсу истории русской церкви, с 1938 года – доцентом на кафедре музееведения в Коммунистическом политко-просветительном институте им. Н. К. Крупской [1, л. 2].

Н. В. Федорович, будучи преподавателем, продолжал учиться сам, неуклонно повышая свой профессиональный уровень: в 1937–1938 годах посещал кружок по изучению истории ВКП(б) при музее, позже – факультет философии Университета марксизма-ленинизма лектория ЛГК ВКП(б) [1, л. 5].

Он остается активным общественником-«антирелигиозником». С 1932 года состоял лектором Ленинградского областного СВБ и Ленинградского государственного лектория, инспектором Ленинградской государственной лекционной инспекции. Вел лекторскую работу на кораблях КБФ в Кронштадте и погранвойсках НКВД. Летом 1934 года по приглашению Центрального военно-лекторского бюро Москвы читал антирелигиозные лекции в лагерях Белорусского военного округа [2, л. 2].

С 1939 года Н. В. Федорович – член президиума, а с 1940 года – председатель Октябрьского райсовета СВБ г. Ленинграда [1, л. 3].

На март 1941 года, имея уже пятнадцатилетний стаж массовой лекционной антирелигиозной работы, состоял лектором Ленгорсовета СВБ и лектория ЛГК ВКП(б), председателем исторической секции Научно-методического совета при Ленгорсовете СВБ [2, л. 5].

В июле 1939 года Федорович подает заявление на прием в кандидаты в члены партии. Он никогда не был комсомольцем, но в 1938–1939 годах состоял в группе сочувствующих при парторганизации музея [1, л. 3, 5].

В рекомендациях директора И. М. Штрайхера, парторга А. Д. Романовской, редактора И. М. Васильева отмечалась активная деятельность Федоровича: научная, преподавательская, общественная, а также «работа над собой» и помочь коллегам [2, л. 5–7]. 25 сентября 1939 года на закрытом партсобрании он был единогласно принят в кандидаты ВКП(б) [2, л. 9]. В прениях, как и в рекомендациях, звучали сплошь положительные характеристики. Только заместитель директора по науке Е. И. Востоков указал на «слабое место»: недостаточное участие в научно-исследовательской работе и малое количество статей в печати. На этот упрек в свой адрес Федорович ответил в своем заключительном выступлении, в котором поблагодарил собрание за оказанное доверие, отметив большую загруженность педагогической работой [2, л. 8–9].

4 марта 1941 года Николай Владимирович подал заявление о приеме в члены партии, а 5 апреля общее собрание первичной парторганизации ГАМ приняло решение о переводе Федоровича из кандидатов в члены ВКП(б) «как хорошо знающего научного работника, проявляющего большую настойчивость и добросовестность в работе лектора-пропагандиста, пользующегося авторитетом, который проявляет активное участие в политической и общественной жизни, повседневно повышает свой идеино-политический уровень» [1, л. 6].

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. С первых дней войны сотрудники ГАМ начали подготовку к эвакуации музеиных ценностей. Директор И. М. Штрайхер и его заместитель по научной части Е. И. Востоков ушли на защиту Родины, и 25 июня 1941 года исполнение обязанностей директора музея возложили на ученого секретаря Н. В. Федоровича. В июле 1941 года Исаакиевский собор был закрыт. Уже к 9 июля группа альпинистов под руководством инженера Л. А. Жуковского выкрасила большой (площадь 2 600 кв. м) и малые купола в серый цвет.

По распоряжению Ленгорсовета 15 июля 1941 года было создано «Объединенное хозяйство музеев» (ОХМ), которое возглавил Н. В. Федорович. В ОХМ вошли: Государственный антирелигиозный музей (бывший Исаакиевский собор), Музей истории и развития Ленинграда, Летний дворец Петра I, Домик Петра I, а позже дворцы-музеи Гатчины (Красногвардейска), Пушкина, Павловска (Слуцка), Петродворца, Ораниенбаума, вынужденные при стремительном наступлении немцев срочно спасать свои музейные коллекции. Здание Исаакиевского собора с мощными стенами и перекрытиями, с закрашенными куполами было решено использовать как хранилище эвакуированных в Ленинград музеиных экспонатов: картины, бронза, мебель, фарфор и стекло, ткани и вышивки, медали и монеты, чертежи, акварели, гравюры, фото, книги и журналы.

23 августа 1941 года директор ГАМ Н. В. Федорович был освобожден от занимаемой должности и назначен директором Гатчинского дворца-музея. Исполнение обязанности директора Государственного антирелигиозного музея было возложено на старшего научного сотрудника Евдокию Игнатьевну Лединкину [3, л. 2].

Новый директор сразу включился в работу по эвакуации экспонатов, которой с начала войны руководила Серафима Николаевна Балаева. Волею судеб тысячи ценных экспонатов из Гатчины были отправлены в Сарапул, где в реальном училище обучался юный Федорович, и в «родной» для него Исаакиевский собор. Во время блокады С. Н. Балаева вместе с другой активной участницей эвакуации дворца – научным сотрудником И. К. Янченко

(погибла в августе 1943 года при артобстреле) – хранили в стенах храма вверенные им произведения искусства.

В новой должности Н. В. Федорович находился меньше месяца. В сентябре 1941 года был мобилизован в ряды Красной армии (накануне войны состоял командиром запаса в звании интенданта III ранга) [1, л. 3].

С 15 сентября по ноябрь 1941-го Н. В. Федорович являлся слушателем курсов усовершенствования личного состава при 8-м отдельном штабе Ленинградского военного округа (ЛВО). С декабря 1941 года до окончания войны с Японией служил в должности помощника начальника 8-го отдельного штаба (последовательно) Волховского, Карельского, 1-го Дальневосточного фронтов. С октября по декабрь 1945 года капитана Федоровича назначили помощником начальника 8-го отдельного штаба Дальневосточного военного округа.

Был награжден орденами Красной Звезды (1944) и Отечественной войны II степени (1945), медалями «За оборону Ленинграда» (1943), «За оборону Советского Заполярья» (1944), «За победу над Германией» (1945), «За победу над Японией» (1945) [4, л. 1–3].

Будучи в войсках на партийно-политической работе, он в совершенстве овладел уникальной воинской специальностью.

Из наградного листа (к ордену Красной Звезды): «Капитан Федорович является парторгом отдела по обеспечению партийного влияния на офицерский состав... Несмотря на перегруженность в работе... ведет контроль за исполнением и прохождением шифротелеграмм. Работа его комиссии Генерального штаба Красной Армии признана в образцовом состоянии» [5].

Из наградного листа (к ордену Отечественной войны II степени): «Тов. Федорович Н. В., работая в смене шифровального отделения проводимых оргмероприятий фронтом с первых дней войны с Японией хорошо справляется с возложенными обязанностями по обеспечению командования высококачественной связью...» [5].

После демобилизации Федорович возвратился в Ленинград. С 1 марта 1946 года он стал штатным лектором Городского лекционного бюро Ленгорсовета и лекторской группы Горкома ВЛКСМ. Тематика лекций: вопросы коммунистической морали и антирелигиозная пропаганда.

Был награжден почетными грамотами исполкома Ленгорсовета и ЦК ВЛКСМ [6, л. 9, 13].

Работая в лекционном бюро, Н. В. Федорович не терял связь с ГМП «Исаакиевский собор» и участвовал в его деятельности. В частности, он написал рецензии на экспозиционный план, составленный научными сотрудниками музея, на методическую разработку экскурсии «Маятник Фуко» [6, л. 16–22, 24–25].

Летом 1949 года Октябрьский райком партии обратился в отдел культурно-просветительной работы Ленгорсовета об организации бригады по проверке работы музея, которую возглавил Н. В. Федорович [6, л. 67–76].

О дальнейшей судьбе Н. В. Федоровича в настоящий момент ничего не известно, что обязывает продолжать изучение жизненного пути значительного музейного деятеля и защитника Отечества. Пока удалось лишь установить, что Н. В. Федорович скончался 20 апреля 1983 года.

Библиографический список

1. Федорович Николай Владимирович. Личное дело // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 302812. 13 л.
2. Федорович Николай Владимирович. Личное дело // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728 Оп. 1 Д. 302812/а. 10 л.
3. Мишура О. О. Исаакиевский собор в годы блокады: научная справка // ГМП «Исаакиевский собор». СКФ. СН-386. 2004. 44 л.
4. Федорович Николай Владимирович. Личное дело // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 655658. 7 л.
5. Федорович Николай Владимирович [Электронный ресурс] // Подвиг народа: [сайт]. [2015]. – URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1103138083&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 02. 08. 2025).
6. Федорович Николай Владимирович. Личное дело // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 731363. Ленинградский ГК ВЛКСМ. Федорович Н. В. Личное дело. 15 л.

Операция «Гауляйтер Ленинграда» КАК ОДНА ИЗ ПАМЯТНЫХ страниц битвы за Ленинград

А. Л. Никифоров, И. П. Горелов¹



Аннотация. Незримым фронтом противостояния в ходе битвы за Ленинград стала борьба немецких и советских спецслужб, влиявшая на ход боевых действий и уровень мотивации для продолжения противоборства на Ленинградской земле. На территории блокированного Ленинграда и в прифронтовой полосе советские органы Госбезопасности столкнулись с сильным и профессиональным соперником – германским абвером. Разветвленная сеть агентов абвера в тылу блокадного города, активная работа вражеских разведшкол и абвер-команд в прифронтовой полосе – все это создавало серьезную угрозу для устойчивости фронта и тыла защитников Ленинграда. Поэтому одной из главных задач органов советской контрразведки в блокадном Ленинграде стала нейтрализация вражеской агентуры и борьба с диверсионной деятельностью немецких спецслужб в прифронтовой полосе.

Ключевые слова: битва за Ленинград, блокада Ленинграда, вражеская агентура, контрразведка, абвер-команда, НКВД.

¹ Никифоров Анатолий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Россия, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

Nikiforov Anatoly Leonidovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 10, Peterburgskoe shosse, 196605, Pushkin, St. Petersburg

Горелов Илья Павлович – доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского государственного университета МВД России, Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Gorelov Ilya Pavlovich – Doctor of Military Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Police Organization, St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; St. Petersburg, 198206, st. Pilot Pilyutova d.1.

Operation «Gauleiter of Leningrad» as one of the memorable pages of the Battle for Leningrad

Summary. The struggle of the German and Soviet special services, which influenced the course of hostilities and the level of motivation for continuing the confrontation on the Leningrad land, became an invisible front of the confrontation during the Leningrad battle. On the territory of blocked Leningrad and in the front line, the Soviet state security agencies faced a strong and professional rival - the German Abwehr. An extensive network of Abwehr agents in the rear of the besieged city, the active work of enemy reconnaissance schools and Abwehr teams in the front line - all this created a serious threat to the stability of the front and rear of the defenders of Leningrad. Therefore, one of the main tasks of the Soviet counterintelligence bodies in besieged Leningrad was to neutralize enemy agents and combat the sabotage activities of the German special services in the front line.

Keywords: *Battle of Leningrad, blockade of Leningrad, enemy agents, counterintelligence, Abwehr team, NKVD.*

Как известно, битва за Ленинград (10.07.1941 – 09.08.1944) стала самой протяженной на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны. На протяжении трех лет защитники Ленинграда, жители блокадного города, труженики тыла, а вместе с ними вся сражающаяся страна, боролись за непокоренный Ленинград, ставший символом подвига и трагедии в войне, которую враг вел на уничтожение советского народа. При этом, на фоне напряженных боевых действий в ходе битвы за Ленинград менее заметным является еще один фронт противостояния – деятельность спецслужб сражающихся сторон.

К июню 1941 года в Ленинградском управлении НКВД – НКГБ – МГБ работало около трех тысяч сотрудников, из которых около 60 % имели опыт менее трех лет. С началом Великой Отечественной войны 86 ленинградских чекистов были призваны в РККА, 339 были направлены в особые отделы частей действующей армии и флота [1, с. 34].

Германский абвер был создан еще в конце 1919 года при Министерстве обороны Германии. Официально это была информационно-аналитическая служба, которая уже в середине 1920-х годов существенно расширила границы своего влияния. Тогда же, несмотря на установившееся сотрудничество веймарской Германии с СССР, на территории нашей страны и в городе Ленинграде, в частности, германская разведка активно работала над созданием своей резидентуры из числа советских граждан. Непосредственно перед на-

чалом Великой Отечественной войны предметом повышенного внимания советской контрразведки было генеральное консульство Германии в Ленинграде, сотрудники которого активно собирали важную в военном отношении информацию.

Как отмечает историк блокады Н. А. Ломагин: «...Еще одним противником была финская разведка, сотрудничавшая с абверовской „Крингсрганизацион Финляндия“, активно направлявшая в советский тыл своих „ходоков-нелегалов“, переходивших государственную границу нелегально, а с началом войны переходивших линию фронта под видом беженцев или местных жителей. В их задачи, помимо сбора информации, входила организация диверсий и террористических актов, вербовка агентуры и диверсантов, в основном из числа бывших репрессированных, уголовного элемента и других категорий населения, считавшихся в СССР социально чуждыми...» [2, с. 51].

На ленинградском направлении советские контрразведчики выполняли огромный комплекс задач – от выяснения настроений в действующей армии, в осажденном городе, выявления шпионов, дезертиров и прочего деструктивного элемента до организации диверсионных групп, создания в тылу противника оперативных баз, партизанских отрядов и агентурных сетей.

С установлением блокады Ленинграда и стабилизацией фронта приобрела еще большее значение война информационная и война диверсионная. В борьбу с обеих сторон вступили бойцы «невидимого фронта», опытным германским спецслужбам (абверу) противостояли контрразведчики НКГБ СССР, начавшие противостояние с абвером еще до войны: первые задержания немецких агентов прошли еще в 1936 году, когда их «арестовали» прямо на Невском проспекте, в Доме книги, где располагалось торговое представительство компании «Зингер» [3, с. 66].

Когда стало ясно, что план «молниеносной войны» провалился, немецкая разведка существенно перестроила свою работу: в советский тыл и непосредственно в Ленинград начали перебрасывать хорошо обученных диверсантов с оружием, радиостанциями и фиктивными документами.

В донесении руководителя ленинградских чекистов комиссара госбезопасности 3-го ранга Петра Кубаткина отмечалось: «...Немецкие разведчики, чтобы попасть в Ленинград, нередко перебрасываются за сотни километров от нас, а затем окружными путями пытаются проникнуть в город... немцы тщательно обучают своих агентов уменью ориентироваться в незнакомой обстановке, снабжают их фиктивными документами для свободного передвижения по нашим тылам...» [4, с. 99].

Группе армий «Север», осаждавшей Ленинград, была придана «абверкоманда 104», которая проводила активную разведывательную работу в ближайшем тылу Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Калининского, а впоследствии 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Сама абверкоманда располагалась в Пскове, здесь же действовала одна из ее разведшкол, вторую устроили в поселке Сиверская, близ Гатчины.

Как отмечает историк С. К. Бернеев: «...В поселке Сиверская, где постоянно обучался десяток агентов, школу замаскировали под лагерь военнопленных, а территорию вокруг подвергли строжайшей фильтрации, выселив все неблагонадежное, с точки зрения немцев, население и тщательно проверяя всех прибывающих – немецкими агентами здесь были даже лесники. Кадры абверовской агентуры набирали, прежде всего, из завербованных в лагерях военнопленных, которых затем направляли в разведшколы, а по завершении подготовки перебрасывали в советский тыл...» [1, с. 94].

В годы Великой Отечественной войны на ленинградском направлении противостояние немецкой разведке осуществлял 4-й контрразведывательный отдел Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области. С учетом крайне напряженной обстановки на фронте и в тылу, особенно в начале блокадной поры, любое гражданское лицо, бежавшее с оккупированной территории в Ленинград, и любой солдат, сбежавший из плена, автоматически подпадал под подозрение в шпионаже, хотя чаще всего эти подозрения не подтверждались.

Во время боев непосредственно за город, когда немцы подошли к нему на самое близкое расстояние, активность вражеской работы среди горожан усилилась. Участники отдельных антисоветских групп намеревались проводить погромы магазинов, убивать военнослужащих перед вступлением немцев в город. Судя по рассекреченным уголовным делам, среди жителей блокадного Ленинграда было немало тех, кто ждал прихода немцев в город, кто распускал слухи, уверял, что советские войска уже разбиты, распространял немецкие листовки с призывом сдать город и рассказами о прекрасной жизни на оккупированных немцами территориях, а то и готовил диверсии.

Встречаем такую информацию в спецсообщении 4-го отдела Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области: «...в сентябре 1941 г. арестованы участники контрреволюционной молодежной фашистской группы, именующей себя «Российская национал-социалистическая партия». Группа была создана работником Главсевморпути – Демидовым, который завербовал восемь человек. Группа намечала проведение в Ленинграде диверсий, в частности поджог деревянных мостов города. Участниками группы расыались в адреса еврейского населения письма погромного характера. Был

составлен текст листовки, призывающей к свержению советской власти. Организатор группы расстрелян, остальные участники получили сроки от 10 до 20 лет тюремы...» [5, с. 18].

В начале 1942 года на территории разведшколы в поселке Сиверская немцы сформировали диверсионное подразделение «Русская учебная команда» («Айнзатц Ленинград»). Одним из руководителей этого подразделения стал Николай Рутченко (Рутыч) – бывший аспирант-историк Ленинградского государственного университета, призванный в ряды РККА еще в 1939 году, а с августа 1941 года оказавшийся в немецком плену и согласившийся на предложенное сотрудничество с врагом.

В этой, так называемой «Гатчинской школе абвера», были собраны кол-лаборационисты, хорошо знавшие Ленинград. Агенты должны были проникать в осажденный город, вербовать новых предателей, собирать информацию, выискивать цели для авиации, используя затем так называемых «ракетчиков», которые подавали самолетам врага сигналы. Во время штурма города созданная сеть диверсантов должна была заблаговременно захватить стратегические объекты.

В марте 1942 года усилиями работников 4-го Отдела УНКВД по г. Ленинграду совместно с сотрудниками ленинградской милиции во главе со следователем Михаилом Рябовым, несмотря на нехватку личного состава и скучное продовольственное снабжение этих работников, была выявлена и нейтрализована банда «ЗИГ-ЗАГ» («Защита интересов Германии – знамя Адольфа Гитлера»), участники которой за период с ноября 1941 по март 1942 года изготавливали и отоваривали в блокадном городе фальшивые продуктовые карточки, а также, поддерживая связь с германским абвером через агента Сморчкова, печатали и распространяли листовки провокационного содержания.

За время войны, с 22 июня 1941 по 1 июня 1942 года, Управлением НКВД было вскрыто 387 антисоветских формирований. Всего арестовано по Ленинграду и области было 8 778 человек. Из них шпионов – 323, изменников Родины, террористов – 287, диверсантов – 50, вредителей – 162 [6, с. 2].

Несмотря на указанные успехи органов госбезопасности в борьбе с немецкой агентурой и пособниками врага, было очевидно, что в самом блокированном Ленинграде и в прифронтовой полосе действует агентурная сеть, умело руководимая кем-то в самом блокадном городе. На это указывали удивлявшие своей точностью артиллерийские обстрелы и авиационные налеты, приходившиеся по наиболее чувствительным объектам осажденного города; явно координируемые действия так называемых «ракетчиков» и вражеских пособников, распространявших листовки провокационного

содержания; организованные налеты криминальных банд, которые должны были усиливать у горожан панические настроения.

Упоминавшийся следователь НКВД Михаил Рябов в донесении комиссару госбезопасности 3-го ранга Кубаткину от 24 марта 1942 г. докладывал: «... по данным нашего источника в агентуре, резидент германской разведки, известный под оперативным псевдонимом „Князь“, сообщил своим кураторам в агентуре о создании в Ленинграде нового диверсионного подполья, а также о подборе кадров для новых городских властей и о намеченной кандидатуре гауляйтера (наместника) Ленинграда...» [7, с. 99].

Вплоть до января 1943 года опытному немецкому резиденту удавалось опережать действия ленинградских чекистов, которые имели в своем распоряжении лишь приблизительное описание внешности германского резидента. Как оказалось впоследствии, под оперативным псевдонимом «Князь» скрывался бывший офицер царской армии – князь Василий Михайлович Багратион-Мухранский – убежденный монархист, эмигрант и ярый противник советской власти. Именно ему, хорошо знавшему бывший Петербург, с фальшивыми документами сотрудника 4-го Отдела УНКВД по г. Ленинграду удавалось с конца 1941 года координировать подрывную работу германского подполья в осажденном городе.

Единственной возможностью выйти на след законспирированного подполья и его главного резидента был захват ценного «языка» из руководителей латышской школы СД. В результате тщательно спланированной операции ленинградских чекистов, 21 декабря 1942 года в немецком тылу, в поселке Сиверская, рядом с расположением 112-й айнзатц-группы «Русская учебная команда» (Айнзатц Ленинград) – был выкраден и успешно доставлен через линию фронта в Ленинград заместитель начальника этой группы – предатель Гурьянов.

В ходе следственных действий, на допросах, следователям 4-го отдела УНКВД арестованный Гурьянов подробно изложил известную ему информацию о вражеском подполье в блокадном Ленинграде. В частности, с его слов, еще в мае 1942 года один из руководителей диверсионной школы 112-й айнзатц-группы – Николай Рутченко, находясь в нетрезвом виде, упомянул в разговоре с Гурьяновым о существующей в Ленинграде законспирированной сети пособников, во главе которой находились: некто Иванов (инженер-путеец), Бове (школьный учитель) и Круглов (инспектор отдела народного образования). Последний из них, со слов Гурьянова, был особо выделен со стороны Рутченко, так как именно Круглова германские спецслужбы якобы определили на будущую должность губернатора (гауляйтера) Ленинграда после ожидаемого захвата города [2, с. 176].

Гурьянов также сообщил, что с декабря 1941 года в Ленинграде периодически находился резидент германского агентства, осуществлявший координацию действий между вражескими спецслужбами и их агентами в блокадном городе. Предоставленное Гурьяновым описание внешности резидента совпадало с теми скучными приметами облика таинственного резидента, которые по крупицам удалось сбрать следователю Рябову. Стало очевидным, что немецкий резидент – это опытный разведчик, скорее всего, из представителей русской эмиграции, носивший оперативный псевдоним «Князь».

На основании показаний Гурьянова, в результате оперативно-розыскных мероприятий, 26 января 1943 года были арестованы упомянутые пособники врага – Иванов, Бове и Круглов. Особый интерес у следователей вызвала персона Круглова, который, по предварительной информации, был связан с зарубежными белоэмигрантскими кругами и немецкой разведкой.

В ходе следствия выяснилось, что арестованный Круглов Алексей Михайлович, 1886 года рождения, окончивший в 1911 году филологический факультет Санкт-Петербургского университета и в 1923 году – Петроградский богословский институт, старший ревизор-инспектор Ленинградского городского отдела народного образования, проживал в г. Ленинграде, Смольный проспект, дом № 6.

Следователям Круглов рассказал, что он выходец из семьи торговца-промышленника, по своим политическим взглядам являлся монархистом и до Октябрьской революции жил исключительно в привилегированном положении. После окончания Петербургского филологического института в 1911 году Круглов, по протекции генерала А. Ф. Товарова, поступил на работу в банк «И. В. Юнкер и К-о» в качестве помощника заведующего отдела Депо акций и фондов. Круглов добился больших успехов по службе и уже с 15 мая 1916 года был назначен на должность помощника заведующего отделом хранения процентных бумаг. Проявив себя толковым и предприимчивым работником банка, Круглов заработал себе капитал в 250–300 тысяч рублей, добился некоторого успеха и признания в кругу столичных дельцов и банкиров, а также косвенно оказался вхожим в некоторые великосветские салоны Петербурга, что впоследствии определит его негативное отношение к советской власти [8, с. 223].

Кроме того, Круглов рассказал, что еще летом 1916 года стал агентом немецкой разведки и занимался шпионажем в пользу Германии, откликнувшись на соответствующее предложение консула Норвегии в Санкт-Петербурге – Германа Цурмилена, являвшегося также и клиентом банка, в котором работал Круглов. Свое согласие на сотрудничество с кайзеровскими спецслужбами Круглов мотивировал тем, что хорошо понимал – в России назревает революция,

с которой царская власть в этот раз не справится, а потому счел благоразумным подстраховать свое положение сотрудничеством с той внешней силой, от которой рассчитывал на помощь для возможной эмиграции из России.

В 1917 году Круглову пришлось отказаться от идеи эмиграции, так как от этого категорически отказалась его тяжелобольная престарелая мать. Норвежский консул Цурмилен, уезжая из России в октябре 1917 года, познакомил Круглова с резидентом германской разведки Юлией Федоровной Крон, которая являлась родной сестрой бывшего владельца банка «И. В. Юнкер и К-о». Круглов предоставлял Ю. Ф. Крон сведения шпионского характера, интересующие Германию, вплоть до ее ареста в 1929 году. Впоследствии, вплоть до 1941 года, Круглов поддерживал связь с Карлом Шмидтом и другими представителями немецкой разведки в Ленинграде.

Согласно показаниям Круглова, 15 декабря 1942 года к нему на квартиру прибыл человек в форме лейтенанта госбезопасности НКВД и сразу же осведомился кто он, и только после этого представился Василием Михайловичем Багратион-Мухранским, резидентом германской разведки в блокадном городе с позывным «Князь». Багратион-Мухранский ему сообщил, что был заброшен в Ленинград из г. Варшавы еще в конце 1941 года для активизации антисоветского подполья в городе. Причину своего визита к Круглову он определил как поручение германского командования с целью детального ознакомиться с положением Ленинграда в связи с предстоящим в 1943 году большим весенним наступлением немецких войск на Ленинград. Круглову поручался сбор ценных сведений от разных осведомителей и регулярная передача этих сведений германскому резиденту [2, с. 198].

Кроме того, «Князь» сообщил Круглову, что абвер осведомлен о его многолетней деятельности в пользу Германии, и за проявленные «заслуги» Круглову предложено занять пост губернатора (гауляйтера) г. Ленинграда после его оккупации немецкими войсками. Круглов на это предложение согласился и получил от Багратион-Мухранского общие установки по структуре управления губернаторством и программу действий по уничтожению всех коммунистов, комсомольцев и евреев в городе Ленинграде.

8 апреля 1943 года Военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа и охраны тыла Ленинградского фронта на закрытом судебном заседании в г. Ленинграде рассмотрел дело по обвинению Круглова Алексея Михайловича, 1886 года рождения, признал виновным в преступлении, предусмотренном ст. 58-1а УК РСФСР, и приговорил к высшей мере наказания с конфискацией всего имущества и ценностей, лично ему принадлежащих. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. 14 апреля 1943 года приговор был приведен в исполнение [1, с. 143].

Сразу после ареста Круглова оперативно-розыскные мероприятия сыщиков НКВД позволили выйти на след «Князя», который почувствовал провал Круглова и пытался покинуть блокадный Ленинград по льду Финского залива. 4 февраля 1943 года в ходе преследования резидент германского абвера «Князь» был ранен и, попав в окружении сотрудников НКВД, успел застрелиться.

В эти же дни завершалась успешная наступательная операция «Искра», предпринятая войсками Ленинградского и Волховского фронтов, которая привела к долгожданному прорыву блокады Ленинграда. В успех этой операции внесли свой вклад и ленинградские чекисты, которые вместе с остальными ленинградцами переносили все тяготы блокады, но продолжали борьбу с германскими спецслужбами и их пособниками.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в ее содержании, на конкретных примерах человеческих судеб, проявлениях личностных качеств и гражданской позиции человека в переломные исторические эпохи раскрывается извечная проблема непростого морального выбора – спасение своей жизни ценой предательства и сотрудничества с врагом или вероятная гибель при исполнении своего воинского и гражданского долга.

В этой связи материалы статьи могут иметь достойное практическое значение для любого читателя, кто в состоянии не только воспринимать фактуологию материала, но и способен задуматься о мотивации поступков человека в экстремальных условиях – ведь никто не застрахован от того, что такой моральный выбор когда-нибудь придется сделать и самому читателю.

Библиографический список

1. Бернев С. К. Незримый фронт на защите Ленинграда. 1941–1944. – СПб. : Фронт-книга, 2022. – 388 с.
2. Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах Ленинградцев. – М. : Эксмо-Язуа, 2024. – 704 с.
3. Седов В. Ф., Степанов О. Н. Ленинградские чекисты в блокаде Ленинграда. 1941–1944 – М. : Язуа, 2017. – 811 с.
4. Бернев С. К. Блокадные дневники и документы. Из Архива УФСБ по г. Санкт-Петербургу и ленинградской области. – СПб. : ЭКСМО, 2021. – 884 с.
5. Архив УФСБ РФ по г. СПб. и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 43. Д. 2. Л. 18.
6. Архив УФСБ РФ по г. СПб. и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 38. Т. 1. Д. 10. Л. 2.
7. Архив УФСБ РФ по г. СПб. и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 43. Д. 2. Л. 99.
8. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. – 748 с.

Документальные материалы по Великой Отечественной войне и гетто в Мирском замке: проблемы изучения и интерпретации

О. В. Новицкая¹



Аннотация. В статье рассказывается об опыте проведения поисковой работы по сбору материала по Великой Отечественной войне с целью использования в экспозиционной, выставочной, научной работе музея «Замковый комплекс „Мир“». Материалы по обозначенной теме были выявлены в фондах Зонального государственного архива в г. Барановичи (Республика Беларусь), Национальном архиве Республики Беларусь, Государственном архиве Брестской области (Республика Беларусь), Институте Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии (США), на сайтах Мемориального музея Холокоста (США) и Мемориального комплекса Яд ва-Шем (Израиль), а также предоставлены Кореличским районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области. Кроме этого, ценным источником информации являются воспоминания бывших жителей Мира – Сарры Бенциановны Ландер и Юлия Абрамовича Позняка, полученные в 2008–2009 годах. Автор в рамках данной публикации также предпринял попытку детального анализа «Поименного списка советских граждан, расстрелянных, замученных, убитых по гор. Мир Барановичской области», который в настоящий момент представлен в одном из залов обновленной музейной экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне и нахождению еврейского гетто в Мирском замке с мая по август 1942 года.

¹ Новицкая Ольга Васильевна, заместитель директора по научной и просветительской работе учреждения «Музей «Замковый комплекс „Мир“», Республика Беларусь, 231444, Гродненская область, Кореличский район, г. п. Мир, ул. Красноармейская, 2.

Novitskaya Olga Vasilevna, Deputy Director for Scientific and Educational Work of the Mir Castle Complex Museum, Republic of Belarus, 231444, Grodno Region, Korelichi District, Mir, Krasnoarmeyskaya St., 2.

Ключевые слова: поисковая работа, Великая Отечественная война, гетто в Мирском замке, поименный список, музей «Замковый комплекс „Мир“».

Documentary materials on the Great Patriotic War and the ghetto in Mir Castle: problems of study and interpretation

Summary. The article describes the experience of conducting exploratory research to gather material on the Great Patriotic War for the purpose of using it in the exposition and scientific work of the Mir Castle Complex Museum. Materials on the topic were found in the collections of the Zonal State Archives in Baranovichi (Republic of Belarus), the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archives of Brest Region (Republic of Belarus), the USC Shoah Foundation (USA), as well as on the websites of the United States Holocaust Memorial Museum and the Yad Vashem Memorial Complex (Israel). Additionally, materials were provided by the Korelichi District Department of the Investigative Committee of the Republic of Belarus for Grodno Region. Furthermore, a valuable source of information is the memoirs of former residents of Mir, obtained in 2008–2009. The author also attempted a detailed analysis within this publication of the List of names of Soviet citizens shot, tortured, and killed in Mir, Baranovichi Region, which is currently displayed in one of the halls of the updated museum exhibition dedicated to the Great Patriotic War and the Jewish ghetto that operated from May to August 1942 at Mir Castle.

Keywords: exploratory research, the Great Patriotic War, the ghetto at Mir Castle, the list of names, the Mir Castle Complex Museum.

В контексте музея «Замковый комплекс „Мир“» экспозиции, посвященные Великой Отечественной войне, занимают особое место. Они напоминают об ужасающих событиях, которые оставили трагический след в судьбах и памяти местных жителей. В стенах Мирского замка с мая по август 1942 года находилось еврейское гетто.

Первые экспозиционные залы «Войны XX века» и «Еврейское гетто в Мирском замке 1942 г.» были открыты для посетителей 26 января 2011 года. Экспозиции разместились на первом этаже Северного корпуса замка, а также в подвале Северо-западной башни. В сентябре 2016 года на заседании научно-методического совета музея было предложено переместить эти экспозиции в Северо-восточную башню, дополнив новыми материалами. В связи с приближающейся знаковой датой – восьмидесятилетием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков – было принято решение

проводить в 2023 году реэкспозицию этих залов. Задача заключалась в создании проекта экспозиции, который соответствовал бы ожиданиям посетителей и умело сочетал в себе экспозиционное пространство и архитектурные особенности Северо-восточной башни Мирского замка.

Еще задолго до открытия первых экспозиций особое внимание было уделено поисковой работе по сбору сведений по данной теме в архивах Беларуси.

В Зональном государственном архиве в г. Барановичи (далее – ЗГА в г. Барановичи) в 2008 году сотрудниками музея впервые случайным образом был выявлен «Поименный список советских граждан, расстрелянных, замученных, убитых по гор. Мир Барановичской области» [1, л. 231–288]. Он был переписан и оформлен в виде «Книги памяти», которая в настоящий момент демонстрируется с помощью сенсорной панели на шестом ярусе Северо-восточной башни. Таким образом, у посетителей музея появилась возможность ознакомиться с представленными в «Книге памяти» именами и фамилиями, перелистывая страницы.

10 июня 2025 года по запросу сотрудников музея из ЗГА в г. Барановичи была получена цифровая копия вышеуказанного документа, что дало возможность повторно более детально его изучить.

Списки оформлены на 58 листах. При их составлении были использованы бланки, изготовленные типографским способом. Первые 25 листов (по 24 строки на каждом листе) оформлены на бланках с заголовком «ПОИМЕННОЙ СПИСОК советских граждан, угнанных в немецкое рабство», где фраза «угнанных в рабство» зачеркнута, а сверху написано «расстрелянных, замученных, убитых». Остальные 33 листа (по 31 строке на каждом листе) оформлены на бланках с заголовком «ПОИМЕННОЙ СПИСОК расстрелянных, повешенных, замученных гр-н СССР».

Весь нумерованный список, оформленный в виде таблицы, занял 1 602 строки.

Столбцы таблицы имеют следующие заголовки: №№ п/п; фамилия, имя и отчество; год рождения; пол; национальность; специальность; последнее место работы; примечание.

Проанализировав документ и сравнив почерк на разных листах, пришли к выводу, что списки составлены четырьмя разными людьми.

Последняя фамилия в документе – Журавлёв – проходит под № 1605. Она единственная написана карандашом. Таким же образом в этой строке указан год рождения (1920), пол (м) и примечание (повешен в Турац).

Несовпадение по количеству строк с общим количеством жертв объясняется отсутствием в первом столбце строк под № 855, 1112, 1414.

Анализ документа показал, что не во всех строках указаны полные сведения. К примеру, в 140 строках отсутствуют имена жертв, в десяти – фамилии, в 22 – год рождения, в 42 – пол, в 38 – национальность, в 252 – последнее место работы. Специальность указана только в строках под № 265 (земл. (имеется в виду земледелец)), под № 269 (зуб. тех. (имеется в виду зубной техник)), под № 678 (зуб. врач (имеется в виду зубной врач)), под № 704–705 (доктор). Примечание имеется в строках под № 427, где напротив фамилии Шварцова указано слово «беженка», и под № 1605, где напротив фамилии Журавлёв указана фраза «повешен в Турац». Национальность – еврейская – отмечена в 1 564 строках, в большинстве случаев проставлена знаком повтора («-» или «»). Указание на другую национальность в списках, кроме еврейской, отсутствует. Стоит также обратить внимание на то, что десять строк полностью пустые, за исключением проставленного порядкового номера. Как было акцентировано выше, последняя фамилия в списке – Журавлёв. Есть все основания утверждать, что речь идет о Михаиле Михайловиче Журавлёве (1921–1943), уроженце м. Новоельня Барановичской области. Сведения о нем были выявлены на интернет-портале «Партизаны Беларуси» [2]. В поименном списке из ЗГА в г. Барановичи в качестве его года рождения указан 1920-й.

До сих пор остается непонятным, по какой причине эта фамилия была включена в данный поименной список, так как Журавлёв не являлся жителем Мира. В партизанский отряд «Комсомольский» он попал 3 декабря 1942 года [2], где пробыл чуть более полугода.

В наградном листе личный боевой подвиг Михаила Журавлёва описан следующим образом: «Смело и мужественно вел себя в боях с противником. 9 июля 1943 года около лесничества Рудьма Мирского р-на убил 3-х немецких летчиков, сделавших посадку с пылающим самолётом, пытавшихся, отстреливаясь, сбежать. Участвовал неоднократно в боях как передовой партизан. 14 июля 1943 года около д. В. Слобода Мирского района во время ведения боя с противником, с группой партизан попал в окружение бронемашин, где был тяжело ранен и подобран противником. 15 июля повешен в м-ке Турац Мирского р-на» [2].

Михаил Михайлович Журавлев Указом Президиума Верховного Совета СССР 30.12.1948 посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени [2].

Дальнейший анализ «Поименного списка советских граждан, расстрелянных, замученных, убитых по гор. Мир» показал следующее. Практически во всех строках в столбце «Фамилия, имя и отчество» на первое место вынесена фамилия. Исключение составляют следующие позиции под номерами:

- 111 – Тайба Каплан (Тайба – имя, Каплан – фамилия);
 321 – Гирш Иосеф Попок (Гирш Иосеф – имя, Попок – фамилия);
 361 – Рабин Гирш Камай (в данном случае перед именем указание на лидера общины и человека, имеющего глубокие знания в иудаизме (рабин (раввин));
 362 – Рабинова Сара Камай (жена Гирша Камай);
 704 – Др. Милер Мирон (др. – доктор);
 705 – Др. Милер Юлик;
 816 – Файвель Полонецки (Файвель – имя, Полонецки – фамилия);
 905 – Др. Мирон Милер;
 906 – Др. Юлик Милер;
 907 – Танхим Милер (Танхим – имя, Милер – фамилия).

Также следует обратить внимание на то, что в поименном списке присутствуют повторы и измененные данные. Начиная с № 601 (Эпштейн Сора) и заканчивая № 723 (Дойнолуская Ривка), аналогичные фамилии и имея с измененными 1–2 буквами, а также датами рождения повторяются с № 800 (Эпштейн Сора) по № 924 (Дойнолуска Ривка). Причем во втором случае имеет место двойной повтор под № 902, 903 (Трубович Ципа). Обнаружить неточность позволили строки, где фигурируют имена и фамилии докторов Мирона и Юлика Милеров.

Исходя из этого, исключив повторы в 124 фамилиях, был продолжен дальнейший анализ документа. Оставшиеся фамилии были оформлены в виде таблицы с целью проанализировать количество упоминаний каждой из них в поименном списке. В итоге, среди 285 наименований наиболее часто (десять раз и более) встречается 31 фамилия: Абрамович – 15, Абрамовская(ий) – 14, Вайнер – 10, Городейская(и) – 17, Гринвальд – 14, Груз – 14, Гуревич – 10, Жуховицкая(ий) – 15, Каган – 11, Каплан – 16, Кастроницкая(ий) – 10, Качан – 14, Левин – 12, Мамяс – 18, Манта – 14, Менакер – 12, Миранкер – 12, Мордухович – 13, Писецнер – 20, Позняк – 18, Рабинович – 31, Резник – 19, Рубинович – 13, Синдер – 10, Файн – 12, Цинкин – 11, Чеслер – 11, Шмунович – 15, Шнейдер – 10, Шрайбер – 18, Юршан – 18.

Таким образом, приходим к следующему выводу. Из списка в 1 602 фамилии, исключив повторы (124), пустые строки (10), получаем информацию с именами и фамилиями 1 468 жертв, которые все, за исключением Михаила Журавлёва, были убиты в Мире во время Великой Отечественной войны. Известны даты трех массовых расстрелов: два – 9 ноября 1941 года, один – 13 августа 1942 года.

9 ноября 1941 года около 1 500 евреев были расстреляны в песчаном карьере на окраине парка за Мирским замком и еще более семисот убиты на

западной окраине городка. 13 августа 1942 года более шестисот узников гетто, которое располагалось с мая по август этого года в Мирском замке, были расстреляны в урочище Яблоновщина неподалеку от Мира [3, с. 95].

Ошибочно утверждать, что в поименном списке из ЗГА в г. Барановичи представлены фамилии евреев, которые были расстреляны в песчаном карьере на окраине парка за Мирским замком в ноябре 1941 года. Доказательством тому служит одно из писем бывшей узницы мирского гетто Сарры Бенциановны Ландер (ур. Хаймович), которое было получено сотрудниками музея в феврале 2008 года, а также видеовоспоминание, полученное в мае 2010 года из Института Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии (интервью было взято сотрудниками фонда 17 июня 1998 года). В воспоминаниях Сарры Ландер подробно описан весь ужас происходящего в гетто после появления новости о том, что всех узников расстреляют: «<...> На следующий день после побега 11.08.42 года, выглянув в бойницы, <...> мы увидели, что замок окружен. На валах автоматчики и пулемётчики. Всё стало ясно. Паники в замке не было. Женщины стали собирать маленьких детей и одевать их по-праздничному, чтобы в могилу идти чистенькими. Все понимали, что гибель неизбежна. Мужчины <...> молились. Мои дедушка и бабушка приняли яд. Как сейчас помню, дедушка сказал: “Внученька, прости меня, я тебя за всё прощаю”. Тётя Соня дала 5-летней Ривочке яд. Перед приёмом малышка сказала: “Мама, у меня ничего не болит”. Сама тётя Соня и дядя Зяма приняли яд, но он на них не действовал, они проснулись. Тогда дядя Зяма перерезал себе вены – кровь не потекла. Моя мама тоже давала мне яд, но я отказалась и не разрешила принимать яд ей» [4]. Сарра Ландер в этих строках упоминает своего дедушку Шевеля (Савелия) Розовского, бабушку Либе Гитель Розовскую, фамилии которых в поименном списке обозначены под 1103, 1104, а также дядю Зяму Бермана, тетю Соню Берман и свою двоюродную сестру Риву (их дочь), фамилии которых в поименном списке обозначены под № 568–570. Кроме этого, в воспоминаниях Сарры Ландер содержится информация о ее дяде по материнской линии Яше Розовском, который оказался в числе чуть более двадцати человек, которых расстреляли в июле 1941 года в урочище Яблоновщина. Фамилия Яши Розовского в поименном списке обозначена под № 1105. Обращает на себя внимание и то, что в поименном списке использован вариант написания фамилии «Розовска(и)».

Ценным источником информации являются воспоминания Юлия Абрамовича Позняка, которые были записаны на диктофон сотрудниками музея в мае 2009 года. В поименном списке есть сведения о его дедушке Мироне Миллере, дяде по матери Юлике Миллере и двоюродном брате Танхиме

Миллере (в списках фамилии указаны с одной буквой «л» и проходят под № 704–706). Из воспоминаний Ю. А. Позняка известно, что его дед Мирон Миллер был убит в ноябре 1941 года, а дядя с женой и сыном смогли сбежать из гетто, которое находилось в Мирском замке, незадолго до расстрела 13 августа 1942 года. Однако в лесу, попав в облаву, семья решила расстаться с жизнью, выпив яд. Удалось выжить только жене Юлика Миллера. Фашисты посчитали, что она мертвая, и прошли мимо.

Также из ЗГА в г. Барановичи в 2022 году по запросу сотрудников музея были получены электронные копии следующих документов:

– «Обобщенные сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний» (ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 1);

– «Акт Мирской районной комиссии по учету совершенных злодеяний немецко-фашистскими захватчиками в Мирском районе. 25.04.1945» (ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 58–58 об.);

– вырезка газеты «Советская Белоруссия» за 1995 год со статьей Евгения Сулыги «Скромный плотник оказался военным преступником» (ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 76 а);

– «Протокол опроса свидетелей от 25 апреля 1945 г.» (ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 81 а);

«Список немецких преступников и их сообщников, совершивших злодействия на территории Мирского района, Барановичской области, в период немецкой оккупации» (ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 82 а–82 б).

В Национальном архиве Республики Беларусь в 2009 году были выявлены и изучены документы, касающиеся истории местечка Мир во время Великой Отечественной войны:

– «Разведывательные донесения особых отделов бригад о состоянии гарнизонов противника в городах и местечках Барановичской, Минской и Вилейской областей. 3 июня – 31 декабря 1943 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 21);

– «Отчеты командования бригады им. Г. К. Жукова о боевых операциях, диверсионной деятельности, количественном составе и вооружении отрядов, разведдонесения агентурных работников бригады о состоянии гарнизонов противника в Столбцовском и Мирском районах, движении вражеских эшелонов на участке Минск – Барановичи, документы о расформировании бригады (приказания, рапорты, акты, справки, переписка, списки). 14 июня 1943 г. – 27 июля 1944 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 531). На л. 103 представлена «Схема нападения бригады на немецкий гарнизон м. Мир 20 марта 1944 г.»;

– «Отчеты командования партизанских отрядов бригады им. Г. К. Жукова о разведывательной работе, разведдонесения и сведения агентурных работников о состоянии гарнизонов противника в Ивенецком, Кореличском,

Мирском и Столбцовском районах, передвижении вражеских эшелонов на участке Минск – Барановичи. 27 октября 1943 г. – 21 июля 1944 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 536);

– «Разведывательные донесения Столбцовского подпольного межрайцентра и разведдонесения штаба бригады им. Г. К. Жукова о состоянии гарнизонов противника в местечках Городея, Кореличи, Столбцы, передвижении вражеских воинских частей на железнодорожном участке Лида – Барановичи, зверствах оккупантов на территории Мирского и Столбцовского районов. Декабрь 1943 г. – июль 1944 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 537);

– «Отчеты командования отряда им. Н. Н. Воронова о боевых операциях, диверсионной деятельности, количественном составе и вооружении, сведения о состоянии гарнизонов противника и оперативной обстановке в местечках Мир, Столбцы и районах; документы о хозяйственной деятельности отряда (акты, ведомости, расписки); списки партизан и агентурных работников отряда. Март 1943 г. – 26 июля 1944 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 549). На л. 62 представлен «План военного городка гарнизона м. Мир»;

– «Донесения и докладные записки командования отряда им. Н. Н. Воронова о диверсионной деятельности партизан, состоянии гарнизонов противника в м. Мир и г. Столбцы, передвижении эшелонов противника и воинских частей, политico-массовой работе среди партизан и местного населения. 20 марта 1943 г. – 28 июня 1944 г.» (ф. 1399, оп. 1, д. 552).

Из Государственного архива Брестской области в 2023 году были получены электронные копии документов на немецком языке, содержащие информацию о побеге Освальда Руфайзена, благодаря которому смогли спастись чуть более двухсот узников мирского гетто (человек, ф. 995, оп. 1, д. 7, л. 211, 215–215 об., 237).

Отдельно в 2022 году электронные копии документов из Национального архива Республики Беларусь и архива УКГБ по Гродненской области были предоставлены Кореличским районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области. Этот материал был включен в раздел экспозиции «Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны».

Обширный комплекс фотографических материалов по истории довоенного Мира был также выявлен на сайтах Мемориального музея Холокоста (США) и Мемориального комплекса Яд ва-Шем (Израиль).

27 января 2024 года обновленная экспозиция, посвященная войнам XX века и нахождению гетто в Мирском замке, была открыта для посетителей.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что поисковая работа по сбору сведений, имеющих отношение к событиям, происходившим

в Мире во время Великой Отечественной войны, не остановлена. Ее результаты на постоянной основе находят отражение в экспозиционной, выставочной и научной деятельности музея.

Библиографический список

1. Барановичская областная комиссия содействия в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по Барановичской области // Зональный государственный архив в г. Барановичи. Ф. 616. Оп. 1. Д. 71.
2. Журавлёв Михаил Михайлович / Партизаны Беларуси [Электронный ресурс]. – URL: <https://partizany.by/partisans/110559/> (дата обращения: 06.06.2025).
3. Новицкая. О. В., Прокопенко Л. Е. Материалы о Великой Отечественной войне из частных архивов и музейных коллекций для экспозиции Мирского замка // Мірскі замак. Крыніцы стварэння музейных экспазіцый : гісторыка-дакументальная матэрыялы і інфармацыйная тэхналогія : матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (г. п. Мір, 29 мая 2009 г.) / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь ; нав. рэд. : Н. М. Усава. – Мінск : Медысонт, 2013. – С. 93–109.
4. Письмо Сарры Ландер // Архив музея «Замковый комплекс «Мир». Ф. 3. Аи 00342.

Голоса из оккупации: Показания музейных сотрудников и мирных жителей о немецкой оккупации Петергофа в 1941–1943 годах

П. В. Петров¹



Аннотация. В истории Петергофа периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов вплоть до настоящего времени существовали значительные лакуны, объясняемые отсутствием достоверных источников. К одной из малоизученных тем в отечественной историографии относилась история немецкой оккупации Нового Петергофа в период с 23 сентября 1941 по 19 января 1944 года. Нехватка документальных свидетельств об этом времени приводила к возникновению ряда мифов и легенд, связанных с обстоятельствами пожаров и разрушений дворцов, а также исчезновением музейных коллекций. Крайне важным для Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников являлся поиск непосредственных участников тех событий. В статье пойдет речь о таком важном источнике по истории военного Петергофа, как показания очевидцев – сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков и мирных жителей Петергофа, которые стали свидетелями захвата города немецкими войсками в сентябре 1941 года и последовавших затем событий.

Ключевые слова: оккупация, дворец, пожар, обстрел, руины, свидетель, показания.

¹ Петров Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований ФГБУК «Государственный музей-заповедник «Петергоф», Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, Разводная ул., 2.

Petrov Pavel Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Museum Research of the Peterhof State Museum, Russia, 198516, St. Petersburg, Peterhof, Razvodnaya st., 2.

Voices from the Occupation: Testimonies of Museum Staff and Civilians on the German Occupation of Peterhof in 1941–1943

Summary. Significant gaps in the history of Peterhof during the Great Patriotic War of 1941–1945 persist to this day, due to the lack of reliable sources. One of the little-studied topics in Russian historiography was the history of the German occupation of New Peterhof from September 23, 1941, to January 19, 1944. The lack of documentary evidence from this period led to the emergence of a number of myths and legends surrounding the circumstances of the fires and destruction of the palaces, as well as the disappearance of museum collections. For the Leningrad City Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and their Accomplices, identifying the direct participants in those events was crucial. The article will discuss such an important source on the history of wartime Peterhof as eyewitness testimony – employees of the Peterhof palaces, museums and parks and civilians of Peterhof who witnessed the capture of the city by German troops in September 1941 and the events that followed.

Keywords: occupation, palace, fire, shelling, ruins, witness, testimony.

В военной истории Петергофа тема немецкой оккупации длительное время являлась не просто малоисследованной, а по сути, была «белым пятном». Причем такая сложная ситуация в историографии объяснялась, прежде всего, длительным отсутствием источников по теме – как отечественных, так и немецких. К сожалению, это приводило к созданию разного рода мифов и легенд, связанных с историей Петергофа в Великой Отечественной войне [1, с. 44–63]. Оставляя в стороне важную проблему с выявлением немецких боевых документов за период боевых действий в Петергофе в сентябре 1941 – январе 1944 годов, могущих пролить свет на отдельные события этого периода музейной истории², сосредоточим свое внимание на свидетельствах непосредственных очевидцев тех событий – музейных сотрудников и жителей Петергофа, описывавших начальный этап немецкой оккупации дворцово-паркового комплекса.

Понимая всю важность темы немецкой оккупации для истории Петергофских дворцов-музеев и парков, при подготовке двухтомного сборника документов «Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945» [2]

² Отдельные дела с боевыми документами немецких воинских соединений и частей, воевавших в Петергофе в 1941–1944 гг., хранятся в фондах ЦГА СПб (Ф. Р-3357) и ЦАМО РФ (Ф. 500).

сотрудники ГМЗ «Петергоф» выявили интересные документы в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Центральное место здесь занимают такие материалы, как показания свидетелей, данные для Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [3, л. 191; 4, л. 24–26, 29–32, 76, 87–88; 5, л. 143–148]. Они впоследствии активно использовались при составлении «Акта о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Петродворца (Петергоф) и их злодеяниях над мирным населением» [6, л. 1–28; 7, л. 1–28]. А в архиве КГИОП, в личном фонде Н. Н. Белехова [8, л. 86, 88–89 об., 90–91; 9, с. 75–77], и архиве ГМЗ «Петергоф», в личном фонде М. А. Тихомировой [10, л. 7–7 об., 8–9 об.], были выявлены специальные вопросы по периоду оккупации, составленные сразу после освобождения Петергофа, для опроса возможных свидетелей обвинения. Сопоставление указанных документов привело нас к заключению, что между всеми вышеуказанными документами существует определенная взаимосвязь.

Освобождение в ходе операции советских войск «Январский гром» в январе 1944 года пригородов Ленинграда – Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины – сразу же поставило перед органами государственной власти и управления культурой задачу выяснения состояния, в котором находились дворцы-музеи в указанных городах. В наиболее тяжелом состоянии оказался Петергоф, в течение двух с половиной лет находившийся на линии соприкосновения советских и немецких войск. Предстояло оценить весь масштаб ущерба, нанесенного его дворцам и паркам многочисленными обстрелами и бомбардировками, а также оккупационной политикой немецкого командования. Ситуация здесь усугублялась тем обстоятельством, что на момент освобождения в Новом Петергофе совершенно отсутствовало мирное население. А между тем, необходимо было найти свидетелей, которые могли бы рассказать об обстоятельствах жизни при оккупантах и причинах разрушения ансамбля.

Уже первичный осмотр территории дворцов и парков Петергофа, проведенный музейными сотрудниками и представителями органов власти Ленинграда, показал, что за время немецкой оккупации имел место целый ряд чрезвычайных событий – пожар и разрушение центральной части Большого дворца, тяжелые повреждения малых петровских дворцов (Марли, Монплезир, Екатерининский корпус), исчезновение остававшихся на месте музейных коллекций, в том числе крупной фонтанной скульптуры – «Самсона, раздирающего пасть льва», «Нептуна», «Невы», «Волхова» и других статуй.

Помимо этого, советскую сторону интересовала также деятельность немецкого военного командования по вывозу ценностей из музея.

С целью выяснения всех обстоятельств, связанных с пригородными дворцами-музеями в период оккупации, в рамках деятельности Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее – Комиссия)³, в начале 1944 года стали составляться специальные вопросники для опроса местных жителей. Судя по сохранившимся в самых разных архивах документам, вопросы, связанные с выяснением всех обстоятельств немецкой оккупации Петергофа, формулировались одновременно несколькими членами этой комиссии – начальником ГИОП г. Ленинграда Н. Н. Белеховым [8, л. 88–89 об., 90–91], архитектором В. И. Пилявским [8, л. 86] и старшим научным сотрудником – ответственным хранителем имущества Петергофских дворцов-музеев М. А. Тихомировой [10, л. 7–7 об., 8–9 об.].

Сравнивая между собой все вопросы для снятия показаний местных жителей и музейных сотрудников Петергофа, составленные указанными лицами, нельзя не заметить целый ряд общих тем. В первую очередь это касается пожара и последующего разрушения здания Большого дворца, затем разрушения фонтанной системы и похищения фонтанных скульптур Верхнего сада и Нижнего парка, и, прежде всего, знаменитого «Самсона, раздирающего пасть льва». Также сюда же стоит отнести и вопросы, связанные с пожарами и повреждениями от обстрелов малых петровских дворцов Нижнего парка – Монплезира, Марли и Эрмитажа. Волновала всех и проблема исчезновения подавляющей части музейных коллекций петергофских дворцов.

Одной из членов Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников являлась старший научный сотрудник и хранитель дворцов-музеев г. Петродворца М. А. Тихомирова. В ее задачи входили периодические выезды для осмотра сохранившихся зданий пригородных дворцов, определения размеров нанесенного ансамблям материального ущерба и поиска вещей из петергофских музеев. С этой целью для нее в конце февраля 1944 года было оформлено специальное командировочное удостоверение, позволявшее об-

³ 6 мая 1943 г. решением Исполкома Ленгорсовета № 91-1 создана Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Одной из ее задач было установление и расследование причиненного ущерба «государственным предприятиям и учреждениям города Ленинграда (включая Кронштадт, Колпино, Пушкин, Петергоф и дворцы и парки в Красногвардейске, Слупске и Ораниенбауме)».

следовать памятники архитектуры и музейное имущество, находящееся под государственной охраной [11, л. 1].

Уже 9 февраля 1944 года Марина Александровна выехала с членами Комиссии в Гатчину⁴, где ею был произведен опрос петергофских жителей, утешенных немецкими властями в Гатчину еще осенью 1941 года. В частности, Тихомирова писала в своем дневнике, что пыталась тогда «выяснить судьбу дворцового имущества и захоронений», но, по ее словам, это было «пока бесполезно» [12, л. 10]. В последовавших своих недатированных дневниковых записях она указывала, что тогда проводился опрос свидетелей Пулькиных – матери и дочери⁵. По их словам, «дворец⁶ горел», по слухам, его подожгли. Вещи немцы вывозили из развалин дворца. Причем, на протяжении «8 месяцев I кампания (рота по-немецки – П. П.) вывозила много вещей из дворца». По словам свидетелей, немецкие солдаты «ездили во дворец каждый день и грабили» [10, л. 12]. Также свидетелями Пулькиными была сообщена следующая важная информация, что «Б. Д.⁷ загорелся при вступлении немцев. Все имущество разграблено в индивидуальном порядке. Мебель погибла вместе с дворцом, отдельные безделушки вынимали из развалин, часть разбили», а часть отправили в Германию. Okкупанты также искали захоронения статуй. Все оставшиеся скульптуры были вывезены немцами, а отделка интерьеров дворца ими запаковывалась и отправлялась домой. Буквально перед началом советской наступательной операции «Январский гром» оккупанты все еще «копались в развалинах и вынимали мелочи» [10, л. 12 об.]. Чуть позже, 21 февраля, Тихомирова вернулась в своем дневнике к обстоятельствам того опроса и записала, вероятно, о Большом дворце, что он «загорелся на 2-й день (25?)⁸. 26 дворец уже догорал». Также она записала, что свидетели видели, как немецкие оккупанты «везли «Самсона» (целый), возами мебель» [12, л. 23].

22 февраля М. А. Тихомирова отмечает в своем дневнике, что завтра ей предстоит ехать в Гатчину «для опроса Петергофских жителей» [12, л. 24]. И действительно, следующий день, 23 февраля, у нее в дневнике отражен

⁴ Об этой поездке в Гатчину в своем дневнике также говорит С. Н. Балаева. – Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 145.

⁵ Интересно будет отметить, что официальных показаний Пулькиных в архивах пока не найдено. Они фигурируют лишь в дневнике М. А. Тихомировой.

⁶ Имелся в виду Большой петергофский дворец.

⁷ Большой петергофский дворец.

⁸ На самом деле Большой дворец загорелся днем 23 сентября 1941 г. при захвате Нового Петергофа немецкими войсками.

очень короткой фразой – «В Гатчине» [12, л. 25]. Факт ее пребывания в Гатчине и работы в составе Комиссии подтверждается целым рядом показаний, данных жителями довоенного Петергофа о событиях сентября 1941 года, подписанных именно этим днем (23 февраля 1944 года), – это свидетельства М. Р. Барабановой (илл. 2), Е. С. Андреевой (илл. 3), В. А. Пищиковой, А. С. Засовенко и Г. М. Любавского.

В показаниях Барабановой, Андреевой и Пищиковой, примерно одинаковых по объему, есть несколько общих черт, которые стоит отметить. Во-первых, все авторы уверенно говорят, что захват Нового Петергофа произошел 23 сентября 1941 года [4, л. 31, 76, 88]. Затем все опрошенные сразу же сосредоточивают свое внимание на обстоятельствах своего принудительного выселения из Петергофа 26 сентября. По словам чернорабочей завода «Красный треугольник» М. Р. Барабановой, немецкие вонные власти «на сборы дали 15 минут», поэтому «никто из жителей, и я в том числе, не успели взять с собой никаких вещей. Заставили уйти пешком, без продуктов» [4, л. 76]. По свидетельствам Е. С. Андреевой и А. С. Засовенко, работавших на заводе ТТК⁹ № 1, немецкое командование приказали «до 12 ч. дня покинуть Петергоф, сказав, что это временно на 2–3 дня, поэтому ничего нельзя было брать, кроме узелка с провизией» [4, л. 87], «отдан приказ всем жителям оставить город до 12 ч. дня якобы день на два» [4, л. 31]. Дальнейшие показания свидетелей касались уже обстоятельств их жизни за пределами Петергофа.

К сожалению, о состоянии музеиных зданий и коллекций опрошенные помнили довольно мало. К примеру, свидетель фельдшер В. А. Пищикова помнила, что «26 сентября 1941 г., проходя мимо дворца, стояли только стены, крыши не было, на стенах видны были следы дыма». Как выглядел Большой дворец с внутренней стороны она уже не видела [4, л. 88]. По словам Пищиковой, с вступлением немцев в Новый Петергоф «сейчас же начался грабеж всяких вещей из закрытых квартир, взламывая двери, окна. А после общей эвакуации населения по Красному проспекту тянулись непрерывные обозы, нагруженные разными вещами» [4, л. 88]. В дальнейшем, она разговаривала с петергофской жительницей, которая ей сказала, что «якобы немцы вывозили мебель из Петергофского дворца в Гатчину для отправки в Германию» [4, л. 88]. А свидетель Е. С. Андреева, оказавшаяся с семьей у совхоза «Пятилетка» возле Петергофа, вспомнила, что «по Ропшинской дороге, где стояли наши вагончики, на машинах немцы вывозили всяческое имущество, мебель и другое, все вплоть до детских саночек». В начале ноября 1941 года

⁹ Завод точных технических камней № 1 в Петергофе, расположенный в здании бывшей Границной фабрики.

она увидела, что «едет машина и на ней лежит фигура Самсона, частично прикрыта палаткой. Часть фигуры была видна, и блестело золото. Мы сразу все узнали Самсона и говорили друг другу: "Самсона нашего увезли" [4, л. 87]. Уже впоследствии в Гатчине она услышала, что скульптура «Самсон» находилась на железнодорожной станции в Гатчине [4, л. 87]. Здесь стоит заметить, что, согласно всем имеющимся документальным материалам, вывоз фонтанной скульптуры «Самсон, раздирающий пасть льва» мог состояться не ранее ноября 1942 года, потому Андреева либо ошиблась с датой, либо видела на дороге какую-то другую скульптуру, перевозимую немцами и принятую ею за «Самсона».

Несколько особняком в этом ряду стоят показания петергофской жительницы З. Г. Манохиной, которые она дала в Гатчине 2 февраля 1944 года для Комиссии (илл. 1). В отличие от ранее рассмотренных свидетельств очевидцев, они были более подробными, поскольку ей удалось задержаться в Петергофе дольше других жителей, и она смогла сообщить ряд важных сведений о начале немецкой оккупации города. После того, как 23 сентября 1941 года немецкие захватчики ворвались в город, они вошли в убежище в доме № 54 по Красному проспекту, где укрывалась З. Г. Манохина, и «стали брать вещи при наших глазах». По словам Манохиной, «Турнова заставили свою собственную кровать вынести им, у гр-ки Королевой взяли котиковую шубу, а когда она им сказали, (что они делают, мы живем и так бедно), а они ей ответили видно что бедно так живут только комиссары» [4, л. 24, 27]. Когда Манохина пошла к дому, где постоянно проживала (Нижний парк, Военная гавань, дом № 3, квартира № 4), она увидела, что «дворец уже горел, а мебель стояла на Прудовой улице». К дому ее не пустили, а немецкий офицер сказал, «чтобы мы все убрались к 12 часам». В 12 часов всех жителей, кто оставался в доме № 54 по Красному¹⁰ проспекту, где было убежище, «выгнали сказав, что бы вещи не брали а через 3 дня приедете за своими вещами и будете жить в своих домах. Нас осталось человек 25, сидели 2-е суток, к нам же прибежала одна еврейская семья» [4, л. 24, 27].

Манохина с несколькими жителями решили не уходить из Петергофа вместе со всем высыпаемым населением 26 сентября, а остаться на время в городе. Однако уже 27 сентября «немцы узнали, что мы живем и стали нас выгонять, выгнали за 5 минут, били прикладами, толкали, а еврейскую семью потащили во двор... С 27 мы скрывались на Пролетарской в траншеях, 28 выгнали, мы снова стали скрываться на ул. Коммуна по траншеям... Каждую ночь немцы жгли дома поджигали с 7 часов вечера. Снова выгнали,

¹⁰ В настоящее время – Санкт-Петербургский проспект.

скрывали у вокзала в траншеях, через несколько дней мы снова перешли на ул. Коммуну в траншею, жили 19 дней...» [4, л. 25, 27]. В итоге, 8 ноября З. Г. Манохина и еще несколько остававшихся жителей были вывезены немецкими солдатами из Петергофа в поселок Володарского, где она устроилась на работу в инвалидный дом [4, л. 26, 27об.]. Чуть позже, в 1944 году, Манохина дополнила свои прежние показания кратким дополнением, емко объединившим все события в Петергофе в одном абзаце: «В Петергофе была до 6 ноября 1941 года, скрывалась по траншеям. 24 или 25 сентября я шла мимо дворца по ул. Коминтерна. Дворец горел. Никто дворец не тушил. У дворца по ул. Коминтерна были сложены дворцовые вещи. Невдалеке от них стояли автомашины, у которых сгруппировались немцы. Часть статуй фонтана еще стояла, в том числе Самсон» [3, л. 191] (подчеркнуто в документе – П. П.). В дальнейшем, показания петергофских городских жителей (Андреевой, Барабановой, Засовенко, Любавского, Манохиной, Пищиковой) были включены в официальный «Акт о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Петергофа) и их злодеяниях над мирным населением» в качестве доказательной базы [6, л. 17–19; 7, л. 17–19], (илл. 4).

Однако среди допрашиваемых свидетелей пока еще не было сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков, которые могли дать куда более достоверные и развернутые ответы о состоянии музеиных объектов в самом начале немецкой оккупации и судьбе музеиных коллекций. Бывшие сотрудники музея, по разным причинам остававшиеся на момент захвата Петергофа немецкими войсками, стали возвращаться на прежнее место уже летом 1944 года. Этому обстоятельству способствовали решения Исполкома Ленгорсовета № 112-22 от 23 апреля 1944 года «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев» [13, л. 80–83] и № 112-46 от 26 апреля 1944 года «О разрешении населению освобожденных городов и районов переезда на прежнее местожительство» [14, л. 202]. В частности, было разрешено «гражданам, ранее проживавшим в гг. Пушкин и Петергоф, находящимся в настоящее время в освобожденных районах Ленобласти, возвращение на постоянное жительство в гг. Пушкин и Петергоф» [14, л. 202].

Уже с 25 мая 1944 года, согласно приказу № 9 Дирекции Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков, вернувшаяся из оккупированных районов Ленинградской области бывший научный сотрудник и хранитель музеев Александрии Варвара Ивановна Сладкевич была назначена временно исполняющей обязанности ответственного хранителя собранных музеиных ценностей [15, л. 3 об.–4]. В момент захвата Нового Петергофа не-

мецкими войсками Варвара Ивановна оставалась на территории музея и попала в плен. Затем она была вывезена немцами вместе с дочерью в Стрельну, а позже отправлена в Кингисеппский район. В начале 1942 года Сладкевич направлялась немецкими оккупационными властями в разные населенные пункты Осьминского района Ленинградской области, а затем – Гдовского района. В конце сентября 1943 года она ушла к партизанам и работала медсестрой в госпитале 2-го партизанского края в деревне Заовражье, до освобождения этой местности. С марта по май 1944 года Сладкевич продолжала работать медсестрой и завхозом в больнице райздрава Сланцевского района, пока не вернулась в Петродворец [16, л. 1 об., 5 об.–6]. 25 мая В. И. Сладкевич принимается на работу временно исполняющей обязанности ответственного хранителя собранных музеиных ценностей, а 15 сентября становится старшим научным сотрудником дворцов-музеев и парков Петродворца [16, л. 10, 11].

Давая показания уполномоченному Комиссии М. А. Тихомировой, зафиксированные 26 декабря 1945 года, Варвара Ивановна прежде всего подчеркнула, что «по распоряжению директора дворцов-музеев и парков¹¹ я находилась во дворце музея Монплезир вместе с пожарно-сторожевой охраной» [5, л. 147]. День 23 сентября 1941 года Сладкевич запомнила очень хорошо, поскольку «весь день шел усиленный обстрел Петергофа», а «днем в кладовую скульптуры в Банном корпусе Монплезира попал снаряд, разрушивший юго-восточную часть Банного корпуса, после чего мною было дано распоряжение спуститься всем в убежище – подвал Монплезира» [5, л. 147]. Спустя небольшие промежутки времени, 15–20 минут, она выходила из убежища и каждый раз видела все новые разрушения. К примеру, «в восточной стене Екатерининского корпуса зияли пробоины, как подкошенная трава падали деревья в садике Монплезира и в Нижнем саду. Попала мина и в чердачок восточного люстгайза Монплезира, пробив потолок и уничтожив живопись. Загорелась караулка у Монплезира» [5, л. 147]. Вечером 23 сентября во дворец ворвались немецкие захватчики, которые взломали петровские шкафы в кухне Монплезира и разбили оставшуюся там стеклянную посуду.

На следующий день, 24 сентября, около двенадцати часов дня Сладкевич вместе с другими жителями «штыками были выгнаны из убежища и под конвоем через Нижний сад и парк Александрия препровождены до Ленинградского шоссе» [5, л. 147]. В это время уже была разрушена часть стены Александрии, из Коттеджа вытаскивалась мебель. Далее она лишь помнила, что

¹¹ Здесь имеется в виду директор Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков М. М. Ребанэ, занимавший эту должность с 29 июня по 19 декабря 1941 года.

«25 или 26 сентября через Стрельну из Петергофа вереницей шли грузовые машины, наполненные вещами, в том числе и музейной мебелью, главным образом из музея Коттедж» [5, л. 147]. Таким образом, Сладкович не увидела пожара Большого дворца 23–25 сентября и не смогла дать показаний по этому вопросу.

8 января 1945 года на работу в дворцы-музеи и парки Петродворца вернулся еще один из прежних сотрудников музея – бывший старший научный сотрудник и хранитель Петергофских дворцов-музеев (с марта 1924 по май 1940), а затем реставратор, возглавлявший сектор живописи Центральных реставрационных мастерских УКППЛ (с мая 1940 по июль 1941) Николай Петрович Удаленков. В августе-сентябре 1941 года на добровольных началах он помогал в эвакуации музейного имущества Петергофа [17, л. 1 об., 3 об.]. Благодаря его показаниям, данным уполномоченному Комиссии М. А. Тихомировой 24 декабря 1945 года, в нашем распоряжении имеется наиболее подробное описание событий, связанных с пожаром Большого дворца в сентябре 1941 года.

Итак, по словам Удаленкова, «в ночь с 23 на 24 сентября 1941 г. территория Большого Петергофского дворца и прилегающая к нему местность были заняты немцами». В эту и предыдущую ночь и день он находился в бомбоубежище в доме № 1-а по ул. Дворцов и музее¹², где и проживал. Весь последний день и ночь была сильная артиллерийская канонада и ружейная стрельба. «Примерно около одного часа ночи стрельба стихла. В это время находившиеся в бомбоубежище услышали звуки, напоминавшие трещотку, которые обходили здание кругом. Некоторые приписывали эти звуки стрельбе из автомата» [5, л. 146]. После этого наступила тишина, но никто из находившихся в бомбоубежище не решался выйти. С наступлением рассвета¹³ за дверьми бомбоубежища раздался свисток и дверь открыли. В бомбоубежище вошли два немецких солдата и спросили, есть ли здесь военные, а «после отрицательного ответа они приказали всем мужчинам выйти на улицу, и когда все мужчины вышли, их направили в Верхний сад на Гербовую аллею, здесь все увидели пожар Большого дворца. Пожар распространялся с востока на запад, и в этот момент загорелся корпус с Парадной, или Купеческой, лестницей» [5, л. 146]. (Итак, Удаленков свидетельствовал, что загорелся Большой дворец с восточной стороны, то есть со стороны насту-

¹² Имеется в виду 1-й Министерский дом, находящийся сейчас по адресу: ул. Морского Десанта, д. 1.

¹³ Вероятно, здесь Удаленков имеет в виду утро 24 сентября, поскольку весь предыдущий день шел бой за Новый Петергоф, который был захвачен немецкими войсками.

павших немецких войск. Вероятно, это произошло от попадания немецкого снаряда).

На Гербовой аллее Н. П. Удаленков с другими жителями простояли не менее трех часов. За это время сгорел корпус с Парадной лестницей¹⁴ и западная, или Гербовая, галерея. По его свидетельству, «многие стоявшие, и в этом числе и я, указывая на горящий дворец, говорили, что горит дворец-музей, указывали жестами, что можно залить водой и растаскать галерею, чем спасти корпус за Гербом, но никакого ответа от сторожившего нас солдата с мертвой головой на каске не получили» [5, л. 146]. Когда начал гореть Корпус под гербом, Удаленкову и другим было приказано стать в колонну, после чего сопровождавший их немецкий солдат повел через Верхний сад мимо горевшего дворца. Причем, «на улице, у Парадного и Петровского подъездов, а также у подъезда Ольгинской, или Восточной, половины стояла различная музейная мебель, которая была сосредоточена в нижнем этаже Большого дворца» [5, л. 146].

Затем Удаленкова вместе с военнопленными и гражданскими лицами повели в один из бывших домов отдыха, располагавшихся в Дворцовых кююнях, где разместился штаб немецкой воинской части. Здесь в здании всех пленных обыскивали и разделили на разные потоки. Затем, по свидетельству Н. П. Удаленкова, он как пенсионер и инвалид был отпущен немецким офицером домой [5, л. 146 об.]. Возвращаясь назад и проходя через Верхний сад мимо Большого дворца, он увидел следующую картину: «...дворец сгорел полностью. Купол герба провалился, сгорела и научная часть в корпусе за гербом, пожар остановился на каменной арке корпуса за гербом, пожар погас, уже ничто не дымилось» [5, л. 146 об.]. (Еще одно очень важное свидетельство Удаленкова, говорящее о том, что весь Большой дворец, вместе с боковыми корпусами (Церковным и под гербом), был полностью уничтожен пожаром 23-24 сентября 1941 года).

В последующие дни Удаленков был выслан немцами из Петергофа вместе со всем гражданским населением, скитался в 1942–1943 годах по оккупированной территории Калининской области. В период с 20 января по 13 октября 1944 года он находился в городе Риге. Все это время, пребывая в оккупации, Н. П. Удаленков нигде не работал и добывал средства к существованию «исполнением икон, и портретов как кустарь» [17, л. 2]. Оказавшись в Петродворце в начале января 1945 года, Николай Петрович получил в музее должность ученого реставратора и проработал здесь до марта 1946 года, после чего был переведен во вновь организованные Реставрационные мастерские

¹⁴ Западная половина Большого дворца.

в г. Пушкине при Центральном хранилище музейных фондов в качестве заведующего секцией живописи [17, л. 1 об., 9].

Помимо В. И. Сладкевич и Н. П. Удаленкова, еще два сотрудника Петергофских дворцов-музеев в декабре 1945 года дали свои небольшие по объему показания о начале оккупации города. Это были Валентина Владимировна Маркова и Ольга Константиновна Попова-Тимофеева. Первая из них во время захвата Нового Петергофа немецкими войсками находилась в течение нескольких дней в подвале дома № 52 по Красному проспекту. 23 сентября во второй половине дня В. В. Маркова вышла на улицу, услышав от других, что горит Большой дворец, и увидела, «что из центральной части его пробиваются клубы густого дыма, главным образом из-под крыши его, вспомнила про обстоятельства пожара Большого дворца» [5, л. 144].

Что касается О. К. Поповой-Тимофеевой, то она, находясь в подвале дома № 17 по улице Аврова, где проживала до войны, в ночь с 23 на 24 сентября 1941 года наблюдала «огромное зарево, нависшее над тем местом, где находился Большой дворец. Пожар продолжался сутки». В это время и в остальные дни по улице Аврова, по направлению к Большому дворцу, ездило множество немецких грузовых автомашин и военных повозок. По ее словам, все это время «в большом количестве разгуливали немецкие солдаты и офицеры с топорами в руках, взламывали квартиры и увозившие все, что только можно, а затем поджигавшие дома» [5, л. 148].

Однако не у всех бывших музейных сотрудников счастливо сложилась судьба и они смогли вернуться в прежние места проживания. Ряд музейщиков пропали без вести в ходе оккупации Петергофа и их последующие следы затерялись. В списке вопросов, составленном ГИОП Ленинграда, были указаны следующие сотрудники Петергофских дворцов-музеев, оставшиеся на момент захвата города немецкими войсками, – управляющая делами Т. В. Арчая, заведующий Большим дворцом Ф. А. Лосев и научный сотрудник, хранитель музеев Александрии В. И. Сладкевич [8, л. 90]. И если последняя осталась жива и вернулась на прежнее место работы, то первые два сотрудника бесследно исчезли после сентября 1941 года.

Наиболее примечательной фигурой являлся заведующий Большим дворцом Филарет Александрович Лосев, несомненной заслугой которого стало сопровождение петергофских музейных ценностей первой и третьей очередей эвакуации в город Горький в конце июня и в июле 1941 года [18, л. 7]. Большую помощь Ф. А. Лосев оказал также в ходе упаковки музейных предметов Петергофа всех очередей [19, л. 32 об.]. Поскольку Лосев являлся членом ВКП(б) с 1928 года, его судьба после войны заинтересовала Петродворцовый райком партии, направивший соответствующий запрос в районный

отдел НКГБ, откуда 29 ноября 1945 года пришел неожиданный ответ: «...по имеющимся в РО НКГБ данным добровольно остался на территории подвергшейся оккупации немецко-фашистскими войсками. Местонахождение ЛОСЕВА в настоящее время не установлено» [20, л. 5]. Уже на следующий день Петродворцовый райком ВКП(б) заочно рассмотрел персональное дело Ф. А. Лосева и вынес постановление – «из партии исключить, как не оправдавшего высокого звания члена партии» [20, л. 4]. Остается только догадываться о подлинных обстоятельствах исчезновения Лосева осенью 1941 года. Возможно, он погиб при захвате Петергофа или в ходе последующей оккупации, попав в категорию пропавших без вести, а может быть, оказался среди перемещенных лиц и остался затем в Западной Европе.

Оценивая в целом показания мирных жителей и музейных работников как источник по военной истории Петергофа, нельзя не отметить его большую ценность и, по сути дела, незаменимость, поскольку других документальных свидетельств с советской стороны по этой теме не имеется. Очень важными они оказались при выяснении обстоятельств гибели Большого дворца и его богатейших коллекций в сентябре 1941 года. По другим объектам Петергофа, к сожалению, точной информации было сообщено немного. Разумеется, следует расширять круг поисков новых документов. Возможно, что в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранятся более подробные, развернутые показания вышеуказанных лиц, которые они давали органам НКВД/НКГБ в 1944–1945 годах и которые дали бы ответы еще на какие-то вопросы, связанные с разрушениями дворцов и судьбой музейного имущества.

Библиографический список

1. Топаж Х. И. Петергоф, возрожденный из пепла. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. – 167 с.
2. Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945 / сост. П. В. Петров, Т. Г. Яковлева; ГМЗ «Петергоф». – СПб, 2019. – Т. I. 460 с. – Т. II. 428 с.
3. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 253.
4. ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 6. Д. 1091.
5. ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 6. Д. 1096.
6. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 1729.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 6. Д. 1112.
8. Архив КГИОП. Фонд Н. Н. Белехова. Папка 56.

9. Сборник документов из архивного собрания Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. – Т. II / сост. В. В. Воронин, Ю. Ю. Бахарева, В. А. Семенова; КГИОП. – СПб. : Папирос, 2024. – 248 с.

10. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6734/30-ар.
11. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6734/5-ар.
12. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6734/23-ар.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1534.
14. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1535.
15. ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 44.
16. ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 840.
17. ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961.
18. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110.
19. Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16689 (Р-73).
20. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-705. Оп. 9. Д. 1397.

Сохраняя память. О «Блокадной комнате семьи Агте»

И. В. Романенко¹



Аннотация. Часть постоянной экспозиции Мемориального музея «Разночинный Петербург» – «Блокадная комната семьи Агте». Она создана на основе предметов блокадного быта, которые в 2004 году в музей передала Нина Михайловна Рогозина, внучка Александра Агте – доцента Технологического института. На основе «Блокадной комнаты» в музее проводятся экскурсии и занятия для разных аудиторий.

Ключевые слова: семья Агте, Технологический институт, блокада Ленинграда, блокадная комната, музей, экспозиция, музейное занятие.

Preserving Memory. About "The Agtes' blockade room"

Summary. The Agtes' blockade room is an important part of the permanent exhibition of the Memorial museum Raznochinniy Petersburg. It was formed in 2000-s. Nina Rogozina, Alexandre Agte's granddaughter, gave numerous items of blockade period to the museum. Alexandre Agte was a scientist-chemist, he and his family lived in a big apartment situated in the Technological Institute. They weren't evacuated from Leningrad during the II World war. Nina was 7, when the war began. The members of her family had to take care of each other. Her grandma, Maria, made an inviolable reserve of food and firewood. The blockade of Leningrad lasted for almost 900 days. Nina Rogozina left memories about every blockade item. The old teddy bear was the favourite Nina's toy. It was presented to her by the boy, named Yura, on the 9-th of May in 1945, when the terrible war was over. Today there are various excursions, dedicated to the Leningrad blockade in the museum Raznochinniy Petersburg. They are aimed at children, families and visually impaired visitors.

¹ Романенко Ирина Валерьевна, методист по научно-просветительской деятельности I категории, мемориальный музей «Разночинный Петербург», Россия, 191180, Санкт-Петербург, Большой Казачий пер., 7.

Romanenko Irina Valer'evna, methodologist for the museum's scientific and educational activities, Memorial museum «Raznochinniy Petersburg», Russia, 191180, Saint-Petersburg.

Keywords: the Agtes, the Technological Institute, blockade of Leningrad, the blockade room, museum, exposition, museum activity.

Битва за Ленинград – одна из важнейших вех Великой Отечественной войны и переоценить ее значение крайне сложно. Как известно, о периоде ленинградской блокады повествуют экспозиции многих музеев Санкт-Петербурга, и понятие «блокадная комната» стало довольно распространенным явлением в музейном мире. Такие пространства созданы при многих учебных заведениях, и это позволяет органично «донести» блокадную тему до юного поколения. Чаще всего транслируется общий, собирательный образ комнат, в которых жили ленинградцы, с неизменными символами блокады – тарелкой радио, буржуйкой и т. п.

Блокадная комната составляет и часть постоянной экспозиции Мемориального музея «Разночинный Петербург» (илл. 1). Однако комната эта особенная. В отличие от подобных экспозиций, предметы, наполняющие ее, родственны друг другу. Все они принадлежали ленинградской семье по фамилии Агте. Удивительно, но это так называемые «русские немцы», которые незадолго до начала войны успели избавиться от приставки «фон» (изначально их фамилия звучала «фон Агте» с ударением на 1-й слог). Предметы блокадного быта были переданы в музей в 2004 году Ниной Михайловной Рогозиной (1934–2014), в девичестве Агте. Ее дед, Александр Николаевич Агте (1882–1960) [1], (илл. 2), сын военного следователя, приехал в Петербург из г. Курска. Впоследствии он поступил в Технологический институт, который успешно окончил, стал доцентом и продолжал свою деятельность в качестве ученого-химика и педагога. С 1913 года и почти до конца жизни Александр Николаевич заведовал кафедрой аналитической химии. В период блокады Ленинграда он выполнял работы для оборонных учреждений города. После войны Александр Николаевич был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В беспощадные блокадные годы он с семьей жил в служебной квартире «Техноложки»² по адресу: Загородный проспект, 49 с супругой Марией Алексеевной, старшей дочерью Галиной Александровной и внучкой Ниной. К началу Великой Отечественной девочке едва исполнилось семь лет...

Маленькая Нина (илл. 3) – главная героиня «Блокадной комнаты семьи Агте» в музее «Разночинный Петербург». Будучи уже взрослой, Нина Михайловна (в замужестве Рогозина), став учителем рисования, всю жизнь берегла пред-

² Разговорное название Ленинградского технологического института имени В. М. Молотова.

меты блокадного быта, сохраненные матерью, и даже создала школьный музей, где рассказывала ученикам о суровой военной поре. Таким образом, музей, пополнив свои фонды, получил не только комплекс из более чем тысячи предметов, но и историю их бытования, а также воспоминания о них из первых уст.

Какой же запомнилась блокада девочке Нине?

Дни ленинградской блокады – это не только очевидные голод и холод, но и начало вынужденного взросления, абсолютной самостоятельности. Это только в начале войны маленькая и наивная Нина будет радоваться вдруг обрушившейся на нее свободе и тому, что предоставлена сама себе. А затем ей придется научиться выживать в нечеловеческих условиях, следовать жестким правилам новой реальности и понять, что нарушение этих правил может стоить жизни. Мария Алексеевна Агте, бабушка, пережившая I Мировую войну, выстроила быт строго определенным образом. Например, каждые два часа Нина должна была съедать по маленькому сухарику, подсушенному из кусочка хлеба, а потом снова заводить будильник и снова ждать звонка. Сдаваться ни в коем случае нельзя. Это касалось и приема гигиенических процедур – ежедневно переодеваться и умываться ледяной водой, превозмогая собственную физическую и душевную усталость, жалость к себе...

С началом блокады Нине пришлось отказаться и от необычной, экзотической игрушки – огромного кокосового ореха, который когда-то нашла на лестничной площадке мама Нины. Отныне орех вошел в так называемый «неприкосновенный запас» семьи Агте. В случае крайней необходимости, ядро можно было разбить, размочить орех и съесть... Также Нина знала, что на случай самой страшной, безвыходной ситуации, дедушка-химик заготовил четыре порции яда на всех членов семьи... Более того, однажды девочка всерьез сама задумалась о самоубийстве, когда потеряла карточки на хлеб!

В период блокады девочка часто оставалась дома одна. Мама – боец МПВО, вынужденная затем сменить работу и оказаться на казарменном положении, бабушка работала в лаборатории Технологического института, дедушка без устали трудился в оборонных учреждениях Ленинграда. Нина пошла в школу во время блокады, она вспоминала, что часто занятия проходили в бомбоубежище. Дома пыталась читать, сидя в дедушкином кресле, при тусклом свете самодельной коптилки – «фигасика», который позволял экономить керосин. Такие осветительные приборчики мастерила мама Нины, тоже химик. В ход шли флаконы из-под духов, пробирки и любая горючая жидкость. Однажды чуть не случилось пожара, когда Нина, читая, вдруг задремала и не заметила, как начали тлеть страницы. Обгоревшая книжка «Про Рому-лентяя», очень маленькая, но и это один из ярко звучащих рассказчиков на экспозиции.

В другой раз тоже чуть не дошло до беды, когда Нина приболела и находилась дома одна. Бабушка ушла по делам, прежде насыпав в сахарницу четыре порции сахарного песка, который, наконец, смогла отоварить. Девочке очень захотелось попробовать, и она окунула в сахарницу чайную ложку. Попробовав сладкое совсем чуть-чуть, захотелось повторить, а потом уже было не остановиться. Весь сахар был съеден, а Нина еле пришла в себя от глюкозного удара... Эта сахарница стала мерой совести для Нины Михайловны, уже став взрослой, она говорила: «Сахарница – укор на всю жизнь» [2].

И все же семья Агте – одна из немногих ленинградских семей, переживших блокаду в полном составе. Александр Николаевич, имея возможность эвакуироваться в начале войны, буквально в решающий момент отказался от этого, они с супругой остались в городе вместе с дочерью и внучкой и никогда не переставали заботиться друг о друге. И, конечно, Нина всегда чувствовала эту заботу, поддержку семьи [3, с. 28].

Нина помнила и о маленьких радостях – о сказках по радио, о днях, когда бабушка не напрасно выстаивала целый день в очередях за хлебом и приносила его домой, о праздниках, которые старались устроить взрослые детям. Так, в январе 1942 года девочке посчастливилось побывать на новогодней елке в Театре драмы им. А. С. Пушкина. Домой она принесла тогда ватную игрушку – яблоко, а также запомнила настоящее угощение – тарелку дрожжевого супа. Другой праздник – именины девочки, 27 января 1944 года, совпал с самым главным днем для Ленинграда – днем полного снятия блокады. О нем напоминает корзинка для рукоделия, которую Галина Александровна в этот день нашла возле одного из разрушенных бомбежкой домов. Была у Нины и еще одна дорогая сердцу игрушка. 9 мая 1945 года, после объявления по радио о Великой Победе, соседский мальчик Юра принес Нине старенького медвежонка на память о столь долгожданном и счастливом дне (илл. 4).

Удивительно, как такая огромная история умещается сегодня в крошечной «Комната семья Агте», пространстве еще меньшем, чем та, настоящая комната в здании Технологического института, где жила семья.

Комплекс предметов семьи Агте очень органично вписался в тематику музея. Как известно, «Разночинный Петербург» «вырос» из музея-квартиры В. И. Ленина, который, будучи молодым юристом, в конце XIX века снимал комнату в доходном доме Большого Казачьего переулка. На сегодняшний день в музее осуществлена попытка увидеть этот уголок города газами разночинца – небогатого, образованного человека, занятого преимущественно умственным трудом. Таким был и Александр Николаевич Агте, студент и доцент Технологического института, для которого местность вокруг бывшего Семёновского плаца стала родной. Его внучка, Нина Михайловна, стала на-

стоящим другом музею «Разночинный Петербург» – не просто дарителем, но и самым близким свидетелем того страшного периода в жизни города. Ее воспоминания бесценны. На их основе удается комплексно работать с доставшейся музею коллекцией.

Рассказ о «Блокадной комнате семьи Агте» не только входит в обзорную экскурсию музея «Разночинный Петербург», но и является отдельной, полноценной основой для проведения музеиного занятия о блокаде. Малые размеры помещения (всего. 6 кв. м.) «диктуют» свои условия: сотрудники разработали мультимедийную программу, с помощью которой удается заранее познакомить аудиторию (преимущественно младших школьников) с главными предметами и их историями, а также с основной общеизвестной «канвой» блокадного периода. Примечательно, что рассказ ведется от лица девочки Нины, ровесницы юных посетителей. И посещение комнаты в конце занятия – как главный аккорд, помогающий увидеть уже знакомые подлинные предметы в бытовой обстановке.

На основе комплекса предметов из Блокадной комнаты стала возможна инклюзия: создание специальных тифломатериалов и тактильных копий предметов позволили разработать музейное занятие для незрячих и слабовидящих посетителей. Более того, семейной аудитории сотрудники музея предлагают ознакомиться с Блокадной комнатой посредством издания «Победила семья», опубликованном музеем, где во главу угла поставлены общечеловеческие ценности, без которых выживание в условиях ленинградской блокады представляется невозможным.

Нина Михайловна Рогозина ушла из жизни в 2014 году, но память о ней, ее семье, ее военном детстве, не просто о жизни, а о настоящем Подвиге, сохраняется в наших сердцах благодаря уникальной коллекции предметов блокадного быта семьи Агте.

Библиографический список

1. Александр Николаевич Агте // Web музей Санкт-Петербургского государственного технологического института [Электронный ресурс]. – URL: <https://museum-spbiti.wixsite.com/museum/agte> (дата обращения 05.06.2025)
2. Блокадная комната семьи Агте [Изоматериал]: набор из 16 открыток/ авт. текста Ю. Л. Платонова; СПб ГБУК «Мемориальный музей «Разночинный Петербург». – СПб., 2019. – 1 обл. ([16] отд. л.) : ил., цв. ил.; 15x10 см. – Изображение (неподвижное; двухмерное) : непосредственное.
3. Соонвальд В. С. Победила семья... / СПб ГБУК «Мемориальный музей «Разночинный Петербург». СПб., 2019. – 30 с.

Память о духовно-патриотических аспектах Великой Отечественной войны на выставке «Дни победы нашей. К 80-летию Великой Победы» в Музее истории религии

С. О. Семенова¹



Аннотация. Выставка «Дни победы нашей. К 80-летию Великой Победы» в ГМИР имела цель показать важность духовных и патриотических аспектов в борьбе советского народа против фашистской Германии и значение исторической памяти в современном мире. В разделах выставки рассматривались патриотическая деятельность музея во время Великой Отечественной войны, вклад РПЦ в победу и роль веры на войне.

Ключевые слова: война, выставка, Русская православная церковь, вера.

The memory of the spiritual and patriotic aspects of the Great Patriotic War at the exhibition «Days of our Victory. For the 80th Anniversary of the Great Victory» at the Museum of the History of Religion

Summary. The exhibition «Days of our Victory. For the 80th Anniversary of the Great Victory» at the MHR was aimed at highlighting the importance of spiritual and patriotic aspects in the Soviet people's struggle against Germany and the significance of historical memory in the modern world. The exhibition sections examined the museum's patriotic activities during the Great Patriotic War, the contribution of the Russian Orthodox Church to the victory, and the role of faith in war.

Keywords: war, exhibition, Russian Orthodox Church, faith.

¹ Семенова Светлана Олеговна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей истории религии», Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 14.

Semenova Svetlana Olegovna, PhD (Philosophy), Senior Researcher of the State Museum of the History of Religion, Russia, 190121, Saint Petersburg, str. Post Office, 14.

С 6 мая по 18 августа 2025 года в Музее истории религии проходила выставка «Дни победы нашей. К 80-летию Великой Победы». Ее целью стало показать важность духовных и патриотических аспектов в борьбе советского народа с фашистской Германией. Общеизвестным является то, что для побед в войнах, кроме сильной армии, технической оснащенности и полководческих талантов, важнейшим фактором является сила духа воинов и защитников страны. Сила духа опирается на любовь к Родине, на память о ее великом историческом наследии, на веру в справедливость и для многих на веру в помощь Божию. Мобилизация всех сил, и духовных, и физических, сосредоточенность на борьбе за Родину в Великой Отечественной войне привели к Великой Победе.

Выставка состояла из нескольких разделов, часть из них рассматривается в статье. Первый зал посвящен реконструкции выставки «Героическое прошлое русского народа и Отечественная война советского народа против фашизма», которая была открыта в Ленинграде в колоннаде Казанского собора с 22 сентября по декабрь 1941 года (илл. 1). Ее создателями стали научные сотрудники Г. Э. Петри и Ф. М. Красновец, погибшие в 1941–1942 годах [1, с. 267–281]. Специально для выставки ленинградские художники на фанере изготавлили крупноформатные живописные панно и стенды, рассказывавшие о военных победах России и призывающие к борьбе с захватчиками. Представленные на ней картины и плакаты рассказывали о битве Александра Невского на Чудском озере, о подвигах А. В. Суворова, событиях Отечественной войны 1812 года, об успешных сражениях Первой мировой войны. Воспоминания о предшествующих великих победах Русского государства во время войны 1941–1945 годов имели огромное патриотическое значение. Они поднимали дух жителям блокадного города, служили укреплению веры в разгром немецкой армии.

На выставке «Дни Победы нашей» был представлен схематичный макет Казанского собора, в колоннаде которого разместили цифровые копии фотографий картин и панно блокадной выставки, хранящиеся в архиве музея. Также на основе исторических фотографий был создан фильм, который показывался на стене выставочного зала. Под музыку симфонии № 7 («Ленинградская») Д. Д. Шостаковича оживленные с помощью анимации женщина с дочерью проходили вдоль колоннады Казанского собора и рассматривали картины с победными баталиями. В центре колоннады, возле портрета И. В. Сталина, транслировались отрывки из его речи, произнесенной 3 июля 1941 года, в которой он призывал граждан СССР встать на защиту Родины и вспоминал о прежних победах России над врагами. Дальнейшее раскрытие блокадной выставки осуществлялось через картины

и гравюры с теми же или схожими сюжетами, которые разместились на стенах первого зала: «Схема построения войск в начале боя на льду Чудского озера. 1242 г.», портрет А. В. Суворова (по рисунку Н. А. Шабунина, типография «Родник», Санкт-Петербург, 1904–1918 гг., Государственный мемориальный музей А. В. Суворова), портрет М. И. Кутузова (литография П. Ф. Бореля с картины Р. М. Волкова, 1813 г., издание А. Э. Мюнстера. 1860-е гг.), «Французы в 1812 году» (с ксилографии по картине И. М. Прянишникова, Типография А. М. Котомина и Р. Хорна, Санкт-Петербург(?), 1880 г.) и другие.

Следующий раздел выставки был посвящен роли Русской православной церкви в Великой Отечественной войне. Состояние всех религиозных конфессий после Октябрьской социалистической революции 1917 года было трагичным. Большинство храмов закрыты, духовные школы, академии, семинарии, монастыри прекращали существование. Тысячи священнослужителей и верующих мирян были репрессированы. Вместе с тем, несмотря на официальную атеистическую идеологию СССР, в стране накануне войны, согласно данным переписи населения 1937 года, 56,7 % граждан были верующими. Православной церковью управлял местоблюститель Патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский), образ которого на выставке представлен копией его портрета (конец 1970-х гг.; копия – Санкт-Петербург, 2025 г.; собрание Музея Санкт-Петербургской духовной академии). Узнав о нападении Германии на Советский Союз, он сразу же заявил о патриотической позиции церкви и написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» [2, с. 15–17], в котором призывал верующих жителей Советского Союза встать на защиту Отечества. Оно было разослано во все действующие приходы. По распоряжению митрополита Сергия во всех храмах страны возносились молитвы о даровании советскому народу победы над фашистскими захватчиками. С первых дней войны был организован сбор средств в Фонд обороны, в который в годы войны верующими было передано денежных средств на общую сумму триста миллионов рублей.

Ярким примером патриотизма стало служение митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) в блокадном Ленинграде. На выставке был представлен портрет «Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский)», написанный М. Н. Нетребко (Санкт-Петербург, 2024) и личные вещи иерарха. Это икона «Святой Николай

Чудотворец»² (СССР, 1930-е), (илл. 2) и предметы чернильного набора с его письменного стола: распятие, пресс-папье, пресс для бумаг (Россия, конец XIX – начало XX вв.; металл, оникс, литье). Они были переданы из Мемориального кабинета-музея митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) в Николо-Богоявленском (Морском) соборе, в котором он всю блокаду жил и служил. Митрополит Алексий отказался от эвакуации из Ленинграда и разделил с жителями города все тяготы блокады. Он организовал регулярную богослужебную деятельность в десяти действующих храмах, постоянно читал проповеди, в которых убеждал, что победа достается не только военной силой, но и «силой общего подъема и мощью веры в победу, упнованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды» [3, с. 257]. Писал воззвания и послания, каждый день совершал крестные ходы вокруг Никольского собора, чаще всего с иконой Николая Чудотворца, представленной на экспозиции. Так как эта икона написана на оргалите, ее легче всего было использовать для крестных ходов и выноса для молебнов, которые периодически читались перед уходящими в бой морскими подразделениями. Благодаря деятельности священнослужителей храмы блокадного города стали важнейшими духовными центрами, где жители могли получить утешение, поддержку, психологическую помощь, а часто и материальное подкрепление. 11 октября 1943 года, впервые за все годы Советской власти, по поручению Президиума Верховного Совета СССР за организацию патриотической деятельности в период блокады двенадцать ленинградских священнослужителей во главе с митрополитом Алексием были удостоены государственных наград – медалей «За оборону Ленинграда». На экспозиции об этом свидетельствовала фотография из фотоархива Музея истории религии «Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий и группа священников после награждения медалями «За оборону Ленинграда» (илл. 2).

Третий иерарх, внесший важный вклад в церковную жизнь военного периода, – Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины Николай (Ярушевич), представленный на выставке копией фотопортрета из Журнала Московской Патриархии [4, с. 63] и фотографиями из фотоархива музея. С февраля 1942 по сентябрь 1943 года во время эвакуации митрополита Сергея (Страгородского) в Ульяновск он был управляющим делами Московской епархии. В конце 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР митрополит Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной

² Икона в Никольском соборе считается келейной иконой митрополита Алексия и почитается как святыня. Но в реальности в происхождении иконы есть вопросы, так как она написана масляными красками на оргалите, без соблюдения всех иконографических норм, как картина (нет имени Николая Мирликийского, нимб чуть обозначен).

комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. За патриотическую деятельность в Москве он награжден медалью «За оборону Москвы».

Благодаря деятельности этих трех иерархов и других священнослужителей во время войны Русская православная церковь активно участвовала в жизни страны. В храмах и среди граждан страны как в тылу, так и на оккупированных территориях, распространялись послания о необходимости мобилизовать все силы для борьбы с врагом. В церквях постоянно совершались богослужения, и желающих в них участвовать было огромное количество, свидетельством чему был отдельный стенд с фотографиями из архива ГМИР. Отдельный стенд посвящен фотографиям священников-партизан, которые внесли значимый вклад в борьбу с фашистами на оккупированных территориях.

Один из разделов выставки рассказывал о создании религиозными организациями СССР танковых колонн. Вокруг объемной фотографии³ танка Т-34 размещены цифровые копии фотографий и вырезок из газет о сборе материальных средств и передаче общецерковной танковой колонны имени Димитрия Донского (РПЦ), армянской танковой колонны «Давид Сасунский» (Армянская апостольская церковь) и танковой колонны «Шамиль», созданной на деньги жителей Дагестанской АССР и мусульманской общине республики.

Особый интерес представляет раздел «Священники-ветераны» (илл. 3). В центре зала находилась скульптура с образом солдата-защитника Отечества скульптора Т. В. Трошина «Возвращение» (Санкт-Петербург, 2021). Рядом плакаты с фотографиями реальных солдат-красноармейцев, которых ужасы войны и осознание помощи Божией подвигли к принятию духовного сана. Возле фото бойцов Красной армии запечатлены их поздние фотографии в священнических и монашеских облачениях, а также их воспоминания о роли веры в Бога на войне. Известно достаточно большое количество священников-ветеранов. Информацию о них можно найти в книгах, журналах, на разных интернет-сайтах. Автор выставки выбрал наиболее известных и ярких личностей: патриарх Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков), архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрит Кирилл (в миру Иван Дмитриевич Павлов), духовник Троице-Сергиевой лавры,

³ В центре стендада из пенокартона было помещено изображение танка, также накатанное на пенокартон, вырезанное и выдвинутое чуть вперед. Вокруг него на основном листе пенокартона – копии фотографий и вырезок из газет.

схиархимандрит Троице-Сергиевой лавры Михаил (в миру Виктор Федорович Балаев); иеромонах Иосиф (в миру Валентин Яковлевич Бирюков); протоиереи Иоанн Миронов, Глеб Каледа, Борис Пономарев. Большинство из них написали книги, статьи или дали интервью, в которых есть воспоминания об их службе в годы войны и об их пути к Богу. Данный материал наиболее ценен, так как представляет собой подлинные свидетельства пережитых событий и духовных прозрений в тяжелейших военных условиях. Книги этих церковных деятелей или книги об их жизни также были представлены на выставке. Более подробные воспоминания ветеранов можно было посмотреть в мультимедийной программе.

С темой военных воспоминаний связан следующий раздел – «Образы явлений Божией Матери во время Великой Отечественной войны». В первой четверти нашего века российскими художниками и иконописцами были созданы четыре образа Божией Матери, посвященные Ее чудесным явлениям в ключевых сражениях войны, и все они присутствовали на выставке. Первый образ Божией Матери «Одигитрия Вяземская-Ратная» (Семейная мастерская «РОСА», Челябинская область, г. Снежинск, 2000-е). Оригинал находится в храме Покрова Пресвятой Богородицы Спасо-Богородицкого Одигитриевского монастыря, расположенного в двенадцати километрах от города Вязьмы. Он основан на месте «Вяземского ратного поля», где в октябре 1941 года проходила оборонительная операция. В «Вяземском котле» погибли сотни тысяч солдат. Икона была написана по инициативе схимандрия Троице-Сергиевской лавры Михаила (Балаева), который участвовал в боях за освобождение Вязьмы в 1943 году. Согласно рассказу его сослуживца, участника событий 1941 года, 14 октября в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, во время попытки прорваться из кольца окружения солдатам «Вяземского котла» было видение Богородицы, указавшей им путь [5].

Икона создана 2002 году в Твери, в мастерской Валерия и Наталии Колтовых. При ее написании были использованы дневники выживших солдат роты, в которой служил отец Михаила. Образ представляет собой стоящую на облаке Богородицу «Одигитрия». Внизу две реки: земная и небесная. В центре – река с душами воинов-мучеников, павших за Отечество. Эти реки связаны с воспоминаниями о Михаиле о штурме Вязьмы, когда его рота форсировала покрытую тонким льдом реку. Над ней на горе стоял собор, из которого немецкий пулеметчик расстреливал штурмовиков. Когда Михаил Балаев достиг берега и обернулся, то увидел, что из ста солдат дошли только двое, и вся река покрыта телами бойцов.

Вторая икона «Кенигсбергское чудо Явления Пресвятой Богородицы» была представлена в виде копии, созданной с помощью УФ-печати на доске

МДФ с изображения, переданного автором Л. В. Новихиной (илл. 4). Этот образ был создан художницей-иконописцем в 2015–2020 годах по настоюнию и благословению ее духовного отца старца Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Наума (Байбординя) и сейчас находится храме Рождества Божией Матери в Калининграде [6]. На ней – Явление Божией Матери во время штурма города Кенигсберга 7 апреля 1945 года. Согласно многочисленным воспоминаниям, опубликованным в 1990–2020-х годах в книгах, статьях и на интернет-ресурсах, в тот день, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, по распоряжению маршала А. М. Василевского, в районе форта № 4 был совершен молебен и Крестный ход с Казанской иконой Божией Матери. После него в течение двадцати минут у немцев перестало работать оружие, многие из них увидели образ Божией Матери и с криками: «Мадонна» приняли решение сдаться советским войскам. Один из самых укрепленных немецких городов, крепость Кенигсберг, был взят за четыре дня, стотысячная армия Рейха была поражена и сдалась в плен. Все эти события запечатлены на многофигурной иконе, в которой с детальной точностью запечатлены особенности форта, черты лиц командиров, обмундирование и оружие участников штурма.

Два следующих образа – «Явление Богородицы в Сталинграде в 1942 году» и «Явление Пресвятой Богородицы „Нерушимая стена“ во время сражения на Курской дуге» были представлены на выставке в виде знамен (2024), которые присутствуют в районах Специальной военной операции (илл. 5). На них запечатлены образы мозаичных панно, созданных народным художником Российской Федерации В. И. Нестеренко для Патриаршего собора во имя Воскресения Христова, главного храма Вооруженных сил Российской Федерации. Храм был построен в 2020 году к 75-летней годовщине Великой Победы в поселке Кубинка Одинцовского района Московской области. Украшающие его величественные мозаичные панно посвящены истории побед русского оружия, начиная с Древней Руси и заканчивая XXI веком. Новые иконографические образы небесной помощи в победах Великой Отечественной войны, разработанные В. И. Нестеренко, на выставке были представлены в мультимедийной программе, транслируемой на стене выставочного зала. В режиме нон-стоп показывались фотографии мозаик храма, переданных Музею истории религии Музейно-храмовым комплексом Вооруженных сил Российской Федерации Министерства обороны Российской Федерации.

Образ «Явление Богородицы в Сталинграде в 1942 году» представляет собой изображение Божией Матери «Одигитрии» в рост на фоне руин домов Сталинграда. Он был создан на основе воспоминаний очевидцев, опубликованных во многих православных изданиях и сайтах 1990–2020-х годов, а так-

же в материалах конференций Краеведческого музея г. Волгограда и Музея-панорамы обороны Сталинграда. В них говорится, что 11 ноября 1942 года в Сталинграде во время боя было явление Богородицы, которое очевидцы восприняли как предзнаменование будущей победы в этой важнейшей битве. В Государственном архиве Российской Федерации в отделе Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР находится отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по УССР П. С. Ходченко председателю этого совета Г. Г. Карпову, в котором доносится о Чуде [7, с. 307]. Псаломщица одной из церквей Новогеоргиевского района Кировоградской области поведала Ходченкову, что командир одной из воинских частей рассказал ей, как он и часть его красноармейцев под Сталинградом в самый критический момент увидели на небе знамение, предвещающее разгром немцев. Это Чудо – видение в небе, свидетелем которого были военнослужащие воинской части 64-й армии генерала В. И. Чуйкова, вступившей в 1944 году на Украину после Сталинградского фронта. Данный документ имеет большую историческую ценность несмотря на то, что в нем зафиксирован не рассказ очевидца, а пересказ разговора с офицером православной деревенской женщины. Он фиксирует, что народная молва о чуде была распространена уже в годы войны.

Образ «Явление Пресвятой Богородицы „Нерушимая стена“ во время сражения на Курской дуге» является собой Божию Матерь «Оранту» с распростертыми руками в полный рост на фоне танковой битвы. Иконографически он связан с древним прославленным в Курске образом Божией Матери «Курская Коренная», которая относится к типу Оранта-Знамение. На нем Дева Мария также изображается с распростертыми руками, но с Младенцем Христом на уровне лона Богородицы. История явления Божией Матери во время битвы на Курской дуге известна с 1970-х годов, когда «самиздатно» получила распространение рукописная книга «Непридуманные рассказы» [7, с. 357–367]. В нее входили три рассказа о явлениях Божией Матери во время Курского сражения. Одним из авторов был ветеран Николай Иванович, подписывавшийся псевдонимом «Г. Б. Р.» – грешный Божий раб. Другой имеет псевдоним «Шостэ». Эти рассказы вошли в книгу А. И. Фаберова «Спаси сохрани». Свидетельства о помощи Божией в Великую Отечественную войну» [8, с. 321–331]. На основе данного литературного произведения возникло почитание православными россиянами чуда явления Божией Матери. Это произведение стало основанием для веры православных россиян в чудо явления Божией Матери.

Знаменательным фактом в почитании образов явлений Богородицы во время Великой Отечественной войны, запечатленных в Главном храме

Вооруженных сил Российской Федерации, стало их изображение на знаменах, применяемых в СВО. Образы небесной помощи прошлой войны и упоминание их роли в Великой Победе имеют важное патриотическое значение в новой военной реальности. На выставке рядом со знаменем «Явление Пресвятой Богородицы „Нерушимая стена“ во время сражения на Курской дуге» находилась фотография с изображением вручения шеврона с иконой Божией Матери Курская-Коренная на фоне флага с образом мозаики Главного храма армии в Курской области в сентябре 2024 года со страницы сайта «Спас».

При изучении новых икон с явлениями Богородицы во время Великой Отечественной войны встает актуальный вопрос об историчности этих событий. Все они опираются на воспоминания, зафиксированные через 30–50 лет после описываемых чудес. С точки зрения исторической науки данные свидетельства не являются достоверными фактами и относятся к мифотворчеству. Однако значительное число очевидцев чудес способствует признанию их истинности. Для Русской православной церкви, утвердившей новую иконографию, явления Божией Матери в 1941–1945 годах стали почитаемыми чудесами. В период испытаний и военных конфликтов новейшей истории все события, повествующие о победах и славе Русского государства, как легендарные, так и подтвержденные документально, представляют собой фундамент формирования государственной идеологии и мировоззрения современного общества. Историческая память и преемственность идеалов необычайно важны для настоящего и будущего России.

Библиографический список

1. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии Академии наук СССР и советское религиоведение (1932–1961). – СПб. : Наука, 2014. – 458 с.
2. Послание «Пастырям и Пасомым Христовой Православной Церкви» Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года // Правда о религии в России / Московская патриархия. – М., 1942. – С. 15–17.
3. Пасхальные дни в Ленинграде. Алексий Митрополит Ленинградский // Правда о религии в России / ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Григорий Петрович Георгиевский, прот. Александр Павлович Смирнов; Моск. патриархия. – М., 1942. – С. 256–261.
4. Журнал Московской Патриархии / Издательский совет Русской православной церкви. – 2003. – № 7.

5. Иеромонах Пафнутий (Фокин). Прыгай веселее... К 100-летию со дня рождения схиархимандрита Михаила (Балаева) // Православие.RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/163275.html?ysclid=mgs02926qn134697745> (дата обращения 15.10.2025).

6. Новихина Л. В. Кёнигсбергское чудо. – М. : Сибирская благозвонница, 2023. – 254 с.

7. Информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК УССР П. С. Ходченко в Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР по состоянию на 1 июня 1944 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 105 // Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, Общ. любителей церковной истории, 2009. – С. 779.

8. Фаберов А. И. «Спаси сохрани». Свидетельства о помощи Божией в Великую Отечественную войну. – М. : Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2015. – 416 с.

Летний сад и Дворец Петра I в годы Отечественной войны: спасение сокровищ (эвакуация, возвращение)

Г. И. Сергеева¹



Аннотация. В статье рассматриваются на основе вновь обнаруженных архивных материалов вопросы эвакуации музейных предметов из Летнего дворца и Домика Петра I в г. Сарапул Удмуртской ССР, в подвалы Исаакиевского собора, другие хранилища в связи с начавшейся Великой Отечественной войной и их сохранения. Приводятся документы о консервации зданий Дворца и Домика, скульптуры Летнего сада, последующей реэвакуации экспонатов по окончании войны в Ленинград, расконсервации скульптурной коллекции сада, нанесенном войной ущербе.

Ключевые слова: Летний дворец, Домик, Петр I, эвакуация, Сарапул, Исаакиевский собор, возвращение, коллекция, скульптура.

**The Summer Garden and the Palace of Peter I during the Patriotic War:
saving treasures (evacuation, return)**

Summary. The article examines, on the basis of newly discovered archival materials, the issues of evacuation of museum items from the Summer Palace and Cabin of Peter I to the city of Sarapul in the Udmurt SSR, to the basements of St. Isaac's Cathedral, other storage facilities in connection with the outbreak of the Great Patriotic War and their preservation. Documents are provided on the conservation of the buildings of the Palace and Cabin, the sculptures of the Summer Garden, the subsequent

¹ Сергеева Галина Ивановна, старший научный сотрудник сектора «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – первой половины XIX века Государственного Русского музея. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Инженерная ул., 2–4.

Sergeeva Galina Ivanovna, Senior Researcher at the Peter the Great Summer Palace and House section of the Department of Painting of the XVIII – first half of the XIX century of the State Russian Museum. 2-4 Engineering Street, Saint Petersburg, Russia, 191186.

re-evacuation of exhibits after the end of the war to Leningrad and the de-conservation of the sculpture collection of the garden, and the damage caused by the war.

Keywords: Summer Palace, Cabin, Peter I, evacuation, Sarapul, St. Isaac's Cathedral, return, collection, sculpture.

Подготовка к эвакуации основных фондов музея «Летний дворец и Домик Петра I», созданного в 1934 году, началась сразу после объявления войны 22 июня 1941 года, когда был получен приказ Управления культурно-просветительных предприятий Ленинграда (УКППЛ), в подчинении которого находились в это время музей и Летний сад. В управлении к этому времени уже был разработанный в 1936 году план эвакуации и список предметов, подлежащих вывозу вглубь страны на случай войны из дворцов-музеев г. Пушкина, г. Петергофа, г. Слуцка (Павловска) и г. Красногвардейска (Гатчины) [1, л. 1]. Предметы из Летнего дворца и Домика Петра I, а также из Музея истории и развития Ленинграда (МИРЛ), Государственного антирелигиозного музея (Исаакиевского собора) и Ораниенбаумского дворца-музея *в эти списки не вошли* (здесь и далее выделено курсивом мной – Г. С.). В план эвакуации их включили позднее, дополнительно².

Исходя из составленного списка, было определено количество железнодорожных вагонов для каждого пригородного дворца-музея. Комиссариатом народного хозяйства РСФСР (Наркомхозом РСФСР) были назначены и отведены эвакобазы в г. Горьком и г. Сарапуле³. Ящики с музеинными предметами из Летнего дворца и Домика Петра I отправили в г. Сарапул. Вагоны для их отправки не были предусмотрены заранее и выделялись также дополнительно.

О том, как проходила эвакуация в г. Сарапул, к настоящему времени найдено немного документов. В «Отчете об эвакуации музейных предметов» из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов⁴, хранящемся в ЦГАЛИ,

² 15 июля 1941 г. три музея, за исключением Ораниенбаумского, который был присоединен к Петергофу), были интегрированы в одну административно-хозяйственную структуру – Объединенное хозяйство УКППЛ, базой которого стал Исаакиевский собор.

³ Была определена еще одна эвакобаза в г. Казань, куда отправили «живые» экспонаты – животных из зоосада.

⁴ Отчет об эвакуации музейных предметов из музеев, подведомственных управлению, составлен начальником Музейного отдела управления Станиславом Валериановичем Трончинским. Видный музейный деятель, до войны помощник директора по научной части Павловского дворца-музея, позднее зам. директора Музейного отдела УКППЛ, в 1941 г. руководил эвакуацией музейных предметов пригородных дворцов-музеев, в 1942 г. эвакуирован из Ленинграда.

о вывозе ценностей из Летнего дворца и Домика Петра I сказано только, что были «эвакуированы все личные вещи Петра I, живопись и наиболее ценные образцы бронзы, хрустали и керамики» [1, л. 3].

Из других документов известно, что ящики с экспонатами из Летнего дворца и Домика Петра I отправляли в течение июля и августа 1941 года в два этапа: 5 июля пятнадцать ящиков (267 предметов) и 23 августа девять ящиков (309 предметов) соответственно. Место назначения – г. Сарапул. Ответственные сопровождающие Рогачева и Антиверов⁵ [1, л. 43]. Количество мест (ящиков), оставшихся в Ленинграде, – двадцать [1, л. 43]. Всего упаковали 44 ящика.

Согласно документам, к началу эвакуации в музее числилось 1 752 предмета: 1 016 экспонатов, 25 книг, 711 предметов фототеки. Из них вывезли 1 176 предметов (440 экспонатов, 25 книг, 711 пр. фототеки); отправили в эвакуацию 576 экспонатов [1, л. 46]. Путем простого подсчета получается, что в музее экспонатов не осталось: их все вывезли. Но это не так, часть вещей осталась во дворце. Очевидно, «отправили в эвакуацию» в данном случае есть то же, что «законсервировали». Известно, что некоторые предметы находились в хранилищах, организованных в осажденном городе. Таким был и сам Летний дворец [1, л. 47].

Списки отправленных в г. Сарапул вещей пока не обнаружены. По учетным документам довоенного времени, прежде всего, по Инвентарной книге музея 1938 года, где проставлены отметки об эвакуации и реэвакуации, удалось воссоздать сведения об отправленных экспонатах. В первую очередь, это предметы одежды начала XVIII века, вещи, известные как одежда Петра I: *мундир и штаны* красного сукна с позументом; *камзол* белого сукна с вышивкой шелком; *плащ епанча* синего сукна; *плащ епанча* серого сукна с воротником малинового бархата; *куртка мужская и штаны* коричневой шерсти; *чулки* (пара) серой шерсти; несколько часов: часы петровской эпохи настольные в деревянном футляре, отделанные зеркалами, стеклом, слоновой костью, с музыкальным механизмом известного английского часовщика Генри Торнтона (сегодня находятся в Эрмитаже в экспозиции Зимнего дворца Петра I); французские настольные часы стиля Буль, золоченая бронза первой половины XVIII века; дубовый шкафчик, палисандровый и ореховый кабинеты, штофы, бокалы, стаканы из стекла и хрусталия, терракотовые статуэтки.

В Сарапуле находились: портрет Петра Петровича, х. м., копия с портрета Л. Каравакка (сегодня находится в Эрмитаже); редкая икона моржовой kostи, группа картин на библейские сюжеты, большинство из них имели на

⁵ Н. Г. Рогачева – сотрудница Дворца-музея Петра I; Ф. В. Антиверов – сотрудник Музея истории и развития Ленинграда.

обороте холста сургучную печать с орлом и этикетку, написанную почерком первой половины XVIII века с надписью о передаче полотна в «Казенную камерцальмейстерскую контору» и «отдаче» «в смотрение живописцу Гроту» в 40-х годах XVIII века. Дата на этикетке позволяет предположить, что приобретались они, возможно, в петровское время. В апреле 1855 года во Дворце Петра I в Летнем саду поместили 35 картин итальянских, голландских и других известных мастеров, где они находились до войны. Одна из них была куплена агентом Петра I О. Соловьевым на аукционе в Амстердаме 6 мая 1716 года – картина «Ветхий и Новый завет». Матиас Наивен. 1701 год. Х. м. [2, с. 214–230]. К началу эвакуации десять картин были упакованы в ящики, но не были отправлены в г. Сарапул. Они остались в Центральных реставрационных мастерских (ЦРМ), куда их привезли еще до войны [3, л. 1 об.] и где в 1938 году была проведена их реставрация [4, л. 16–17], (прил. 1).

Дополнительные сведения о вывезенных предметах были получены нами из обнаруженных в ЦГАЛИ СПб поящичных списков вещей, приготовленных для эвакуации, датированных 18 августа 1941 года. Они позволили «расшифровать» запись в отчете об эвакуации из Дворца и Домика, что «мелких вещей во дворце не осталось» и понять, о каких предметах идет речь. Все ящики были маркированы литерами от «А» до «Z». В каждом списке детально записано, в каком ящике находились какие предметы. Например, в ящике «Р» находился 31 предмет, из них: две *терракотовые скульптуры* – «Амур» и «Арапчинок», два *барельефа* из бисквита «Екатерина» и «Петр»; двенадцать медных барельефов. Возможно, это были барельефы со сценами сражений, в честь побед под Ригой, Ревелем и др. После войны их передали в Эрмитаж. В ящике «Т» находились часы хрустальные, английские работы Торнтона с музыкальным механизмом, о них шла речь выше. В ящик «Ф» упаковали 45 предметов: различную медную посуду, стаканы, вилки, ножи, ложку роговую и др. А в ящик «Х» (128 предметов), среди прочих, многочисленные инструменты – резцы, транспортир, рейсфедер, хирургические ножницы, линейки, лекало и пр., которые в большом количестве закупались для Петра Великого за границей. [5, л. 1–28].

Вещи из Летнего дворца и Домика отправляли вместе с предметами из Антирелигиозного музея и МИРЛ. В обстановке строгой секретности из трех указанных музеев отправили 51 ящик. Их сопровождали до станции назначения «научный сотрудник Музея-дворца Петра I тов. Рогачева и хранитель Музея истории и развития Ленинграда тов. Васильева»⁶ [1, л. 62].

⁶ В документах встречаются две фамилии сотрудников МИРЛ, сопровождавших вещи в г. Сарапул.

Отчет по эвакуации ценностей из Летнего дворца и Домика сообщает: предварительного мобилизационного плана в музее не было. Научные сотрудники «Червинская, Рогачева и Рубайло» отобрали наиболее ценные предметы: картины, хрусталь, керамику, одежду Петра I, книги. Тару (ящики) получили из ресторана, он находился на территории Летнего сада, и из-под боеприпасов. Керамика и хрусталь обертывались бумагой и упаковывались в сено. Картины без рам завертывались в бумагу и закреплялись распорками, без прокладки сеном. Ящики внутри обивались картоном, снаружи полосами железа и обвязывались шнуром с пломбой. Описи (акты) вкладывались в ящики. Металлические предметы завертывали в бумагу, переложив сеном; мелкие предметы укладывались в более крупную посуду. *После 23/VI все вещи из Домика перевезли в Летний дворец⁷.* Одежду Петра I, хрусталь, металлические предметы эвакуировали вместе с вещами из дворца [3, л. 1, 1 об.].

Выбор города Сарапула в качестве эвакобазы не был случайным. Он расположен в южной части Удмуртской Республики, в 60 километрах от ее столицы – г. Ижевска, имеет выгодное географическое и geopolитическое положение, занимает удобное военно-стратегическое расположение. Сюда в суровые дни 1941 года было вывезено более тысячи ящиков с сокровищами пригородных дворцов-музеев Гатчины, Пушкина, Павловска, Петергофа, Летнего дворца Петра I, Антирелигиозного музея, МИРЛ. Все эвакуированные экспонаты разместили в здании Республиканского научного музея Прикамского края (совр. название «Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»)⁸. Директором Сарапульского хранилища музейных фондов Ленинградских дворцов-музеев был назначен М. А. Легздейн. В составленном им отчете за 1942 год [6, д. 68] видны масштаб работ по сохранению памятников и условия, в которых они осуществлялись. Так, для контрольной проверки сохранности предметов вскрыли сто ящиков, это составило 12,1 % к общему количеству предметов (35 085). Из 24 ящиков из Летнего дворца для проверки вскрывали семь. Среди зараженных плесенью 55 предметов были одни «музыкальные часы врем. Петра I» [6, л. 2]. Возможно, это были часы работы Г. Торнтона с музыкальным механизмом. Производилась переупаковка вещей, так как при эвакуации сделать это по правилам музейного хранения не всегда было возможно. Наиболее уникальные и «больные» экспонаты оставили неупакованными для си-

⁷ За исключением портрета Петра I работы Флери и лодки-верейки нач. XVIII в., они остались в блокадном городе.

⁸ <http://museumsarapul.ru> (дата обращения 29.03.2019 г.).

стематического наблюдения за ними. Это была «вся живопись, подозрительная на плесень, мебель из Летнего Дворца Петра I, зараженная в прошлом жучком-точильщиком» [6, л. 3]. На каждое упаковочное место составлялись новые описи (паспорта) с указанием инвентарных номеров, названия вещи, материала и сохранности. Производилась дезинфекция тары, чистка, пропаривание, удаление плесени, дезинфекция формалином, поддерживался температурно-влажностный режим, осуществлялась круглосуточная пожарно-сторожевая охрана и пр.

«Большая часть мебели и часть экспонатов Летнего дворца и Домика [были] перевезены в помещение Исаак[иевского] собора в количестве 197 №№ (мебель, оружие и часть портретов), а также материалы вводной выставки – репродукции, тексты, гравюры и рисунки) в количестве 171 №№. На перевезенные <...> вещи составлены списки», сообщает документ [3, л. 1 об.]. Эти списки пока не найдены. Возможно, там хранились предметы, имеющие в инвентарной книге 1938 года отметку об эвакуации, без указания места, куда вещи были отправлены и какие остались в городе. У них записаны только даты эвакуации и реэвакуации и номер акта. Такую отметку об эвакуации «без адреса» имеют: большая часть предметов мебели; группа зеркал, в том числе работы 1-й пол. XVIII века в раме красного дерева; часы лондонского мастера «Joseph Spackmann» XVIII века; портрет Петра I (вольная копия с Амикони), х. м. неизвестного художника XVIII века; стол, береза XVII века (?) с наклейкой « коллекция Озор. № 296» и др. Запись « коллекция Озор.» означает, что ранее он находился в собрании известного собирателя древностей, и в том числе петровских памятников, артиста Александринского театра Ю. Э. Озаровского [7, с. 18–19].

В Исаакиевском соборе находилась не вывезенная в тыл часть имущества пригородных дворцов-музеев, многие вещи МИРЛ и самого собора. Сберегали все эти ценности несколько сотрудников: Серафима Николаевна Балаева и Ирина Константиновна Янченко из Гатчины, Анна Ивановна Зеленова – из Павловска, Евгения Леонидовна Турова и Бронислава Самойловна Волкинд – из города Пушкина, Елена Николаевна Элькин, Анна Константиновна Сементовская – из МИРЛ, Евдокия Игнатьевна Лединкина [8, с. 5–8]. Помимо колоссальной работы по спасению от сырости и низких температур не переносящих влаги тканей, мебели, ковров, живописи и многое другого, они приводили в порядок документы разных объектов, проводили натурное освидетельствование ящиков (отв. Элькин, Сементовская, Янченко). Ими были «составлены описи музеиного имущества Летнего Дворца и Домика Петра I. Всего записано 632 предмета. Исполнитель – Янченко» [1, л. 50]. Они участвовали в устройстве в клубе НКВД выставки «Ленинград – город

русской славы», экспонаты для которой брали также из фондов *Летнего дворца Петра I* [1, л. 50]. Проводили экскурсии, читали лекции, в том числе на фронте. Работали в условиях блокады, голода и холода, нередко шли на работу, возвращались домой, отправлялись по служебным делам под артиллерийскими обстрелами. Вещи из Летнего дворца и Домика хранила И. К. Янченко. Она также много ездила по воинским частям, читала лекции, получала благодарности от командования. «Ее отличала какая-то особенная внутренняя сила и глубокая серьезность, которые накладывали отпечаток на все, что она делала <...> при всех этих тяжелейших испытаниях она сохраняла бодрость, собранность, поистине неисчерпаемый запас жизненных сил» [8, с. 63]. Ее постигла трагическая судьба. «В самом начале войны она потеряла мужа. В первую блокадную зиму умерла ее дочь. У нее остался сын, болезненный мальчик, а жила она кое-где, так как квартира ее была разбита». Она погибла в воскресенье 8 августа 1943 года, в один из самых страшных дней, который ленинградцы прозвали «кровавым воскресеньем», во время чудовищного обстрела Невского, на остановке у Садовой улицы [8, с. 63]. После ее кончины новый хранитель предметов из Летнего дворца и Домика назначен не был [4, л. 7]. Обнаружение архивных данных об И. К. Янченко позволило впервые увидеть, кто хранил петровские реликвии в тяжелейшие годы войны и блокады.

В конце марта 1942 года управление организовало *новое хранилище в здании Академии художеств* [1, л. 48]. Из Летнего дворца там хранились три предмета, среди них дубовая, на четырех ножках, с резьбой и позолотой, кровать Петра I, с этикеткой с надписью «№ 8 и 9 Ал. Н. Лавра д. 116». В свое время она находилась в Александро-Невской лавре и, по преданию, Петр I отдыхал на ней, когда говел там на страстной седмице. Ее нахождение в годы войны в академии - новый факт в истории бытования предмета.

Некоторые предметы из Дворца и Домика никуда не вывозили. Их хранителем была назначена также И. К. Янченко. «Часть мебели, а именно громоздкие шкафы, кровать Екатерины I, в разобранном виде, картины и зеркала остались в Летнем дворце. Картины и зеркала сложены в нижней кладовой, обернуты в бумагу и прислонены к стенам. Рамы от картин оставлены в столовой. Станки стоят на своих местах. Часы и барометр в стене защищены щитом. Резьба в вестибюле оставлена открытой. Плафоны не снимались. Мелких вещей во дворце не осталось. Описи на оставшиеся вещи еще не составлены» [3, л. 1 об.]. Прокомментируем документ. Семь живописных плафонов в залах сохранились до настоящего времени. Они пережили во дворце войну. Авторство пяти из них подтверждено документами. Это швейцарский художник Георг Гзель, нанятый на службу Петру I, прибывший в Россию на воинском корабле «Егудил» в 1718 году. Часы и барометр в стене,

зашитые щитом, – это Ветровой прибор работы Динглингера, ювелира саксонского курфюрста. Оставленная открытой резьба в вестибюле – деревянное резное стекло панно, изображающее Минерву. «Кровать Екатерины I» – поступившая в 1938 году из Большого петергофского дворца дубовая кровать с балдахином, обитая оранжевой шерстяной материей. В комплекте с ней находились также тюфяк пуховый в оранжевом шелковом чехле с узором из цветов, одеяло ватное стеганое, крытое снизу белым канаусом, сверху желтовато-зеленой шелковой материей с изображениями сцен из китайской жизни, одеяло на заячих шкурках, крытое сверху шелковой материей с узором серых цветов по желтому фону и два волосяных валика в чехле зеленого канауса. Предположительно, это кровать Петра I. Ее, как и валики, оставили во дворце. Тюфяк и два одеяла отправили в г. Сарапул⁹ [3, л. 1 об.].

О скульптуре в приведенном выше «Отчете об эвакуации музеиных предметов» есть также скудные сведения: всего в музее парковой скульптуры было 82 мрамора. Законсервировано в земле 82 мрамора. Законсервированной скульптуры во дворце нет. Вывезенной и оставленной на месте также нет [3, л. 1 об.; 9, с. 358–365]. Последнее сведение неверно. Скульптурную группу «Амур и Психея» весом около двух тонн оставили на своем месте, укрыв двойным слоем деревянных щитов, проложенных мешками с песком. Для захоронения скульптур рылись ямы 2,5 x 3 м и 1 x 1, 5 м. На дно настился слой песка, на него укладывался настил из досок. Статуи укладывали в горизонтальном, только восемь из них и бюсты установили в вертикальном положении. Последние возвышались над землей. Над ними возвели скатную крышу, покрытую толем и засыпанную землей. Скульптурная группа «Ништадский мир» пострадала при опускании в яму – от удара о край ямы откололось крыло статуи Мир и часть якоря [10, л. 8 об.; 11, с. 2–3]. За захоронением скульптуры наблюдал скульптор Г. А. Симонсон. Он не пережил блокады, погиб в Ленинграде от голода. На консервацию скульптуры была составлена подробная документация, позволившая после войны определить с точностью место ее нахождения: описание с указанием № п/п, наименования, размеров; местонахождение до укрытия, №№ листа зарисовок (!) и обмер; какая бригада производила работу, способ укрытия; описание процесса работ и 14 листов плана укрытия, с обозначением: места до укрытия, места укрытия статуи и пьедестала и обозначение близлежащих деревьев с указанием их породы (!) [3, л. 1–2 об.].

⁹ Согласно инвентарю 1938 г., несколько зеркал и две картины с наклейками о передаче в 40-х гг. XVIII в. в Камерталмейстерскую контору под смотрение Грота также оставались во дворце.

В «Отчете о работе предприятий Отдела музеев и парков Управления по делам искусств за первое полугодие 1943 года» отмечено: «Все музейные объекты <...> находятся в законсервированном состоянии, имеют начальников объектов, сторожевую охрану, технический надзор и прикрепленного научного сотрудника, знающего музейное дело» [1, л. 49]. Сотрудником, «прикрепленным» ко Дворцу, была И. К. Янченко. В разделе «Хранительская работа» отчета сказано: ею периодически проверялось состояние мебели и живописи Дворца и Домика; производился осмотр состояния живописных плафонов Летнего дворца совместно с представителями Гос. инспекции по охране памятников и с консультантом, сотрудником Эрмитажа т. Рябовым; составлена смета на работы по снятию и реставрации плафонов [1, л. 50]. Поражает тот факт, что работа по подготовке предстоящей реставрации плафонов проходила в условиях войны и блокады. Так велика была вера в победу над врагом!

Дата возвращения эвакуированных ценностей указана в учетных документах. Акты о реэвакуации имеют разные датировки. Так, у вещей, находившихся в Сарапуле, отмечено, что реэвакуация была в 1945 году, акты датированы 29.09.1946 г. У предметов, которые оставались в хранилищах в блокадном городе, даты реэвакуации 05. 08.1945 г., 23.10.45 г., 13.01.1946 г. Отправка ценностей и возвращение их домой были засняты на фотографиях и отражены в экспозиции дворца, где они находились до 1948 года. 9 мая 1948 года на научно-музейном совещании сотрудников Дворца-музея Петра I обсуждались предложения по его реэкспозиции. Постановили: в I-й Приемной «на стене [где была показана тема] „Основание Летнего сада“ добавляется гравюра Зубова, фото-снимки эвакуация и реэвакуация музейных фондов заменяется планом восстановления Летнего сада» [12, л. 10].

Все «эвакуированное имущество и находившееся в хранилищах Ленинграда прибыло полностью» [4, л. 7]. Были и утраты. Их выявление проходило уже по окончании войны. Вплоть до 1950 года дважды проводилось натурное освидетельствование и сличение наличия музейных ценностей с инвентарями 1938 года, с документами и актами выдачи и приемок за период с 1945 по 1948 годы [4, л. 2]. Об этом директор Дворца-музея Петра I Е. Н. Элькин сообщала в докладе на заседании Комиссии по музеиному учёту 13 июня 1950 года. Она пояснила, что утрата предметов, недостающих по старым инвентарям, произошла в военное время, когда дворец-музей был занят воинскими частями, которые с осени 1941 года заняли территорию Летнего сада и которые сменялись неоднократно [4, л. 2, 4, 5, 6; 13, Егорова, Кузнецова, Губская, с. 1–2]. По требованию комиссии, ответственные хранители фондов и работавшие в разные годы директорами Летнего сада

и Дворца-музея Петра I Н. Я. Крылов, Е. И. Лединкина, Е. Н. Элькин и старший бухгалтер музея Л. Р. Благовещенская, представили письменные объяснения причин утрат музейных предметов в годы войны [4, л. 4–7]. Был составлен список утрат из 172 предметов, показавший, что основная их часть является плоскостными, графическими вещами, и что все отсутствующие предметы особой ценности не имеют [4, л. 7]. Решением Управления музеев Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 2 февраля 1951 года было разрешено исключить их из инвентарных описей Летнего дворца-музея Петра I согласно ордеру № 681 [4, л. 4, 38–44]. Среди них тюфяк пуховый от петровской кровати, картина неизвестного художника «Петр I, принимающий ключи от Азова» (холст, масло), две модели Домика Петра I – на Петроградской стороне и в Саардаме, той, что привез в свое время из Голландии историк, исследователь жизни и деяний Петра I А. В. Половцов [14, с. 365–387], табакерка Петра I деревянная, картина неизвестного художника «Венера с Амуром в саду» (дерево, масло), висевшая до войны в Спальне Екатерины I, гравюры и др.

Работы по возвращению музейных памятников к нормальной жизни, нарушенной войной, начались уже в конце войны. 30 апреля 1945 года инженер Летнего сада Топорин составил смету «на выкопку и установку скульптур с изготовлением для нее футляров» на пятьдесят мест на сумму 135 750 руб., где указан перечень необходимых работ, количество единиц измерения этих работ, их стоимость [10, л. 6–7 об.]. Архитектор Летнего сада Н. У. Малеин составил «Перечень работ по восстановлению скульптуры в Летнем саду» (24 июня 1945 года). В нем детально, шаг за шагом, изложены последовательность и характер работ по выкапыванию скульптур и бюстов из земли и их установка на постаменты (прил. 2). К 1947 году в музее уже была сформирована экспозиция и 1 июня он был открыт для обозрения [15, л. 6]¹⁰.

¹⁰ Благодарю коллег из Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Государственного музея-заповедника «Гатчина», Государственного музея-заповедника «Петергоф» и Государственного музея-заповедника «Павловск» за предоставленные фотографии.

Приложение 1 [10, л.16-17]

Но- мер п\п	Инв. номер	Наименование предмета	Сохранность
1.	ЛС-7	Картина х. м. неизв. художника «Преломление хлеба», разм. 0,58 x 0,5	Картина дублирована, замастикована, восстановлен лак и живопись в 1938 г.
2.	ЛС-8	Картина х. м. неизв. художника «Спящая богоматерь», разм. 0,51 x 0,42	Потемнела, имеются трещины
3.	ЛС-9	Картина х. м. неизв. художника «Бегство в Египет», разм. 0,55 x 0,44	То же
4.	ЛС-10	Картина х. м. неизв. художника «Явление ангела пастухам», разм. 0,71 x 0,64	Дублирована
5.	ЛС-11	Картина х. м. неизв. художника «Апостол Марк», разм. 0,37 x 0,29	Дублирована, промыта, восстановлен лак в 1938 г.
6.	ЛС-12	Картина х. м. неизв. художника «Апостол Варфоломей», разм. 0,37 x 0,29	То же
7.	ЛС-13	Картина х. м. неизв. художника «Апостол Фома», разм. 0,37 x 0,28	Реставрирована, имеются царапины
8.	ЛС-14	Картина х. м. неизв. художника «Святой Иероним», разм. 0,35 x 0,31	Восстановлен лак, перетянута, отпрессована в 1938 г.
9.	ЛС-15	Картина меди. м. неизв. художника «Святой Антоний», разм. 0,27 x 0,21 (см. выше, она же холст, масло – Г. С.)	Сильно пожелтела
10.	ЛС-16	Картина х. м. неизв. художника «Мария Магдалина», разм. 0,85 x 0,62	Дублирована, укреплена живопись в 1938 г.
11.	ЛС-17	Картина х. м. неизв. художника «Мария Магдалина», разм. 0,36 x 0,31	Восстановлен лак, отпрессована и перетянута в 1938 г.
12.	ЛС-18	Картина х. м. неизв. художника «Святой Иоанн», разм. 0,37 x 0,29	Дублирована, промыт и восстановлен лак
13.	ЛС-19	Картина х. м. неизв. художника «Неизвестный старец», разм. 0,37 x 0,29	Перетянута, восстановлен лак, отпрессована
14.	ЛС-20	Картина х. м. неизв. художника «Святой Петр», разм. 0,51 x 0,29	То же
15.	ЛС-21	Картина х. м. неизв. художника «Явление ангелов пастухам», разм. 0,75 x 0,52	Потемнела, в трещинах
16.	ЛС-23	Картина х. м. неизв. художника «Беседа Христа с фарисеями», разм. 0,95 x 0,71	Живопись укреплена, отпрессована, замастикована в 1938 г.

17.	ЛС-22	Картина х. м. «Матиас Наивен, Ветхий и Новый Завет», разм. 0,90 x 0,71	То же
18.	ЛС-24	Картина х. м. неизв. художника «Спор юноши Христа с книжниками», разм. 1,43 x 1,03	Потемнела
19.	ЛС-25	Картина х. м. неизв. художника «Бегство в Египет», разм. 0,83 x 0,65	То же
20.	ЛС-26	Картина х. м. неизв. художника «Тайная вечеря», разм. 0,65 x 0,51	Имеются трещины и вспучивания
21.	ЛС-27	Картина х. м. неизв. художника «Омовение ног», разм. 0,65 x 0,50	То же
22.	ЛС-168	Картина д. м. неизв. художника «Пир у Иродиады», разм. 0,83 x 0,59	Через всю картину две трещины, загрязнена
23.	ЛС-412	Картина х. м. неизв. художника «Христос и грешница», разм. 1,49 x 1,99	Вся покрыта мелкими трещинами, разложение лака, осыпания красочного слоя, загрязнена
24.	Л. 17 ЛС-413	Картина м. д. неизв. художн. «Спор Христа с книжниками в храме», разм. 1,53 x 2,25	Потемнела, порвана, имеются трещины
25.	ЛС-414	Картина х. м. неизв. художника «Голова спящей Марии Магдалины», разм. 0,12 x 0,16 (?-Г. С.)	Имеются трещины
26.	ЛС-415	Картина х. м. неизв. художника «Голова Христа в терновом венце», разм. 0,12 x 0,16 (?-Г. С.)	Имеются трещины
27.	ЛС-527	Картина х. м. неизв. художника «Апостол Петр», разм. 0,50 x 0,38	Потемнела
28.	ЛС-541	Портрет х. м. художника Флери «Петр I», разм. 3,00 x 2,5	Сильно загрязнен, трещины, осыпание
29.	ЛС-424	Картина х. м. неизв. художника «Святой», разм. 0,37 x 0,29 (в полном списке выше это «Поколенная фигура старика» – Г. С.)	
30.	ЛС-170	Картина д. м. неизв. художника «Испытание св. Антония», разм. 0,55 x 0,77	Осыпание красочного слоя
31.	ЛС-167	Картина х. м. , копия с Амикони «Петр I и Минерва», разм. 1,45 x 1,04	Холст порван, сильно потемнела
32.	ЛС-270	Портрет х.м. неизв. художника «Петр I», разм. 2,36 x 1,43	Сильно потемнела

Приложение 2 [10, л. 8–8 об.]

Перечень работ по восстановлению скульптуры в Летнем саду
(на одно место)

1. Произвести обследование места закопки скульптуры, убрать излишнюю землю, мусор, листья.	Раб. дней 5
2. Выкопать в плотном грунте земли под пьедесталы скульптуры	Куб. м. 2,5
3. Вынуть фундаменты из приколотой бутовой плиты на цементном растворе	Куб. м. 2
4. Засыпать землю на фундаменты с плотной утрамбовкой	Куб. м. 3
5. Сделать поверх фундамента бетонную подушку толщиной 0,15 м	Кв. м. 1
6. Выкопать из земли пьедестал, для чего вырыть земли	Куб. м. 4
7. Разобрать ящик из досок, в котором находится пьедестал	Раб. дней 2
8. Установить над ямой треногу 3-х тонными талями ¹¹	Мест 1
9. Установить под треногу трап в 4 доски, толщиной 7 см, длин. 6,5 м	Мест 1
10. Поднять пьедестал на высоту в 2,5 метра весом в 1 тонну.	
11. Передвинуть пьедестал на катках по трапу для установки на фундаменты при расстоянии до 19 м.	
12. Установить пьедестал на фундамент при помощи треноги 3-х тон. талью	Мест 1
13. Поднять пьедестал и установить его на цементном растворе	
14. Выкопать из земли мраморную скульптуру, для чего разрыть земли до 8 куб. метров	
15. Разобрать деревянный ящик, в котором уложена скульптура	Раб. дней 6
16. Установить над ямой треногу с 35 тон. талью	
17. Установить трап из досок, в 7 см 4 доски, длиною 6,5 метров	
18. Поднять мраморную скульптуру весом до 3-х тонн на высоту до 3-х метров	
19. Поднять скульптуру на пьедестал, с установкой высокой треноги с талями от 3-5 тонн.	
21. Установить мраморную скульптуру на пьедестал с подливкой ее на белом цементе и укреплением штырями.	
22. Промыть скульптуру и пьедестал мылом хорошего качества.	
23. Произвести планировку над разрытыми местами с восстановлением щебеночного покрова	Кв. м. 20
24. Произвести одерновку земли около пьедестала	Кв. м. 4
25. Сделать деревянный футляр для скульптуры квадратного основания 1 ½ x 1 ½ метр. Высотой до 4-х метр., разборный, с 2-х скатной кровлей, покрытой железом, из вагонки по обвязке, с окраской масляной серой краской за 2 раза.	

¹¹ Таль – это трехтонное устройство для подъема скульптур.

Библиографический список

1. Дело по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов (отчеты, списки, акты) // ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
2. Сергеева Г. И. Картины из дворца. Путешествие во времени: от Петра I к Петру III и не только. // Меншиковские чтения. Научный альманах. – 2015. – Вып. 6 (15). – 247 с.
3. Сводный отчет по эвакуации и консервации музейных ценностей Объединенного хозяйства музеев. 10 октября 1941 г. // ЦГАЛИ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 2.
4. Материалы по учету и хранению музейных фондов (протоколы, акты, переписка, списки и др.). 16 августа 1948 г. – 24 ноября 1958 г. // ЦГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 40.
5. Материалы по эвакуации и консервации музейных ценностей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // ЦГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4.
6. Дело по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов (отчеты, списки, акты) // ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58.
7. Озаровский Ю. Э. Как собирался «Старый домик»? Из впечатлений коллекционера // Столица и усадьба. – 1914. – № 18. – 23 с.
8. Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. – Л. : Художник РСФСР, 1984. – 400 с.
9. Хвостова Г. А. Скульптура и памятники Летнего сада в 1941–1947 гг. // Музейная жизнь дворцовых садов и парков. Материалы научно-практической конференции 14–17 ноября 2018 г.; Комитет по культуре Санкт-Петербурга, ГМЗ «Гатчина», – СПб., 2018. – 459 с.
10. Отчет о работе хранилища в здании Академии художеств от 13 марта 1944 г. // ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 78.
11. Веселовская М. Р. Летний сад в годы Великой отечественной войны. Лекция // Рукопись. 1985 г. Сектор «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – 1-й пол. XIX вв. Русского музея. – 8 с.
12. Титульные списки капитальных работ и сметы на ремонтные работы по объектам, входящим в объединенное хозяйство // ЦГАЛИ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 21.
13. Егорова К. М., Кузнецова О. Н., Губская Л. А. Справка об ущербе, нанесенном фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны и восстановительных, реставрационных и научно-исследовательских работах, проведенных по Летнему саду, Дворцу-музею Петра I и Домику Петра I // Рукопись. Декабрь 1969 г. Сектор «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – 1-й пол. XIX вв. Русского музея. – 2 с.
14. Сергеева Г. И. «Исторические изыскания» А. В. Половцова о Петре Великом и его времени // Материалы научной конференции «Петровское время в лицах»; Труды Гос. Эрмитажа. – 2015. – Т. LXXVIII. – 501 с.
15. Протоколы совещаний научных работников. 25 января 1948 – 25 декабря 1948 г. // ЦГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 31.

Музейные предметы из Гатчины в Карточке собственности художественных объектов (1945–1952) Мюнхенского центрального сборного пункта

А. Н. Синило¹



Аннотация. В статье рассматриваются реституционные карточки Мюнхенской систематической картотеки собственности художественных объектов (1945–1952), содержащие информацию о предметах из дворца-музея в Гатчине, вывезенных в Германию. На основе данных идентифицируются сохранившиеся культурные ценности в современных коллекциях Гатчины.

Ключевые слова: Мюнхен, картотека, музей-заповедник «Гатчина», культурные ценности.

Museum items from Gatchina in the card index Property Cards Art (1945-1952) of the Munich Central Collection Point

Summary. The article examines the restitution cards of the Munich Systematic Card Index of Property of Art Objects (1945–1952), containing information on objects from the palace-museum in Gatchina, taken to Germany. Based on the data, the surviving cultural values in modern collections of Gatchina are identified.

Keywords: Munich, Property Cards Art, Gatchina Palace and Estate Museum, cultural values.

¹ Синило Анатолий Николаевич, аспирант-соисследатель ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларусь», Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2.

Sinilo Anatoly Nikolaevich, postgraduate student of the State Scientific Institution «Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus».

Данная статья является продолжением исследований о культурных ценностях, похищенных во время Великой Отечественной войны, и их перемещениях после возврата из Германии [1, 2, 3].

Период немецко-фашистской оккупации части территории Советского Союза стал тяжелым бременем для учреждений культуры – практически все музеи и библиотеки были полностью уничтожены или разграблены. В Германию вывезли огромное количество культурных ценностей, и до сих пор остается неизвестной судьба тысяч предметов. Произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, похищенные немецкими ведомствами во время Великой Отечественной войны и выявленные войсками союзников на территории Германии, сначала фиксировались по месту обнаружения – в замках или монастырях, как это было, например, в Хёхштедте-на-Дунае, Ансбахе, Буксхайме, а затем свозились в Мюнхен.

Мюнхенский центральный сборный пункт (МЦСП) создан представителями американской оккупационной администрации в июле 1945 года для обработки, фотофиксации и определения принадлежности культурных ценностей, конфискованных нацистами из частных и государственных собраний на территории Европы и немецких коллекций. Сотрудники, которые занимались описанием предметов, должны были за относительно короткий срок выяснить происхождение десятков тысяч предметов самого разного профиля, что естественно сказывалось на точности атрибуции провенанса. Результаты этой деятельности отражены в специальной систематической картотеке МЦСП. Следует учесть и тот факт, что многие предметы утратили свою старую маркировку, поэтому происхождение могло быть определено приблизительно, без указания конкретного музея. В частности, раздел «СССР» включает 5 152 карточки, из них у 1 587 владелец не был установлен [4].

Всем предметам на сборном пункте в Мюнхене присваивали соответствующий номер и вносили данные в специальную реституционную карточку. В карточке может содержаться информация об отдельном произведении искусства – картина, икона, скульптура, блюдо, ваза. Встречается и много карточек, где под одним номером записан комплекс предметов – 37 картин, около тридцати картин, шесть фрагментов скульптур, восемь гравюр, 172 фрагмента керамики, кремня и т. д. [5].

Мюнхенская систематическая картотека собственности художественных объектов (1945–1952) (Property Cards Art), которая была создана сотрудниками МЦСП, состоит из двух частей – реституционной и систематической, хранящихся в Федеральном архиве Германии в г. Кобленце в фонде B-323: Treuhandverwaltung für Kulturgut (Опекунское управление культурных ценностей). В реституционной картотеке насчитывается 65 573 карточки на

предметы. Данная картотека полностью отсканирована и в виде электронной базы вместе с фотографиями предметов доступна исследователям на веб-странице Исторического музея Германии в Берлине [6].

Культурные ценности музея в Гатчине были изъяты представителями Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга и направлены первоначально в г. Ригу, а затем замок Кольмберг, вблизи Ансбаха. В г. Риге, кроме гатчинских коллекций, находились предметы из других пригородных дворцов Санкт-Петербурга, а также музеев Пскова, Новгорода, Тихвина, Ростова, Луги. Как следует из надписей на оборотах реституционных карточек, все гатчинские предметы поступили в Мюнхен через Ансбах, кроме портрета генерала, который привезли из Кобурга.

В картотеке в разделе «СССР» выявлено 35 реституционных карточек на предметы, происхождение которых указано как «Гатчина». Три карточки имеют вопросительный знак после слова «Гатчина». Информация только об одном предмете содержится в девяти карточках, все остальные фиксируют группы предметов. Например, под мюнхенским номером 23933/3 записаны пять крышек от ваз, под номером 24502/14 – девять крышек от ваз, под номером 24526/5 – семнадцать маленьких тарелок и т. д. Иногда в реституционной карточке под одним мюнхенским номером, кроме собственно гатчинских, зафиксированы предметы из других музеев – Царское Село (№ 3, таб.), Луга (№ 20, таб.), Псков (№ 34, таб.). В реституционных карточках у некоторых предметов записан и рижский номер. Скорее всего, на тот момент на них сохранилась бумажная этикетка, приклеенная в Риге (илл. 1). Такой номер имеет латинское обозначение, за которым следуют цифры. RI-Po: Riga – Porzellan (Рига – фарфор), RI-M: Riga – Möbel (Рига – мебель), RI-B: Riga – Bilder (Рига – картинка, рисунок).

Очень важными в установлении провенанса являются старые инвентарные номера, переписанные в карточку с предметов. К сожалению, некоторые реституционные карточки не содержат никакой информации о старых музейных номерах либо количество номеров не совпадает с количеством предметов. Однако, благодаря тому, что часть карточек имеет такие номера, старшему научному сотруднику сектора документальных фондов СПбГБУК «Государственный музей-заповедник «Гатчина» Наталье Александровне Мозохиной удалось определить некоторые из возвращенных предметов в современных собраниях Гатчинского дворца-музея. Всего было выявлено двадцать предметов (см. таблицу). В фондах музея хранятся и негативы, на которых изображены четыре предмета, зафиксированные в Мюнхене, три из них не были возвращены после войны в Гатчину. Вероятно, они находятся в других собраниях одного из пригородных дворцов Санкт-Петербурга.

В частности, по фотографии на сайте Госкаталига удалось найти фаянсовый рукомойник, хранящийся в ГМЗ «Петергоф» (№ 34, таб.).

Самую большую группу предметов из Гатчины, описанную в реституционных карточках, составляет декоративная посуда, представленная в основном фарфоровыми, стеклянными и деревянными японскими и китайскими изделиями: вазы и крышки от них, тарелки, блюда, изготовленные в XVIII–XIX веках. Иногда в карточках встречаются и краткие характеристики предметов. Одна из ваз имела рельеф и была покрыта лаком (№ 2, таб.). Три китайские тарелки XVIII века украшены золотыми цветами на синем фоне (№ 7, таб.), еще две китайские тарелки были выполнены в этой же цветовой гамме: золотой и синий (№ 13, таб.). Одну из тарелок сфотографировали в МЦСП. На тарелке, скорее всего, показана мифологическая сцена, хорошо видны существа – карп и дракон (илл. 2). Данная тарелка возвращена из ГМЗ «Павловск» и хранится в Гатчине (ГДМ-198-1). В коллекцию музея вернулась и одна из тарелок, украшенных золотыми цветами (ГДМ-336-1). (илл. 3).

Кроме посуды, в коллекции из Гатчины зафиксированы и фарфоровые японские статуэтки. Две из них, изготовленные из белого фарфора, изображали японских женщин (№ 16, таб.). В реституционной карточке от руки сделана приписка: женщина с ребенком. Статуэтка тоже находится в Гатчине (ГДМ-1579-1). (илл. 4). Еще три статуэтки были изображениями мужчины и двух женщин (№ 19, таб.). По старому инвентарному номеру удалось опознать одну из фигурок японки, украшенную полихромной росписью и позолотой (ГДМ-1578-1).

Скорее всего, в Гатчину возвратились и некоторые лаки, записанные в МЦСП как «китайские или японские маленькие тарелки и блюдца» (№ 26, 32, 33, таб.). На сайте Госкаталига находится информация о восемнадцати японских крышках от чашек, датированных XVIII–XIX веками [7].

Мебель, записанная как происходящая из дворца в Гатчине, была представлена немногочисленными предметами: светильниками (№ 14, 27, таб.), часами и корпусами для них (№ 21, таб.), а также нижней частью письменного стола, креслом и столом (№ 2–24, таб.). Нижняя часть письменного стола является рабочим столиком из комплекта мебели комнат Александра III. Предмет датируют началом XIX века (ГДМ-109-5). Он был возвращен в Гатчину из Павловска. Из гатчинских коллекций нужно исключить кресло: его старый инвентарный номер EDM 5496 свидетельствует о том, что оно находилось в Екатерининском дворце-музее в Царском Селе. Записей о столе с инвентарным номером 4543 также не выявлено в архивных документах музея Гатчины, возможно, предмет был в другом музее.

Произведения живописи и графики встречаются только в трех реституционных карточках: картина «Избиение младенцев в Вифлееме», портрет генерала и цветная литография (гравюра). Портрет генерала, как и графическая работа, были в Мюнхене предположительно отнесены к собраниям Гатчины. На предметах сохранились старые инвентарные номера: E 19808, EDM 7346 у портрета генерала и E 3994, EDM 1374 у литографии, что зафиксировано в карточке. Инвентарные номера принадлежат Екатерининскому дворцу-музею в Царском Селе, и соответственно, портрет и литография раньше не находились в Гатчине. К Гатчинским коллекциям относится картина «Избиение младенцев». В настоящее время она атрибутирована как копия неизвестного художника итальянской школы XVII века с картины «Тимоклея перед Александром Македонским» авторства Доминикино. Произведение живописи было возвращено из Павловска в Гатчину (ГДМ-66-III) (илл. 5).

Мраморная скульптура из гатчинских собраний записана только в одной реституционной карточке. Это была небольшая головка молодой девушки, датированная 1766 годом и принадлежащая авторству мастера по фамилии «Gautier» – Готье. В настоящее время бюст авторства Жерара Готье хранится в Павловске (ПМ КП-1927).

15 апреля 1947 года музейные предметы, собственником которых был определен СССР, передали в советскую зону оккупации Берлина. В ноябре 1947 года восемнадцать закрытых и один открытый вагон с культурными ценностями были отправлены в Советский Союз. Из них пять вагонов, в том числе один открытый с фонтаном «Нептун», – в г. Пушкин, четыре вагона в Новгород, восемь вагонов в Киев, два вагона в Минск. Однако еще на территории Германии при транспортировке в одном ящике могли оказаться предметы из разных музеев. Схожая ситуация повторилась и во время возврата культурных ценностей в СССР, когда поврежденные ящики и свертки повторно переупаковывали. Поэтому очень часто предметы из одного музея попадали в другие собрания.

Одним из мест, куда направляли культурные ценности, возвращенные из Германии, было Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов Санкт-Петербурга, расположенное в г. Пушкине. Позже часть коллекций переместили в г. Павловск. Кроме предметов из дворцов Царского Села, Гатчины, Павловска в хранилище находились и произведения искусства из музеев Беларуси.

Многие музейные предметы из белорусских коллекций, считавшиеся погибшими или утраченными, на самом деле были возвращены в СССР, но по разным причинам оказались в музеях союзных республик. Данное утверждение подтверждается новейшими исследованиями: автором статьи установлены факты, что картины, иконы, фитильные пушки из довоенных

белорусских собраний находятся в современных музейных коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Пскова, Омска, Павловска. В Беларуси хранятся картины, похищенные нацистами из музеев в Великом Новгороде и Ростове-на-Дону, переданные в Минск ошибочно вместе с белорусскими культурными ценностями в порядке возврата довоенных фондов.

Подобная ситуация характерна и для коллекций, происходящих из Гатчинского дворцово-паркового ансамбля. Во время Великой Отечественной войны дворцово-парковый ансамбль был очень сильно поврежден. После войны было принято решение не восстанавливать дворец. Первые залы дворца для посещения открыли после реставрации лишь в 1985 году, поэтому уцелевшие культурные ценности распределяли в другие музеи: Павловск, Петергоф, Петродворец. Некоторые из предметов позже вернули в Гатчину. Информация, хранящаяся в картотеке МЦСП, позволяет существенно уточнить историю музейных предметов, вывезенных из Гатчины в Германию, а также может помочь в дальнейшей атрибуции сохранившихся произведений искусства, которые считаются утраченными.

Библиографический список

1. Сініла А. М. Рэпетыцыя ў павеци : «страчаны» твор Леаніда Саламаткіна з даваенай калекцыі Дзяржаўнай карціннай галерэі БССР // Мастацтва. – 2023. – № 7. – С. 16–17.
2. Синило А. Н. Послевоенная реституция белорусских ценностей из музеев России // Триумф победы в зеркале искусства: сборник научных статей XXVI Царскосельской конференции. – СПб. : Русская коллекция, 2020. – С. 543–552.
3. Синило А. Н. Портрет Людвики Каролины из Радзивиллов. Происхождение и судьба // Декабрьские диалоги: материалы XXVII Всероссийской научной конференции памяти Ф. В. Мелёхина (с международным участием), 20–21 декабря 2023 года / научн. ред. И. Л. Симонова. – Омск. 2024. – С. 162–165.
4. Себта Т. М. Мюнхенська систематична картотека власності містецьких об'єктів (1945–1952): Перспективи дослідження повоєнної реституції українських культурних цінностей // Загартована історією. Ювілейний збірник на пошану професора Надії Іванівни Миронець з нагоди 80-ліття від дня народження. – Київ, 2013. – С. 221–236.
5. Сініла А. М. Зборы мінскіх музеяў у Кардатэцы ўласнасці мастацкіх аб'ектаў (1945–1952) Мюнхенскага цэнтральнага зборнага пункту / Музей «Замкавы комплекс «Mip». – Mip, 2019. – 121 с.
6. Datenbank zum Central Collecting Point (CCP) München [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dhm.de/datenbank/ccp/dhm_ccp.php?seite=9 (дата обращения: 20.07.2025)
7. Госкatalog. РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения 28.07.2025).

Выставочная, исследовательская и культурно-просветительская деятельность Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон», связанная с военным периодом жизни и творчества М. А. Шолохова (на примере мероприятий 2025 г.)

Л. М. Слюсаренко¹



Аннотация. Автор акцентирует внимание на крупных выставочных проектах и просветительских мероприятиях Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон» в 2025 году, раскрывающих тему Великой Отечественной войны в жизни и творчестве М. А. Шолохова, влияния войны на последующий период его биографии и творчества. Автор подчеркивает, что данная тема – один из важнейших «узловых» этапов биографии писателя, в этой связи она находит отражение в виде постоянных научных исследований и их представления на конференциях, в периодической печати, отражении в культурно-просветительской и выставочной деятельности музея.

Ключевые слова: Михаил Шолохов, 80-летие Великой Победы, Музей-заповедник М. А. Шолохова «Тихий Дон», «Они сражались за Родину», рукопись романа «Тихий Дон», военная проза, выставка.

Exhibition, research, and cultural-educational activities of the Museum-Reserve of M. A. Sholokhov «Tikhiy Don» related to the wartime period of M. A. Sholokhov's life and work (based on events in 2025)

¹ Слюсаренко Лидия Михайловна, кандидат культурологии, научный секретарь Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон», Россия, 346270, Ростовская область, ст. Вешенская, ул. Шолохова, 60.

Slyusarenko Lidiya Mikhailovna, candidate of cultural studies, scientific secretary of the Museum-Reserve of M. A. Sholokhov «Tikhiy Don», Russia, 346270, Rostov region, st. Vyoshenskaya, 60 Sholokhov Street.

Summary. The author emphasizes the major exhibition projects and educational events conducted by the Museum-Reserve of M. A. Sholokhov «Tikhiy Don» in 2025, focusing on the theme of the Great Patriotic War in the life and work of M. A. Sholokhov, and its influence on subsequent periods of his biography and creativity. The author highlights that this theme is one of the most significant “milestone” stages in the writer's life, reflected through ongoing scientific research and presentations at conferences, in periodical publications, and through the museum's cultural-educational and exhibition activities.

Keywords: *Mikhail Sholokhov, 80th Anniversary of the Great Victory, Museum-Reserve of M. A. Sholokhov «Tikhiy Don», «They Fought for Their Country», Manuscript of the novel «And Quite Flows the Don», War Prose, Exhibition.*

2025 год в Музее-заповеднике М. А. Шолохова «Тихий Дон» отмечен сразу несколькими крупными юбилейными датами, которые тематически связаны между собой. Это 120-летие выдающегося писателя, лауреата Государственной, Ленинской, Нобелевской премий М. А. Шолохова, столетие начала его работы над романом «Тихий Дон», восьмидесятилетие со дня Великой Победы, шестидесятилетие со дня вручения М. А. Шолохову Нобелевской премии, пятидесятилетие со дня выхода на экраны фильма «Они сражались за родину» (реж. С. Бондарчук).

Безусловно, эта тематика стала ведущей в выставочной и культурно-просветительской деятельности музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон» и задала тон многим событиям года.

Тема Великой Отечественной войны в жизни и творчестве писателя – один из важнейших «узловых» этапов его биографии. В этой связи в культурно-просветительской и выставочной деятельности Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон» она присутствует как неотъемлемая составляющая и отражается в различных проектах ежегодно, меняя призму подачи контента. В данной статье внимание будет сосредоточено на крупных выставочных проектах и просветительских мероприятиях этого года, раскрывающих тему Великой Отечественной войны в жизни и творчестве М. А. Шолохова, влияния войны на последующий период биографии и творчества.

В самом начале хотелось бы вкратце рассказать о непростой судьбе рукописи «Тихий Дон». Эту историю прекрасно описала в документальном фильме «Страсти по Шолохову», режиссер Любовь Александровна Суркова. Снятый четверть века назад и не потерявший своей актуальности, он был продемонстрирован накануне Дня памяти писателя, 20 февраля 2025 года, в Вешенском дворце культуры. Кинокартина является свидетельством «из

первых уст», так как проливает свет на историю обретения рукописей самого выдающегося произведения XX века. Война, разделившая жизнь для миллионов советских людей на «до» и «после», и в этой истории необратимо повлияла на ход дальнейших событий.

В фильме рассказывается о выходе в свет в 1928 году двух книг романа «Тихий Дон», которые принесли М. А. Шолохову ошеломительный успех и одновременно жгучую зависть в литературных кругах. Молодой писатель был обвинен в плагиате, однако смог опровергнуть все обвинения. В ходе Великой Отечественной войны рукописи были утеряны, и это стало причиной новых обвинений уже в 1970-е годы. Группой норвежских и шведских ученых было снова доказано авторство М. А. Шолохова, а уже после смерти писателя выяснилось, что рукописи «Тихого Дона» сохранились и все это время находились у вдовы погибшего друга М. А. Шолохова. По личному поручению В. В. Путина, в 1999 году они были выкуплены и в настоящее время хранятся в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге [1–5].

При помощи Российского гуманитарного научного фонда в течение 2005–2007 годов коллектив сотрудников ИМЛИ осуществил научную систематизацию рукописи и подготовил ее к печати в виде динамической транскрипции. Динамическая транскрипция рукописи романа «Тихий Дон» М. А. Шолохова, позволяющая исследователю и читателю проследить этапы развития творческого замысла художника, была издана в 2011 году [6].

Перейдем к описанию крупного выставочного проекта «Он сражался за Родину», реализованного с 20 мая по 20 июля 2025 года в Музее Победы (г. Москва) [7]. В центре внимания – отражение войны в произведениях М. А. Шолохова: от очерков и рассказов, вдохновлявших солдат на подвиги, до монументального романа «Они сражались за Родину», ставшего легендой героизма советского народа. Особое место отведено послевоенной публицистике Шолохова, его борьбе за мир. Среди экспонатов выставки – военное обмундирование писателя, личные документы военкора Шолохова, рукописные страницы романа «Они сражались за Родину», фронтовой блокнот и письма бойцов со словами благодарности писателю. Трагический отпечаток военных лет несет такой экспонат, как книга М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» (1943), пробитая осколком мины. Это первое издание глав романа, выпущенное в Москве Воениздатом в серии «Библиотека красноармейца» [8]. В 1944 году книгу прислал автору лейтенант Анатолий Константинов. В своем письме он сообщил, что достал ее из вещевого мешка геройски погибшего бойца Михаила Харламова. Из письма: «Уважаемый товарищ Шолохов! Высылаю вам экземпляр книги „Они сражались за Родину“, пробитый осколком мины. Книга принадлежала смелому воину нашей ча-

сти Михаилу Харламову. Харламов, как и все бойцы нашей части, несколько раз перечитывал Вашу книгу, восхищаясь подвигами Лопахина, Звягинцева, Стрельцова, Голощекова, Кочетыгова и других героев...» [9]. Экспозиционное пространство органично дополнила документальная видеозримость о боевых действиях в районе реки Дон в 1942 году, обороне Дона 1942 года, где непосредственно находился М. А. Шолохов и герои его произведений. Широкое использование в экспозиции мультимедийных средств решает вопрос связи прошлого с современностью. Так, Всероссийская акция-чтения «Вместе с Шолоховым „Они сражались за Родину“», объединившая выдающихся деятелей культуры, искусства, медицины, политики, помогает донести слово писателя до современного поколения. Акция была приурочена к 115-летию М. А. Шолохова. Напомним, что в 2020 году наша страна переживала пандемию, вынужденную изоляцию. Призыв принять участие в акции-чтении в онлайн формате и прочитать главы неоконченного романа «Они сражались за Родину» вызвал мощнейший отклик, показал единство во время преодоления сложных испытаний, невероятную духовную силу русской нации. Роман был прочитан Александром Шолоховым, Петром Толстым, Владимиром Толстым, Ольгой Любимовой, Марией Захаровой, Владимиром Машковым, Евгением Мироновым, Захаром Прилепиным, Николаем Цискаридзе, Лео Бокерией, Денисом Проценко и др. – всего 115 участников.

Использование на выставке видеоотрывков в исполнении современных выдающихся личностей значительно повышает интерес к серьезной теме романа «Они сражались за Родину» – теме человека во время сложных испытаний. Эффективным способом, позволяющим провести параллель между самоотверженностью и мужеством бойцов в 1940-е годы, во время защиты нашей Родины, и в настоящее время, во время проведения СВО, стало добавление в экспозиционное пространство видео-арта современных художников из Ростова-на-Дону Георгия и Анастасии Бегмы. Они любезно предоставили разрешение на использование видео-арта «Знамя Победы» и видео-арта в память о Романе Рудакове – жителе г. Батайска, погибшем в Марьинке и оставившем на камне просьбу позаботиться о его семье. Эти пронзительные видео вызвали искренние эмоции у многих посетителей. На торжественной церемонии открытия выставки присутствовали первый заместитель председателя Комитета по культуре Госдумы РФ, внук писателя А. М. Шолохов, генеральный директор Музея Победы А. Я. Школьник, руководитель Департамента национальной политики и межрегиональных связей г. Москвы В. И. Сучков, депутат Госдумы, телеведущий Н. С. Валуев [7].

Проектом, объединившим сразу одиннадцать музеев, стала выставка в Шолохов-центре (г. Ростов-на-Дону) «Семь фронтов – одна жизнь». Она

была открыта 14 мая 2025 года. Чтобы донести до посетителя исторический контекст, переживания и мысли писателя, масштаб и трагедию военных событий, в создании выставки приняли участие музеи с тех территорий и областей, где в 1941–1945 годах писатель находился в качестве военного корреспондента. Посетитель «попадает» на каждый из фронтов, где побывал писатель. Исторические события переплетены с его биографией и творчеством (личные события, как, например, смерть матери или авария при посадке самолета в Куйбышеве, написание очерков и рассказа «Наука ненависти», работа над романом «Они сражались за Родину» и др.) **В выставочном проекте приняли участие:** Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова «Тихий Дон»; Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (Музей Победы); Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»; Тульский государственный музей оружия; Ростовский областной музей краеведения; Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»; Смоленский государственный музей-заповедник; Липецкий областной краеведческий музей; Калининградский областной историко-художественный музей; Елецкий городской краеведческий музей; Луганский краеведческий музей; Академия архитектуры и искусства Южного федерального университета. Выставка включила свыше 250 предметов. При этом важность представляют не только предметы как таковые, но и тексты шолоховских произведений, которые «благодаря своей выразительности и красочности, способны передать глубину событий лучше любых материальных предметов», – отметил А. М. Шолохов [10].

Несмотря на то, что год «юбилейный», проведение ежегодного Всероссийского праздника «Шолоховская весна» на открытом пространстве с участием большого количества зрителей было отменено решением и. о. губернатора Ю. Б. Слюсаря в целях обеспечения общественной безопасности. Мероприятия обрели несколько иной формат и географию, не потеряв при этом качественного содержания.

Новым культурно-просветительским проектом стал документальный фильм «Шолохов в борьбе с фашизмом», премьерный показ которого прошел в накануне 120-летия писателя. Хроника «Шолохов в борьбе с фашизмом» раскрывает поэтапно личный вклад писателя в борьбу фашизмом на протяжении более полувека. Уже в середине 1930-х годов книги Шолохова, набравшие стремительную популярность в Германии, подлежали, наравне с трудами В. И. Ленина, М. Горького, А. Н. Толстого, «запрещению и сожжению» [11, с. 33], поскольку немецкое правительство начало следовать жесткому антисоветскому курсу. Во властные структуры пробирались фашисты. Затем последовала война, которую Шолохов прошел в качестве военного

корреспондента, создавая важные по значимости фронтовые очерки, рассказы. И – послевоенные годы. Писатель бросил все силы, чтобы не допустить возможности возрождения фашизма, об этом он открыто будет говорить в своих публицистических обращениях, на выступлениях – с конца 1940-х годов и до последних дней жизни.

Документальная хроника, основанная на материалах документального, кино- и фото фондов Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон», материалах Российского государственного архива кинофонодокументов (РГАКФД) акцентирует внимание на непрерывной работе писателя по сохранению мира, помогает визуализировать обширную деятельность Шолохова-патриота, Шолохова-государственника, Шолохова – культурного посредника по защите ценностей русской и мировой культуры.

Помимо реализации выставочных и культурно-просветительских проектов, посвященных восьмидесятилетию Великой Победы, сотрудники музея приняли участие в научных мероприятиях, организуемых партнерами музея, – Международной научной конференции «„Они сражались за Родину“: литература и история. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и 120-летию со дня рождения М. А. Шолохова» (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 20–22 мая 2025 года), Общероссийский круглый стол, посвященный 120-летию М. А. Шолохова (Областной центр казачьей культуры, г. Волгоград, 16 мая 2025 г.), научно-практическая конференция с международным участием «М. А. Шолохов в современном мире» («Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (ПКУ)» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБУК «Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова «Тихий Дон», Общероссийской организации «Офицеры России», Землячества ростовчан «Донская станица», Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков – воинов России и зарубежья», г. Москва, 10 апреля 2025 г.).

В апреле этого года в редакции журнала «Мир Шолохова», учредителем которого является Музей-заповедник М. А. Шолохова «Тихий Дон», состоялся круглый стол «Победа, какой не знала история», посвященный восьмидесятилетию Великой Победы и 120-летию М. А. Шолохова. В нем приняли участие С. А. Васильев (доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Мир Шолохова», г. Москва), Ю. А. Дворяшин (доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва), Е. А. Костин (доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, Литва), Е. С. Макарова (преподаватель-исследователь,

ответственный секретарь журнала «Мир Шолохова», г. Москва), И. Г. Минералова (доктор филологических наук, профессор, г. Москва), Т. О. Осипова (кандидат филологических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону). В ходе беседы ученые коснулись вопросов исторической и личной памяти об эпохе 1941–1945 годов, обсудили роль личности М. А. Шолохова в сохранении правды о событиях Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола опубликованы в 23 номере журнала «Мир Шолохова» [12].

Наконец, крупной площадкой, ежегодно объединяющей исследователей жизни и творчества М. А. Шолохова, является международная научно-практическая конференция «Шолоховские чтения» на родине М. А. Шолохова, в станице Вешенской. Отдельная секция XXVII Международной научно-практической конференции «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения-2025») была посвящена актуальным исследованиям направления «Военная проза М. А. Шолохова и писателей-современников». Прозвучали доклады «Творчество М. А. Шолохова 1941–1945 гг. и военная проза 1941–1950-х гг.: вопросы влияния и взаимодействия» (Д. В. Поль, доктор филологических наук, г. Москва), «Общественно-политическая деятельность М. А. Шолохова в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Т. Е. Алексеева, научный сотрудник ВПО «Шолохов-центр», г. Ростов-на-Дону), «Образ Земли и Неба в военной прозе М. А. Шолохова» (И. Г. Минералова, доктор филологических наук, г. Москва), «Художественные функции посвящения в рассказе М. А. Шолохова „Судьба человека“» (С. А. Васильев, доктор филологических наук, г. Москва), «„Судьба человека“ и военная проза М. А. Шолохова» (Н. А. Кисель, кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону), «„Об этом забывать нельзя...“ Судьбы фронтовиков в письмах М. А. Шолохову» (А. Н. Цыцера, научный сотрудник отдела «Усадьба М. А. Шолохова, ст. Вешенская), «„Судьба человека“ М. А. Шолохова сквозь призму иллюстраций Кукрыниксов» (Ю. В. Ярославцева, кульработник, ЛНР). Безусловно, радует то, что изучением и популяризацией наследия М. А. Шолохова занимаются разнопрофильные учреждения и исследователи.

Таким образом, выставочные, просветительские мероприятия Музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон», посвященные тематике Великой Отечественной войны, – одно из фундаментальных направлений научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности музея. Это обусловили такие факторы, как непосредственное участие М. А. Шолохова в Великой Отечественной войне и его личный вклад в борьбу с фашизмом, его военная проза, вошедшая в сокровищницу мировой литературы и оказавшая заметное влияние на «лейтенантскую прозу», активная позиция

Шолохова как гражданина и государственного деятеля по сохранению мира и народной памяти о событиях военного времени, по заботе о фронтовиках. Сотрудничество с музеями и учреждениями, чья деятельность тематически пересекается с указанным нами направлением, позволяет уточнять и расширять большой пласт микротем в данной области, детально воссоздавать историко-культурный контекст освещаемого периода.

Библиографический список

1. Слюсаренко Л. Находка века [Электронный ресурс]. – URL: <https://тихий-дон.com/nahodka-veka/> (дата обращения : 01.10.2025).
2. Колодный Л. Е. Как я нашел «Тихий Дон»: хроника поиска. Анализ текста. – М. : Голос, 2000. – 459 с.
3. «Шолохов...без единого выстрела покорил мир». Стенограмма беседы с Л. А. Сурковой, автором документального фильма «Страсти по Шолохову». Беседовала Л. М. Слюсаренко // «Мир Шолохова», научно-просветительский общенациональный журнал. – 2025. – № 1(23). – С.103–107.
4. Kjetsa G. Storms on the Quiet Don. A Pilot Study // Scando-Slavica. – 1976. – Vol. 22. – P. 5–24.
5. Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон» (проблема авторства «Тихого Дона»). – М. : Книга, 1989. – 194 с.
6. Михаил Шолохов. Тихий Дон = М. А. Шолохов Тихий Дон [Текст]: динамическая транскрипция рукописи / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой лит. им. И. М. Горького; [подгот.: О. А. Алексеевой и др.] – М., 2011. – 877 с.
7. Военкор Шолохов в Москве. Музей-заповедник М. А. Шолохова открыл выставку в Музее Победы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sholokhov.ru/museum/News/2025/n4660/> (дата обращения 8.07.2025).
8. Шолохов М. А. Они сражались за Родину. Из фронтовой жизни. 1943 // Фонды Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон». КП-232.
9. Константинов А. Шолохову М. А. Письмо // Фонды Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова «Тихий Дон». НВ-17528/2.
10. Выставка «Семь фронтов – одна жизнь» начала работу в «Шолохов-центре» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sholokhov.ru/museum/News/2025/n4642/> (дата обращения 8.07.2025).
11. Прийма К. И. «Тихий Дон» сражается / предисл. В. А. Архипова. – 3-е изд, перераб и доп. – Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1983. – 560 с.
12. «Победа, какой не знала история». Материалы «круглого стола», посвященного 80-летию Великой Победы и 120-летию М. А. Шолохова // «Мир Шолохова» – 2025. – № 1 (23). – С. 91–102.

**Эрмитаж, начало войны.
Июнь – декабрь
1941 года.
По материалам
архива Эрмитажа**

Е. Ю. Соломаха¹



Аннотация. Статья посвящена первым месяцам Великой Отечественной войны в Государственном Эрмитаже, когда были собраны и отправлены в эвакуацию основные собрания музея, а оставшиеся перенесены в безопасные места, продолжалась научная лекционная работа. В основу статьи положен отчет музея за второе полугодие 1941 года, дополненный и прокомментированный другими документами Научного архива Эрмитажа.

Ключевые слова: Соломаха Е. Ю., Государственный Эрмитаж, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, эвакуация, 1941 год.

The Hermitage, the beginning of the war. June–December 1941. Based on the materials of the Scientific Archive of the State Hermitage Museum

Summary. The article is dedicated to the first months of the Great Patriotic War at the State Hermitage Museum, when the main collections of the museum were collected and evacuated, and the remaining ones were moved to safe places, and scientific lecture work continued. The article is based on the museum's report for the second half of 1941, supplemented and commented on by other documents from the Hermitage's Scientific Archive.

Keywords: Solomakha, The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, the State Hermitage Museum, the evacuation, 1941.

¹ Соломаха Елена Юрьевна, заместитель заведующего Отделом «Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа, Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 34.

Solomakha Elena Iur'evna. Deputy Head of the Scientific Archive of Manuscripts and Documentary Fund of the State Hermitage Museum. 190000 St. Petersburg, Dvortsovaya emb. 34.

«Я убежден, что первый год блокады был одним из самых страшных для истории России, был он и самым страшным из пережитых мной» [1, с. 18], – написал в воспоминаниях о блокаде старший научный сотрудник Эрмитажа В. М. Глинка.

В архиве Эрмитажа сохранилось большое количество других документов этого времени, и среди них отчет о деятельности Эрмитажа за второе полугодие 1941 года, составленный в декабре 1941 года [2]. Всего шесть машинописных страниц текста и цифр, за которыми стоит огромная, невероятно трудная работа, проделанная сотрудниками в тяжелейших нечеловеческих условиях, когда бомбежки, голод, смерть коллег и близких еще не стала обыденностью. Сопоставляя данные отчета с другими документами того времени, можно составить более подробную общую картину происходящего в музее и выявить неизвестные ранее детали.

Отчет начинается с главного, что было предпринято сразу на следующий день после объявления о нападении Германии на СССР, – эвакуации экспонатов. Необходимо было произвести отбор, упаковку и отправку коллекций семи экспозиционных отделов и библиотеки. Стоит отметить, что подготовка к возможной эвакуации началась еще в 1938 году. Тогда директор Эрмитажа И. А. Орбели добился выделения для Эрмитажа специального здания (им стал «секретный объект» – Сампсониевский собор), где группа рабочих по заданным размерам готовила тару, там же запасали необходимые для упаковки материалы, в результате чего уже к весне 1941 года все было готово для начала работ [3, с. 75–117]. В упаковке первого эшелона принимали участие 204 научных сотрудника. Археологи еще не прибыли из экспедиций, народу не хватало, а надо было еще выделить людей для обязательной трудовой повинности по рытью окопов на подступах к Ленинграду. Орбели специально хлопотал перед Дзержинским райсоветом депутатов трудящихся об освобождении хранителей коллекций от этих работ для «выполнения особого спецзадания» [4, л. 20]. Кроме того, Орбели обратился в соответствующие инстанции с просьбой «откомандировать в порядке труд. повинности из Горкома Художников: художников – 10 человек, из них 2-х специалистов по фарфору, скульпторов 8 человек для выполнения спецзаданий» [4, с. 20]. Сохранились воспоминания художников и студентов Академии художеств об упаковке и эвакуации [5, с. 33], а Я. С. Николаев, который, по-видимому, тоже участвовал в упаковке, в 1942 г. написал картину «Эвакуация Эрмитажа» [6, с. 22]. Белые ночи позволяли работать круглосуточно с перерывами по несколько часов на сон. Спали тут же в залах, таким образом, всего за одну неделю удалось собрать и отправить в Свердловск около 500 000 экспонатов.

Первый эшелон ушел в Свердловск 1 июля. Второй эшелон был отправлен 20 июля. В Свердловске ящики были размещены в зданиях Картинной галереи на улице Вайнера, 11, печально известном доме инженера Ипатьева, где были расстреляны Николай II с семьей, и в Польском костеле. Из-за недостатка места ящики поставили один на другой, что затрудняло проверку наличия и сохранности экспонатов. Только в 1943 году, когда филиалу Эрмитажа было выделено здание клуба им. М. Горького на Первомайской улице и удалось разместить все в надлежащем виде, а из Тюмени привезли недостающие описи, отправленные туда с документами Ленинградского управления по делам искусств, стало возможным провести полноценную ревизию. Первым эшелоном, исходя из акта проверки Наркомата госконтроля от 25 декабря 1943 года, было отправлено 1 133 ящика, из которых шестнадцать принадлежали Китайскому правительству. Они были возвращены 11 августа 1942 года [7]. Вторым эшелоном было отправлено 1 435 ящиков. Из них в 1 331 находились коллекции Эрмитажа, в 104 ящиках были собрания из других организаций. Директора этих учреждений не были готовы в полной мере к эвакуации своих собраний, и И. А. Орбели, идя навстречу коллегам, взял их в эрмитажный эшелон. Как следует из отчета, ко времени отправки второго эшелона в Эрмитаж на временное хранение были приняты:

- 1) Из Института русской литературы АН СССР коллекция рукописей А. С. Пушкина.
- 2) Из Музея истории религии АН СССР особо ценная коллекция.
- 3) Из Главной астрономической обсерватории портреты.
- 4) Из Библиотеки АН СССР собрание гравюр и литографий.
- 5) Из Института истории материальной культуры АН СССР монеты.
- 6) Из Института этнографии АН СССР уникальные особо ценные коллекции. Оттуда же были перевезены экспонаты Эрмитажа, находившиеся на временной выставке «История России XII–XVIII веков». Наиболее ценные из них были отправлены в Свердловск.
- 7) Из Института театра и музыки, коллекции музея.
- 8) Из Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова коллекция музыкальных инструментов.
- 9) Из Ленинградской закупочной комиссии графический и живописный материал.
- 10) Из Ленинградской таможни и из Ленинградского управления государственных резервов СНК СССР было принято около пятисот картин, акварелей и литографий.
- 11) Из реста «Русские самоцветы» художественная мебель и мозаика.

12) Из магазина № 1 Ювелирторга предметы музейного значения из драгметаллов.

В Свердловске в августе 1941 года тринадцать ящиков были переданы в Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, который с 27 августа находился в эвакуации в Молотове (Пермь) [8, с. 64–70].

Кроме того, уже после отправки эшелонов на Урал, в Эрмитаж были принятые на временное хранение графика, картины и др. из Ленинградской таможни, личные коллекции членов Ленинградского отделения Союза советских архитекторов и материалы частных лиц художественно-научного значения «по особому отбору» [2, л. 2–3].

Сразу же после отправки коллекций в Свердловск приступили к отбору и упаковке третьей очереди экспонатов. Они включали:

- 1) 46 ящиков Отдела истории первобытной культуры.
- 2) 6 ящиков из Отдела Античного мира.
- 3) 54 ящика, из Отдела Востока.
- 4) 99 ящиков Отдела западноевропейского искусства.
- 5) 12 ящиков Отдела графики.
- 6) 8 ящиков Отдела нумизматики.
- 7) 17 ящиков из Отдела истории русской культуры.
- 8) 5 ящиков из библиотеки [9, л. 72–73].

20 августа 1942 года заместитель главного хранителя А. А. Тарасов, который до войны заведовал секретной частью в музее, представил начальнику ИЗО Управления Комитета по делам искусств А. Л. Барташевичу подробный расчет по количеству ящиков и необходимого для их перевозки на вокзал транспорта. Предполагалось, что «общая затрата времени на погрузку, рейсирование и выгрузку» 351-го ящика с коллекциями Эрмитажа на шести трехтонных машинах составит тринадцать дней [9, л. 65]. Подготовка к эвакуации третьей очереди продолжалась до начала сентября, так как в Эрмитаже не теряли надежды отправить наиболее ценные из оставшихся экспонатов. Ящики уже были перевезены на товарную станцию Московского вокзала, но из-за замкнувшегося кольца блокады отправлены не были. В. М. Глинка вспоминал: «А еще была возня с ящиками, возвращенными с товарной станции. Это были ящики из 3-го эшелона, так и не ушедшего из-за замкнувшегося кольца блокады» [1, с. 41].

В музее оставалась также группа экспонатов, которые не предполагалось эвакуировать. Тяжелые каменные вазы, украшенные мозаикой столы, светильники и др., служащие для украшения залов, не могли быть отправлены из-за значительного веса, другие, как, например, некоторые восточные

фрески не перенесли бы дорогу и вибрацию. О бомбардировках и условиях, связанных с сыростью и колебаниями температуры блокадных дней, тогда, конечно, и помыслить не могли. Не вывезли в эвакуацию, например, знаменитую египетскую мумию жреца Петесе, восточные ковры, мебель и, по-видимому, часы «Павлин».

В сентябре – ноябре 1941 года необходимо было убрать вещи с выставок в кладовую, провести систематизацию и размещение их в кладовых, перенести все с третьего и второго этажа на первый этаж и в специальные бомбоубежища, составить топографию на все предметы.

Работы проводились в пятнадцати залах ОИПК, в восемнадцати залах ОАМ, в 81 зале Отдела Востока, 130 залах Отдела Запада, 22 кладовых ОИПК, 35 кладовых Отдела Востока, одиннадцати кладовых Отдела Запада в течение сентября – ноября 1941 года силами сотрудников соответствующих от-делов и реставрации.

Уже после наступления блокады были проведены работы по «охране оборудования и приведение выставочных зал и кладовых в готовность к ПВХО и ППО» [2, л. 1]. Для этого из залов убрали витрины, мебель, шкафы, рамы, разместили фанерные щиты с песком для тушения зажигалок. Были очищены от строительного горючего материала все дворы, а также по требованию Орбели в октябре 1941 года разобрали трибуну на площади Урицкого (Дворцовой), «представляющую опасность в условиях сбрасывания зажигательных бомб» [10, л. 100]. Часть особо хрупких экспонатов, например, фарфор и люстры из Павильонного зала, перенесли в подвалы, люстры подвесили на специальных прогонах, фарфор закопали в принесенный туда песок. Вероятно, именно для этих масштабных работ 27 июля 1941 года И. А. Орбели обратился в райсовет трудящихся Куйбышевского района с просьбой присыпать «в порядке труд. повинности ежедневно сроком до 15 августа 120 художников для выполнения особого задания, требующего соответствующей специализации» [4, л. 30].

С началом планомерных бомбардировок Ленинграда начались новые проблемы. 11 сентября 1941 года от прямого попадания фугасной авиабомбы серьезно пострадало здание филиала Государственного Эрмитажа – музея Штиглица². В течение сентября – декабря 1941 года вплоть до марта 1942 года коллекции разобрали и перевезли в Эрмитаж. Из-за проблем с транспортом приходилось везти экспонаты на санках, на ручных тележках, а иногда и на

² Музей барона А. Л. Штиглица – I филиал Эрмитажа с 1924 г. В марте 1942 г. здание было передано Управлению по делам искусств, а в ноябре 1943 г. – Художественному училищу по отделке зданий//АГЭ. Ф.1. Оп. 5. Д. 2783, 2852.

руках. Из отчета ОЗЕИ за второе полугодие следует, что было перевезено 90 % коллекций [11, л. 6 об.].

В ноябре 1941 года сотрудники Отдела истории русской культуры произвели обмер комнат, составление развернутых чертежей для фиксации размещения вещей в квартире академика И. П. Павлова под будущий музей, разбирали и систематизировали коллекцию тканей в Музее этнографии на предмет борьбы с молью и плесенью, которая угрожала им вследствие сырости в хранилищах, а также занимались разборкой и систематизацией историко-архивных фондов.

Оставшиеся реставраторы продолжили в этих условиях заниматься работами по сохранению тканей и металла.

После отправки двух эшелонов по состоянию на 12 августа 1941 года в Эрмитаже оставалось 411 сотрудников, но численность персонала постоянно сокращалась. С первыми двумя эшелонами уехали в Свердловск сначала семнадцать, а затем четырнадцать человек. Надо отметить, что в приказах значилось, что их следует «числить в командировке сроком на один месяц» [12, л. 8]. «Многие сначала не оценили, как следует происходящее. Многим казалось, что война с Германией будет вроде Финской войны, ну немного поопасней, подольше затянется, но никто не думал, что будет так, как оно было» [5, с. 14], – писала в своих воспоминаниях хранитель западноевропейских гравюр А. А. Шмидт. «Нам даже говорили, что не надо брать зимних вещей, – «если до осени не кончится война – теплые вещи пришлем» [3, с. 13], – вспоминала хранитель западноевропейской живописи XIX–XX веков В. Н. Березина. Позже в течение 1941 года в Свердловск разными путями уехали еще восемь сотрудников.

«Для продолжения научных работ по плану Эрмитажа к месту нахождения объектов изучения профессора А. Ю. Якубовский, К. В. Тревер, Л. А. Мацулевич, для помощи местным музеям учреждениям по специальности – профессор Ж. А. Мацулевич были направлены в Ташкент» [2, л. 1]. Крупнейший специалист по истории культуры Средней Азии А. Ю. Якубовский до 1943 года работал старшим научным сотрудником в Узбекском филиале АН СССР, а с осени 1942 года заведовал Ташкентской группой ИИМК АН СССР. Член-корр. АН СССР К. В. Тревер организовывала работы комплексной экспедиции Узбекского филиала АН СССР и ИИМК АН СССР в Фархадстрое, перед началом строительства Фархадской ГЭС, за что в 1943 году ей было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Доктор искусствоведения, специалист по западноевропейской скульптуре Ж. А. Мацулевич стала научным консультантом Узбекистанского музея искусств и заведующей Отделом европейского и советского

искусства, занималась созданием постоянных экспозиций музея, организовывала временные передвижные выставки, создала в музее закупочную и реставрационную комиссии. Доктор искусствоведения Л. А. Мацулевич сначала работал в институте языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР и в институте истории и археологии АН УССР. Итогом его исследований стал капитальный труд «У истоков многотысячелетней культуры народов Узбекистана». В целом надо отметить, что долгосрочным итогом пребывания сотрудников Эрмитажа в Свердловске, Ташкенте и других городах стало воспитание научных кадров на местах, развитие науки, археологии и музейного дела в этих регионах страны.

Сокращения персонала шли планомерно – каждый день выходили списки уволенных по сокращению штатов: ушедших в армию³, мобилизованных штабами МПВО Ленинграда⁴, а, позже, с наступлением блокады и голода, начались приказы с формулировкой «исключить из списков сотрудников за смертью»⁵. Иногда кто-то попадал под горячую руку директора. Орбели всегда славился крутым нравом, но в условиях военного времени увольнял сотрудников за малейшую провинность. Так, например, 13 июля «за предоставление явно неправильных сведений о ходе работы особого значения и за сдачу заказа на ящики для упаковки ценных экспонатов по неправильным меркам» уволили профессора В. К. Макарова [12, л. 22]. За оставленный в кабинете свет уволили сотрудника Отдела Востока В. В. Ревнова [12, л. 12]. По состоянию на 20 декабря 1941 года штат Эрмитажа составил 311 человек [13].

В сентябре с началом регулярных обстрелов рабочие кабинеты переместили в более безопасные места. К этому времени под зданиями Эрмитажа были полностью оборудованы под бомбоубежища двенадцать подвалов. Готовить их начали еще в январе 1941 года. Тогда «решением секретного заседания Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 20 января 1941 года Гос. Эрмитажу было предложено приспособить имеющиеся на территории Эрмитажа помещения под бомбоубежище для укрытия личного состава и посетителей от поражения осколком разорвавшейся бомбы и ударной волны.

³ 27 июня в ряды РККА ушли 32 сотрудника. Всего с 1941 по 1943 г. из Эрмитажа ушли на фронт 115 человек. Вернулись из армии к 1945 г. 42 человека, из них вернулось на работу в Эрмитаж 11 сотрудников // АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2724. Л. 25, Д. 2726, Л. 12.

⁴ К 20 декабря в МПВО по городу было мобилизовано восемь сотрудников // АГЭ. Ф.1. Оп. 5. Д. 2724. Л. 27.

⁵ Умерших и без вести пропавших с июня 1941 по октябрь 1942 г. числилось 227 человек // АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2725. Л. 65–69.

Специальная комиссия, созданная по распоряжению И. А. Орбели, наметила под бомбоубежища помещения подвалов общей площадью 3 656 кв. м. К 6 февраля работа по оборудованию их была в основном закончена, оставалось укрепить стены цементом и установить дополнительные входные и запасные двери» [10, л. 40]. С началом регулярных обстрелов кирпичом заложили окна, поставили топчаны, принесли мебель из кабинетов. Там от бомбажек скрывались не только сотрудники Эрмитажа с семьями, но и члены творческих союзов Ленинграда.

Там сотрудники продолжали работать, писать научные статьи и доклады для научных заседаний, готовить лекции. Это было возможно, так как даже с наступлением блокады библиотека Эрмитажа продолжала работать. Штат библиотеки составлял пять человек, но к концу года фактически в ней оставались только заведующий О. Э. Вольценбург и библиотекарь М. М. Брандт. О. Э. Вольценбург вспоминал: «работы бездна, а помощи нет... Накопилось множество не расставленных по полкам книг: холод в библиотеке ужасающий, чернила замерзли. В книгохранилище потемки... Условия работы невозможные, а требовательность со стороны сотрудников повышенная. Профессора и научные сотрудники сидят в убежищах или по домам, и если появляются в Эрмитаже, то только чтобы нетерпеливо требовать новых книг, совершенно не входя в положение библиотеки» [14, с. 57–58].

За второе полугодие 1941 года, то есть в условиях блокады и военного времени, было подготовлено восемнадцать научно-популярных лекций на исторические темы для раненых в госпиталях. В. М. Глинка вспоминал, что, когда сам лежал в госпитале, руководство попросило его прочесть лекцию для раненых: «Люди там лежат в темноте, свет только от печки. Разговоры друг с другом только про свои беды или похабщина. Надо их отвлечь чем-то...» [1, с. 58]. Он вспоминал, как внимательно его слушали и, что, засыпая в тот вечер, он был почти счастлив, так как был кому-то нужен.

Помимо лекций, в Эрмитаже проходили научные заседания в отделах, на которых читали и обсуждали доклады.

Сотрудники Отдела западноевропейского искусства продолжали работать над «Историей западноевропейского искусства». Профессор М. В. Добролюбский переработал и дополнил главу «Живопись Романского периода и скульптура романского периода», профессор Е. Г. Лисенков написал главу «Английская живопись эпохи классицизма и романтизма», старший научный сотрудник Е. М. Липольд – часть главы «Французское искусство классицизма и романтизма». Член-корреспондент АН СССР А. А. Ильин продолжил работу над вторым томом издания «Классификация русских удельных монет», первый том вышел в 1940 году.

Б. Б. Пиотровский впоследствии вспоминал: «Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь. Те, кто был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем обычно переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях. И так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе» [15, с. 187].

Это хорошо понимал и директор И. А. Орбели. 19 октября и 10 ноября 1941 года им были организованы два научных заседания, посвященных восьмисотлетию азербайджанского поэта Низами Ганджеви и пятисотлетию узбекского поэта Алишера Навои. На заседании 19 октября с приветственным словом выступил сам И. А. Орбели, доклады прочитали профессор А. Н. Болдырев, аспирант Отдела Востока Г. В. Птицын и специально отозванный по просьбе директора с фронта М. М. Дьяконов, а также от Союза советских писателей Н. С. Тихонов.

На заседании, посвященном Алишеру Навои, после вступительного слова И. А. Орбели с докладами выступили Б. Б. Пиотровский и А. Н. Болдырев, отрывки из своих переводов произведений Навои прочитали Н. Ф. Лебедев и Вс. Рождественский. Специально для этого заседания художник Ленинградского фарфорового завода ЛФЗ М. Н. Мох изготовил чашечку и коробочку с сюжетами из произведений Навои. В отчете указано – «обжиг производился в Эрмитаже» [2, л. 5]. Это стало возможным, так как с вмерзшей в лед Невы базы подводных лодок «Полярная звезда» был протянут кабель в подвалы Эрмитажа, где Мох смог изготовить и обжечь в муфельной печи эти предметы.

Здесь надо особо отметить, что и художник ЛФЗ М. Н. Мох, и специалист по туркменской и персидской литературе и переводчик Н. Ф. Лебедев были приняты Орбели в Эрмитаж разнорабочими, что давало им возможность получать рабочую карточку. Они возили кирпич, закладывали окна подвальных помещений, таскали доски, а в свободное от этих работ время занимались своим основным делом. После второго заседания, посвященного Навои, Лебедев был так истощен, что уже не смог подняться. Он умер в феврале 1942 года и Б. Б. Пиотровский вспоминал: «И когда он уже лежал мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи» [15, с. 188].

По итогам заседаний были подготовлены и сданы в печать сборник «Низами Ганджеви», включавший статьи И. А. Орбели, А. Н. Болдырева, М. М. Дьяконова, Г. В. Птицына, переводы отрывков из произведений Низами с иллюстрациями художника М. Н. Моха (три печатных листа), а также сборник, посвященный Алишеру Навои, включавший статьи И. А. Орбели, А. Н. Болдырева, Б. Б. Пиотровского, переводы Н. Ф. Лебедева с иллюстра-

циями М. Н. Моха (три печатных листа). Их собирались отпечатать в типографии Гидрометеоиздата, которая находилась на территории Эрмитажа. Там же были отпечатаны и пригласительные билеты на заседания. Впоследствии, уже после войны, Орбели добился передачи ее в ведение Эрмитажа.

В бомбоубежище Эрмитажа сотрудники встретили 1941 год. «Встречали Новый год тревожно: что он принесет нам? Сколько еще страдать нашей земле? Но в победу верили твердо. Только бы дожить до нее. Вот именно в этом уверенности не было» [5, с. 103].

В первые полгода войны сотрудники музея блестяще организовали эвакуацию собраний и провели консервацию оставшихся коллекций. Несмотря на стремительное развитие событий на фронте и отсутствие времени на адаптацию, это стало залогом их сохранности в последующие тяжелые годы блокады и войны.

Библиографический список

1. Глинка В. М. Воспоминания. Архивы. Письма. – Кн. II. – СПб. : АРС, 2006.
2. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2628.
3. Пятницкий Ю. А. Неистовый И. А. Орбели: «Эвакуация на случай объявления мобилизации» // 250 истории про Эрмитаж. «Собранье пестрых глав...». – Кн. 4 (1) – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. – С. 75–117.
4. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2747.
5. Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020.
6. Выставка работ ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны : каталог. – М., 1941.
7. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2722.
8. Баландина О. А. Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова в период эвакуации в г. Молотов (по документам ЦГАИПД СПб) // Материалы научной конференции «Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019». – Пермь, 2020. – С. 64–70.
9. АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 621.
10. АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 581. Л. 100.
11. АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 575. Л. 6 об.
12. АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 147. Л. 8.
13. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2724.14.
14. Вольценбург О. Э. Страшная зима. 1941–1942 годы в Ленинграде // 250 историй про Эрмитаж. «Собранье пестрых глав...». – Кн. IV. – Ч. II. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.

15. Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. – СПб. : Руда и металлы, 2009.
16. Соломаха Е. Ю. Вместо предисловия // Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. – Екатеринбург, 2021. – С. 13
17. Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. – Екатеринбург, 2021. – С. 134.

**«Как ходили деды в бой».
Выставочный проект
«Музыка Побед»
в Шереметевском дворце
к 80-летию Победы
в Великой Отечественной
войне 1941-1945 годов:
опыт коммеморации**

О. А. Ходякова¹



Аннотация. В статье рассказано об идее и реализации выставочного проекта, в котором сделан акцент на значении музыкальных инструментов как культурном наследии, сохранившем коллективную память трагических и радостных событий отечественной военной истории от петровского времени до 1945 года. Рассмотрены практики празднования военных побед в метрическом пространстве XVIII–XXI веков, значение юбилейных дат и их использование в государственной политике памяти.

Ключевые слова: музыкальные инструменты, история Отечества, графы Шереметевы, военные победы, юбилеи, память, празднования.

**“How the grandfathers went into battle”.
The exhibition project “Music of Victories”
at the Sheremetev Palace dedicated to the 80th anniversary
of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945 years:
the experience of the commemoration**

¹ Ходякова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом хранения в Музее музыки – Шереметевском дворце (Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства, Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2, лит. «А»), заслуженный работник культуры.

Hodjakova Olga A., candidate of historical sciences, head of the storage Department at the Sheremetev Palace — Museum of Music (St. Petersburg State Museum of theater and musical art, Russia, 191023, St. Petersburg, st. Architect Rossi, 2, lit. “A”), honored cultural worker.

Summary. The article describes the idea and implementation of the exhibition project focused on the importance of musical instruments as a cultural heritage that preserves the collective memory of the tragic and joyful events of the national military history from the time of Peter the Great to 1945. The practices of celebrating military victories in the metric space of the XVIII–XXI centuries, the significance of anniversaries and their usage in the public policy of memory are considered

Keywords: *musical instruments, history of the Fatherland, the Sheremetev counts, military victories, anniversaries, memory, celebrations.*

Как определить своевременность обращения к историческому прошлому и какое событие давно минувших дней становится актуальным в сложном и противоречивом «сегодня»? Этот вопрос с каждым новым проектом решается профессиональным музейным сообществом. В 2025 году многие организации системы культуры в своей работе руководствовались Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества»².

Выставка «Музыка Побед», в Музее музыки, филиале Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, открытая 25 апреля в день рождения фельдмаршала графа Б. П. Шереметева и в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, была посвящена теме сохранения памяти поколений, бережного отношения к историческому прошлому, гордости за Отечество. Выставка стала данью уважения к ратному подвигу всех, кто сражался за Родину в разные исторические эпохи.

В двух словах названия выставки – «Музыка Побед» – отражена генеральная идея проекта. Он рассказывает о сигнальной музыке, которая вела солдат на поле битвы, и о значимых победах, празднование которых невозможно без музыки. Выставка акцентировала внимание на музыкальных инструментах как культурном наследии, части материальной и духовной культуры, сохранившей коллективную память трагических и радостных событий отечественной истории от петровского времени до 1945 года. Главными предметами выставки стали музыкальные инструменты (литавры, барабаны, трубы, флейты, гобои, кларнеты, гармони, аккордеоны), каждый из которых рождал ауру различных эмоций, сюжетов и акцентов. Музыкальные инструменты в контексте выставки рассматривались как (1) участники битв; (2) трофеи памятных сражений; (3) соучастники дипломатических перегово-

² <https://codolimp.gosuslugi.ru/glavnoe/2025-god-zashchitnika-otechestva-i-80-letiya-velikoy-pobedy>

ров в конфликтах на европейском театре военных действий; (4) награды за героизм и отвагу; (5) предмет изучения с версиями происхождения, исследованием материалов и техник изготовления, определением конструктивных особенностей и пр.; (6) хранители приватной (мемории) и публичной (символ торжества) составляющей праздника, индивидуального опыта и коллективной эмоции; (7) предметы актуального прошлого и доказательства духовной составляющей подвига солдата – войска – народа; (8) предметы, удостоенные уважения и замещающие ветеранов в ситуации их отсутствия как активных участников прошедших событий.

Процесс работы над темой выставки и сама выставка как интеллектуальный результат, представленный для посетителей разных возрастов, предполагали не только изучение инструментов, но и размышления на разные темы. Великое множество событий наступавшего, а теперь вошедшего в силу юбилейного года Победы, призывало в ходе работы обратиться к обдумыванию и осмыслению ряда вопросов.

Одним из них стало размышление о слагаемых звуковой картины войны и ее изменениях в метрическом пространстве XVIII–XX веков. Это звуки, производимые оружием, разрывы снарядов, голоса людей, выкрикивающих команды, стоны раненых, крики «ура!», свист летящих снарядов, скрежет штыков, визг пуль, а также музыка. Очевидным стала вековая трансформация использования и влияния звуков, производимых музыкальными инструментами: от функции управления войсками до значения воодушевления воинов и создания боевого армейского духа.

Выставка «Музыка Побед» неизбежно затронула вопрос о том, когда историческое событие, связанное с войной, перестает быть годовщиной и становится юбилейной датой. Войны всегда сопровождали развитие человеческого общества и являлись формой взаимодействия людей. В истории зафиксировано свыше восьми тысяч мирных договоров, многие из которых после военных конфликтов заключались «на вечные времена», при этом средний срок действия «вечных времен» не превышал десяти лет [1, с. 189]. История нашего Отечества в каждом веке знала примерно двадцать войн, значит, каждое поколение россиян переживало свою войну. Их участники, прошедшие суровые испытания и выжившие, получали награды, удостаивались чествований и имели непререкаемое право на благодарность за победу от современников. По мере удаления от события драматизм существования человека в условиях войны стирался, острота восприятия факта истории слаживалась, мотив скорбного и победного переплетался, возникали новые интерпретации и новые осовременные смыслы прошедшего. Образ войны из личностного превращался в устоявшийся, формировалась коллективная

память о победе, историческое событие включалось в календарь памятных дат и праздников, становилось символическим ресурсом и использовалось в государственной политике памяти. Именно удаление от трагического события превращало годовщины в юбилеи, которые становились связующим звеном между прошедшим и настоящим. Государственный победный праздник – важнейшая часть отечественной культуры XVIII–XXI веков. Празднования по случаю побед и чествование воинов носили название «викториальных дней» в Российской империи и носят название Дней воинской славы в России [2–4].

Практики празднования военных побед формировались постепенно. Традиция «викториальных» торжеств зародилась в ходе Северной войны (1700–1721). Празднования военных триумфов Петра Первого имели определенную сценарную последовательность: возведение триумфальных ворот с символическими изображениями, торжественное шествие с музыкальным сопровождением, богослужения с благодарственными молебнами и колокольным звоном, светские церемонии с салютованием орудийными залпами и фейерверки, торжественные приемы и обеды [3, с. 35–36].

Праздник 9 мая как «день всенародного торжества» пришел из советского календаря. Сценарий празднования Победы сложился после 1965 года в собственную визуализацию (парад, салют) и символику, сопровождался ритуальными практиками (встречи с ветеранами), охватывал определенные пространства (мемориалы и др. места памяти) [5, с. 94] и, наконец, во всей праздничной культуре современной России праздник занял центральное место. С 2010 года 9 мая в храмах начали служить Благодарственный молебен Господу за дарование Победы в Великой Отечественной войне. Молитву для этого молебна по образцу молитвы Святителя Московского Филарета из благодарственного молебна написал Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл [6, с. 51]. Эта вновь возникшая практика возвратила нас к сценариям празднования военных побед петровского времени периода Северной войны и всего XVIII века [7, с. 98, 101]. и позволяет говорить о цикличности и закономерной повторяемости восприятия базовых ценностей.

Особое значение в истории культуры имеют юбилейные даты, наделяя память сакральным смыслом [8, с. 129–130]. Сакрализация связана с феноменом смерти, который представлен в контексте войн, и с процессом создания мифов, наиболее продуктивным механизмом формирования культурной памяти. Приведем некоторые примеры юбилеев памятных побед и их использование в государственной политике памяти.

Главным торжеством петровской эпохи можно считать Полтавскую битву 27 июня 1709 года. С каждым новым юбилеем продолжались меро-

приятия по увековечиванию памяти об этой победе. В царствование Анны Иоанновны среди официальных торжеств Полтавская победа являлась единственным викториальным днем, когда императрицу поздравляли иностранные дипломаты, министры, знатные особы, в придворной церкви шла служба, а из «зело многих пушек» стреляли с Петропавловской крепости и Адмиралтейства. В календаре среди «господских праздников и статских торжественных дней, в которых от публичных работ дается свобода» был день 27 июня – «Воспоминание победы под Полтавою». В этот день 1787 года для Екатерины II демонстрировали батальную реконструкцию, которой руководил командующий Кременчугской дивизией генерал-аншеф А. В. Суворов; для Александра I в 1817 году была построена и открыта триумфальная арка; Николай I посещал Полтаву неоднократно [9, с. 75], отмечая своими визитами важное значение города для исторической памяти события. Особенно торжественно в 1909 году прошел двухсотлетний юбилей Полтавской битвы в Санкт-Петербурге, Полтаве, Москве. Торжества, прославлявшие русское оружие и русское самодержавие, предусматривали участие официальных лиц, проведение богослужений в храмах, парады местных гарнизонов, установку памятников, народные гуляния, публичные чтения о славном подвиге русских войск, панихиду по погибшим воинам. [10, с. 228–231]. В Петербурге к юбилейным торжествам отреставрировали Сампсониевский собор, построенный по указу Петра в честь победы на Полтавском поле. В дни празднования были использованы возможности кинематографа и снят фильм «Полтава» об участии Николая II и представителей Императорского двора в различных церемониях юбилейных торжеств [9, с. 76]. К трехсотлетнему юбилею битвы историческая оценка события получила новые смыслы и сценарии в связи с тем, что место битвы для России оказалось в границах другого государства. В России в настоящее время День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении является Днем воинской славы (10 июля).

Ключевым событием российской истории, вплетенным в государственную идеологию, в Российской империи, в СССР и в Российской Федерации стала Отечественная война 1812 года. Юбилейные мероприятия этой войны можно проследить на протяжении XIX–XXI веков [11]. В Манифесте Императора Александра I от 26 декабря 1812 года на окончание войны были такие слова: «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Образ Отечественной войны сразу после ее окончания и в последующие годы оставался актуальным и востребованным. Спустя четверть века в 27-ю годовщину на историческом Бородинском поле проводились военные маневры (1839), целью которых было воссоздание событий битвы

[12, с. 68]. Главным событием пятидесятилетнего юбилея (1862) достопамятной войны стал выход в свет романа Л. Н. Толстого «Война и мир», определив на многие поколения вперед образ 1812 года и упрочив его в пространстве исторической памяти. Автор относился уже к потомкам поколения воевавших. Прежде чем писать о Бородинском сражении, он побывал на месте, чтобы представить передвижение русских и неприятельских войск. Когда вышел роман, еще были живы ветераны войны и писателя критиковали за исторические неточности. С уходом поколения непосредственных участников событий 1812 года память стала преобразовываться и превращаться в национальный исторический миф. В 1912 году празднование столетия стало крупнейшим государственным проектом по сплочению вокруг царского престола различных социальных и политических сил после поражения в русско-японской войне, по укреплению союзнических отношений с Францией, которая за сто прошедших лет выступала в качестве сильнейшего противника российского государства [13, с. 22]. Юбилейный год стал временем установки памятников, создания музеев, пропаганды идей патриотизма «при широком ознакомлении подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России – путем бесед и поучительных чтений».

С началом Великой Отечественной войны среди прочих исторических сюжетов тема 1812 года превратилась в основную, особенно в 1942 году, на который пришелся 130-летний юбилей. После выхода на экраны фильма «Кутузов», получившего Сталинскую премию, повсеместно организовывался массовый просмотр. Благодаря прямым аллюзиям с Великой Отечественной войной тема 1812 года стала «режимной», а М. И. Кутузов был признан не только гениальным полководцем, но и народным героям [14, с. 118].

В 1962 году исполнилось 150 лет важной в российской военной истории даты. Юбилей пришелся на время очередного обострения международной напряженности. В разгар Карибского кризиса тема захвата власти и тема независимости вновь стала актуальной, что способствовало поиску исторических аналогий. Например, таких: Наполеон стремился к мировому господству, но был повержен; русская армия разгромила захватчиков и освободила Европу от гитлеровской чумы; поэтому память 1812 года так же священна, как и память о Великой Отечественной войне. В условиях международной напряженности периода «холодной войны» особый смысл имело решение советского правительства о создании киноэпопеи «Война и мир», съемки которой начались в сентябре 1962 года. Размах съемочного процесса в СССР имел государственные масштабы. Это свидетельствовало о новом интересе к историческому событию.

Подготовка празднования двухсотлетия победы в Отечественной войне 1812 года началась в 2007 году после подписания Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина. В рамках юбилейных мероприятий была создана экспозиция музея Отечественной войны 1812 года, поддержаны научно-издательские проекты, создан полнометражный фильм, проведен парад военно-исторических клубов на Бородинском поле [11, с. 55–56]. Участие реконструкторских клубов в юбилейных мероприятиях стало проявлением не государственной, но общественной инициативы праздника. Примечательной в плане формирования «юбилейной памяти» оказалась речь президента 2 сентября 2012 года на Бородинском поле. В ней было сказано: «В истории нашей Родины было немало трагедий и войн, но лишь две из них названы Отечественными. Именно так навеки они запечатлены в нашей национальной исторической памяти» [15, с. 207]. Таким образом, Отечественная война 1812 года и в настоящее время продолжает быть частью официальной государственной политики памяти, а День Бородинского сражения русской армии под командованием М. И. Кутузова с французской армией является в календаре государственных праздников Днем воинской славы, который отмечается в России 8 сентября.

Приведенные выше факты празднования юбилеев битв и сражений российской истории убедительно подтверждают, что любое событие со временем подвергается интерпретации, отличается от исходного, мифологизируется, получает новый смысл, дополняется деталями. Часто традиции изобретаются, забываются или даже просто отменяются в силу культурных или политических причин [2; 16, с. 23]. Память неотделима от забвения, и каждый акт воспоминания сопровождается частичным забвением. Процесс забывания может привести к зарождению новой формы памяти об историческом событии. Подмена истории мифом приводит к отсутствию критического отношения к любым событиям и фактам, при этом прошлое используется для связи поколений и консолидации общества [8, с. 134], так как в своей стержневой основе остается тема героизма, подвига, пожертвования, преодоления. Образ прошлого с годами – десятилетиями – столетиями трансформируется.

Великая Отечественная война на протяжении десятилетий оставалась событием, которое коснулось всех и каждого. Образ этой войны является многозначным символом утраты и победы, гибели и стойкости, героизма и подвига, самопожертвования и защиты. Он занимает центральное значение для всей праздничной культуры современной России. День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (9 мая) является не просто днем воинской славы, но и одним из главных государ-

ственных праздников. Стержневой идеей является победа Советского Союза и гордость за трудовые и военные подвиги советских людей в годы войны. Радость одержанной победы и скорбь о погибших складываются в символ патриотизма, семейной и исторической идентичности [2, с. 35, 38].

Однако память о военных событиях при смене поколений трансформируется. Самыми актуальными юбилеями являются события, произошедшие в пределах ста лет или охватывающие жизненный путь трех поколений. Не случайно слова Преображенского марша упоминают о том, как «ходили деды в бой». Это значит, что память является живой до того момента, пока внуки вспоминают поколение дедов; это связь представителей семьи на «уровне протянутой руки», память разговоров «от деда к внуку». Так, в XVIII веке вспоминали петровские времена, в XIX – Бородино, в середине XX века – знамя Победы над Рейхстагом.

По мнению исследователей, временной диапазон коммуникативной памяти составляет 60–80 лет. Великая Отечественная война остается одной из базовых мифологем советской эпохи, которая сохранила свою жизнеспособность в современной культуре. Но поколенческие изменения в современном российском социуме и распространение цифровых технологий меняют память и об этой войне [17, с. 209]. Ветераны перестают быть активными участниками Дня Победы. Поэтому их родственники – через поколение, по большей части внуки, становятся символом исторического события в мероприятиях по случаю Победы.

В формировании культурной памяти о войне и Победе принимают участие официальная власть, социальные институты, средства массовой информации, учреждения культуры и образования и пр. [18, с. 213–214]. С одной стороны, праздник на основе сакрализации событий и героев войны в массовом сознании приравнивается к особому виду гражданской религии. С другой стороны, более дискуссионным становятся знание реальных фактов, а массовые представления об истории носят эпический и мифологический характер. Образы и герои войны становятся объектами популярной мемориальной культуры [19]. Романы, театральные постановки, кинопродукция, медиа до неузнаваемости изменяют исторические реалии удаляющегося прошлого. Естественное изменение смысла и содержания символических дат и праздников вызывают споры в современном обществе. Интерес исследователей и широкой публики к истории войн в первой четверти XXI века с развитием медиаресурсов можно охарактеризовать как мемориальный бум, который способствует постановке новых актуальных проблем, в том числе решаемых музеями как хранителями предметной памяти о людях и событиях прошлого. Можно с уверенностью сказать, что с уходом поколения ветеранов

их роль воспринимают не только потомки / внуки, но и мемории с легендами, являющиеся звеньями цепочки памяти, связывающей поколения.

Выставка «Музыка Побед» выполнила свои скромные поставленные задачи: пригласить посетителей к медленному смотрению, вдумчивому знакомству, рассудительному вспоминанию событий, проникновению в частные истории, размышлению о судьбах людей, предметов и страны, вызвать чувство исторического достоинства и сформировать впечатления. Впечатления, по одной из теорий, есть знания. М. Б. Пиотровский в одном из интервью сказал, что «человек запоминает не факт, а впечатления, с этим фактом связанные. В музее посетитель запоминает не вещи, а энергию, в них заключенную... Впечатления, создаваемые музейными методами, могут быть умиротворяющими или раздражающими... Сегодня важна терапевтическая роль музеев. Они – символ добра, красоты, стабильности... Чтобы работать в разных условиях и совершать подвиги, человеку нужна некая форма стабильности, которую музеи тоже дают [20]. Выставка «Музыка Побед», призванная актуализировать память военных побед, сделала акцент на эмоциональном ее аспекте, презентовав систему ценностей, сделав попытку создать новую мифологему событий отечественной истории, рассматривая музыкальные инструменты как свидетельства и музыки, и побед, и того, «как ходили деды в бой».

Библиографический список

1. Ипполитов Г. М., Филатов Т. В. Исторический феномен морального духа армии в войне // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). С. 187–198 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-fenomen-moralnogo-duha-armii-v-voynе> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Аникин Д. А., Линченко А. А. Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Terra Linguistica. – 2020. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyatnye-daty-v-simvolicheskom-prostranstve-sovremennoy-rossii-gosudarstvennye-strategii-i-kulturnye-praktiki> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Демина В. Н. Музыка победных праздников в динамике отечественной культуры (XVIII – начало XXI века) : автореф. дис. д-ра искусствоведения: специальность 17.00.02 / Рост. гос. консерватория им. С. В. Рахманинова – Ростов-на-Дону, 2018. – 53 с.
4. Малинова О. Ю., Карпова Н. В. Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Полит. наука. – 2023. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deputaty-gosudarstvennoy-dumy-kak>

акторы-российской-политики-памяти-на-примере-трансформации-federalnogo-zakona-o-dnyah-voinskoj (дата обращения: 02.06.2025). С. 113–138.

5. Огородова О. А. Коммеморация памяти Отечественных войн // Вестник НАСА. – 2021. – № 1 (17). – С. 94 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommemoratsiya-pamyati-otechestvennyh-voyn> (дата обращения: 06.06.2025).

6. Демина В. Н. О богослужебной традиции празднования «викториальных» торжеств (XVIII–XX века) // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №1 (73) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bogosluzhebnoy-traditsii-prazdnovaniya-viktorialnyh-torzhеств-xviii-xx-veka> (дата обращения: 01.06.2025).

7. Аронова А. А. Триумф Минервы: военные праздники в России (1730–1770) // Искусствознание. – 2018. – № 4. – С. 96–133 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/triumf-minervy-voennye-prazdniki-v-rossii-1730-1770> (дата обращения: 01.06.2025).

8. Ерохина Т. И. Сакрализация культурной памяти о Великой Отечественной войне в современном российском кинематографе // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 4 (83) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralizatsiya-kulturnoy-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyno-v-sovremennom-rossiyskom-kinematografe> (дата обращения: 01.06.2025).

9. Николаенко П. Д. Победа под Полтавой 27 июня 1709 г. – важнейший фактор укрепления российской государственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-pod-poltavoy-27-iyunya-1709-g-vazhneyshiy-faktor-ukrepleniya-rossiyskoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 01.06.2025).

10. Павленко В. В. Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. – 2012. – № 6 (86) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhествa-v-rossii-posvyaschennye-200-letiyu-poltavskoy-bitvy-1> (дата обращения: 01.06.2025).

11. Уланов Ф. И. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.: практики коммеморации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 4 (14) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/200-letniy-yubiley-otechestvennoy-voyny-1812-g-praktiki-kommemoratsii> (дата обращения: 01.06.2025).

12. Буянова Г. Б. «Да, были люди в наше время...»: Отечественная война 1812 года в зеркале классической русской литературы // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 2 (8) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/da-byli-lyudi-v-nashe-vremya-otechestvennaya-voyna-1812-goda-v-zerkale-klassicheskoy-russkoy-literatury> (дата обращения: 01.06.2025).

13. Дмитриева О. О., Иванова Т. Н. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года как пример реализации коммеморативных практик // Вестник ЧГУ. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnovanie-100-letnego-yubileya-otechestvennoy-voyny-1812-goda-kak-primer-realizatsii-kommemorativnyh-praktik-1> (дата обращения: 01.06.2025).

14. Русаков А. Ю. Отечественное киноискусство Великой Отечественной войны: «Каждый фильм – удар по врагу» // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2023. – № 2 (85) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennoe-kinoiskusstvo-velikoy-otechestvennoy-voyny-kazhdyy-film-udar-po-vragu> (дата обращения: 06.06.2025).

15. Рыбаков А. 200 лет бородинскому сражению: «лишь мертвый не вставал с земли...» // Этнодиалоги. – 2012. – №4 (41) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/200-let-borodinskomu-srazheniyu-lish-mertvyy-ne-vstaval-s-zemli> (дата обращения: 07.06.2025).

16. Баранов Н. Н., Галкина Ю. М., Голотина А. И. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.) и др. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 550 с.

17. Титков А. С. Новые практики Дня Победы: макросоциологическое объяснение // Фольклор и антропология города. – 2019. – № 1–2. – С. 206–229 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-praktiki-dnya-pobedy-makrosotsiologicheskoeobyasnenie> (дата обращения: 02.06.2025).

18. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: факторы, институты и практики // НП/НР. 2020. – №1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-strategiyah-formirovaniya-natsionalnyh-i-regionalnyh-identichnostey-v-rossii-aktory-institutu-i-praktiki> (дата обращения: 06.06.2025).

19. Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–122 [Электронный ресурс]. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhipova_et_al (дата обращения 19.10.2025).

20. Пиотровский М. Б. Задача музея – создавать дизайн впечатлений... // Санкт-Петербургские ведомости. – 2025. – 28 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/mikhail-piotrovskiy-zadacha-muzeya-sozdavat-dizayn-vpechatleniy-dumaem-kakie-emotsii-chelovek-dolzhe> (дата обращения 19.10.2025).

Утраченные и возрожденные. О мастичных люстрах Екатерининского корпуса дворца Монплезир в Петергофе

О. А. Холоднова¹



Аннотация. Перед началом Великой Отечественной войны эвакуировать мастичные люстры из Екатерининского корпуса дворца Монплезир в Петергофе не смогли, они оказались под обломками рухнувших перекрытий. Только в конце 1980-х годов началось восстановление люстр, в результате которого удалось хорошо изучить материал и технику изготовления. Мастичные люстры Екатерининского корпуса уникальны, поскольку их производство было непрерывным и в наши дни подобных светильников сохранилось немного.

Ключевые слова: мастика, мастичные люстры, реставрация, Петергоф, Екатерининский корпус, утраты.

Lost and Restored: On the Mastic Chandeliers of the Catherine Wing of the Monplaisir Palace in Peterhof

Summary. It was not possible to evacuate the mastic chandeliers from the Catherine Block of the Monplaisir in Peterhof before the start of the Great Patriotic War. They ended up under the rubble of collapsed ceilings. Restoration of the chandeliers began in the late 1980s. It was possible to thoroughly study the material and manufacturing technique. The mastic chandeliers of the Catherine Building are unique, since their production was short-lived and few such lamps have survived to this day.

¹ Холоднова Ольга Александровна, хранитель музеиных предметов I категории (в экспозиции) сектора «Монплезирский комплекс» экспозиционной службы, ФГБУК «Государственный музей-заповедник «Петергоф», Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, ул. Разводная, 2.

Kholodnova Olga Alexandrovna, curator, The State Museum Reserve «Peterhof», Russia, 198516, Saint-Petersburg, Peterhof, ul. Razvodnaya, 2.

Keywords: *mastic, mastic chandeliers, Peterhof, the Catherine Block, restoration, loss.*

Во время эвакуации музеиных ценностей из Петергофа с 22 июня до 23 сентября 1941 года удалось вывезти в другие города или спрятать на месте не все экспонаты. Некоторые предметы остались на своих местах. Так произошло с уникальными мастичными люстрами Екатерининского корпуса дворца Монплезир. К 1941 году в этом небольшом дворце, находящемся в Нижнем парке Петергофа, была собрана редкая коллекция светильников, выполненная из материалов, имитирующих бронзу, – из дерева и мастики. Часть из них изначально предназначалась для Екатерининского корпуса, некоторые поступили из других императорских дворцов после их закрытия в 1917 году.

Как освещался корпус при первых владелицах – императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II – точно неизвестно. Возможно, пользовались принесенными подсвечниками, торшерами, а по торжественным случаям и люстрами. Также надо учитывать, что дворец использовался только в летний период, а в Петербурге в этот время сумерки делятся дольше обычного и ночи короткие. В XIX веке дворец комплектуется стационарными светильниками. Сначала до 30-х годов на стенах нескольких комнат повесили бра. В описи за 1831 год люстры еще не упоминаются. А в 1829–1835 годы уже описываются три люстры в Желтом зале² – одна большая и две малых, но их ошибочно называют бронзовыми [1, л. 221]. Таким образом, первые люстры появились в Екатерининском корпусе в период с 1831 по 1835 год. В 1884 году Желтый зал освещают уже семь люстр (одна большая и шесть малых), а Синюю гостиную – одна большая [2, л. 3–17 об.], (илл. 1, 2).

После октябрьской революции 1917 года в связи с национализацией императорских дворцов и использованием их для нужд нового советского государства началось перераспределение ценностей между действующими музеями. Поэтому в 1920-х годах в Екатерининском корпусе количество осветительных приборов увеличивается. Английский дворец, построенный архитектором Джакомо Кваренги в 1781–1794 годах для императрицы Екатерины II в Петергофе, передали в ведение Управления петергофскими дворцами-музеями, а с января 1928 года – областному отделу Союза работников просвещения, чтобы обустроить в нем здравницу для членов союза. Она открылась летом 1928 года [3, с. 93, 94]. Поэтому ценности временно вывезли в петергофское хранилище для последующей распродажи. Оттуда в Екатерининский корпус поступили две деревянные люстры другой конструкции

² «Люстр бронзовых: большая о 36 трубках одна; малых о 24 трубках две» [1, л. 221].

в виде трех деревянных обручей разного диаметра с резьбой в виде лавровых венков: «резного золоченого дерева в форме трех венков из лавровых листьев, один больше другого, с гнездами для свечей на них с металлическими вставками, на бронзовых золоченых цепях с короной из больших акантовых листьев вверху и с подвесной цепью» [4, л. 18 об.]. Их разместили в Вестибюле³ и Зеленой приемной. Со временем нижние венки обоих люстр были сняты и перенесены в Кладовую Екатерининского корпуса, где хранились вплоть до войны. В 1932 году один венок из Вестибюля был временно выдан в Каменоостровский театр [4, л. 386 об.], но, согласно описям, он не вернулся обратно, и его судьба неизвестна⁴. Причина уменьшения ярусов непонятна. Можно предположить, что это случилось потому, что залы в Английском дворце были больше, чем в Екатерининском корпусе. Поэтому трехъярусная конструкция, скорее всего, смотрелась слишком громоздко. Однако в новом виде нарушилась целостность люстры и изменился замысел архитектора Дж. Кваренги. К сожалению, они погибли во время войны и не были воссозданы.

В январе 1919 года усадьбу в Ропше передали Петроградскому агрономическому институту «в целях организации инструкторской школы (техникума) по садоводству, огородничеству, рыболовству и другим отраслям сельского хозяйства...» [5, с. 246]. При этом все ценности (мебель, картины, фарфор) оставались во дворце. В 1924 году составили описи дворцового имущества. Только в марте 1926 года часть ценных экспонатов вывезли на склад Государственного музеяного фонда, а некоторые предметы передали в Петергоф и Эрмитаж для пополнения экспозиции. В «Описи имущества Ропшинского Ея Величества дворца 1850 года» в разных залах упоминаются люстры из дерева, хотя на самом деле они были изготовлены из дерева и мастики: в «Зале Танцевальное» – «люстра деревянная, вызолоченная, с хрустальным поддоном, о 36 рожках, с медными цепями»; в «Кабинете Императрицы» – «люстра деревянная, вызолоченная, о 20 рожках, с хрустальным поддоном, с 5 медными цепями»; в «комнате угольной Императрицы» и в «Столовой» – такие же люстры, но «о 16 рожках» (в угольной одна, а в столовой – две) [9, с. 318, 322, 335, 340, 347]. Таким образом, в декабре 1928 года в Екатерининский корпус поступили две люстры из Ропшинского дворца. Одну повесили в Кабинете

³ В начале XX в. «Вестибюль» именовали «Передней».

⁴ В описи 1938 года венка еще не было: «Третий нижний круг или венец отсутствует» [5, л. 92 об.]. В этой описи люстра Зеленой приемной ошибочно описывается как состоящая из трех венков [7, л. 319 об.]. Хотя в Кладовой Екатерининского корпуса в то же время хранился венок этой люстры [7, л. 349 об.], и на довоенной фотографии также видно, что люстра состоит из двух венков и короны [8, с. 26, рис. 208].

Александра I (в описи 1928 года ее по форме идентифицировали с люстрами Желтого зала), вторую в Спальне Александра I⁵ («такая же, как в Синей») [4, л. 232 об., 270 об.], (илл. 3).

Мастичные люстры Екатерининского корпуса по своей конструкции относятся к наиболее распространенному типу осветительных приборов русского ампира, для которых характерна круглая корзина на цепях из фигурных звеньев, подвешенных к короне с зубцами из акантовых листьев. Каркасом корзины являлся обруч с рожками для свечей, украшенный орнаментальными и сюжетными композициями в плоском рельефе, укрепленными на его бортике. Дно корзины выполняли в виде матового стекла, на котором в центре закрепляли розетку с букетиком цветов [10, с. 134].

Люстры Екатерининского корпуса двухъярусные, но их можно разделить на две модели:

- состоящие из двух чащ разного размера, подвешенные к короне на цепочках. Подобные висят в Желтом зале, Кабинете Александра I и Вестибюле;
- состоящие из нижней большой чаши и верхнего яруса в виде деревянного обруча, прикрепленного к нижней чаши деревянными брусками – в Зеленой приемной, Опочивальне и Синей гостиной.

На всех люстрах прослеживаются одинаковые декоративные детали, выполненные в плоском рельефе: акантовые, лавровые, миртовые и болотные листья. На обручах расположены путти: коленопреклоненный; со стрелой в руках и закрывающий правый глаз ладонью; с луком в руках; в шлеме и с дубинкой; с рогом изобилия за спиной; а также аллегорические фигуры, олицетворяющие четыре части света. Аллегория Европы – Аполлон в тунике с лавровым венком в руках; Африки – женщина, сидящая на льве; Азии – мужчина в короне и восточной одежде верхом на верблюде. Америку символизирует мужская фигура в наряде из перьев – юбке и головном уборе. Он вооружен луком и стрелами, а за его спиной видна добыча – какое-то заморское животное, похожее на змею. Все перечисленные элементы чередуются. Ни на одной люстре не встречаются сразу четыре части света, они скомпонованы по парам – Азия и Америка, Европа и Африка.

Имитировать бронзу в дереве и папье-маше начали еще в XVIII веке, а с 1830-х годов появляются мастичные светильники. Такие осветительные приборы стоили гораздо дешевле, были легче, однако не могли сохранить изящество изделий из бронзы. Подражание бронзе изначально пользовалось популярностью в Москве – открылись художественные мастерские

⁵ С 2021 г. интерьер «Спальня Александра I» переименовали в Опочивальню.

по резьбе Павла Споля, фабрика бумажной резьбы Добкура, фабрики В. К. Воронцова, В. Ельчинского и А. Зеинлейна. С конца 1810-х годов изделия московских фабрик появились в Петербурге. В Северной столице возникли собственные мастерские – например, фабрика Кропотова, выпускавшие деревянные резные с позолотой люстры; крупная фабрика купца М. Е. Кузина, которая располагалась на Охте. Кузин первым стал изготавливать вещи из мастики и сохранилось описание его метода: «Основою вещей служит металлический каркас, на который накладывается композиция, в состав которой входят чисто отечественные произведения, мел, рыбий и обыкновенный клей и пр. Когда вещь получила определенную форму и достаточно просохла, приступают к позолоте или покрытию бронзовым наводом...» [10, с. 143]. В 1955 году скульптор-модельщик Александр Евстафьевич Громов подробно описал способ приготовления мастики. Он с 1893 года обучался у мастера-модельщика и хорошо знал рецепты старых специалистов [11, с. 30, 31]. Громов упомянул, что процесс этот несложный. В четыре литра воды необходимо опустить 2 кг размельченного столярного клея⁶ и довести до кипения. Бумагу газетного сорта⁷ весом 130–150 г разрывали на мелкие части и заливали кипятком. Далее размокшую бумагу пропускали через терку до однородной массы и отжимали насухо, после чего помещали в растворенный клей и, не снимая емкости с плиты, тщательно размешивали. При постоянном помешивании добавляли 500 г мела и 100 г канифоли (предварительно растворенной в 300 г горячей олифы). В результате получалось ведро клейкой массы⁸. Далее на столе насыпали мел и в проделанное углубление выливали полученный состав, добавляли олифу и начинали месить, как тесто. Таким образом, получалась мастика⁹.

Для изготовления мастичных деталей делали форму из дерева, металла, гипса или клея. Ее посыпали чистым тальком, помещали в нее скатанный из мастики валик и вдавливали его большими пальцами рук во все углубления формы. Арматуру, изготовленную из тонкой проволоки, углубляли в мастику и ладонью выравнивали заднюю сторону изделия. После частичного затвердения предмет освобождали из формы и в полу-

⁶ После распада СССР столярный клей перестали выпускать. Сейчас его заменяют мездровым.

⁷ Реставраторы предпочитают использовать ленинградские газеты до 1980 года из-дания (такие как «Вечорка», «Ленинградская правда» и др.)

⁸ Неиспользованную массу хранят в холодильнике, а перед приготовлением мастики состав разогревают.

⁹ Чтобы мастика не высохла, ее заворачивают во влажную ткань, иногда оберачивают дополнительно полиэтиленом.

сухом состоянии устанавливали на место. Мастика сохла от суток до восьми при комнатной температуре, без применения специальных печей и вентиляторов.

Изделия из мастики (по сравнению с гипсовыми и деревянными) отличались высокой устойчивостью и прочностью. По цвету и крепости они напоминали кость, хорошо окрашивались масляной краской, перед золочением не требовали покрытия левкасом.

В описи Екатерининского корпуса 1938 года люстры из мастики русской работы в стиле ампир датируются началом XIX века [5, л. 104; 6, л. 124]. Однако в последнее время исследователи относят производство осветительных приборов из мастики приблизительно к 1830-м годам [10, с. 142]. Это подтверждается архивными описями, по которым можно определить время их появления во дворцах [1, л. 220–223]. Мастичные светильники в то время украсили залы не только в Екатерининском корпусе, но во многих загородных дворцах – Ропшинском, на даче Ольденбургского¹⁰, похожие были в Юсуповском дворце¹¹. Поэтому можно заключить, что такие осветительные приборы выполнялись русскими мастерами в 1830-х годах.

В 20–30-х годах XX века многие мастичные люстры Екатерининского корпуса выглядели плачевно, о чем свидетельствуют описания 1928 и 1938 годов, а также фотографии 1930-х годов. Сохранность люстр в Желтом зале оказалась самой плохой: большинство декоративных украшений обломано и утрачено, в некоторых отсутствовали матовые стекла. Состояние люстр Синей гостиной, Спальни и Кабинета Александра I было лучше, хотя у некоторых фигур были отломаны головы и частично недоставало ажурных украшений, но, в основном, декор был цел. На фотографиях 1930-х хорошо зафиксированы люстры в Спальне [12], Кабинете Александра I [13] и Синей гостиной [14], а вот декоративные детали люстр Желтого зала по фотографии не разобрать из-за больших утрат [15].

В начале Великой Отечественной войны эвакуировать мастичные люстры из Екатерининского корпуса не смогли. Их невозможно было демонтировать, перенести, упаковать или спрятать из-за хрупкого состояния. В результате попадания снаряда в здание потолочные перекрытия дворца рухнули, вместе с ними на полу под обломками оказались и уникальные светильники. «А пышные люстры – единственные в своем роде – деревянные,

¹⁰ Дача Ольденбургского – памятник деревянной архитектуры эпохи русского классицизма, построенная в 1831–1833 гг. архитектором С. Л. Шустовым на Каменном острове для принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

¹¹ В Юсуповском дворце мастичные люстры висят в Малой картинной галерее (четыре) и в Белоколонном зале (пять).

большие диски тонкой резьбы, покрытые позолотой? Их обломки лежали тут же, в остатках пожарища» [16, с. 100]. Так вспоминала увиденное в 1944 году главный хранитель Петергофа М. А. Тихомирова.

В 1945 году музейные сотрудники собрали все фрагменты люстр. Но своего возрождения они ожидали очень долго. Только в конце 1970-х годов приступили к работам по восстановлению интерьеров Екатерининского корпуса. Реставрация люстр началась через десять лет, в конце 1980-х годов, когда залы уже были доступны для посещений. Дело оказалось очень сложным, ведь нужно было найти специалиста, владеющего техникой мастичной лепки. Директор ГМЗ «Петергоф» В. В. Знаменов разыскал мастера-реставратора декоративно-лепных работ Раису Степановну Прокофьеву¹², которая владела необходимыми технологиями. Она знала рецепт Громова, и у нее уже имелся опыт, в 1950-х годах она работала с подобными светильниками Юсуповского дворца на Мойке, не пострадавшими во время войны. Прокофьева трудилась над восстановлением люстр Екатерининского корпуса в 1987–1990 годах с бригадой мастеров, состоящих из столяров, позолотчиков и электриков, но не все фамилии дошли до наших дней – столяры А. Богданов, Аристов, Бессолнечный; реставраторы Голубев и С. Соколов; позолотчики Слезины. В ходе работ люстры были электрифицированы¹³ (илл. 4).

Раиса Степановна полагалась на подлинные фрагменты, найденные в разрушенном дворце, на довоенные фотографии, на которых хорошо были видны люстры Спальни и Кабинета Александра I, Синей гостины, Желтого зала и фотографию люстры с дачи П. Г. Ольденбургского на Каменном острове¹⁴. Видно, что последняя – одноярусная и идентичная с нижним ярусом люстры из Кабинета Александра I: на ободе размещены фигуры – мужчины с лавровым венком в руках (Европа); путти с рогом изобилия; женщина, сидящая на льве (Африка); остальные орнаментальные элементы также полностью совпадают с узором люстры из Кабинета

¹² Раиса Степановна Прокофьева (18 июля 1929 – 28 июня 2010) – художник-реставратор I категории. Работала реставратором в музее-усадьбе Г. Р. Державина. Для музея Державина Прокофьева выполнила несколько люстр, повторяющих люстры Екатерининского корпуса.

¹³ Провода проложили с внутренней стороны ободов и по рожкам. Держатели патронов были сделаны в виде деревянной стойки, закрепленной гипсом в бобешке. Имитацией свечи служила стеклянная трубка, полая внутри, выкрашенная в белый цвет.

¹⁴ Точная судьба этой люстры неизвестна. На даче были неоднократные пожары: в 1930 году сгорел купол здания, последний произошел в 1978 г. Фотография с люстрой с дачи Ольденбургского опубликована в книге И. О. Сычева [17, с. 142, фотография 675]. В фотоархиве ГМЗ «Петергоф» также хранится снимок этой люстры (Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 15856-ф. д.).

в Екатерининском корпусе, в том числе корона и цепи. Еще реставратор использовала как образец мастичные люстры Юсуповского дворца на Мойке, в которых имеются похожие детали¹⁵. Все оригинальные фрагменты – деревянные обода, короны, рожки, фрагменты орнаментов и цепей – были использованы при восстановлении.

Первая люстра, отданная в работу Р. С. Прокофьевой в июне 1987 года, предназначалась для Спальни Александра I. От нее сохранился совсем небольшой фрагмент среднего деревянного обруча нижнего яруса. Следом восстановили семь люстр Желтого зала. В них использовали больше всего сохранившихся деталей [17, л. 25–28]. Затем была вновь создана люстра для Кабинета Александра I с небольшой старой частью одной цепи. Следующей восстановили люстру для Вестибюля¹⁶. В ней употребили старые элементы – деревянные обручи на малой чаше, шестнадцать фрагментов орнамента; одну розетку; шестнадцать фрагментов цепи; девятнадцать фрагментов цепи большой чаши, но все эти фрагменты принадлежали, очевидно, какой-то другой люстре – из Кабинета или Желтого зала, поскольку до войны в Зеленой приемной и Вестибюле висели, как упоминалось ранее, люстры из Английского дворца. Последняя люстра была выполнена для Синей гостиной к августу 1990 года, в ней использовали фрагменты подлинной цепи¹⁷. Люстра Зеленой приемной выполнена заново.

Благодаря изобретению мастики удалось создать большое количество осветительных приборов. Они были весьма удобны там, где перекрытия не могли вынести большой нагрузки. Например, Желтый зал Екатерининского корпуса освещают семь люстр (одна большая на сорок свечей и шесть малых на 24 рожка). Вес каждой люстры с современной электропроводкой составляет 20–45 кг (в зависимости от размера), а без нее и того меньше. Перекрытие зала с высотой потолков более семи метров и общей площадью приблизительно 170 квадратных метров не может выдержать такое же количество бронзовых осветительных приборов (илл. 5).

¹⁵ Короны, состоящие из стилизованных листьев двух видов – дубовых (с желудями) и акантовых; узор между рожками верхних чаш – две пальметты, с розеткой по центру; розетка с букетиком цветов, закрепленная на стеклянном дне (различие только в пальметтах, которые выходят из розетки); декоративные фрагменты, расположенные по верхнему ободу: ваза с цветами, окруженная лавровым венком и две фигуры путти – один в шлеме с дубинкой, другой с луком – общая композиция и некоторые детали похожи.

¹⁶ Люстру в 1989 г. повесили не в Вестибюле, а в Угловой гостиной. В 2021 г., после комплексной реставрации дворца, ее разместили в Вестибюле.

¹⁷ Этую люстру повесили в 1990 г. в Вестибюле (Передней). В 2021 г. ее вернули на историческое место в Синюю гостиную.

Мастичные люстры Екатерининского корпуса уникальны, поскольку их производство было непродолжительным и до наших дней подобных светильников сохранилось немногого. В Екатерининском корпусе в настоящее время находится двенадцать люстр с мастичной лепкой. Все они отличаются друг от друга размерами, количеством рожков, и, хотя общий набор орнаментальных элементов одинаковый, в каждой люстре используется своя очередность декора. Восстановление их после войны помогло хорошо изучить материал и технику изготовления¹⁸.

Библиографический список

1. Опись имущества, находящегося во дворцах, кавалерских домах и кладовых [Опись вещам и материалам по Большому дворцу, Английскому дворцу и Березовому домику, Эрмитажу, Монплезиру, Собственной даче Е. И. В., Коттеджу, Готической церкви, Ферме, кавалерским домам, кладовым] // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6174-ар. Оп. 581 а. 1829–1835 гг.
2. Опись вещей, находящихся во дворце «Монплезир» [По заведыванию петергофскими императорскими дворцами помещения Монплезирский дворец] // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7195-ар. Оп. 124 а. 1884 г.
3. Глазер Е. Н. Архитектурный ансамбль Английского парка. – Л. : Стройиздат, 1979. – 128 с.
4. Опись музеиного имущества, находящегося в Каменном (Екатерининском) корпусе дворца «Монплезир» в Петергофе 1928 года // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6192-ар. Опись 148. 1928 г.

¹⁸ После этого мастичные люстры реставрировали дважды. С января по апрель 2004 г. – шесть люстр (четыре из Желтого зала, а также из Спальни Александра I и Зеленой гостиной); с ноября 2004 по март 2005 – все оставшиеся (из Угловой гостиной, Вестибюля, Кабинета Александра I и три из Желтого зала). В начале 2000-х гг. мастика во многих местах растрескалась, осыпалась, в местах крепления отдельных фрагментов разрушилась, клей высох и поэтому нарушилась фиксация деталей. Некоторые рожки надломились и держались только при помощи проволочного крепления. Патронодержатели в 1980-х гг. были выполнены из дерева, что противоречило современным нормам пожарной безопасности. Электрические лампочки со временем либо уже не контактировали с патронами, либо припаялись к ним, тем самым люстры перестали выполнять функцию осветительных приборов. Реставрацию провели лепщик-реставратор Нина Федоровна Жигалина, реставраторы-электрики Виктор Григорьевич Жигалин и Алексей Викторович Жигалин. Люстры не выносили из музея, реставрировали в служебных помещениях Западной Гостиной галереи, примыкающей к Екатерининскому корпусу. Во время комплексной реставрации здания Екатерининского корпуса в 2018–2021 гг. люстры бережно перевезли на реставрацию в мастерские ООО «Художественно-реставрационная группа «АртСтудия» на набережную реки Смоленки, д. 5/7.

5. Инвентарная книга I. Екатерининский корпус // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 521/1. Оп. 932 а. 1938 г.
6. Инвентарная книга II. Екатерининский корпус // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 521/2. Оп. 933 а. 1938 г.
7. Инвентарная книга III. Екатерининский корпус // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 521/3. Оп. 934 а. 1938 г.
8. Соловьев К. А. Русская осветительная арматура. XVIII–XIX вв. – М. : Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 276 с.
9. Павлова М. А. Ропша. История дворцового комплекса / ГМЗ «Петергоф». – СПб., 2017. – 496 с.
10. Сычев И. О. Русские светильники эпохи классицизма. 1760–1830. – СПб. : Р.В.Р., 2003. – 243 с.
11. Громов А. Е. Работа скульптора-модельщика. – Л. : Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955. – 120 с.
12. Екатерининский корпус. Спальня Александра I. Люстра. 1939 г. // Фонд «Фотодокументы» ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5911-ф. д.
13. Екатерининский корпус. Кабинет Александра I. Северо-западная сторона. 1930-е гг. // Фонд «Фотодокументы» ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5906-ф. д.
14. Екатерининский корпус. Синяя гостиная. Август 1932 г. // Фонд «Фотодокументы» ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5893-ф. д.
15. Екатерининский корпус. Желтый зал. Северо-запад. 1938 г. // Фонд «Фотодокументы» ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5917-ф. д.
16. Тихомирова М. А. Памятники, люди, события. Из записок музеиного работника. – Л. : Художник РСФСР, 1970. – 286 с.
17. Холоднова О. А. Мастичные люстры Екатерининского корпуса дворца Монплезир в Петергофе. Рукопись // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 2. Оп. 3. Д. 195. 2007 г.

«Партизанские тропы Горного института»: сохранение памяти о Великой Отечественной войне в Горном музее

Т. Г. Яковлева¹



Аннотация. Статья посвящена сохранению памяти о Великой Отечественной войне в Горном музее Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II на примере проекта «Партизанские тропы Горного института», повествующего о боевом пути 1-го и 2-го партизанских отрядов Ленинградского горного института и 5-го Ленинградского партизанского полка. Исследования проводились по двум взаимосвязанным направлениям: выявление новых документов о деятельности партизанских формирований и личных документов бойцов; реконструкция маршрутов передвижения партизан (что дало название проекту) и выезды в места боевых действий с установкой временных мемориальных знаков. Итогом работы стало формирование комплекса документов, который можно использовать в дальнейшей выставочной и издательской деятельности Горного музея, а также формирование традиции посещения студентами Горного университета памятных мест, связанных с деятельностью партизан.

Ключевые слова: Горный музей, Пендиковское озеро, партизаны, партизанский полк, ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб.

¹ Яковлева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Музейного научного совета Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21-я линия, 2.

Yakovleva Tatiana Gennadievna, PhD, academic secretary, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Russia, 199106, Saint Petersburg, Vasilievsky Island, 21 line, 2.

«Partisan Trails of the Mining Institute»: Preserving the Memory of the Great Patriotic War in the Mining Museum

Summary. The article is devoted to preserving the memory of the Great Patriotic War in the Mining Museum of the Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University using the example of the project “Partisan Trails of the Mining Institute”, which tells about the combat path of the 1st and 2nd partisan detachments of the Leningrad Mining Institute and the 5th Leningrad Partisan Regiment. The research was conducted in two interrelated areas: firstly, the identification of new documents on the activities of partisan formations and personal documents of fighters; secondly, the reconstruction of the routes of movement of partisans (which gave the name to the project) and visits to the sites of military operations with the installation of temporary memorial signs. The result of the work was the formation of a set of documents that can be used in the further exhibition and publishing activities of the Mining Museum, as well as the formation of a tradition of visiting memorial sites associated with the activities of partisans by students of the Mining University.

Keywords: Mining Museum, Pendikovskoe Lake, partisans, partisan regiment, TsGA SPb, TsGAIPD SPb.

«Партизанские тропы Горного института» – название выставок Горного музея 2024 и 2025 годов, приуроченных к 79-й и 80-й годовщинам Победы в Великой Отечественной войне. Обе выставки были посвящены партизанским формированиям, действовавшим на территории Ленинградской и Псковской областей в немецком тылу во второй половине 1941 года, – двум партизанским отрядам Ленинградского горного института (ЛГИ) (сроки проведения выставки: май – июнь 2024 года) и 5-му Ленинградскому партизанскому полку, сформированному в здании ЛГИ из сотрудников предприятий Свердловского (ныне Василеостровского) района Ленинграда и «горнякам» в его составе (сроки проведения: май – сентябрь 2025 года). В данной статье рассматривается исследовательская работа, которая предшествовала выставке и продолжается до сих пор (илл. 1).

Горный музей – крупный естественно-научный музей и структурное подразделение Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, в котором традиционно уделяется серьезное внимание сохранению памяти о Великой Отечественной войне. На территории университета создан мемориал в честь студентов, преподавателей, сотрудников Горного института, погибших в годы войны, частью которого являются бюсты

доцента Петра Дмитриевича Трусова и студента Виктора Даниловича Петрова, погибших смертью храбрых осенью 1941 года, и стендовая выставка, посвященная участникам войны. В вестибюле университета установлены мемориальные доски с именами погибших студентов и преподавателей. На сайте вуза представлен раздел «Чтим. Помним. Гордимся», а также реализуется проект «Вспомним всех поименно. История в лицах» [1], рассказывающий о судьбах тех, кто учился и работал в университете в военные годы. В университете действует Совет ветеранов [2], опубликованы статьи и сборники воспоминаний [3, 4, 5, 6, 7]. Важной частью этой большой работы по сохранению памяти о Великой Отечественной войне является исследовательская и выставочная деятельность Горного музея.

Для подготовки выставок «Партизанские тропы Горного института» работа велась по двум направлениям: поиск архивных документов и сведений о деятельности партизан и изучение маршрутов их передвижения с посещением наиболее значимых исторических мест.

Поиск архивных документов

Тема участия студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников ЛГИ в партизанских формированиях в тылу врага остается недостаточно изученной. Опубликованные статьи и воспоминания, документы и материалы, собранные предыдущими поколениями исследователей (фотографии и краткие биографии, отдельные воспоминания, личные документы), хранящиеся в фондах Горного музея, не позволяли полностью восполнить имеющиеся лакуны. Требовалось уточнение фактов, поиск документов о деятельности партизанских отрядов и полка в архивах Штаба Ленинградского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД), а также дополнительное изучение биографий партизан.

В Ленинградском горном институте летом-осенью 1941 года были сформированы и действовали два студенческих партизанских отряда во главе с доцентом кафедры геофизики Ахатом Шагеевичем Усмановым и аспирантом, ассистентом кафедры горной механики Сергеем Андреевичем Медведевым соответственно. Отряды действовали в Лужском и Тосненском районах Ленинградской области – они взрывали полотна железных дорог, захватывали ценные документы, передавали разведданные. Также в июле 1941 года в здании ЛГИ началось формирование 5-го Ленинградского партизанского полка Свердловского района под руководством Константина Николаевича Воловича, в состав которого вошли сотрудники Балтийского завода, завода «Электроаппарат», института «Механобр» и других предприятий, а также аспиранты, сотрудники и выпускники Горного института. Полк действовал на территории нынешней Псковской области.

Комиссаром 6-го батальона этого полка был доцент ЛГИ Петр Дмитриевич Трусов, трагически погибший в сентябре 1941 года вместе с командиром батальона мастером Балтийского завода Григорием Михайловичем Рэком. Петр Дмитриевич обладал выдающимися личными качествами, и его трагическая гибель оставила значительный след в сердцах коллег [8]. Профессор ЛГИ Наум Соломонович Грейвер вспоминал о нем: «Человек высокой принципиальности и культуры, кристальной чистоты, безграничной душевной доброты, прямой, простой и мудрый, предельно благожелательный, гибкий и в то же время когда нужно несгибаемый и непреклонный, непрекаемый судья в вопросах чести, блестящий педагог и лектор, талантливый и пытливый искатель научной истины – он пользовался огромной популярностью, уважением и любовью сотрудников института и студенчества» [9].

Работа по поиску новых документов велась в двух архивах – в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

В первую очередь необходимо было уточнить списки партизан. Дела двух партизанских отрядов ЛГИ хранятся в ЦГАИПД СПб ([10], рассекречено в 2010 году, [11], рассекречено в 2018 году) и содержат списки членов отрядов с краткими биографическими сведениями и указанием их судьбы (погиб, пропал без вести и т. д.). Однако с 5-м партизанским полком ситуация была сложнее, так как списки батальонов полка [12] не содержали информации о месте работы или учебы бойцов. Данную информацию удалось получить из хранящихся в Горном музее воспоминаний Артемия Дмитриевича Миклухо-Маклая (внучатого племянника знаменитого путешественника), который в 1971 году написал для газеты «Горняцкая правда» воспоминания об истории 5-го партизанского полка «Дед Яков» и перечислил в них семнадцать человек тех, кто был связан с ЛГИ, в том числе выпускников². Данный список, вероятно, неполный, так как основан на воспоминаниях одного человека.

Для дальнейшего уточнения биографий партизан были изучены их личные дела из фонда Горного университета ЦГА СПб (Ф. 8811). Ранее эти дела хранились в университете архиве и использовались нашими предшественниками для составления биографических справок участников 1-го и 2-го партизанских отрядов, но повторный анализ позволил обратить внимание на новые детали – фотографии, письма родственников с вопросами

² Воспоминания А. Д. Миклухо-Маклая планируется опубликовать в историко-краеведческом альманахе «Наш край» пос. Струги Красные Струго-Красненского района Псковской области.

о судьбах близких, личные документы и пр., на то, что может быть использовано при подготовке выставок. Личные дела участников 5-го партизанского полка были изучены впервые. Отдельные факты из биографий партизан удалось уточнить на сайте «Память народа».

В ЦГАИПД СПб, в фонде Ленинградского штаба партизанского движения (Ф. 116Л), хранятся личные документы партизан, сданные в штаб перед уходом в тыл врага. Поскольку партизаны отправлялись на задание без документов и опознавательных знаков, многие из этих бумаг остались невостребованными после гибели своих владельцев и попали в архив³. В данном фонде хранятся документы участников 1-го партизанского отряда ЛГИ⁴. Работа с ними шла в 2024 году до их оцифровки, то есть мы работали с подлинниками и были, вероятно, первыми исследователями, которые прикоснулись к ним после гибели владельцев. В делах хранятся преимущественно паспорта, студенческие билеты, зачетные книжки, пропуска в ЛГИ, квитанции Управления студенческих общежитий ЛГИ о сдаче в камеру хранения чемоданов и теплых вещей. В отдельных случаях встречались записные книжки, личные фотографии, фотографии друзей и родных с трогательными надписями, карточки на промышленные товары, пропуск на занятия танцами... Эти находки – фрагменты мирной жизни, чувств, несбывшихся планов – свидетельства судеб студентов, ушедших на войну.

Параллельно велась работа по поиску документов о боевом пути партизанских отрядов и полка. История боевого пути 5-го Ленинградского партизанского полка как крупного формирования, включавшего сотрудников разных предприятий Свердловского района, обширно представлена в архивных документах (ЦГАИПД СПб. Ф. 116Л) и в целом изучена достаточно хорошо – изданы воспоминания командира полка Константина Николаевича Воловича [13], весной 2025 года вышла книга Алексея Ивановича Федорова «Партизаны „Деда Якова“ действуют» [14]. Эти материалы – документы о формировании 5-го полка, отчеты о действиях в тылу врага, схемы операций, списки личного состава и др. – были представлены на выставке «Партизанские тропы Горного института» в 2025 году. В истории же двух партизанских отрядов ЛГИ остается много белых пятен, и поиск документов продолжается, хотя были обнаружены отдельные сведения, проясняющие обстоятельства их боевого пути.

³ Отметим, что в фонде присутствуют и документы тех, кто остался в живых, но по каким-то причинам не забрал документы.

⁴ Документы участников 2-го партизанского отряда ЛГИ не обнаружены. Отдельные документы участников 5-го партизанского полка выявлены в фондах Музея истории Санкт-Петербурга.

Архивные исследования позволили сформировать комплекс документов об участии студентов и преподавателей Горного института в партизанском движении. Часть этих материалов была представлена на выставках «Партизанские тропы Горного института», а в дальнейшем может пополняться и использоваться в новых проектах. Обнаруженные документы проливают свет на судьбы «горняков» – их довоенную жизнь, участие в боях, их храбрость и героизм, обстоятельства их гибели или дальнейшей жизни. Благодаря этим находкам участники партизанских отрядов ЛГИ и 5-го Ленинградского партизанского полка вновь обретают голос.

Изучение маршрутов и посещение мест боевой деятельности партизан

Вторым направлением исследовательской работы стала визуализация маршрутов передвижения партизан. При подготовке к выставке 2024 года мы наносили на карту все упоминаемые в документах и воспоминаниях географические объекты, пытаясь восстановить пути передвижения 1-го и 2-го партизанских отрядов ЛГИ.

Основой для этой работы послужила советская топографическая карта 1939 года, на которой зафиксированы уже исчезнувшие к нашему времени объекты, – сараи, хутора, торфоразработки, узкоколейки и др. Специально для выставок были подготовлены крупноформатные фрагменты этой карты (размером 1,2 x 1,5 м), на которых отмечались места дислокации баз партизан, ключевые точки маршрутов, места боевых действий. Такой анализ позволил не только наглядно представить районы действия партизан, но и выявить некоторые противоречия в источниках и прояснить их. Например, упоминаемый в воспоминаниях и расположенный вдали от маршрутов партизан хутор Заозерье оказался хутором Озерье. Такого рода уточнения позволяют точнее реконструировать боевой путь отрядов. Аналогичным образом на выставке 2025 года были представлены схемы передвижения 5-го Ленинградского партизанского полка.

Следующим этапом стали выезды на места, связанные с деятельностью партизанских отрядов. «Партизанские тропы» пролегали в труднопроходимой и болотистой местности, поэтому пройти маршрутами партизан пока достаточно сложная задача. Но отдельные места доступны для посещения как для уточнения географических ориентиров на местности, так и для того, чтобы почтить память погибших, – нами были установлены временные памятные знаки (илл. 2, 3).

На данный момент (лето 2025) Горным музеем со Студенческим советом университета было организовано три поездки – две на берег Пендинского озера в районе поселка Нурма Тосненского района Ленинградской области (октябрь 2024 и апрель 2025 года) и одна в район деревни Лазуны Струго-

Красненского района Псковской области (апрель 2025 года). Эти объекты были выбраны как места наиболее трагических событий в истории партизан Горного института.

На берегу Пендинского озера несколько недель в ноябре-декабре 1941 года скрывались тяжелораненые бойцы 2-го партизанского отряда во главе с командиром Сергеем Андреевичем Медведевым. Из тыла врага они были вывезены в результате уникальной спасательной операции – на самолетах, приземлившихся на лед озера в ночь с 10 на 11 декабря 1941 года. Мы посетили бывшие красноармейские землянки на берегу озера, в которых бойцы 2-го отряда скрывались в ноябре 1941 года. Летом 2022 года поисковым отрядом «Ягуар» ОМИППО «Доблесть» в одной из них были обнаружены останки трех бойцов и выдвигалась версия, что это могут быть партизаны 2-го отряда, но дальнейшая экспертиза показала, что они не относились к отряду Медведева.

В районе деревни Лазуны трагически погибли Петр Дмитриевич Трусов и Григорий Михайлович Рэкк, о которых шла речь выше. Они были похоронены местными жителями недалеко от места гибели, а в 1951 году перезахоронены на Богословском кладбище Ленинграда.

В организации выездов нам помогали местные жители и краеведы. Командир поискового отряда «Ягуар» Андрей Алексеевич Журавлев и его коллеги сопровождали нас во время обоих поездок к озеру, провели нас от поселка Нурма до берега озера по болотистой местности и обратно. Краевед Алексей Иванович Федоров помог нам составить маршрут поездки к месту гибели П. Д. Трусова и Г. М. Рэкка, а Валерий Владимирович Сорокин сопровождал нас в пути.

Во всех поездках принимали участие студенты Горного университета – представители разных курсов и факультетов. Хотя вуз регулярно организовывает поездки по местам боевой славы Ленинградской области и соседних регионов, наши выезды имели особое значение. Мы шли туда, где в 1941 году воевали такие же студенты и преподаватели Горного, как и мы. Это несло особый эмоциональный заряд, так как мы шли по труднодоступной местности, и, вероятно, были первыми представителями университета, посетившими эти места как минимум с 1950-х годов⁵.

Вот впечатления Марка Акопова, студента 2-го курса, участвовавшего в первой поездке на берег Пендинского озера: «... лично для меня возможность прикоснуться к легенде – это из ряда вон выходящее событие. (...)

⁵ Известно, что в 1950-е С. А. Медведев и другие выжившие члены отряда посещали бывших местных партизан из пос. Нурма.

Конечно, нам очень сложно понять, что чувствовали эти люди, страдая от голода, холода и ранений, глядя на то, как рядом погибают боевые товарищи. Однако пройти их путем, погрузиться в атмосферу того трудного времени, вне всяких сомнений, было очень полезно» [15].

Ангелина Хасанова, студентка третьего курса, участник второй поездки: «(...) Дорога до землянки была тяжелой, 7 км по лесу в одну сторону и обратно, но как студент геологоразведочного факультета я привыкла к длительным пешим маршрутам. Но одно дело – преодолеть этот путь, и совсем другое – жить и воевать в лесу. Нам представился шанс еще раз осознать, насколько партизанское движение – невероятно тяжелая работа, не уступающая по условиям и напряжению окопам и линиям столкновений. Бойцы постоянно находились в обособленных условиях, в маленьких группах и несли ответственность за жизнь друг друга. Сегодня нам очень важно сохранить память об этих героях и их подвигах» [16].

Таким образом, поездки в места боевых действий партизан позволили буквально прикоснуться к истории – пройти по местам, где действовали партизаны-«горняки» – вчерашние студенты и преподаватели Ленинградского горного института. В ближайших планах – посещение новых мест действия партизан в Ленинградской и Псковской областях. При этом уже установленные мемориальные места войдут в программу регулярных памятных мероприятий Санкт-Петербургского горного университета и станут местами памяти.

Проделанная в рамках проекта «Партизанские тропы Горного института» работа позволила не только подготовить серию выставок, но и собрать массив документов о боевых операциях и биографиях партизан-«горняков», который может стать основой для дальнейших выставочных и издательских проектов Горного музея. Поездки по местам боевых действий связали прошлое с настоящим, позволили нынешним студентам задуматься о судьбах своих предшественников, осмыслить их подвиг, заложили новую традицию, сохраняющую память о Великой Отечественной войне в Санкт-Петербургском горном университете императрицы Екатерины II.

Библиографический список

1. Читим. Помним. Гордимся [Электронный ресурс]. – URL: <https://pobeda.spmi.ru> (дата обращения: 14.07.2025).
2. Совет ветеранов Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II [Электронный ресурс]. – URL: <https://spmi.ru/soviet-veteranov> (дата обращения: 14.07.2025).

3. Гороховский Е. Л. Ленинградский ордена Ленина Горный институт в дни Великой Отечественной войны Советского Союза // Ленинградский ордена Ленина Горный институт за 30 лет советской власти. 1917–1947. – Л. : 9-я тип. Воениздата, 1948. – С. 92–143.
4. Туманова Н. М. Комсомол Ленинградского горного института в годы Великой Отечественной войны // Записки Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова. – 1970. – Т. XLIX. – Вып. 3. – С. 59–74.
5. На пороховой бочке : сборник воспоминаний студентов и сотрудников ЛГИ, работавших в 1941–1942 гг. на спецпроизводстве / сост. С. П. Гладкий; Ленинградский горный ин-т. – Л., 1991. – 74 с.
6. Ветераны Горного вспоминают : сборник / ред.-сост. С. П. Гладкий; Санкт-Петербург. горный ин-т. – СПб., 1995 – 208 с.
7. Белый А. Помнить всех поименно. – СПб. : АВОК Северо-Запад, 2006. – 248 с.
8. История кафедры обогащения полезных ископаемых // ЦГА СПб. Ф. 8811. Оп. 10-1. Д. 260.
9. Из воспоминаний Н. С. Грейвера [Электронный ресурс]. – URL: <http://greyver.ru> (дата обращения: 09.03.2023).
10. Учетное дело партизанского отряда № 81 Ленинградского горного института (командир отряда Усманов) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116Л. Оп. 1. Д. 1199.
11. Учетное дело партизанского отряда № 6 Свердловского района гор. Ленинграда (командир отряда Медведев С. А.) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116Л. Оп. 1. Д. 1001.
12. Списки личного состава и погибших партизан 5-го партизанского полка народного ополчения гор. Ленинграда (командир полка Волович) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116Л. Оп. 1. Д. 679.
13. Волович К. Н. Жар далеких костров. Записки командира партизанского отряда. – Л. : Лениздат, 1974. – 190 с.
14. Фёдоров А. И. Партизаны «Деда Якова» действуют. [История 5-го Ленинградского партизанского полка под командованием К. Н. Воловича, действовавшего в тылу врага в июле – сентябре 1941 г.]. – СПб. : Ридеро, 2025. – 372 с.
15. Ратников М. Студенты установили памятный знак на месте легендарного лагеря партизан из Ленинградского горного института [Электронный ресурс]. – URL: <https://forpost-sz.ru/a/2024-10-30/studenty-ustanovili-pamyatnyj-znak-na-meste-legendarnogo-lagerya-partizan-iz?ysclid=mcnditq7y1877762441> (дата обращения: 15.07.2025).
16. Таран Н. К годовщине 80-летия Победы студенты Горного прошли тро-пами партизан [Электронный ресурс]. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2025-04-28/k-godovshchine-80-letiya-pobedy-studenty-gornogo-proshli-tropami-partizan?ysclid=mcnbh9hsnd339032936> (дата обращения: 15.07.2025).

Научно-популярное издание

**ВОЙНА ЗА ПАМЯТЬ. ПОЛЕ БИТВЫ – МУЗЕЙ
1945–2025**
**Материалы XXII Всероссийской
научно-практической конференции**

*Иллюстративный материал предоставлен
авторами статей исключительно
в образовательных и научных целях.
Редакционная группа не несет
ответственности за его принадлежность*

ГМЗ «Гатчина»

г. Гатчина, Красноармейский пр., 1. Тел. (812) 958-03-66 <https://gatchinapalace.ru>

Оригинал-макет: ООО «ИА «Папирус»». Санкт-Петербург, Средний пр., 86
тел. (812) 718-23-60 www.papy.ru

Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс». Санкт-Петербург, ул. Уральская, 17
Формат 60x90/16. Усл.-печ. л.: 26,25. Тираж 300 шт.

Заказ № 36391

К статье Н. В. Александровой «ВЫСТАВКА «ПОДВИГ МУЗЕЯ»



Илл. 1. Раздел «Жизнь музея в годы Великой Отечественной войны». Белый зал музея. Левый неф



Илл. 2. Раздел «Жизнь музея в годы Великой Отечественной войны». Выставка «Героическое прошлое русского народа». Колоннада



Илл. 3. Раздел «Жизнь музея в годы Великой Отечественной войны». Выставка «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны». Белый зал. Правый неф



Илл. 4. Раздел «Хранительский подвиг». Зал 19



Илл. 5. Раздел «Израненный музей». Зал 20



Илл. 6. Раздел «Хранительский подвиг». Зал 19. Витрина с личными документами сотрудников периода Великой Отечественной войны



Илл. 8. Раздел «Хранительский подвиг». Зал 19. Жан-Батист Симеон Шарден. Атрибуты искусства. Отправлен в эвакуацию 1-й очереди



Илл. 7. Раздел «Хранительский подвиг». Зал 19. Экспонаты античного отдела и отдела Древнего Востока, отправленные в эвакуацию 1-й очереди

Илл. 9. Раздел «Хранительский подвиг». Зал 19.
Герман Вильгельм
Биссен и мастерская.
Княгиня
М. Ф. Барятинская.
Хранилась в годы
войны в музее





Илл. 10. Раздел «Израненный музей». Зал 20. Посетители выставки



Илл. 11. ГМИИ
им. А.С. Пушкина. Баннеры
на фасаде Главного здания.



Илл. 12. Белый зал музея



Илл. 13. Апсида Белого зала

**К статье В. М. Ардашева «ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОЖАРНЫЕ В БОРЬБЕ
ЗА СОХРАННОСТЬ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ»**



Илл. 1.
Командиры штаба
противопожарной
службы.
Слева направо:
М. Н. Демьяненко,
В. И. Румянцев,
Б. И. Кончев,
Г. М. Кулаков,
Г. Г. Тарвид
Архив пожарно-
технической
выставки
им. Б. И. Кончева



Илл. 2. Бойцы Комсомольского противопожарного полка дежурят на крыше Эрмитажа
Архив пожарно-технической выставки им. Б. И. Кончева



Илл. 3. Пожар
в Павловском дворце,
январь 1944
Архив пожарно-
технической выставки
им. Б. И. Кончева



Илл. 4. Сгоревший
Екатерининский
дворец, февраль 1944
Архив пожарно-
технической выставки
им. Б. И. Кончева



Илл. 5. Гатчинский
дворец после пожара,
февраль 1944
Архив пожарно-
технической выставки
им. Б. И. Кончева

*К статье С. Д. Демкович «ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО:
ИСТОРИЯ АМУРА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА»*



Илл. 1. Э. П. Гау. Туалетная Марии Фёдоровны, 1878. Акварель
ГМЗ «Гатчина»



Илл. 2. Мраморная
столовая. Модельщик
А. А. Чезлов.
Фото С. Брижака, 1983
ГМЗ «Гатчина»



Илл. 3. Амур из Туалетной
императрицы
Марии Федоровны.
Фото А. Белимова-Гущина,
2017
ГМЗ «Гатчина»

*К статье Н. Ю. Бабкиной, М. В. Кирпичниковой
«ГАТЧИНСКИЙ ДВОРЕЦ: ОТ ВОЙНЫ К МИРУ»*



Первая юношеская
конференция
«Гатчинский дворец:
от войны к миру»
в ГМЗ «Гатчина».
Организация
и проведение.
08.04.2025.
Фото С. С. Рятте
ГМЗ «Гатчина»





Выступление Арсения Алейникова.
Фото С. С. Рятте. ГМЗ «Гатчина»



Выступление Софии Демкович.
Фото С. С. Рятте. ГМЗ «Гатчина»

**К статье А. С. Алейникова «ГОБЕЛЕН «ЦЕРЕРА»,
ИЛИ О ЧЕМ МОЖЕТ ПОВЕДАТЬ ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ»**



Илл. 1. Гобелен «Церера». Фото из архива А. Алейникова, 2015



Илл. 2. Э. П. Гау.
Верхняя Тронная
императора Павла I, 1878.
Фото с акварели
ГМЗ «Гатчина»

**К статье А. В. Бабенко «ИСТОРИЧЕСКАЯ АМНЕЗИЯ
НА ПРИМЕРЕ ОТРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ»**



Илл. 1. Библиотечный штамп на титульном листе учебника по истории Украины (10 класс) под ред. В. С. Власова, С. В. Кульчицкого, 2018 ГЦМСИР



Илл. 2. Библиотечный штамп на титульном листе учебника по Всемирной истории (10 класс) под ред. П. Б. Полянского, 2018 ГЦМСИР



Илл. 3. Андрей Мельник и Степан Бандера в рубрике «Личность» (разворот учебника по истории Украины (10 класс) под. ред. В. С. Власова, С. В. Кульчицкого, 2018) ГЦМСИР



Илл. 4. Бойцы УПА во время Божественной службы под открытым небом. Фото из учебника по истории Украины (10 класс) под ред. В. С. Власова, С. В. Кульчицкого, 2018 ГЦМСИР

К статье И. П. Беляевой, А. В. Круглова «МРАМОРНЫЙ ПОРТРЕТ АНТИНОЯ ИЗ НИЖНЕЙ ТРОННОЙ ПАВЛА I – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»



Илл. 1. Мастерская
К. Альбачини. Портрет
Антиноя. Мрамор.
Начало 1780-х гг. Фото А. В. Круглова, 2025.
ГМЗ «Павловск»



Внизу:
Илл. 2. Э. П. Гау. Нижняя
Тронная императора
Павла I. Бумага, карандаш,
акварель, белила, 1877
ГМЗ «Гатчина», ГДМ-419-ХI



Илл. 3. М. А. Величко. Нижняя Тронная императора Павла I, 1939
НА ГМЗ «Гатчина», П-63



Илл. 4. М. А. Величко.
Нижняя Тронная императора
Павла I, 1938
НА «Гатчина», П-64

К статье С. В. Бондарева «ПЕТЕРГОФ СИЯЕТ». ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ПОДВИГ ВОЗРОЖДЕНИЯ»



Илл. 1. Захоронение парковой скульптуры.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 2. Голубая гостиная. Дворец в огне.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»

Илл. 3. Захоронение парковой скульптуры.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 4. Кавалерская.
Змеиное гнездо.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»

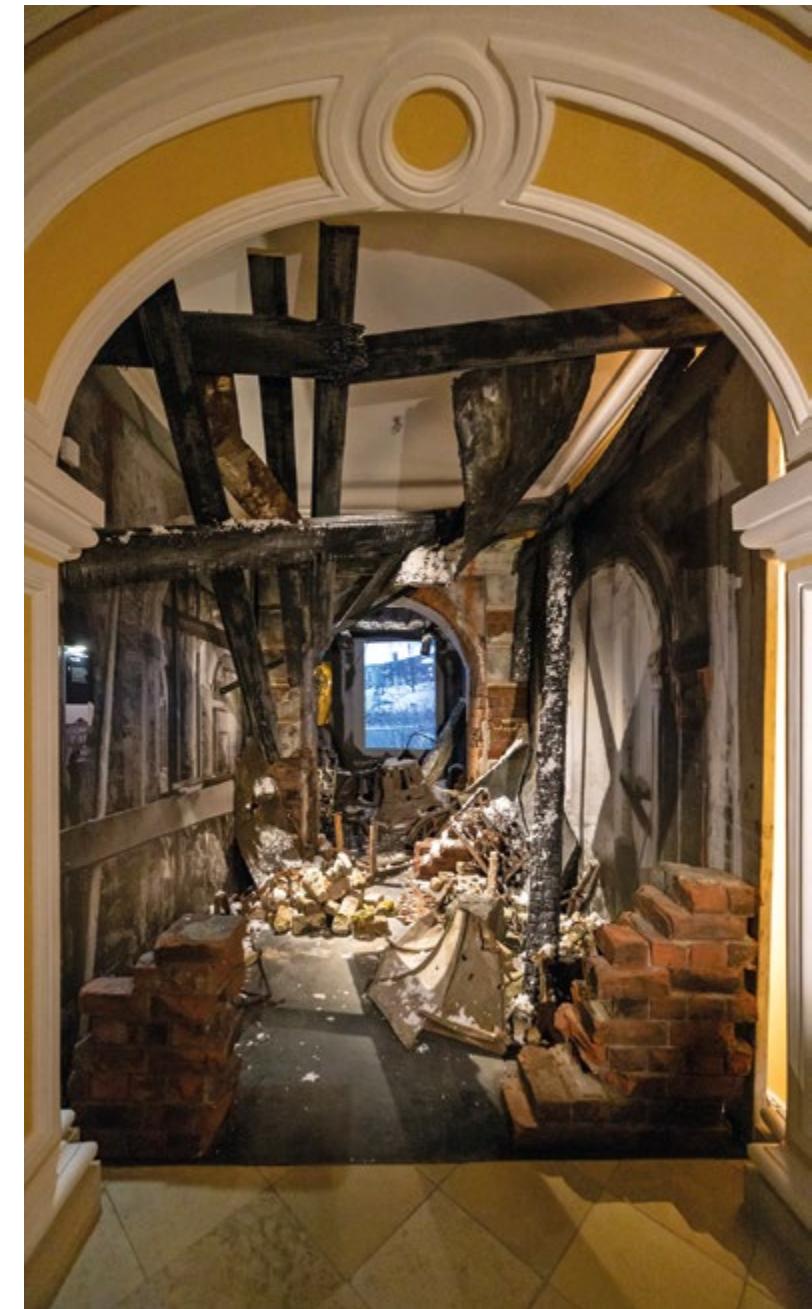


Илл. 5. Успеть!
Последний рейс.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»





Илл. 6. Эвакуация музейных предметов. Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 7. Январь 1944. Разрушенный Большой дворец. Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 8. Белый зал. Извлечение закопанной скульптуры. Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 9. Белый зал. Разминирование. Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»



Илл. 10. Белый зал. Музейное хранилище.
Фото В. С. Королёва
ГМЗ «Петергоф»

К статье Л. Н. Гармаш

«МУЗЕЙ И ВОЙНА: ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА 2014-2024 гг.»



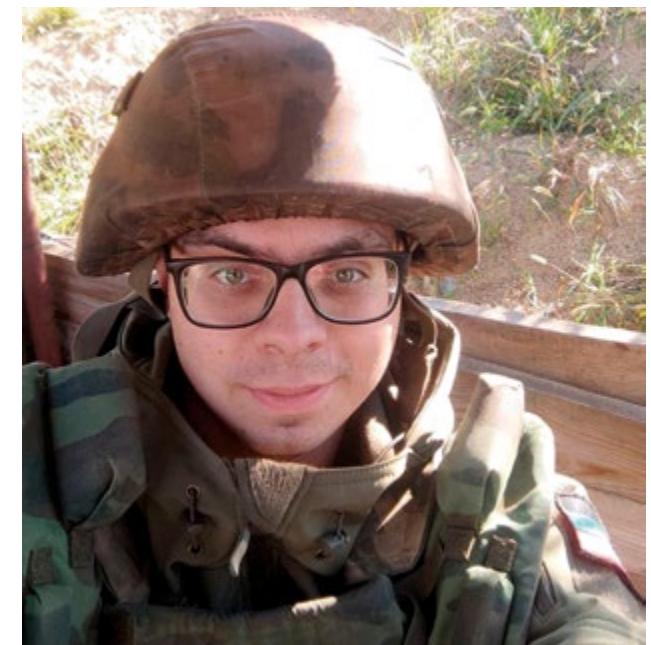
Илл. 1. Фасад разрушенного левого крыла краеведческого музея. Начало расчистки завалов. Донецк, сентябрь 2014



Илл. 2. Разрушенное в результате обстрела ВСУ левое крыло краеведческого музея. Донецк, август 2014



Илл. 3. Раскопки завалов фондохранилища. Донецкий республиканский краеведческий музей, сентябрь 2015



Илл. 4. Степан Бельков, младший научный сотрудник Донецкого республиканского краеведческого музея. Погиб 21 декабря 2023 года при штурме г. Авдеевки

К статье Ю. П. Гордеевой «ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «АБРАМЦЕВО» «ТРАДИЦИИ МИЛОСЕРДИЯ»



Традиции милосердия



Военные госпитали и лазареты
в Абрамцеве



Илл. 1. Афиша выставочного проекта «Традиции милосердия», 2025



Илл. 2. Художественная иллюстрация «Боец и медсестра».
Абрамцево, 2025



Илл. 3. Экспозиционные материалы выставки
«Традиции милосердия», 2025



Илл. 4. Выставочный проект «Традиции милосердия»
в парке Музея-заповедника «Абрамцево», 2025

К статье М. А. Дохневской, Е. Ф. Трачук «КОД 2: ОТ ПАРТЫ ДО ГЕРОЯ». ОПЫТ РАБОТЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА



Илл. 2. Стена героев школы

Внизу:

Илл. 3. Экспонаты, предоставленные бойцами 114-й отдельной гвардейской мотострелковой Енакиевско-Дунайской бригады



Илл. 1. Открытие Партии героя, май 2025



Илл. 4.
Книга «Бессмертный полк школы 598»



Илл. 5. Бессмертный полк школы на фоне открытки к 80-летию Победы

К статье Е. В. Исаевой
**«СПАСЕННЫЕ СОКРОВИЩА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.
О ВЫСТАВКЕ К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»**



Выставка «1941–1945. Москва. Кремль. Спасенные сокровища»
в Музейах Московского Кремля



Выставка «1941–1945. Москва. Кремль. Спасенные сокровища»
в Музейах Московского Кремля

К статье М. В. Кирпичниковой «ПОДГОТОВКА ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА «К 80-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГАТЧИНЫ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ» В 2024-2025 гг.»



Илл. 1. Первый зал выставочного проекта, посвященного 80-летию освобождения Гатчины от нацистской оккупации, 2024. Фото С. С. Рятте. ГМЗ «Гатчина»



Илл. 2. «Зайчик-девочка». Принадлежит семье Вейс-Афанасьевых. Выставка «Эвакуация», 2024. Фото С. С. Рятте ГМЗ «Гатчина»



Илл. 3. Музейные предметы, хранившиеся в г. Сарапуле. Выставка «Эвакуация», 2024. Фото С. С. Рятте. ГМЗ «Гатчина»



Илл. 4. Стенды о героях и предателях. Выставка «Оккупация», 2024. Фото С. С. Рятте ГМЗ «Гатчина»



Илл. 5. Выставка «Оккупация», общий вид, 2024. Фото С. С. Рятте
ГМЗ «Гатчина»



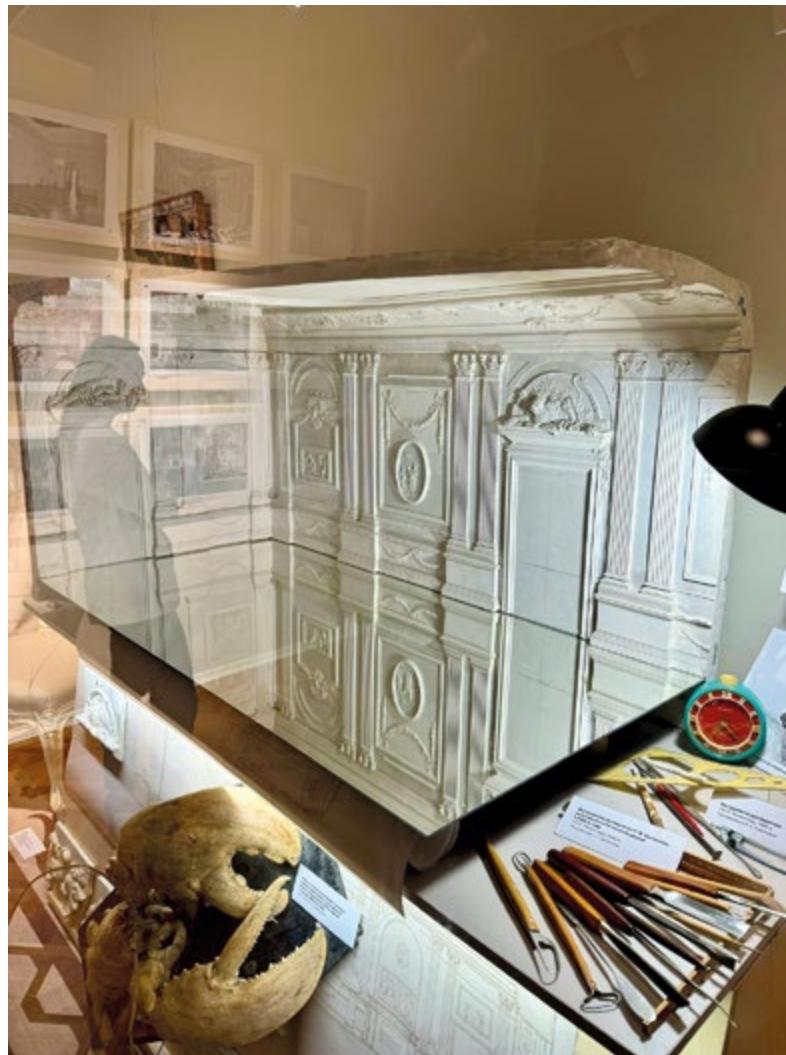
Илл. 7. Выставка «Освобождение», общий вид, 2024. Фото С. С. Рятте
ГМЗ «Гатчина»



Илл. 6. Фрагменты итальянских мраморных статуй. Выставка «Освобождение», 2024.
Фото С. С. Рятте. ГМЗ «Гатчина»



Илл. 8. Часы каминные. Франция,
XVIII в. Выставка «Освобождение», 2024.
Фото С. С. Рятте



Илл. 9. Макет Белого зала, чучело омаря и инструменты реставраторов. Выставка «Возрождение», 2025. Фото С. С. Рятте
ГМЗ «Гатчина»

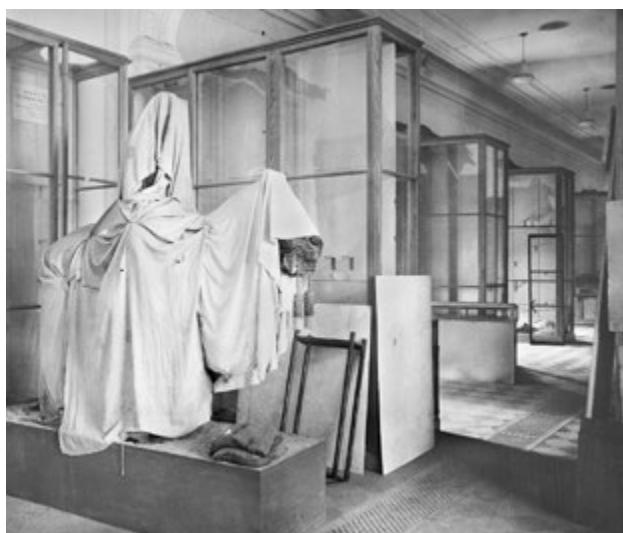


Илл. 10. Ваза, найденная в парке при раскопках поисковым отрядом «Искра». Выставка «Возрождение», 2025. Фото С. С. Рятте
ГМЗ «Гатчина»

*К статье Н. П. Копаневой, К. А. Носовской
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДНЕВНИК КУНСТКАМЕРЫ. 1941–1945»*



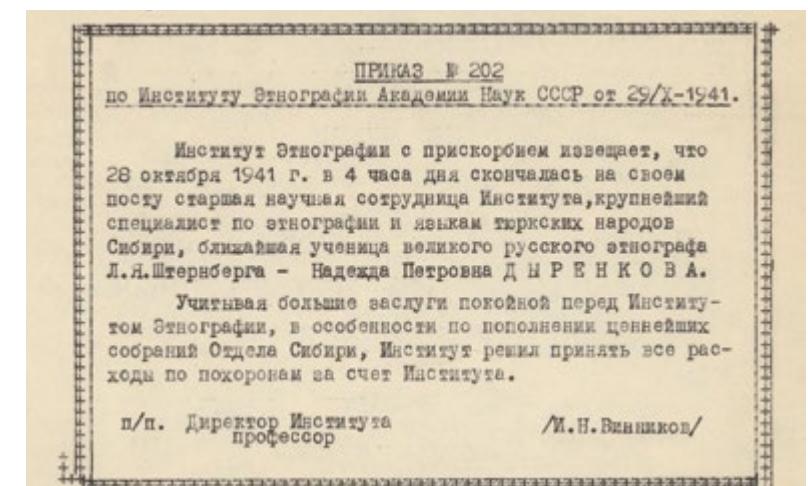
Илл. 1. Здание Кунсткамеры в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Фото В. В. Фёдорова, 1941–1944. Негатив на стеклянном носителе МАЭ И 1375-18



Илл. 3. Экспозиционный зал Музея антропологии и этнографии.
Фото В. В. Фёдорова,
1941–1944. Негатив
на стеклянном носителе
МАЭ И 1375-16



Илл. 4. Евдокия Андреевна Максимова (род. 1887). Фотоотпечаток
МАЭ И 1370-70
Слева: Илл. 2. Александра Николаевна
Калдыкина (1899–1988). Фотоотпечаток
МАЭ И 1370-48



Илл. 5. Приказ по Институту этнографии Академии наук СССР
от 29 октября 1941 г. Машинопись, подлинник
Научный архив МАЭ РАН. Ф. К. 1. Оп. 6. Д. 5. Л. 183

*К статье О. А. Корольковой «ЖИВОПИСНЫЕ ПОЛОТНА
КАРТИННОГО ЗАЛА ЕКАТЕРИНИНСКОГО ДВОРЦА,
ЗАМЕНИВШИЕ УТРАЧЕННЫЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ»*



Илл. 1. Л. Премацци. Картины зал Большого Царскосельского дворца, 1870
ГМЗ «Царское Село»



Илл. 2. Г. Сибилла.
Посвящение Самуила
(фрагмент), 1642
ГМЗ «Царское Село»

№ п/п	Автор, название утерянной картины	Изображение	Автор, название вновь размещенного полотна	Изображение
СЕВЕРНАЯ СТЕНА				



Питер ван Линт
«Великолепие
Сципиона
Африканского»
XVII в.
Холст; масло
231,0 x 164,0
ЕА-971-X
ЦС КП-1687
ГК 3779017



Неизвестный художник
школы Н. Пуссена
«Пейзаж»
XVII–XVIII вв.
(в экспозиции с 1937 до
1941 г.)



Джованни Баттиста
Ланди
«Состязание Аполлона
с Марсием»
XVII в.
Холст; масло
166,0 x 202,0
ЕА-819-X
ЦС КП-2
ГК 3640193



Никколо Ренieri
«Смерть Сафонизбы»
XVII в.

Изображение не сохранилось



3. Антонио Беллуччи (?)
«Эсфирь перед
Артаксерксом»
XVII в.
Холст; масло
200,0 x 160,0
ЕД-840-Х
ЦС КП-431
ГК 3640293



4. Латтанцио Майнарди
«Убийство Орфея»
XVI в.



Неизвестный художник
итальянской школы
«Ревекка у колодца»
XVII в.
Холст; масло
225,0 x 168,0
ЕД-841-Х
ЦС КП-432
ГК 4066542



4. Латтанцио Майнарди
«Погибший Орфей»
XVI в.

5. Габриэль Шпильберг
«Римский всадник»
Конец XVI –
начало XVII в.



Неизвестный
художник с оригинала
П. П. Рубенса
«Похищение
сабинянок»
Холст; масло 166,0 x 276,0
первоначально:
176,0 x 241,5
ЕД-844-Х
ЦС КП-427
ГК 3780647



5. Габриэль Шпильберг
«Невеста»
«Обручение»
Конец XVI –
начало XVII в.



Гийсберт Сибила
«Посвящение
Самуила»
1642
Холст; масло
274,0 x 116,0
ЕД-972-Х
ЦС КП-1691
ГК 3778995



6. Габриэль Шпильберг
«Невеста»
«Обручение»
Конец XVI –
начало XVII в.



7. Геркулес Сегерс
«Приморский вид»
XVII в.
Холст; масло
200,0 x 140,0
ЕД-982-Х
ЦС КП-1876
ГК 3779080

ЮЖНАЯ СТЕНА



8. Карел ван Фогелар
«Ваза с цветами»
XVII в.
Изображение не сохранилось



9. Козимо Дадди
«Жертвоприношение
Авраама»
До 1630 г.
Изображение не сохранилось



10. Якоб Восмаер
«Вазы с цветами
в нишах»
XVII в.
Изображение не сохранилось



11. Неизвестный художник
голландской школы
«Моисей,
избавляющий
израильтянин»
Первая половина XVII в.
Изображение не сохранилось

12. Франческо Курради
**«Лог с азумя
 Аочерьми»**
 Конец XVI – до 1661 г.
 Изображение не сохранилось



13. Никола Росси
**«Иродиада с головой
 Иоанна Крестителя»**
 XVIII в.
 Холст; масло
 137,0 x 213,0;
 сохранившаяся часть:
 104,0 x 133,0
 ЕД-71-Х
 ЦС КП-18129
 ГК 4065546



14. Абрахам Янсенс
«Аллегория стихий»
 Начало XVII в.
 Холст; масло
 137,7 x 213,3
 ЕД-970-Х
 ЦС КП-1678
 ГК 3779007



14. Никола Росси
**«Убийство Кандавла,
 царя Лидийского»**
 XVIII в.
 Изображение не сохранилось



14. Дука Джордано
«Опьянение Ноя»
 XVII в.
 Холст; масло
 218,0 x 139,0
 ЕД-980-Х
 ЦС КП-1874
 ГК 3779018



15. Геркулес Сегерс
«Приморский вид»
 XVII в.
 Изображение не сохранилось



14. Неизвестный
 художник австрийской
 школы
«Лесистый пейзаж»
 XVIII в.
 Холст; масло
 147,0 x 200,0
 ЕД-981-Х
 ЦС КП-1875
 ГК 3779020

К статье В. В. Кошелева «МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ – ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИНЦИПЫ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ, РЕСТАВРАЦИИ И МУЗИЦИРОВАНИЯ»



Илл. 1. Гармоника «венка».
Фото Л. Григорьевой, 2025



Илл. 4. Квартет гармоник «Монофон».
Фото Л. Григорьевой, 2025



Илл. 2. Гармоника
«саратовская»
Фото Л. Григорьевой, 2025



Илл. 3. Баян
портативный пятирядный
182-клавишный.
Фото Л. Григорьевой, 2025



Илл. 5. Фисгармония
двухрегистровая
49-клавишная.
Фото Л. Григорьевой, 2025

К статье Н. В. Малашиной «БЫТОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ И МЕМОРИАЛЬНОГО ПАРКА НА ТЕРРИТОРИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «АБРАМЦЕВО» В ПЕРИОД ДИСЛОКАЦИИ ТАМ ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЕЙ»



Илл. 1. Санитарка Анна Дмитриевна Волникова (Волкова) с выздоравливающими бойцами в столовой госпиталя. Справа от Волниковой – пациент госпиталя Анатолий Алексеевич Козлов. Абрамцево, 1942–1945
Фото из архива С. В. Ширяева



Илл. 2. Медсестра И. Н. Евграфова с выздоравливающими бойцами в арамцевском парке, 1942–1944
Музей-заповедник «Абрамцево»



Илл. 3. Пациенты и медперсонал эвакогоспитала № 2898 в столовой госпиталя (Театральном зале) Главного дома, 1942–1944
Фото из архива Н. М. Потаповой



Илл. 4. Торжественное открытие таблички к столетию со дня рождения И. Е. Репина на фасаде Главного усадебного дома, 6 августа 1944 г.
Музей-заповедник «Абрамцево»



Илл. 5. Выступление художников Ново-Абрамцева перед пациентами ЭГ 2898 в день столетнего юбилея И. Е. Репина 6 августа 1944 г. На лужайке между Главным домом и Баней-теремком стоят: А. Н. Парамонов, П. А. Радимов, К. И. Финогенов, комиссар госпиталя В. П. Якимко, И. Э. Грабарь, Е. А. Кацман, Д. А. Шмаринов, Б. В. Иогансон, Н. А. Соколов, О. К. Дейнеко. Абрамцево, 1944
Музей-заповедник «Абрамцево»

К статье Д. Ю. Медвинского «НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ФЕДОРОВИЧ: МУЗЕЙНЫЕ И ФРОНТОВЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ»



Илл. 1. Николай Владимирович Федоровitch
Источник: <https://1418museum.ru/search>

Внизу:

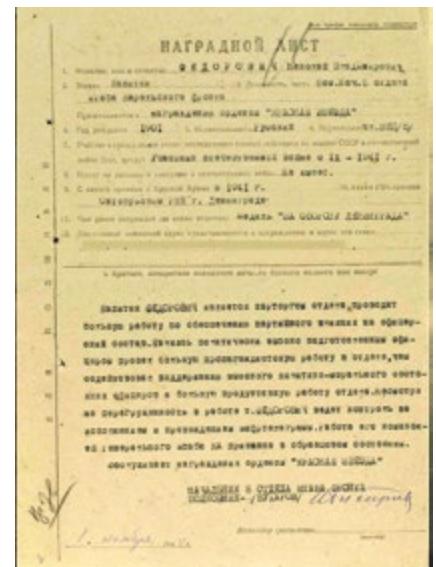
Илл. 2. Исаакиевский собор
в годы Великой Отечественной войны
Государственный музей «Исаакиевский собор»



Илл. 3. Праздничное
собрание сотрудников
Объединенного
хозяйства музеев,
6 ноября 1941 г.
Государственный музей
«Исаакиевский собор»



Илл. 4. Исаакиевский собор –
музейное хранилище. Рисунок
Государственный музей
«Исаакиевский собор»



Илл. 5. Наградной лист Н. В. Федоровича
Источник: <https://podvignaroda.ru/?#id=1103138083&tab=navDetailManCard>

К статье П. В. Петрова «ГОЛОСА ИЗ ОККУПАЦИИ: ПОКАЗАНИЯ МУЗЕЙНЫХ СОТРУДНИКОВ И МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ О НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ ПЕТЕРГОФА В 1941–1943 гг.»

46-24-
N 15
Что я написала во время отлучки из Немецкого
гор. Н-Бременграда. 25^{го} сентября 1941г.
Записи немецким нашим город в 5 часов вечера
оти вошли к нам в подвале где мы
сидели по ул. Красном проспект 9 54.
В этот же день они сняли брамы венцы
при наших глазах. Музыка засыпалась
кто собирался Кровать вспомнил
урод Королевы в зале Королевы шуты
и когда она им сказала (это было делало
им удивлен и так бедно), что ее
снедиши видно это бедно так засыпалась
молько Королевы.
25/12/42. Когда я пришла в свой дом
здесь прогремела гигантский парк -
засыпал забор 9 3 № 4. Дворец
здесь горел а беды сюда на
прудской ул. головой шел не погибши
один из сказав это-бы мы все убра-
лись к 12 часам в 12 часов все
кто ссыпалась на 54 венцы
засыпал это все венцы не брамы а через
3 дня пришли за сюда венцы и
здесь засыпал в своих залах. Нас ссыпал
один человек 25 сидел 2^{го} сентября 12
и мы все прибежали одна еврейская сем

**Илл. 1. Свидетельские показания З. Г. Манохиной, 2 февраля 1944 г.
ИГА СПб**

-76-

В Ленинградскую Городскую Комиссию по уточнению
и расследованию эвакуационных немецко-шведских эваку-
чиков

Борисовна Мария Романовна, 47 лет.

Жила в Петергофе Люси Петергоф, Заячий речка, к.17, кв.1/,
находилась в Петергофе. Работала в Ленинграде на Красном Треугольнике
членорабочей. Находилась в Петергофе во время оккупации немцами.
28/12/1941 года немцы взяли Петергоф.

26/11 - принудительно вынуждены эвакуироваться Петергофа под Ропшу.
На сборы ходили 15 минут. Никто из членов, и я в том числе, не успел
занять с собой никаких вещей. Задержали уйти пешком, без пролуктов.
Мы ходили в биноклях около дер. Райкувозе меския полтора. Мимо нас
ехали кони, нагруженные вещами, мебелью, а также и заходы на горючее.
столы стулья лентана САМООН. Все эти машины или по направлению
к Ропшу. Это продолжалось все время, пока мы там находились.

В октябре машины я и дочь тайком пробралась домой. Дома Петергоф был разрушен и почти весь сожжен. Квартира наша была гра-
граблена так же, как и остальные, вплоть до неба.

За все время пребывания в Петергофе мы не получали никакого
питания - падались овощами, выкопанными из-под снега в огородах.

П.п. Борисова.

28.11.1944г.

Копия верна
Секретарь Ленгоркомиссии. Кимитто

**Илл. 2. Свидетельские показания М. Р. Барабановой, 23 февраля 1944 г.
ИГА СПб**

- 87

137

В Ленинградскую Городскую Комиссию по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков.

От АНДРЕЕВОЙ, Екатерины Степановны
прож. в Гатчине, пр. 25 Октября, 33,
кв. 1, 1984 г. роддения. Не работает.

Заявление.

26 сентября нам немецкое командование предложило до 12 ч. дня покинуть Петергоф, сказав, что это временно на 2-3 дня, поэтому ничего нельзя было брать, кроме узелка с провизией. Я и моя семья - муж, дочь и сын /по 30 лет/ ушли пешком по Ропшинской дороге и остановились у вагончиков - бывшие магазинные фуры у санатория "Пятилетка" в 4-х км от Петергофа. Здесь мы прожили до 19 ноября 1941 г., после чего переехали в Гатчину.

Я видела, что по Ропшинской дороге, где стояли наши вагончики, на машинах немцы вывозили всяческое имущество, мебель и другое, все вплоть до детских санючек. В начале ноября я увидела, что едет машина и на ней лежит фигура Самсона, частично прикрытая палаткой. Часть фигуры была видна и блестело золото. Мы сразу все узнали Самсона и говорили друг другу: "Самсона нашего увезли".

Уже в Гатчине я слышала, что Самсон валялся на станции в Гатчине.

Андреева.

Копия верна:



Секретарь Ленгоркомиссии. М.И.Митте
Кмитто

Илл. 3 Свидетельские показания Е. С. Андреевой, 23 февраля 1944 г.
ЦГА СПб

- 17 -

2. Разграбление дворцов, парков и города Петродворца.

Немецкие захватчики сразу же после занятия Петродворца и принудительного выселения всех жителей города, приступили к организованному разграблению оставшихся ценностей во дворцах-музеях, учреждениях и имущества частных домов и квартир.

Многие очевидцы-жители Петродворца, выселенные из города и расквартировавшиеся в его окрестностях на Ропшинской дороге в колхозе "Пятилетка", рассказывают о систематическом вывозе немцами имущества из Петродворца в течение нескольких месяцев.

"По Ропшинской дороге каждый день проезжали обозы-повозки и машины, груженные различными вещами из Петергофа /мебелью, утварью и пр./. Это было все время пока мы жили в колхозе "Пятилетка" /т.е. до 15-20 ноября 1941 года/ - показывает Валентина Агеева. То же свидетельствует и фельдшер Валентина Пицкова, Марфа Барабанова, Екатерина Андреева и другие.

Немцы разграбили все дворцы и городские дома, вплоть до оборудования. Решив сжечь Большой дворец эти бандиты предварительно разграбили все его богатейшие ценности. Свидетель Всеволод Николаев показывает:

"24 или 25 сентября я шла мимо дворца. Дворец горел. Никто его не тушил. У дворца были сломаны музейные веши. Недалеко от них стояли автомашины и группы немцев, которые повидимому занимались погрузкой дворцовых вещей.

Из Большого дворца, Марли, Монплезира и Коттеджа разграблено и вывезено в Германию около 34.000 предметов музейных экспонатов и среди них около 4950 предметов уникальной мебели. Пожищены ценные образцы мебели XVIII века из борного дерева английской, итальянской, французской и русской работы

Илл. 4. Акт о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Петродворца (Петергоф) и их злодействиях над мирным населением, 1944 ГАРФ

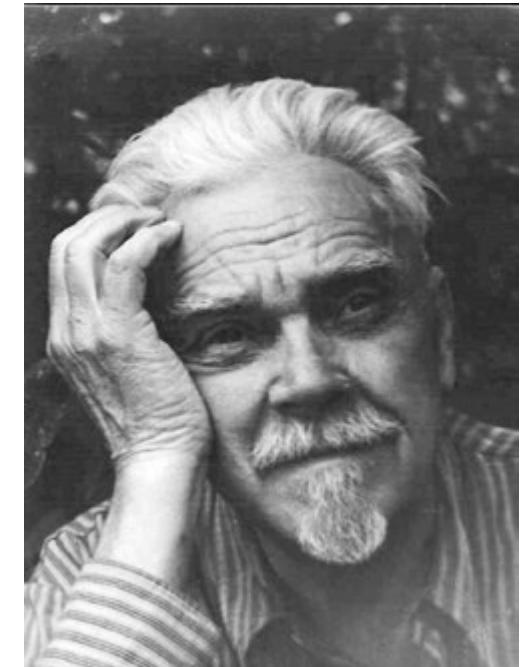
К статье И. В. Романенко
«СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ. О «БЛОКАДНОЙ КОМНАТЕ СЕМЬИ АГТЕ»



Илл. 1. Общий вид экспозиции «Блокадная комната семьи Агте», 2025.
 Автор И. В. Романенко



Илл. 3. Мария Алексеевна Агте с внучкой Ниной.
 Фотопортрет. Ленинград, 1945
 СПБ ГБУК
 «Мемориальный музей «Разночинный Петербург»



Илл. 2. Александр Николаевич Агте.
 Фотопортрет. Фото Н. М. Рогозиной,
 Ленинград, 1957
 СПБ ГБУК «Мемориальный музей
 «Разночинный Петербург»

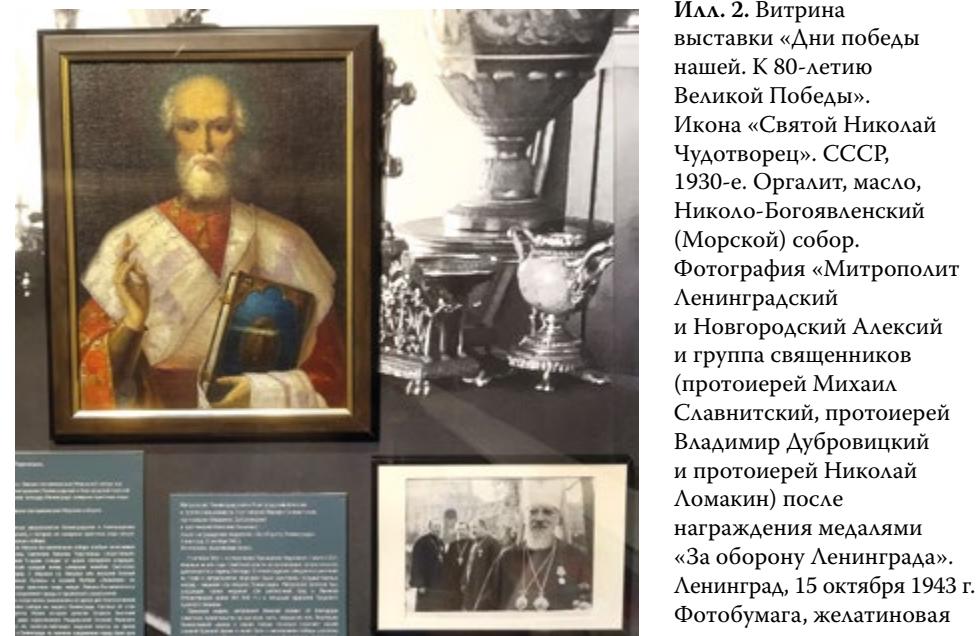


Илл. 4. Кресло с игрушками из экспозиции «Блокадная комната семьи Агте», 2025. Автор И. В. Романенко

К статье С. О. Семеновой «ПАМЯТЬ О ДУХОВНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ВЫСТАВКЕ «ДНИ ПОБЕДЫ НАШЕЙ. К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ» В МУЗЕЕ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ»



Илл. 1. Выставка «Героическое прошлое русского народа и Отечественная война советского народа против фашизма». Ленинград, 1941. Фотобумага, желатиновая печать





Илл. 4. Л. В. Новихина. Кенигсбергское чудо явления Пресвятой Богородицы, 2015–2020. Санкт-Петербург, 2025. МДФ, краски, печать



Илл. 5. Явление Пресвятой Богородицы «Нерушимая стена» во время сражения на Курской дуге. Знамя с образом мозаичного панно из Патриаршего собора во имя Воскресения Христова. Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации. В. И. Нестеренко, Россия, 2024. Ткань, печать. Вручение шеврона с изображением иконы Божией Матери Курской-Коренной на фоне флага с изображением мозаики главного храма армии – «Явление Пресвятой Богородицы „Нерушимая стена“ во время сражения на Курской дуге» в Курской области, сентябрь 2024 г. Фото со страницы сайта «Спас»

К статье Г. И. Сергеевой «ЛЕТНИЙ САД И ДВОРЕЦ ПЕТРА I В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СПАСЕНИЕ СОКРОВИЩ (ЭВАКУАЦИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ)»



Илл. 1. Неве Матейс (копия с Доминика ван Вейнена). Голландская школа.
Аллегория строения космоса. Х. м. Куплена агентом Петра I Осипом
Соловьевым 6 мая 1716 г. на аукционе в Амстердаме
ГМЗ «Павловск». Ранее – Летний дворец



Илл. 2. Работа по
переупаковке экспонатов
в музее-хранилище
Ленинградских дворцов
в г. Сарапуле, август 1943
ГМЗ «Гатчина»



Илл. 3. Ирина Константиновна Янченко.
Фото 1930-х
ГМЗ «Гатчина»



Илл. 4. Главный хранитель дворцов-музеев и парков г. Петродворца М. А. Тихомирова
и старший научный сотрудник Е. В. Григорьева за отбором архивных материалов
по скульптурной группе «Самсон, раздирающий пасть льва», 09.10.1946. Фото Н. Караваева
ГМЗ ПФ КП 55547. ПДМП 3521-фд



Илл. 5. Штоф, синее стекло, роспись масляными красками, надписи: «Блуда ради лишен еси рая» и «Человек милостины ради избавлен от ада»
Русский музей. Летний дворец Петра I.
ЛД-230



Илл. 6. Камзол, сукно, вышивка
шелком, нач. XVIII в.
Русский музей. Летний дворец
Петра I. ЛД-559



Илл. 8. Здание Республиканского научного музея
Прикамского края УАССР, г. Сарапул, 1940-е



Илл. 7. Кабинет, палисандр, бронза, наборное дерево,
слоновая кость. Испания, кон. XVII в.
Русский музей. Летний дворец Петра I. ЛД-308

**К статье А. Н. Синило «МУЗЕЙНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ГАТЧИНЫ
В КАРТОТЕКЕ СОБСТВЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ (1945–1952)
МЮНХЕНСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СБОРНОГО ПУНКТА**



Илл. 1. Предмет из стекла с этикеткой, наклеенной в Риге (Ri-Po 108).
Фотография, 1945
Картотека собственности художественных объектов (1945–1952) Мюнхенского центрального сборного пункта. Национальное управление архивов и документации (Колледж Парк, Штат Мериленд, США). RG-260. (München 24652, Ansbach 1158/6)



Илл. 2. Блюдо.
Фотография, 1945
Картотека собственности художественных объектов (1945–1952) Мюнхенского центрального сборного пункта. Национальное управление архивов и документации (Колледж Парк, Штат Мериленд, США). RG-260. (München 24560, Ansbach 1156/2)



Илл. 4. Фигура японки с ребенком, XIX в. Фарфор.
Выс.– 60,5 см, шир.– 16 см,
Япония. ГДМ-1579-1



Илл. 3. Блюдо. XVIII в.
Фарфор, кобальт, позолота.
Выс.– 7 см, диам.– 52 см,
Япония (?)
ГДМ-336-1



Илл. 5. Неизвестный художник, копия с Доминикино, итальянская школа.
Тимоклея перед Александром Македонским. XVII в.
Холст, масло. 117×155 см
ГДМ-66-III

Музейные предметы из Гатчины по данным Картотеки собственности художественных объектов (1945–1952) Мюнхенского центрального сборного пункта и записям инвентарных книг Гатчинского дворцово-паркового ансамбля (таблица составлена Н. А. Мозохиной, А. Н. Синило)

№ п/п	Характеристика предмета	Инвентарные номера					Примечание	Современное местонахождение
		Мюнхен	Ансбах	Рига	Гатчина	Центральное хранилище (г. Пушкин)		
1	5 крышек от ваз. Фарфор. XIX в. Япония	23933/3	715/3	RI-Po 91, 82	Gatschina			
2	Ваза с рельефом. Фарфор. Арак burgauté. Выс. 61,2 см. Диам. 29 см. XIX в.	23934/1	716/1	RI-Po 6	Gatschina			
3	7 крышек от ваз. Фаянс. XIX в. Япония	23934/4	716/4	RI-Po 79 RI-Po 56 RI-Po 78	8834 14654 10970 16720 16376	ЦХ-4691-І ЦХ-463-І ЦХ-807-І ЦХ-982-І	№ 8834. Вкладка от мыльницы. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05. 04.1948. Две крышки от ваз имели номера: EDM 4522 a, 6675a (RI-Po 80). Находились в Екатерининском дворце-музее, Царское Село	№ 14654. Крышка от вазы. XVIII в. Фарфор, роспись. Диам. – 21 см. Япония. КП ГДМ КП-1487 Инвентарный номер: ГДМ-323-І. Поступила из ГМЗ «Петродворец»
4	Фрагменты и 2 маленькие крышки, 8 предметов. Фарфор. XIX в. Япония	23934/5	716/5	RI-Po 64	22376	ЦХ-988-І	№ 22376. Крышка от вазы. Возвращена из Берлина. Акт № 692 от 09.12.1947	
5	4 тарелки. Бело-синий фарфор. Диам. 60 см. XIX в. Япония.	24502/6	1098/6	RI-Po 33 RI-Po 35 RI-Po 34 RI-Po 32	E 2751 E 2585 2752 2729		В МЦСП предметы отнесли к собранию в Гатчине, но судя по номерам, вероятно, тарелки находились в Царском Селе	
6	3 тарелки. Фарфор. Диам. 54 см. XIX век. Япония	24502/7	1098/7	RI-Po 29 RI-Po 36 RI-Po 28	G 17103 16291 16531	ЦХ-859-І ЦХ-721-І ЦХ-781-І	Возвращены из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 17103. Блюдо. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная, позолота. Диам. – 56 см. Япония. ГДМ КП-2084. Инвентарный номер: ГДМ-209-І; № 16291. Блюдо. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная, позолота. Диам. – 54,5 см, выс. – 9,5 см. Япония. ГДМ КП-2076. Инвентарный номер: ГДМ-202-І; № 16531. Блюдо. XVIII–XIX вв. Фарфор. Диам. – 54,5 см, диам. осн. – 27,5 см. Япония. ГДМ КП-2079. Инвентарный номер: ГДМ-205-І. Все предметы поступили из ГМЗ «Павловск»
7	3 тарелки. Золотые цветы на синем фоне. Фарфор. Диам. 52 см. XVIII в. Китай	24502/8	1098/8	RI-Po 40 RI-Po 41 RI-Po 39	2789 G 1503 E 15141	ЦХ-563-І	Из трех тарелок идентифицирована только одна. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 15141. Блюдо. XVIII в. Фарфор, кобальт, позолота. Выс – 7 см, диам. – 52 см. Япония (?). ГДМ КП-2071. Инвентарный номер: ГДМ-336-І. Поступила из ГМЗ «Павловск»
8	1 тарелка. Синие цветы на белом фоне. Фарфор	24502/9	1098/9		EDM 8812		Инвентарный номер принадлежит Екатерининскому дворцу-музею, Царское Село	

9	Фрагменты 3 тарелок. Фарфор. XIX век. Япония	24502/11	1098/11		Gatschina			
10	9 крышек от ваз. Фарфор. Диам. 30-35 см. XIX в. Япония	24502/14	1098/14	RI-Po 86 RI-Po 55 RI-Po 59 RI-Po 58 RI-Po 85 RI-Po 89	G 14910 14767 14940 1832 16521 15130 14804 18160	ЦХ-975-I ЦХ-481-I ЦХ-776-I ЦХ-978-I ЦХ-986-I	№ 14910. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05. 04.1948; № 14767. Возвращена из Берлина. Акт № 292 от 09.12.1947. Местонахождение неизвестно. Есть довоенный негатив ГДМ Б-5152; № 14940. Нет отметок о возврате; № 16521. Возвращена из Москвы. Акт № 294 от 05.05.1947; № 15130. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05. 04.1948; № 14804. Нет отметок о возврате; № 18160. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 14910. Крышка от вазы. Конец XVIII в. Фарфор, роспись. Выс. – 26,5 см, диам. – 27,5 см. Китай. ГДМ КП-4735. Инвентарный номер: ГДМ-498-I; № 15130. Крышка от вазы. XVIII в. Фарфор, роспись. Выс. – 20 см, диам. – 28,3 см. Япония. ГДМ КП-2114. Инвентарный номер: ГДМ-346-I; № 18160. Крышка от вазы. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная полихромная, роспись золоченая, рельеф. Выс. – 25 см, диам. – 24 см. Япония. ГДМ КП-4742 Инвентарный номер: ГДМ-505-I. Поступили из ГМЗ «Павловск»
11	7 крышек от ваз. Фарфор. XIX в. Япония	24514/7	1110/7	RI-Po 60 RI-Po 95 RI-Po 84 RI-Po 87	16519 15028 15459 KG 1655 15135 15543 16646	ЦХ-775-I ЦХ-5413-I ЦХ-980-I ЦХ-877-I ЦХ-983-I	№ 15135. Нет отметок о возврате. № KG 1655, вероятно из Пскова. Остальные крышки возвращены из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 16519. Ваза с крышкой. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, позолота, рельеф. Выс. – 25 см, выс. с крышкой – 45 см, диам. – 27,5 см. Китай. ГДМ КП-4686. Инвентарный номер: ГДМ-449-I; № 15459. Крышка от вазы. XVIII-XIX вв. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная, позолота, рельеф. Выс. – 24,5 см, диам. – 25 см. Япония. ГДМ КП-4738. Инвентарный номер: ГДМ-501-I; № 15543. Ваза. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная полихромная, позолота. Диам. – 27 см, выс. – 58 см. Япония. ГДМ КП-2088. Инвентарный номер: ГДМ-213-I; № 16646. Крышка от вазы. XIX в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная, позолота, рельеф. Выс. – 22 см, диам. – 25,7 см. Япония. ГДМ КП-4740. Инвентарный номер: ГДМ-503-I. № 15028. Сахарница овальная с крышкой, из Охотничьего сервиза, вр. Александра II. 1855-1881. Фарфор, роспись надглазурная. 16 x 13 x 13 см. Российская империя, г. Санкт-Петербург. ГДМ КП-4142. Инвентарный номер: ГДМ-837-I Все предметы поступили из ГМЗ «Павловск»
12	3 тарелки. Фарфор. Диам. 40 см. XIX в. Япония	24514/8	1110/8	RI-Po 92 RI-Po 43	11276 14903	ЦХ-519-I	№ 11276. Нет инвентарной книги. № 14903. Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948. Местонахождение неизвестно. Есть довоенный негатив ГДМ Б-5045	
13	2 тарелки. Золотой и синий цвета. Фарфор. Диам. 52 см. XVIII в. Китай	24560/2	1156/2	RI-Po 37 RI-Po 38	14869 15412	ЦХ-511-I ЦХ-606-I	Возвращены из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 15412. Блюдо. XVIII в. Фарфор, роспись «blue poudre», позолота. Выс. – 7 см., диам. – 55 см. Китай. ГДМ КП-2072. Инвентарный номер: ГДМ-198-I. Поступила из ГМЗ «Павловск»
14	3 части большой лампы (светильник – авт.). Фарфор, позолота. Выс. 30 см. XIX в. Российская империя.	24560/5	1156/5		3536			

15	16 различных предметов из фарфора и стекла. XIX в. Российская империя	24560/6	1156/6	RI-Po 131, 133, 127, 123, 132, 121, 114, 119, 120	KG 558 16261	ЦХ-711-I	№ 16261. Возвращен из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948.	№ 16261. Ваза. XVIII в. Фарфор. Выс. – 22 см, диам. – 9 см, диам. осн. – 11,5 см. Китай. ГДМ КП-1447. Инвентарный номер: ГДМ-283-І. Поступила из ГМЗ «Петродворец».
16	2 статуэтки японских женщин (Женщина с ребёнком). Белый фарфор. Выс. 65 см. Япония	24561/7	1157/7		Gatschina		Возможно, соответствует статуэтке из Гатчины. Инвентарный номер: ГДМ-1579-І	Фигура японки с ребёнком. XIX в. Фарфор. Выс. – 60,5 см, шир. – 16 см. Япония. ГДМ КП-12493. Инвентарный номер: ГДМ-1579-І.
17	5 ваз (3 стеклянные, 2 фарфоровые). XIX в. Япония, XIX-XX вв. Российская империя	24561/8	1157/8	RI-Po 63 RI-Po 77 RI-Po 112 RI-Po 103	Gatschina			
18	6 блюд. Фарфор. XVIII в. Восточная Азия.	24562/1	1158/1		Gatschina			
19	Статуэтки: 1 мужчина и 2 женщины. Фарфор. Выс. 60 см. XVIII в. Восточная Азия	24562/2	1158/2		M 124 (вывозной номер ящика – автор) G 15454	ЦХ-611-I	Возвращена из Берлина. Акт № 96 от 05.04.1948	№ 15454. Фигура японки. XVIII в. Фарфор, роспись кобальтом, роспись надглазурная полихромная, золочение. Выс. – 60,5 см, шир. – 22 см. Япония. ГДМ КП-12492. Инвентарный номер: ГДМ-1578-І. Поступила из ГМЗ «Петергоф».
20	16 предметов (вазы, крышки, сосуды). Фарфор, стекло. XVIII-XIX вв.	24562/3	1158/3	RI-Po 51 RI-Po 81 RI-Po 97 RI-Po 96 RI-Po 90 RI-Po 69	Luga Gatschina			
21	5 часов, 2 деревянных корпуса для часов. Дерево, металл. XIX в.	23939/1	721/1	RI-M 1 RI-M 2 RI-M 5 RI-M 3 RI-M 4	M 146 M 89 Gatschina			
22	Нижняя часть письменного стола. 94×52 см. Дерево	24570	1166		8463	ЦХ-491-I	Возвращен из Берлина. Акт № 692 от 02.12.1947	Столик рабочий «poudreuse», из комплекта мебели из комнат Александра III. Начало XIX века. Дерево красное, латунь, стекло зеркальное, столярная работа, резьба, маркетри, окраска. Выс. – 74,5 см, шир. – 94 см, глуб. – 55 см. Российская империя, г. Санкт-Петербург. ГДМ КП-1775. Инвентарный номер: ГДМ-109-В. Поступил из ГМЗ «Павловск».
23	Кресло с тремя ножками. Дерево, позолота. Выс. 95 см. Нач. XIX в.	24568	1164	RI-M 20	Gatschina (?) EDM 5496		Инвентарный номер принадлежит Екатерининскому дворцу-музею, Царское Село	
24	Стол с тремя ножками. Дл. 93 см., Выс. 73 см. Дерево. Середина XIX в.	24573	1169	RI-M 37	Gatschina 4543		Вероятно, инвентарный номер принадлежит Екатерининскому дворцу-музею, Царское Село	
25	Тарелка. Эмаль, роспись. 50×38 см	23939/5	721/5		G 14720	ЦХ-3612-IV	Возвращен из Берлина. Акт № 692 от 02.12.1947	Поднос. XVIII в. Медь, эмаль, пайка, эмаль расписанная. 49 x 38 см. Китай. ГДМ КП-1517. Инвентарный номер: ГДМ-73-ІV. Поступил из ГМЗ «Петергоф».

26	17 маленьких тарелок. Дерево и другие материалы. Японские и китайские оригиналы или их имитация	24526/5	1122/5		Gatschina			
27	4 больших ручных светильника. Металл, хрусталь	23936	718		M 30 Gatschina			
28	Избиение младенцев в Вифлееме. Овал. Холст, масло. 156×117 см. XIX в.	24064	789		G 39032	ЦХ-1647-I	Возвращена из Берлина. Акт № 131 от 03.05.1948	Неизвестный художник, копия с Доминико, итальянская школа. Тимоклея перед Александром Македонским. XVII в. Холст, масло. 117×155 см. ГДМ КП-2230. Инвентарный номер: ГДМ-66-III. Поступил из ГМЗ «Павловск»
29	Портрет русского генерала. Холст, масло. 140×102 см. XIX в.	41982	Coburg 15		Gatschina (?) 01410 E 19808 EDM 7346 Остен- Сакен-191		Инвентарные номера принадлежат Екатерининскому дворцу-музею, Царское Село	Ботман Егор Иванович (1810–1891). Портрет графа Ридигера Ф.В. Около 1855 г. Холст, масло. 138,0 x 100,0. ЦС КП-19860. Инвентарный номер: ЕД-787-Х «Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село»
30	Charles Quenel Вид Станца. Цветная печать. 72×52 см	23675	457	RI-B 278	Gatschina (?) E 3994 EDM 1374		Инвентарные номера принадлежат Екатерининскому дворцу-музею, Царское Село	
31	Gautier. Голова молодой девушки. 1766. Выс. 30 см. Мрамор	24502/2	1098/2	RI-P 6	G 29420	ЦХ-281-VIII	Возвращен из Берлина. Акт № 692 от 02.12.1947	Готье Жерар. Бюст девушки. 1766. Мрамор. Верт. размер 42. Гориз.размер 19. Глубина 16. Франция. ПМ КП-1927. ГМЗ «Павловск»
32	21 маленьких блюдца. Выс. 5 см. Длина 10 см. Дерево. Китай	24502/16	1098/16		Gatschina			
33	11 маленьких блюдца. Дерево. Восточная Азия	24514/5	1110/5		Gatschina			
34	7 ваз. Фарфор, фаянс, стекло. XVIII-XIX вв.	23934/8	716/8	RI-Po 124 RI-Po 125 RI-Po 129 RI-Po 116 RI-Po 126 RI-Po 115 RI-Po 102	KG 72 Pskow Gatschina 1240	ЦХ-4677-I	Под № 1240 записан фаянсовый руко- мойник. Возвращен из Берлина в 1948 году. Есть довоенный негатив ГДМ Б-5553	№ 1240. Руко мойник. 1700-1800. Фаянс, глазурь бесцветная, роспись кобальтом подглазурная. Выс. 39; дл. 19,0; ш. 15,5; выс. крана 7,0; ш. крана 4,5 см. Голландия. ГМЗ «Петергоф» КП 5947. Инвентарный номер: ПДМП 272-ке
35	20 различных деревянных предметов	24526/7	1122/7		Nowgorod Gatschina			

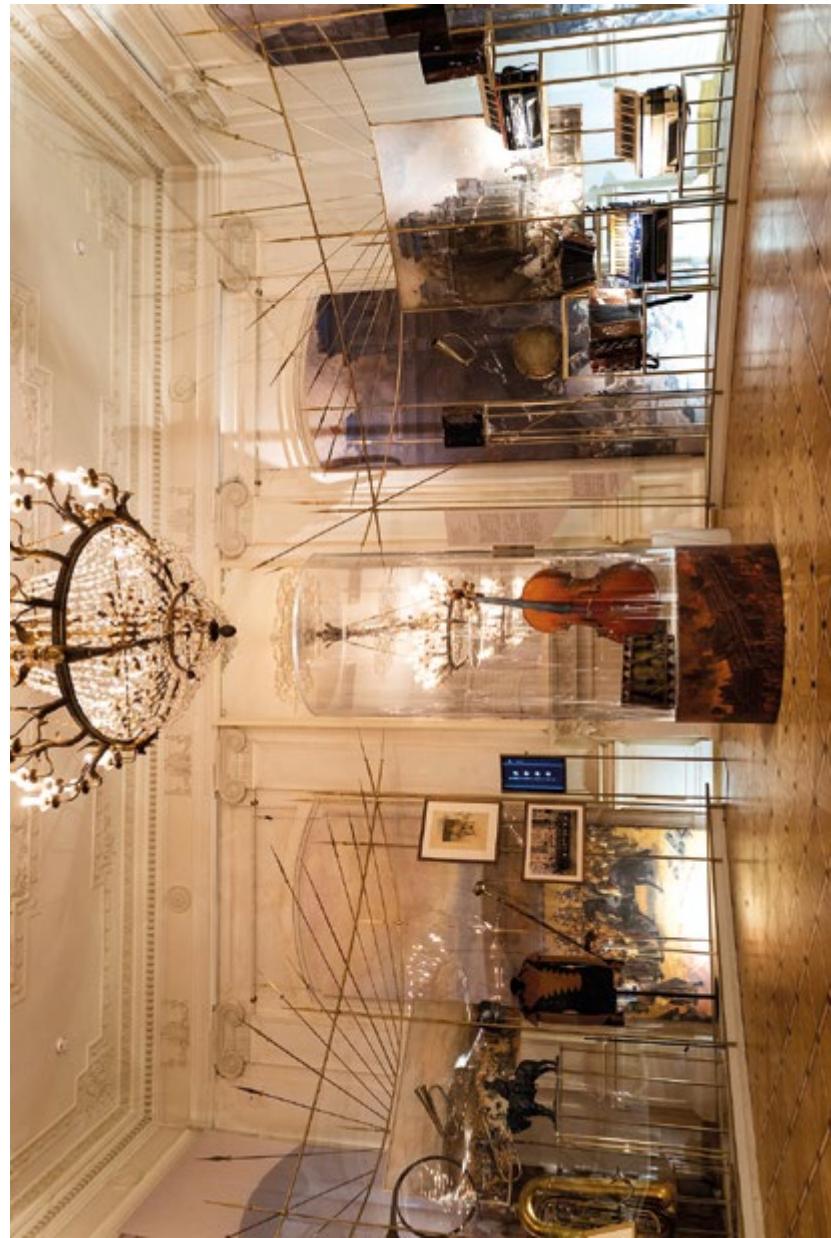
К статье Е. Ю. Соломахи
«ЭРМИТАЖ, НАЧАЛО ВОЙНЫ. ИЮНЬ – ДЕКАБРЬ, 1941 ГОД»

Отчет по научной и музейно-организационной работе
Государственного Эрмитажа за второе полугодие 1941 г.
АГЭ. Ф. 1. Оп. 5 Д. 2628

2	3	4	5	6
Браненко х/я - извест /про - достижение /	9/ Давидрадская Бакунович. Лодыкова	Гробячевский и заслуженный за убийство.	Отдел Градостро- ительства и Улиц и Храмов.	Мань- чуков. 1941 г.
10/ Ленинградская Токонки.	Гробячев, кир - тани и дрр.	Отп.Беседы, Губернатор Учен Храмов	Лаврет	1941 г.
11/ Тифет -Русские Саво - извест.	Хирохитовский Отп. Банара. и в боях и в боевых Улиц и Храмов - насса.	Мань- чуков и Саво.	Мань- чуков. 1941 г.	
12/ Материн М. И. Шелдар - извест.	История музея- зод. музеев и братвеевников. Учт и Храмов - ни.	История музея- зод. музеев и братвеевников. Учт и Храмов - ни.	Мань- чуков. 1941 г.	
13/ Давидрадская Ольга - дочь Саво Савоев. Архитектор.	Давидрадская Ольга - дочь Саво Савоев. Учт и Храмов	Учт и Храмов	Мань- чуков. 1941 г.	
14/ Частные материалы художественно-изобразительного искусства по сообщению офицеру.		Учт и Храмов	Мань- чуков. 1941 г.	
Акция.	Подготовлены материалы - для приложения по следующим тием:			
Санкт-Петербургский.	Ст.и.с.ОИИИ Недоревич Е.В.			
Зоотехия в прессе.	Ст.и.с.ОИИИ Савин Е.Н.			
Раскраданный город Попова.	Ст.и.с.ОИИИ Борисова А.Н.			
Раненого изнасиловано				
Небо Древней Греции . Греко-римские города на все СССР.	Б.и.ОИИИ - Сибирь В.И.			
Греко-римское искусство .	Ст.и.с.ОИИИ Павлов Е.Н. и Б.и. ОИИИ Окуневская В.И.			
Раскрытие преступлений про- фессора города Биббияна				
Биббиян - заложник венер - бодибилдинг поэт.	Проф. Ольга Востока И.С. Востокова			
Собачник в Краме . Ирина.	Александр Ольга Восток Ирина Г.С.			
Архитектура греко-ионийских городов - Ленинград, Попова	Б.и.ОИИИ, Востока Савин Е.Н.			
Раскрытие в Ермаке.	Проф. Ольга Востока И.С. Востокова			
История письма.	Проф. Ольга Востока Борисов Е.В.			

2	3	4	5	6
Доказательства и продажи /	Тимур и раскрытие его грабежа.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.
	Гурица и вторая наше - тайна стечения звезд.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.
	История города Петроград -Ленинград	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и.ОИИИ, Востока Борисов Е.В.	Б.и. ОИИИ, Востока Борисов Е.В.
Бюллетени.	Прочтение и обсуждение сводки по делам	Поток Саргина в 714 г. против Урту.	Проб. Шефферман 24 окт. 41 г. Б.И.	Проб. Борисов А.И. 21 окт. 41 г.
		Археологическое письмо в Ари- шан и Груши.		Проб. Борисов А.И. 21 ноября 41
		К вопросу о креатин-актив- ном ассоциате.		Проб. Борисов А.И. 21 ноября 41 г.И.
		Два кандидатских символа се- наторского Сената и их открытие в европейской литературе.		Проб. Борисов А.И. 21 ноября 41 г.И.
		История научения имен бесконтактных.		Проб. Шефферман 5 дек. 41 г.
		Архитектура Кумира		Проб. Шефферман 6 дек. 41 г.
		Алишер Навои.		Проб. Шефферман 6 дек. 41 г.
		Ларина Алишера Навои		Н.о. Лебедев Е.В. 12 дек. 41 г.
		Дородников к Кумианатане и Тары		Проб. Зотраф А.И. Дек. 41 г.
		Вопрос о письмах в Озах.	Работа по теме - От.и.с.Пушкинск Пригородове Никитинов Киево-Атаман.	От.и.с.Пушкинск И.В. Додор материн.
		Библиография пурасавых и кумианаточных ставов.		Работа по теме - Н.о. и.с. Наринова А.А. Печати басло- графии.
		Отчет по экспедиции.	Драгий приватизанный отчет о работах Нильс- ской экспедиции в 1941г.	От.и.с. Кудак Е.И.
		История Западно- Европейского изобретения	Продолжение работы по изобретению письма для Пи- таконии истории Зап- Английского изобретения.	Наринов Сатрудни Отдела Запада.
		Изобретение римского пис- ьма.	Изобретение римского пис- ьма.	Наринов Сатрудни Отдела Запада.
		Скульптура романского периода	Скульптура романского периода.	Сербия и Сербия-Проф. Добржанская богемия калмыцк. Н.В. по археологич. и антической скульптуре.
		Антическая живопись западно-европейской и романской в IX в.	Антическая живопись западно-европейской и романской в IX в.	Глаза с. У. Проб. Линенков Е.Г.

К статье О. А. Ходяковой «КАК ХОДИЛИ ДЕДЫ В БОЙ». ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «МУЗЫКА ПОБЕД»



«Как ходили деды в бой». Выставочный проект «Музыка Побед» в Шереметевском Аворце к 80-летию Победы. Фото А. Бурченковой
25.04.2025



**К статье О. А. Холодновой «УТРАЧЕННЫЕ И ВОЗРОЖДЕННЫЕ.
О МАСТИЧНЫХ ЛЮСТРАХ ЕКАТЕРИНИНСКОГО КОРПУСА ДВОРЦА
МОНПЛЕЗИР В ПЕТЕРГОФЕ»**



Илл. 1. Екатерининский корпус Монплезира. Желтый зал. Стол с Гурьевским сервисом, 1938. Фото А. В. Добрковского
Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5917-фд



Илл. 2. Екатерининский корпус Монплезира. Синяя гостиная. Северо-западная сторона, август 1932.
Фото Ю. Ф. Никольского
Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5894-фд



Илл. 3. Екатерининский корпус. Спальня Александра I. Люстра, 1932
Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5912-фд



Илл. 4. Раиса Степановна Прокофьева,
1980-е
Архив ГМЗ «Петергоф». КВД. Без номера



Илл. 5. Екатерининский корпус. Желтый зал, 2018. Фото М. К. Лагоцкого
Архив ГМЗ «Петергоф». Без номера

Т. Г. Яковлева «ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ ГОРНОГО ИНСТИТУТА»:
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ГОРНОМ МУЗЕЕ»



Илл. 1. Открытие выставки «Партизанские тропы Горного института» в Горном
музее, 8 мая 2024 г. Фото В. Кайряка
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II



Илл. 2. Путь от пос. Нурма к берегу Пендинковского озера, 24 апреля 2025 г.
Фото И. Сухина. Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II



Илл. 3. Студенты у временного мемориального знака, установленного на берегу Плещиковского озера, 24 апреля 2025 г. Фото И. Сухина
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II